

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

Ритуалы победы в Древней Руси

Фельдмаршал Г.Б. Огилви на русской службе

Споры о военном бюджете в пореформенной России

Генерал М. Жанен: путь в Россию

*Геополитика и массы
в годы Первой мировой войны*

Гражданская война в новейшей историографии

*Блокада Ленинграда, советский тыл и добровольческие
формирования времён Великой Отечественной войны
в освещении современных исследователей*

*Красная армия в документах германской разведки
накануне Курской битвы*

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

МОСКВА

3 май
июнь
2022

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В.Н. Захаров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**А.Н. Артизов, В.Ю. Афиани, Б.В. Базаров, Т.М. Горяева,
Д. Дальманн, М. Дэвид-Фокс, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, С.М. Каштанов,
В.В. Кондрашин, Д. Ливен, А.К. Левыкин, С.В. Мироненко,
К.В. Никифоров, Ю.С. Пивоваров, Р.Г. Пихоя, Д. Свак, А.К. Сорокин,
В.А. Тишков, Е.А. Тюрина, У Эньюань, В.С. Христофоров**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**О.Г. Агеева, О.В. Будницкий, В.П. Булдаков, М.Г. Вандалковская,
П.Г. Гайдуков, В. Дённингхаус, С.В. Журавлев, В.В. Зверев,
Е.Ю. Зубкова, В. Зубок, Б.И. Колоницкий, М. Крамер, В.А. Кучкин,
Д.В. Лисейцев (зам. главного редактора), Е.А. Мельникова, Л.В. Мельникова,
А.В. Мамонов (зам. главного редактора), Д.Б. Павлов, Ю.А. Петров,
Е.И. Пивовар, Д.А. Редин, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев,
П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк, И.А. Христофоров, А.В. Юрасов**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8-499 723 69 10

Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

Устраивали ли «триумфы» русские князья домонгольского времени?

Алексей Лаушкин

Did the Russian princes of the pre-Mongol time arrange «triumphs»?

Aleksey Laushkin

(Lomonosov Moscow State University, Russia;
Saint Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722030013, EDN: FWFHRI

Источники домонгольского времени не позволяют ответить на вопрос, сложился ли на Руси устойчивый церемониал возвращения князей-победителей с войны. Сохранившиеся скудные данные имеют преимущественно летописное происхождение и указывают лишь на отдельные элементы таких событий: торжественные въезды в города, демонстрацию пленённых неприятелей и добычи, благодарственные богослужения в храмах. Остаётся неясным, исчерпывался ли этими действиями список «ритуалов победы» и насколько каждый из них оказывался обязателен в конкретных обстоятельствах. В настоящей статье обобщены сохранившиеся сведения о практике «возвращения с побѣдою» в домонгольское время и поднят вопрос о её возможных истоках.

По предположению П.С. Стефановича, «торжественная и многолюдная встреча» победителей или сопровождение их почётным эскортом «с оказанием внешних знаков почёта» обобщённо обозначались летописцами с помощью универсальных формул: «с честью (и с славою) великою», «с славою и честью», «с победою»¹. Конкретные детали таких встреч в летописях обнаруживаются крайне редко, если не принимать в расчёт сообщений о типологически отличных ситуациях, когда после победы князь возвращался не «во свояси», а входил в не принадлежащий ему город с целью его удержания или вокняжения в нём².

Самый ранний «чистый» случай описания въезда победителей в свой город находится в Ипатьевской летописи (*Inam.*) под 6659 (1151) г. в известии о битве на р. Руте между киевскими князьями Вячеславом Владимировичем и Изяславом Мстиславичем с одной стороны и суздальским князем Юрием Долгоруким — с другой. Победив, киевские князья «похваляче Бога, и Его Пречистую Матерь, и силу Животворящаго Креста съ честью и похвалою великою поидоша къ Киеву; и тако поидоша (*в Хлебниковском списке: изыдоша. — А.Л.*) противу

© 2022 г. А.В. Лаушкин

¹ Стефанович П.С. Древнерусское понятие чести по памятникам литературы домонгольской Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 2(16). С. 76–77, 82.

² Древнерусские церемониалы возвращения с войны и княжеских интронизаций имели черты сходства. К ним относятся торжественная встреча нового правителя горожанами и посещение городского собора (*Гвозденко К.С.* Церемония княжеской интронизации на Руси в домонгольское время // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1(35). С. 21–27, 35).

имъ святители съ кресты: митрополить Климъ и игумени чествнии, и попове, и многое множество святитель, и с великою честью въѣхаша въ Киевъ»³.

Под 6685 (1177) г. *Inam*. сообщает, как встречали Всеволода Большое Гнездо после победоносного похода против рязанского князя Глеба Ростиславича жители его столичного города Владимира: «Людье же Володимерьстии оустрѣтоша съ кресты князя своего, идоуща с побѣдою»⁴. В Лаврентьевской (*Лавр.*) и родственных ей летописях под 6707 (1199) г. читается краткое, без подробностей, сообщение о возвращении того же князя после успешной войны с половцами, а на миниатюре Радзивилловской летописи, иллюстрирующей это сообщение (и в какой-то мере, по-видимому, отражающей оригинал XIII в.), изображены жители Владимира, включая епископа (Иоанна), выходящие из города навстречу победоносной Всеволодовой дружине; дружина во главе с князем скачет под развевающимся стягом, с городской стены её приветствует трубач⁵.

По мнению Д.С. Лихачёва, торжественная встреча князя и его воинов сопровождалась пением «славы» в честь победителей⁶. Вполне определённо о такой «славе», совершаемой во время публичной встречи князя вне стен города, сообщает «Повесть о житии и о храбрости» князя Александра Невского (возникшая, вероятно, вскоре после смерти князя)⁷. Победив немцев на Чудском озере, Александр отправился во Псков, «и яко же приближися князь къ граду Пскову, игумени же, и попове, и весь народ срѣтоша и пред градомъ съ кресты, подающе хвалу Богови и славу господину князю Александру, поюще пѣснь: “Пособивый, Господи, кроткому Давиду побѣдити иноплемьеники и вѣрному князю нашему оружию крестным и свободи градъ Псков от иноязычникъ рукою Александровою”»⁸. Разумеется, торжественная процессия с участием духовенства, с крестами, воздвигнутыми над толпой, должна была сопровождаться не только пением «славы» князю, но и обращёнными к Богу молитвами, упомянутыми в приведённой цитате, где ясно угадывается отсылка к одной из стихир Кресту Господню с призыванием победы царю или князю⁹. В этой связи

³ ПСРЛ. Т. 2. М., 1962. Стб. 441.

⁴ Там же. Стб. 605. В Лаврентьевской и родственной ей летописях этой подробности нет (Там же. Т. 1. М., 1962. Стб. 385; Т. 38. Л., 1989. С. 145; Т. 41. М., 1995. С. 108).

⁵ Там же. Т. 1. Стб. 415; Т. 38. С. 159; Т. 41. С. 123; Радзивилловская, или Кёнигсбергская летопись. Т. 1: Фотомеханическое воспроизведение рукописи. СПб., 1902. Л. 243. Такого же трубача видим и под 6685 (1177) г. на миниатюре к известию о походе Всеволода Большое Гнездо против рязанского князя, где другие встречающие не показаны (Там же. Л. 225 об.). По мнению А.Ю. Карпова, поход Всеволода 1199 г. хотя и привёл к бегству половцев, не был слишком результативен в плане добычи (*Картов А.Ю.* Всеволод Большое Гнездо. М., 2019. С. 254–255), что не помешало летописцу помянуть «радость велику в градѣ Володимери» по поводу возвращения князя, а миниатюристу – изобразить описанную церемонию встречи.

⁶ *Лихачёв Д.С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1985. С. 57, 78, 119, 211; *Келдыш Ю.В.* История русской музыки. Т. 1. Древняя Русь. XI–XVII века. М., 1983. С. 59–60.

⁷ *Кучкин В.А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – начало XX в. Сборник научных трудов. Ч. 1. М., 1990. С. 37–39. Обзор точек зрения на время возникновения памятника см.: *Галко В.И.* «Повесть о житии и храбрости» князя Александра Невского // Письменные памятники истории Древней Руси. М., 2003. С. 193–194.

⁸ Житие Александра Невского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб., 1997. С. 364.

⁹ «Пособивый, Господи, кроткому Давиду побѣдити иноплемьеники, и вѣрным князем нашим способи и оружием крестным низложи враги наша. Покажи, Благосерде, в нас древняя Твоя милости, да разумѣют во истину, яко Ты еси Богъ; на Тя оуповающе, побѣждаем, молящися прилѣжно Пречистыи Ти Матѣри даровати нам миръ и велью милость» (ОР РГБ, ф. 304. 1, № 25 (Триодь постная, XIV в.), л. 121). В.И. Мансикка увидел здесь только отсылку к *1 Цар. 18:6* (*Мансикка В.И.*

не исключено, что частые замечания летописцев о том, что князь-победитель возвращается, «хваля и славя Бога», «хваляще/хваляче/похваляче Бога», «славяще Бога» (Пресвятую Богородицу, силу Креста Господня, заступничество святых)¹⁰, представляют собой не только проявления литературной топики, но и отсылки к реальной церемониальной практике своего времени.

Захваченные в плен неприятели являлись не только частью добычи, но и одним из зримых символов победы. Самый известный древний русский текст, упоминающий участие пленников в «ритуалах победы», читается в «Повести о житии» Александра Невского. Двигаясь ко Пскову после Ледового побоища, князь вёл «безбожных немецъ» босыми: «бъше множество полоненых в полку его, и ведяхут босы подле коний, иже именуют себе Божии ритори»¹¹. Автор «Повести» наполнил фразу очевидной иронией, да и в самом разувании и спешивании рыцарей трудно не увидеть их публичного унижения. Каким именно образом пленников вели «подле коний», не уточняется (как и то, чьи это были кони – их собственные или же победителей). Но в другом месте памятника, где речь идёт об удачном походе русских против литвы, сказано, что «служы» Александра привязывали пленных литовских князей к хвостам своих коней: «Ругающесе, вязахуть их къ хвостомъ коней своихъ»¹². Тот же смысл, согласно Повести временных лет, аналогичное действие имело на Руси ещё во времена Владимира, повелевшего «привязати коневи къ хвосту» идола Перуна «и влещи с горы... на поруганье бѣсу»¹³. Даже если с немцами люди Александра обращались иначе, нежели с литвой, обе описанные ситуации середины XIII в. роднит мотив унижения (поругания) поверженного неприятеля.

Свидетельства о демонстрации «полона» можно отыскать и в летописании домонгольского времени. Не исключено, что намёк на это содержит уже По-

Житие Александра Невского: Разбор редакций и текст. СПб., 1913. С. 19, 46). В.В. Василик на том основании, что стихира входит и в службу св. равноап. царю Константину, утверждает, что автором «Повести» тем самым «подразумевается апостольский характер того, что совершил св. Александр, и одновременно его незримая связь с наследием христианской империи» (*Василик В.В. Личность св. Александра Невского в контексте цивилизационного противостояния Руси и Запада: Опыт прочтения жития // Александр Невский и Ледовое побоище. Материалы научной конференции, посвящённой 770-летию Ледового побоища (Санкт-Петербург, 7 апреля 2012 г.)*. С. 33). Столь смелое прочтение фрагмента, на мой взгляд, не имеет достаточных оснований. О связи почитания Креста с молитвами за царя см.: *Асмус В., прот.* Всемирное Воздвижение Честнаго и Животворящаго Креста: Эртологический этюд // *Имперское возрождение*. Вып. 1. М., 2004. С. 51–60.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 296, 339, 363, 364, 382, 396, 434, 449; Т. 2. Стб. 441, 460, 540, 563, 566, 636.

¹¹ Житие Александра Невского. С. 364.

¹² Там же. С. 366. Известен способ смертной казни через волочение человека, привязанного к конскому хвосту (*Кистяковский А.Ф.* Исследование о смертной казни. Тула, 2000. С. 239, 250). В ранних русских источниках он упомянут у новгородского архиепископа Антония (Добрыни Ядрейковича), описавшего мученическую кончину св. Зотика Сиропитателя (*Савваитов П.И.* Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. СПб., 1872. С. 163). Однако «Повесть о житии» ничего не говорит ни о волочении пленных литовцев, ни об их смерти в результате действий княжеских слуг. Напротив, подвергнутые унижению литовские князья противопоставлены тем их собратьям, которые во время сражения были «избиты», т.е. погибли. Вероятнее всего, речь идёт о методе конвоирования, когда пленники, привязанные верёвкой к лошади, были вынуждены идти или бежать следом за ней. Именно так понял автора «Повести о житии» один из его редакторов (цитирую по Симеоновской летописи): «Вязуше конемъ къ хвосту, и тако ведяху съ собою безбожную литву» (ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 65).

¹³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 116. Волочение лошаадьми как форма поругания относится к числу архаичных практик и упоминается ещё Гомером (*Гомер.* Илиада. СПб., 2008. С. 318). О волочении как акте публичного унижения на Руси см.: *Лукин П.В.* Новгородское вече. М., 2014. С. 422–423.

весть временных лет. Под 6611 (1103) г. в сообщении о возвращении киевского князя Святополка Изяславича и его союзника Владимира Мономаха из успешного похода против половцев летописец показательно соединяет в рамках одной фразы «полон» со «славою» и «побѣдою»: «И придоша в Русь с полоном великим, и с славою, и с побѣдою великою»¹⁴. Это событие проиллюстрировано в Радзивилловской летописи: конница под началом князя и с поднятыми мечами движется к городу, а перед ней шагают связанные пленники¹⁵.

Лавр. и *Инат.* под 6684 (1176) г., рассказывая о победе князя Михалки Юрьевича над его племянниками Ростиславичами, также свидетельствуют, что взятых в плен демонстративно вели перед князем: «Поѣха въ Володимеръ с честию и с славою великою, дружинѣ его и володимерцемъ, ведущим пред нимъ колодники»¹⁶ (правда, данный случай осложнён тем, что Михалко шёл во Владимир, чтобы по приглашению горожан занять там стол). Под следующим годом *Лавр.* сообщает о победе Всеволода Большое Гнездо (уже принявшего после смерти Михалки власть во Владимире) над Мстиславом Ростиславичем и вновь упоминает колодников, хотя и без уточнения их места в процессии победителей: «Князь жь Всеволодъ, побѣдивъ полкъ, възвратися Володимерю с честию великою, а володимерци и дружина поведоша колодники и скоть, погнаша и кони, славяще Бога и Святую Богородицю, и крестную силу»¹⁷. В приведённой цитате обращает на себя внимание упоминание рядом с колодниками неодошевлённой добычи — коней и других животных.

В той же погодной статье *Лавр.* описывает возвращение Всеволода из похода против рязанского князя Глеба Ростиславича (последний попал в плен с сыном Романом, союзником Мстиславом Романовичем, боярами и воинами). Всех их Всеволод «приведше в градъ Володимеръ»¹⁸. *Инат.* излагает эту сцену несколько иначе и отмечает, что вышедшие с крестами навстречу Всеволоду владимирцы «возрадовашася, видѣвше хрестианы отполонены от поганыхъ (на стороне рязанского князя тогда действовали половцы. — *А.Л.*), а ворози в роукахъ приведше в градъ Володимеръ: князя Глѣба съ сыномъ своимъ Романомъ и с шюриномъ своимъ Мъстиславомъ изыманыхъ, дружина изоимана, и всѣ вѣлможи ихъ»¹⁹. Иными словами, Глеб Рязанский и другие пленники были невольными участниками церемонии, и горожане могли лицезреть их.

Как можно думать, торжественное шествие победителей и встречавших их горожан завершалось в одном из главных храмов стольного города. Именно так *Инат.* под 6659 (1151) г. изображает финал церемонии после битвы на р. Руте. Въехав в Киев, Вячеслав Владимирович и Изяслав Мстиславич молились даже не в одном, а по очереди в двух городских соборах (у гробов Владимира Святого и Ярослава Мудрого): «С великою честию въѣхаша въ Киевъ и ту поклонившеся святѣи Софѣѣ и святѣи Богородици Десятинньѣи»²⁰.

Ещё в двух случаях летописцы свидетельствуют о таком же посещении князем-победителем храма в своём городе, не упоминая о шествии. Повесть временных лет под 6615 (1107) г. говорит о визите киевского князя Святополка

¹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 279; Т. 2. Стб. 255.

¹⁵ Там же. Т. 38. С. 101; Радзивилловская, или Кёнигсбергская летопись. Л. 151 об.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 376–377; Т. 2. Стб. 601–602; Т. 38. С. 142; Т. 41. С. 104.

¹⁷ Там же. Т. 1. Стб. 382; Т. 38. С. 144; Т. 41. С. 107.

¹⁸ Там же. Т. 1. Стб. 385; Т. 38. С. 145–146; Т. 41. С. 108.

¹⁹ Там же. Т. 2. Стб. 605.

²⁰ Там же. Стб. 441.

Изяславича в Киево-Печерский монастырь сразу после победоносного похода на половцев, увенчавшегося битвой на р. Суле. В обители князь молился на заутрене, «и братья цѣловаша и с радостью великою, яко врази наша побѣжени быша молитвами святыя Богородица и святаго отца нашего Феодосья»²¹. Аналогичную ситуацию описывает, по-видимому, и *Лавр.* под 6672 (1164) г., рассказывая, как Андрей Боголюбский после болгарской войны торжественно водворил сопровождавшую его в походе Владимирскую икону в соборный храм своей столицы: «Принесъ ю с славою и постави ю въ святѣи Богородицѣ Володимери в Золотоверсѣи, идѣже стоить и до сего дъне»²². Приведу ещё одно летописное свидетельство того же рода, несколько выходящее за хронологические рамки настоящей работы, но всё же относящее к князю, чьё становление произошло ещё до нашествия Батые. Даниил Галицкий после чешского похода 1253 г. благодарил Бога за военную удачу в соборе своей новой столицы — Холма: «Приде во град Холмъ съ честью и со славою в домъ Пречистоѣ, падъ, поклонися и прослави Бога о бывшем»²³.

Если перед нами фрагменты рассыпавшейся мозаики, то древнерусский церемониал «възвращения с побѣдою» может быть описан следующим образом. Заранее предупреждённые о приближении князя и дружины жители его стольного города, возглавляемые духовенством, выходили с крестами за крепостные ворота навстречу победителям. Встреча имела торжественный характер и сопровождалась пением благодарственных молитв и победных гимнов («славы») князю, а также показом пленников и добычи. Приветствуемый горожанами, правитель входил в город, после чего праздничная процессия (по сути — крестный ход) двигалась к соборному храму, где князь, его соратники и все собравшиеся вновь благодарили Господа за дарованную победу и молились о победителях — как живых, так и павших²⁴. Яркая презентация княжеской власти переплеталась во всех этих ритуалах с хвалой Всевышнему, подавшему князю «на враги одолѣние».

Дополнительную информацию для изучения темы может принести анализ дат, на которые приходились въезды князей-победителей в свои города. В источниках домонгольского времени сохранились шесть таких дат.

В 1107 г. князь Святополк Изяславич вернулся в Киев после победы над половцами на Суле. Произошло это на Успение — 15 августа, в четверг. Летописец, правда, не отметил въезд князя непосредственно в город, а лишь сообщил, что тот «приде» в пригородный «Печерьский монастырь на заутреню на Оуспенъе святыя Богородица»²⁵. Однако вряд ли стоит сомневаться, что его прибытие в Киев произошло тогда же. Так заставляет думать хронология событий. Битва с половцами началась в середине дня («въ 6 час дъне») 12 августа

²¹ Там же. Т. 1. Стб. 282; Т. 2. Стб. 258; Т. 38. С. 102. Летописец, комментируя данное событие, отмечает «обычай» Святополка перед походом «на воину или инамо» поклоняться мощам преподобного Феодосия и братья благословение («молитву») у печерского игумена. Подробнее об этом «обычае» князя рассказывает Киево-Печерский патерик (Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. СПб., 1997. С. 434). Однако комментарий логически не стыкуется с летописным сообщением, речь в котором идёт не о начале, а о завершении похода.

²² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 353; Т. 38. С. 131; Т. 41. С. 91.

²³ Там же. Т. 2. Стб. 826.

²⁴ Молитвенное прошение о павших воинах см., например, у новгородского летописца под 6742 (1234) г.: «Покои, Господи, душа ихъ въ Царствии небеснѣмъ, пролившихъ крови своя за святую Софью и за кровь христьянскую» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 73, 91).

²⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 282; Т. 2. Стб. 258; Т. 38. С. 102.

после форсирования княжескими дружинами Сулы около Лубна. Кочевники начали отступать, и русские «гнаша» их почти до Хорола, т.е. на протяжении нескольких десятков километров. Можно допустить, что киевский князь не участвовал в преследовании, но всё равно он должен был оставаться в районе боевых действий до окончания основных событий (завершившихся, по-видимому, с наступлением сумерек). Таким образом, Святополк не мог отправиться в Киев ранее утра 13 августа. А если так, то домой он двигался в чрезвычайно высоком темпе: даже по прямой от современных Лубен до Киева около 185 км, а значит за день 57-летний правитель преодолевал на лошади по степным дорогам и бездорожью расстояние никак не меньше 100 км. Эти данные можно соотнести со свидетельством Владимира Мономаха, двоюродного брата Святополка Изяславича, в своём «Почуении» не без гордости сообщавшего сыновьям, что в молодые годы он добирался из Чернигова в Киев за один день («днемъ есмь переѣздить до вечерни») ²⁶. Расстояние между городами по прямой составляет около 130 км, и эта цифра не сильно превосходит дневные переходы Святополка, возвращавшегося с берегов Сулы.

Для сравнения можно вспомнить нормы дневных переходов, существовавшие в российской армии начала XX в. «Нормальный» суточный переход конницы составлял 37–43 км при средней скорости движения 5,3–8,5 км/ч ²⁷. Схожие данные находим в «Боевом уставе конницы РККА». Там «нормальный» переход конницы определён в 45–55 км («форсированный» – не более 70–75 км) при средней скорости от 6,5 до 8,5 км/ч, причём последняя скорость названа предельной и допустимой «на расстояния, не превышающие полуперехода (25 км)» ²⁸. Другими словами, общий темп движения киевского князя на пути в столицу в 1107 г. был примерно в два раза выше, чем комфортный для лошадей на марше. Это означает, что либо Святополку пришлось по дороге лошадей менять, либо совсем не щадить единственного коня. Но в обоих случаях ему пришлось провести в седле оба дня с утра до вечера. Не смог бы Святополк добраться до Киева быстрее, если бы решил часть пути – например, от Канева – преодолеть на речном судне по Днепру: такой маршрут оказался бы ещё длиннее, а двигаться по реке пришлось бы против течения.

Таким образом, имеются серьёзные основания сомневаться в том, что Святополк Изяславич мог бы достичь Киева ранее вечера 14 или утра 15 августа. Столь стремительное перемещение князя с поля боя в столицу имело, очевидно, конкретную причину – желание поспеть в Киев на Успение. В этот день не только совершался престольный праздник в любимой им Печерской обители (а на канун приходилась ещё и годовщина перенесения мощей прп. Феодосия Печерского в 1091 г. ²⁹), но и происходили особые торжества в одном из главных соборов Киева – Десятинной церкви, также посвящённой Богородице ³⁰. И хотя летописец не пишет об этом, логично предположить, что после утрени в монастыре князь отправился на литургию в Десятинную церковь. Нет в летописи и информации о том, была ли киевлянами приготовлена торжественная встреча князю (как можно думать, основные силы киевского войска, двигавши-

²⁶ Там же. Т. 1. Стб. 250.

²⁷ *Изместьев П.И.* Краткое руководство по элементарной и общей тактике. Составлено по опыту последних войн. Пг., 1919. С. 83.

²⁸ Боевой устав конницы РККА. Ч. 2. М., 1942. С. 44–45.

²⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 211.

³⁰ Там же. Стб. 124.

еся с «полоном», 15 августа ещё находились в пути). Автор сообщения ограничился лаконичной ремаркой, что все участники похода, в том числе князья из других городов, «възвратишася в своя си с побѣдою великою». Впрочем, если относительно летописных формул такого рода прав П.С. Стефанович, то эти слова можно рассматривать как указание на то, что такая встреча состоялась.

В 1168 г. после победы над половцами у Чёрного леса (район р. Оскол) участники большой княжеской коалиции под началом князя Мстислава Изяславича Киевского «быша в домехъ своихъ на самое въскресе́ние». В этом «въскресе́нии» Н.Г. Бережков с полным основанием видит Пасху, пришедшуюся в тот год на 31 марта³¹. «И бысть людемъ двоя радость — и въскресе́ние Господне, и князь възвраще́ние с побѣдою и с радостью»³². Поход начался 2 марта с выступления русских полков из Киева. После этого они двигались девять дней на юго-восток, пока не обнаружили и не атаковали половецкие вежи «на Оугль-рѣцѣ» (Орели) и «по Снопороду» (по р. Самаре). После захвата веж князья принялись догонять основные силы кочевников и настигли их у Чёрного леса³³. Если вслед за С.А. Плетнёвой искать этот лес в районе устья р. Оскол, впадающей в Северный Донец³⁴, то следует сделать вывод, что русским пришлось совершить бросок к востоку, занявший, по-видимому, не один день. Таким образом, сражение у Чёрного леса должно было произойти в середине марта. А это значит, что возвращение князей после победы «в дома своя» ко дню Пасхи происходило примерно в том же темпе, что и их движение навстречу врагу, причём уже после утомительной кампании и с большой добычей («възяша полона множество, якоже всимъ рускимъ воемъ наполнитися до изобилья»)³⁵. И хотя этот темп ниже, нежели у Святополка Изяславича в 1107 г., участники похода (среди них не менее 11 князей), должны были приложить немалое усилие, чтобы успеть в свои города на Воскресение Христово. Слова летописца позволяют думать, что по крайней мере у некоторых из них это намерение увенчалось успехом.

В 1193 г. молодой князь Ростислав Рюрикович, победивший вместе с двоюродным братом Мстиславом Мстиславичем и чёрными клобуками половцев за р. Ивлей и захвативший большую добычу, приехал «съ славою» в город Торческ «на Рождество»³⁶ — 25 декабря, в субботу. Дату самого сражения летописец не указал.

В 1196 г. великий князь Всеволод Большое Гнездо вернулся после успешной войны с Ольговичами в свой столичный Владимир «месяца октября въ 6 днь на память святаго апостола Фомы» — в воскресенье. «И бысть радость велика в градѣ Володимери»³⁷.

В 1198 г. Всеволод, совершивший удачный поход на половцев, въехал во Владимир «месяца иуны въ 6 днь на память святаго мученика Дорофѣя епископа в днь суботный», по поводу чего летописец дословно повторил свою ремарку о «радости велицей в градѣ»³⁸.

³¹ *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 180.

³² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 540.

³³ Там же. Стб. 539–540.

³⁴ *Плетнёва С.А.* Половцы. М., 1990. С. 154.

³⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 540.

³⁶ Там же. Стб. 669, 676–678; *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 206.

³⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 413; Т. 38. С. 159. В Летописце Переяславля Суздальского датой возвращения князя названо 16 октября (ПСРЛ. Т. 40. С. 122); *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 85.

³⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 415; Т. 38. С. 159; Т. 41. С. 123; *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 86.

В 1207 г. тот же князь, победив рязанских князей, «вниде» во Владимир «месяца ноября въ 21 днь, в среду, на Введенье святыя Богородица». Сообщение завершается замечанием о великой радости в городе и восклицаниями Псалмопевца, радующегося о Господе. Отмечу, что этот двенадесятый праздник, как и все богородичные праздники, должен был с особым размахом отмечаться в главном храме Владимира, посвящённом Богородице³⁹.

Выбор князьями дней для торжественного возвращения в стольные города после одержанных побед красноречив. В четырёх случаях из шести церемонии приурочены к крупнейшим церковным торжествам годового круга богослужений: к Пасхе и двенадесатым праздникам Успения, Введения и Рождества Христа. В двух оставшихся — к «малой Пасхе»: воскресному дню и его кануну⁴⁰.

К рассмотренным случаям можно добавить ещё один, указывающий на тенденцию совмещать празднование победы с церковными праздниками. В 1171 г. князь Игорь Святославич, одолев половцев за рекой Ворсклой, возвращался домой через Киев⁴¹. Туда он постарался попасть «къ празнику святую мученику Бориса и Глѣба» (24 июля), а точнее — к вечерней службе 23 июля, с которой начиналась череда праздничных богослужений. Полностью осуществить замысел ему, правда, не удалось, на вечерню он не успел: «Не вытяже на канунъ, по вечернии приѣха». Но 24 июля, в самый день праздника, Игорь уже праздновал память святых в Киеве и поднёс дары из богатой добычи («саигать») киевскому князю Роману Ростиславичу, его братьям «и мужемъ»⁴², соединяя торжество церковное со своим собственным.

Перед нами — несомненные следы особой «праздничной» стратегии, регулировавшей выбор даты для торжественного возвращения победителей из похода. Конечно, источники не позволяют судить, насколько неукоснительно князья следовали ей в иных случаях. Однако отмечу, что она хорошо соотносится с другой календарной практикой, также относящейся к сфере воинских ритуалов домонгольской Руси и при этом лучше освещённой источниками, — практикой «праздничных выходов» на войну. Такие события князья предпочитали назначать на праздничные или воскресные дни, наполняя последние часы подготовки к ратным подвигам духовным смыслом⁴³. Но если при отправлении дружин в поход в ткань церковного торжества вплетались неизбежные в такой ситуации нити тревоги, то при возвращении с победой «двоя (двойная. — *А.Л.*) радость» оказывалась совершенной, исполненной ликованием и благодарностью Всевышнему.

Приуроченность рассматриваемых церемоний к церковным праздникам и воскресным дням ещё ярче высвечивает их религиозную канву и свидетель-

³⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 348, 433; *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 100.

⁴⁰ Такую же приуроченность видим в единственном датированном сообщении об интересующем нас событии за вторую половину XIII в., когда ещё могли сохраняться некоторые традиции домонгольского времени. В 1278 г. ростовский князь Глеб Василькович, правнук Всеволода Большое Гнездо, вернулся в Ростов после успешного похода на ясов под началом хана Менгу-Тимура «въ недѣлю всѣхъ святыхъ (т.е. в воскресенье. — *А.Л.*), мѣсяца иуна въ 12, на память святого отца Ануфрия пустытника» (ПСРЛ. Т. 18. С. 76; *Присёлков М.Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. СПб., 2002. С. 335 (в сохранившихся фрагментах памятника читается указание на «недѣлю всѣхъ святыхъ», месяц назван ошибочно — «июль»)).

⁴¹ Прямо в летописи Киев не упоминается, но это следует из контекста (*Горский А.А.* «Всего еси исполнена земля Русская...»: Личности и ментальность русского Средневековья. М., 2001. С. 13–14).

⁴² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 569.

⁴³ *Лаушкин А.В.* «Праздничные выходы» на войну в домонгольской Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1(75). С. 53–57.

ствует о стремлении организаторов к максимальной публичности, на которую можно было рассчитывать именно в праздничные дни, когда христиане оставляли свои повседневные занятия и наполняли церкви.

При всей бедности сохранившегося материала о древнерусских церемониях «възвращения с побѣдоу» в них различимы черты, позволяющие сопоставить их с уходящими корнями в античную эпоху празднествами императорских триумфов. В христианизированном виде триумфальную традицию восприняла не только Византия — она отразилась и в политической практике многих стран раннесредневековой Западной Европы, представляя собой насыщенное локальными особенностями и частными нововведениями «постбытие имперской идеологии Победы»⁴⁴.

Ко времени крещения Руси обновлённые ритуалы победы приобрели в Византийской империи вполне законченный вид. Сценарии пышных столичных триумфов порой сильно отличались один от другого, завися от обстоятельств события и фигуры триумфатора (им мог быть не только император). Но среди прочего они часто включали элементы, аналогичные тем, какие мы встретили и в русских источниках: 1) многолюдную торжественную встречу войска, которая начиналась за стенами Константинополя (при возглавлении армии самим василевсом — обычно за Золотыми воротами), продолжалась на украшенных в честь праздника улицах города и сопровождалась хвалами Богу и пением славословий победителю; 2) «триумфальный парад» победоносного войска с демонстрацией трофеев и пленников, нередко подвергаемых ритуальному унижению; 3) заключительное богослужение в соборном храме Святой Софии. Помимо общего сходства названных элементов можно указать и на некоторые частные переклички между византийскими и русскими церемониями.

Сохранились свидетельства об участии высшего духовенства в публичных встречах триумфаторов в Константинополе, причём известны случаи (впрочем, не типичные), когда патриархи приветствовали василевсов за стенами не только Святой Софии, но и города. Так было в 628 г., когда патриарх Сергий встречал императора Ираклия I на другой стороне Босфора в Иерии, и в 971 г., когда патриарх Василий вышел навстречу Иоанну I Цимисхию к Золотым воротам⁴⁵.

Торжественное возвращение князя Андрея Боголюбского в 1164 г. из болгарского похода с иконой Богородицы, которую он «принесъ... с славою и постави... въ святѣи Богородицѣ Володимери в Золотоверсѣи», также находит возможные аналогии в византийской церемониальной практике. Брать с собой на войну почитаемый образ Матери Божией было в обычае правителей Ромейской державы⁴⁶. Однако несколько раз богородичная икона оказывалась и в самом фокусе триумфальных торжеств. Первый зафиксированный источниками

⁴⁴ *Treitinger O.* Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell vom oströmischen Staats- und Reichsgedanken. Darmstadt, 1959. S. 168–178; *McCormick M.* Eternal Victory: Triumphal Rulership in Late Antiquity, Byzantium and the Early Medieval West. Cambridge, 1990. P. 7.

⁴⁵ Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. М., 1884. С. 242; *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей. СПб., 1992. С. 115; *Constantini Porphyrogeniti.* De ceremoniis aulae Byzantinae. Vol. 1. Bonn, 1829. P. 608–610; *McCormick M.* Op. cit. P. 173, 215.

⁴⁶ *Степаненко В.П.* Военный аспект культа Богоматери в Византии (IX–XII вв.) // Античная древность и Средние века. 2000. № 31. С. 203–220.

случай такого рода произошёл в 971 г.⁴⁷ после победы Иоанна Цимисхия над русским князем Святославом Игоревичем и болгарами. Встречая императора перед стенами Константинополя, горожане преподнесли Иоанну «украшенную золотом колесницу, запряжённую белыми лошадьми» и просили его «взойти на неё, чтобы отпраздновать полагающийся в таких случаях триумф». Император отказался выполнить их просьбу и поставил на колесницу – на место триумфатора – «вывезенное из Мисии (Болгарии. – *А.Л.*) изображение Богородицы», а сам въехал в город на коне позади колесницы⁴⁸. Этот символический жест, указывающий на истинную победительницу врагов империи, в 1133 г. повторил император Иоанн II Комнин после победы над турками-сельджуками. Он повелел изготовить колесницу, отделать её серебром и самоцветами, запрячь в неё традиционных для триумфального шествия белоснежных лошадей и водрузил на неё икону Богородицы; сам же отправился перед колесницей пешком. Никита Хониат, описавший эту сцену, заметил, что император поступил так, поскольку Богородица «была причиной его радости и восторга, от которого он был вне себя, и Ей как непобедимой Воеводе, вместе с ним начальствовавшей над войском, он приписывал победы»⁴⁹. Сходный по смыслу комментарий по поводу одержанной победы прозвучал и из уст летописца, сообщившего в *Лавр.* о болгарском походе Андрея Боголюбского 1164 г. и его торжественном возвращении в стольный град с иконой: «се же бысть чудо новое святое Богородицы Володимерское, юже взять бяше с собою благовѣрныи князь Андрѣи». Трудно усомниться в том, что во Владимир князь въезжал через построенные по его повелению и освящённые всего несколькими месяцами ранее Золотые ворота, символически связывавшие город на Клязьме с великим городом на Босфоре⁵⁰. Уместно вспомнить, что в необычной архитектуре этих ворот Н.Н. Воронин различил признаки триумфальной арки, а в имени расположенной над ними церкви, освящённой в честь Положения честной ризы Пресвятой Богородицы в Влахерне, – прямую отсылку к священным реликвиям столицы Византии⁵¹. Логично предположить, что столь насыщенному константинопольскими аллюзиями месту могла сопутствовать и торжественная церемония, также не лишённая византийских черт. Спустя несколько лет после этой церемонии, в 1167 г., сын Иоанна II император Мануил I Комнин, победив венгров, повторил поступок отца и тоже уступил место в триумфальной колеснице иконе Богородицы⁵². Это говорит о том, что во времена Андрея идея «триумфа Богородицы», кото-

⁴⁷ Благодарю П.В. Кузенкова, обратившего моё внимание на то, что топика «триумфа Богородицы» звучит уже в относящемся к VII в. кондаке «Взбранной Воеводе», в котором «буквально описана встреча Богородицы как полководца-триумфатора с основным элементом этого торжества – победными гимнами», и что Иоанн Цимисхий поэтому был, возможно, не первым василевсом, постаравшимся воплотить эту гимнографическую топикку в реальной церемонии.

⁴⁸ *Лев Диакон.* История. М., 1988. С. 82.

⁴⁹ *Никита Хониат.* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. 1. СПб., 1860. С. 24–25.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 351, 353.

⁵¹ *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. 1. М., 1961. С. 138, 145, 148; *Воронин Н.Н.* Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в. // Византийский временник. Т. 26. М., 1965. С. 193; *Седов Вл.В.* Новый Иерусалим в надвратных храмах Византии и Древней Руси // Новые Иерусалимы: Иеротопия и иконография сакральных пространств. М., 2009. С. 553–554.

⁵² *Никита Хониат.* Указ. соч. С. 202–203; *Иоанн Киннам.* Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов (1118–1180). СПб., 1859. С. 276–277. В 1261 г. при восстановлении Византийской империи император Михаил VIII Палеолог также триумфально вошёл в Константи-

рой он, возможно, сознательно следовал⁵³, оказывалась по-прежнему жива при византийском дворе. При этом официальный Константинополь того времени не был совсем уж чужим миром для Андрея. У него имелись дипломатические контакты и с патриархом Лукой Хрисовергом, и с императором Мануилом, его младшие братья несколько лет провели в Византии и пользовались гостеприимством василевса, а в стольный город Андрея приезжали купцы «изъ Цесарягорода»⁵⁴. Указание на некое взаимодействие князя и императора сохранила и составленная, по-видимому, не позднее начала XIII в. русская проложная статья на 1 августа, где речь идёт как раз о болгарском походе владимирского князя и о явленных тогда чудесах Владимирской иконы. Автор статьи нарочито соотносит военные успехи Андрея и Мануила и даже заявляет о «любви и братолюбье» двух правителей⁵⁵.

Созвучие с идеологией византийского триумфа можно уловить и в том повышенном внимании, которое немногословные русские свидетельства о возвращениях с войны уделяют Кресту Господню. Летописцы вместе со своими героями хвалят его силу и не забывают изображать кресты в руках встречающих (то же делают и миниатюристы в Радзивилловской летописи), а автор «Повести о житии» Александра Невского, описывая сцену въезда князя во Псков после победы, перефразирует и вкладывает в уста вышедшим навстречу Александру людям стихире Кресту «Пособивый, Господи, кроткому Давиду»⁵⁶. Кресты использовались и в византийских церемониях. Во время триумфа императора Василия I Македонянина в 879 г. перед ним несли большой украшенный камнями крест⁵⁷, а Иоанн II Комнин в 1133 г. шёл перед колесницей с иконой Богородицы, держа крест в руках⁵⁸. Император Константин VII Багрянородный в трактате «О церемониях византийского двора» свидетельствует о публичном поклонении василевса кресту во время триумфальной процессии на форуме Константина⁵⁹. Но главное — даже не материальное присутствие крестов в константинопольских триумфах, а то, что крест находился в самом центре византийского понимания победы. Уже с V в. Крест Господень (в начале — наряду с лабарумом) воспринимался в империи главным орудием и главным символом

нополь через Золотые ворота, следуя за иконой Богородицы — «скорее как смиренный слуга Бога, чем как царь» (*Георгий Акрополит*. История. СПб., 2013. С. 138).

⁵³ О возможных византийских коннотациях в почитании Владимирской иконы при Андрее Боголюбском см.: *Щенникова Л.А.* Чудотворная икона «Богоматерь Владимирская» как «Одигитрия евангелиста Луки» // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 259–260.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 352; Т. 2. Стб. 521, 591; *Павлов А.С.* Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1 (памятники XI–XV вв.). // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 6. СПб., 1908. С. 63–75.

⁵⁵ *Коняевская Е.Л.* К истории сложения проложной статьи на 1 августа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 1(47). С. 5–7; *Кучкин В.А., Сумникова Т.А.* Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. С. 501–502; Слово о празднике Всемилостивого Спаса и Пресвятой Богородицы // *Лосева О.В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV веков. М., 2009. С. 444–448.

⁵⁶ Византийский по происхождению мотив победоносного Креста отчётливо представлен в культуре Руси, в частности в летописях (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 296, 361, 444, 448; Т. 2. Стб. 290, 559, 624; Новгородская первая летопись. С. 73, 80, 83, 87). См. также: *Федотов Г.П.* Русская религиозность. Т. 1. М., 1988. С. 327–328; *Стефанович П.С.* Крестоцелование и отношение к нему Церкви в Древней Руси // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004. С. 90–91, 94–95.

⁵⁷ *McCormick M.* Op. cit. P. 216.

⁵⁸ *Никита Хониат*. Указ. соч. С. 25.

⁵⁹ *Constantini Porphyrogeniti.* Op. cit. P. 609.

императорской победы и сопутствовал василевсам как во многих церемониях их жизни, так и в официальном церемониальном искусстве⁶⁰.

Публичное унижение пленённых неприятелей на Руси во время победных шествий, о котором сохранила свидетельство «Повесть о житии», также находит прямые аналогии в практике византийских триумфов. Демонстрация поверженного врага на улицах и ипподроме Константинополя оказывалась важным атрибутом многих императорских праздников победы⁶¹. Участие в параде победителей в любом случае было оскорбительно для проигравших, даже если их просто вели перед глазами собравшегося народа. Но подчас побеждённых подвергали и особым унижениям — от таких зловещих, как предъявление публике неприятельского вождя с обезображенным палачами лицом или даже его отрубленной головы⁶², до сугубо ритуальных. Константин Багрянородный после победы над арабами в 956 г. попрал ногой склоненную шею предводителя поверженных врагов Абу-л-Ашаира, остальные пленные стояли перед императором на коленях, а неприятельские знамёна были перевернуты. Иоанн Цимисхий в 971 г. во время победных торжеств публично снял с болгарского царя Бориса II знаки его царского достоинства. Константин IX Мономах в 1043 г. повелел провести пленённых мятежников «не в строю и не в пристойном виде, но... на ослах, задом наперёд, с обритыми головами, с кучей срамной дряни вокруг шеи»⁶³. По-видимому, босые рыцари, которых в 1242 г. князь Александр Невский вёл во Псков «подле коний», — картина из того же ряда.

М. Маккормик указал на растущее единодушие учёных в том, что идеи и политические обычаи, уходящие корнями в позднюю Античность, «пропитали ранние институты варварских королевств» Европы. М.А. Поляковская, размышляя о том же, отметила, что «на начальной стадии становления церемониального стереотипа Западная и Центральная Европа были ориентированы на Византийскую империю, поражавшую европейский мир совершенством и торжественностью своей церемониальной системы»⁶⁴. Сходство древнерусских церемоний «возвращения с побъдью» и соответствующих компонентов византийского церемониала триумфов позволяет думать, что названная тенденция проявилась и в Восточной Европе, и что на Руси могла произойти частичная рецепция византийских образцов. Носила ли эта рецепция непосредственный характер (что вполне возможно, учитывая тесное общение двух стран)⁶⁵ или же была опосредована церемониальной практикой других государств, судить сложно из-за скудости сохранившегося материала.

⁶⁰ Грабар А.Н. Император в византийском искусстве. М., 2000. С. 51–58, 93.

⁶¹ Капсалькова К.Р. Представления о войне и армии в Византии (середина IX — середина XI в.). Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2017. С. 199.

⁶² Продолжатель Феофана. Указ. соч. С. 198; Никита Хониат. Указ. соч. С. 202; Михаил Пселл. Хронография. М., 1978. С. 50, 94; Лев Диакон. Указ. соч. С. 90; Литаерин Г.Г. Как жили византийцы. СПб., 1997. С. 81; McCormick M. Op. cit. P. 177, 178.

⁶³ Constantini Porphyrogeniti. Op. cit. P. 610; Лев Диакон. Указ. соч. С. 83; Михаил Пселл. Указ. соч. С. 94; McCormick M. Op. cit. P. 159–162.

⁶⁴ McCormick M. Op. cit. P. 7; Поляковская М.А. Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «Театр власти». Екатеринбург, 2011. С. 20.

⁶⁵ Если прав А.Н. Грабар, свидетельством знакомства Руси с триумфальной традицией Византии уже в XI в. может служить одна из фресок Софии Киевской, изображающая «василевса, скачущего на белом коне... Похоже, что эта фигура составляла часть сцены триумфа на улицах или на Ипподроме Константинополя» (Грабар А.Н. Император... С. 69).

Яицкие казаки в период утверждения власти Михаила Романова (1613–1634)

Роман Евдокимов

**Yaik Cossacks during the approval of the power of Mikhail Romanov
(1613–1634)**

Roman Evdokimov

*(Russian Economic University named after G.V. Plekhanov, Moscow;
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow;
Moscow State Regional University, Russia)*

DOI: 10.31857/S0869568722030025, EDN: FWIRTP

Воцарение в 1613 г. Михаила Фёдоровича Романова ознаменовало начало выхода России из Смутного времени. Успокоение внутренних областей страны и обеспечение безопасности границ было невозможно без привлечения на сторону нового правительства вольного русского казачества – одной из ведущих сил в гражданском противостоянии начала XVII в. Особую роль играло Яицкое казачье войско, к тому времени обосновавшееся вдоль западного берега Яика (от устья до Илека), на островах Каспийского моря и в бассейне Эмбы. Яицкое казачество привлекало внимание Москвы в контексте международных отношений в Средней Азии и на Каспии¹.

Сначала их основным опорным пунктом была крупная казачья крепость в яицком понизовье (просуществовала до 1640-х гг.). Но уже к 1614 г. в среднем течении Яика на урочище Чаган построили деревянный острог, называвшийся просто Острогом или Яик-городом, – будущую казачью столицу Яицкий городок. Там между 1614 и 1620 гг. появилась первая в Яицком войске церковь. Всего в начале XVII в. у яицких казаков насчитывалось около десятка городков. Среди них Белый, Солёный, Голубой, на Медвеьем острове и др.² Во внутреннем управлении, вплоть до начала царствования Петра Великого, яицкое казачество никому не подчинялось. Несмотря на то что применялся термин «Яицкое войско» и существовали должности войскового атамана и войсковых есаулов (известны с 1633 г.), сложившейся регулярной войсковой организации эти казаки не имели. Они принадлежали к относи-

© 2022 г. Р.Н. Евдокимов

¹ Дариенко В.Н. Община на Яике в XVII – первой четверти XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории. Вып. VI. Вологда, 1976. С. 47–49, 51; История казачества азиатской России. Т. I. Екатеринбург, 1995. С. 24–25; Карпов А.Б. Уральцы. Исторический очерк. Ч. I. Уральск, 1911. С. 164; Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 272, 274.

² Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АИ). Т. III. СПб., 1841. С. 38–39; Витевский В.Н. Яицкое войско до появления Пугачёва // Русский архив. 1879. Кн. I. С. 281–282, 292–293; История казачества азиатской России. С. 24–25, 262, 266; Карпов А.Б. Указ. соч. С. 52–53, 63–65, 68, 124–131, 134, 168, 863, 864, 870; Лёвшин А.И. Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. СПб., 1823. С. 12–13, 37; Мамонов В.Ф. История казачества России. Т. I. Екатеринбург; Челябинск, 1995. С. 174–175; Очерки истории СССР... С. 272–274; Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 284–286, 288, 290–291; Рябинин А.Д. Уральское казачье войско. Ч. I // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1866. С. 5.

тельно независимым друг от друга общинам с численностью населения от нескольких десятков до 600–700 человек. Процесс их слияния в единую общность начался лишь в 1630–1640-х гг., а завершился только к 1680-м гг. Во главе каждой общины стояли выборные атаманы с дьяками-писарями, иногда с одним-двумя есаулами. Походы возглавляли походные атаманы, на рыбном промысле командовали атаманы плавенные. Высшим органом власти было общее собрание казаков – круг. Яицкое войско поддерживало тесные связи с остальными вольными казачьими сообществами и вместе с ними формировало общую организацию федеративной формы, центром которой выступало Войско Донское. Сохранению этих связей способствовали миграция и мобильность вольного казачества, выразившиеся в частых случаях смены места жительства и войсковой принадлежности. Это делает разделение казаков на яицких, донских, волжских, терских и гребенских в рассматриваемое время довольно условным³.

В связи со сложностью хозяйственного использования земель у яицких казаков не было индивидуально закреплённого землевладения, освоенные территории рассматривались как общинные. Хозяйство их имело ярко выраженный промысловый характер, ведущая роль отводилась рыболовству. Существенную роль играли скотоводство, охота, бортничество и добыча соли. Землепашество на Яике ввиду постоянной угрозы нападений кочевников в XVII в. не практиковалось. Хлеб и прочие продукты казаки получали извне. Частично потребность в хлебе удовлетворялась за счёт торговли с Россией, преимущественно через Самару. Торговые поездки на Яик подданным Московского государства возбранялись, но купцы обходили запрет, пробираясь на Яик тайно и привозя туда зелье и свинец. Вторым путём, покрывавшим нехватку ресурсов, служили походы «за зипунами» и «воровство». Часть добытой «погромной рухляди» делили между участниками походов, остальное распродавали⁴.

В социально-гендерном плане казачье общество на Яике в первой половине XVII в. строилось на принципах военизированного мужского союза, основанного на имущественном равенстве. Женщины в нём занимали подчинённое положение, являясь, по сути, военными трофеями, воспринимаемыми как собственность. Они переходили из рук в руки и продавались в рабство (нередко вместе с рождёнными ими детьми). В то же время некоторые казаки обзаводились постоянными семьями⁵. Яицкие казаки не имели чёткого

³ АИ. Т. III. С. 12–13, 22; Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (далее – РИБ). Т. XVIII. СПб., 1898. Стб. 168–169, 173, 550–551, 553; Т. XXIV. СПб., 1906. Стб. 551, 553; *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времён. Т. 9. М., 1990. С. 22–23; *Карпов А.Б.* Указ. соч. С. 57, 62, 65–67, 103, 111, 137, 164, 169, 172–173, 176, 863; *Витевский В.Н.* Указ. соч. С. 302; *Рябинин А.Д.* Указ. соч. С. 7–8; *Дариенко В.Н.* Указ. соч. С. 47–49, 50, 52–53; История казачества азиатской России. С. 39–40, 96; Очерки истории СССР... С. 273; *Дубовиков А.М.* Уральское казачье войско как военно-административная единица и историко-культурный феномен дореволюционной России // Казачество. Альманах. 2015. № 9. С. 43; Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 151, 395–396.

⁴ *Витевский В.Н.* Указ. соч. С. 293; *Дариенко В.Н.* Указ. соч. С. 50–54; *Дубовиков А.М.* Указ. соч. С. 64–65; История казачества азиатской России. С. 156, 158, 159, 178, 276; Казачество в тюркском и славянском мирах. С. 406; *Карпов А.Б.* Указ. соч. С. 66–67, 111–112, 159–161, 164, 219, 864, 866. Приложение. С. 59–60; *Лёвшин А.И.* Указ. соч. С. 53–54; Очерки истории СССР... С. 273–274; *Рычков П.И.* Указ. соч. С. 297–299; *Рябинин А.Д.* Указ. соч. С. 8–9.

⁵ *Витевский В.Н.* Указ. соч. С. 282, 284; *Дариенко В.Н.* Указ. соч. С. 50, 53–54; *Дубовиков А.М.* Указ. соч. С. 46; История казачества азиатской России. С. 217; Казачество в тюркском

представления о своей этнической принадлежности. Начало Яицкого войска они вели от донских казаков, о чём рассказывалось в преданиях об атаманах В. Гугне и П.Д. Рыжечке. Списки 1632–1633 гг. убеждают в том, что в первой половине XVII в. практически все яицкие казаки происходили из пределов Российского царства, особенно из районов Верхнего и Среднего Поволжья и Севера. Эти сведения подтверждают и более поздние документы, в том числе перепись Яицкого войска 1723–1724 гг. В подавляющем большинстве яицкие казаки были русскими, выходцами из среды тяглого и служилого приборного люда. Меньшая их часть происходила из соседних кочевых народов, чему способствовали случаи брачных отношений с представительницами татар, ногаев и калмыков. Главную роль в увеличении численности казачества на Яике играл не естественный прирост, а иммиграция из России⁶.

Общую численность яицкого казачества в первой половине XVII в. установить сложно — этому препятствуют не только отрывочность имеющихся сведений, но и постоянная её динамика в условиях частых передвижений и военных походов казаков, а также относительность для рассматриваемого периода самого понятия «яицкие казаки». Известно, что зимой 1629–1630 гг. на Яике зимовало около 300 казаков, а зимой 1631–1632 гг. — уже около 2 тыс. Летом–осенью 1632 г. их насчитывалось не менее 800–900 человек⁷. Существенному увеличению численности яицких казаков препятствовали затруднённая притока людей из-за удалённости Яика от основных русских областей, опасность жизни в условиях непрекращающихся военных столкновений и малочисленность в Яицком войске женщин.

Первые официальные контакты яицких казаков с Российским государством относятся к началу царствования Михаила Фёдоровича. Существуют две версии, которые можно условно назвать «легендарной» и «документальной». В основу первой из них легло предание, зафиксированное Коллегией иностранных дел России на основании челобитных яицких станичных атаманов — Ф. Рукавишников (Крашенинников) (1720) и Ф. Михайлова (1721). Они уверяли,

и славянском мирах. С. 149, 166; *Карпов А.Б.* Указ. соч. С. 40–42, 90, 147; *Рычков П.И.* Указ. соч. С. 278–284; *Рябинин А.Д.* Указ. соч. С. 9.

⁶ Акты Московского государства, изданные Императорской академией наук (далее — АМГ). Т. I. СПб., 1890. С. 336; *Витевский В.Н.* Указ. соч. С. 279–289; *Герасимов А.А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. М., Саратов, 1923. С. 190–191, 244; *Дариенко В.Н.* Указ. соч. С. 51, 57–58; *Дубовиков А.М.* Указ. соч. С. 46; История казачества азиатской России. С. 20, 90, 93–94, 129–130; Казачество в тюркском и славянском мирах. С. 298–300, 305, 307, 309, 402–403, 405; *Карпов А.Б.* Указ. соч. С. 39–45, 55–65, 147, 172, 190–192, 534–558, 891–895. Приложение. С. 1–20, 24–45, 58; *Лёвшин А.И.* Указ. соч. С. 4–5, 38; *Мамонов В.Ф.* История казачества России. С. 174; Очерки истории СССР... С. 272–273; *Рычков П.И.* Указ. соч. С. 278–284, 290–291; *Рябинин А.Д.* Указ. соч. С. 6–7; *Сдыков М.Н.* Формирование Яицкого (Уральского) казачества в XVI–XVIII веках: мифы и реальность // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья (Казань). 2019. № 9. Т. I. С. 9–14; Служба донских и яицких казаков XVII–XVIII века // Материалы по истории и генеалогии казачества. Вып. 13. Волгоград, 2020. С. 39–51, 116.

⁷ *Витевский В.Н.* Указ. соч. С. 297; *Дариенко В.Н.* Указ. соч. С. 49; РИБ. Т. XVIII. Стб. 342; История казачества азиатской России. С. 39, 141–142; Казачество в тюркском и славянском мирах. С. 298–300; *Карпов А.Б.* Указ. соч. С. 55–59, 62, 92–93, 111, 169, 863, 891–895. Приложение. С. 1–16, 24–29, 58; Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с Высочайшего соизволения II отделением Собственной его императорского величества канцелярии (далее — КР). Т. II. СПб., 1855. Стб. 386; Служба донских и яицких казаков... С. 39–51; *Сташевский Е.Д.* Смоленская война 1632–1634 гг. Организация и состояние московской армии. Киев, 1919. С. 155.

что Яицкое войско присягнуло государю едва ли не в 1613 г., получив грамоту на владение всем Яиком, однако соответствующий документ не предъявили: по их словам, около 1680 г. тот сгорел. Сами яицкие казаки часто относили выдачу этой грамоты к царствованию Алексея Михайловича, Фёдора Алексеевича и времени правления царевны Софьи. Войсковой атаман И.Г. Меркурьев в ноябре 1748 г. уверял, что после присяги Михаилу Фёдоровичу яицкие казаки вместе с донцами стали в Каспийском море грабить персидские торговые суда. В ответ на жалобы шаха на Дон отправили войскового атамана Фрола Минаева, на Яик — атамана Ивана Белоусова. Разбой прекратился, и «воровские» казаки дошли Волгою до Нижнего Новгорода, а оттуда на ямских подводах прибыли в российскую столицу, имея при себе топор и плаху как символ готовности понести наказание. Вместо казни их на семь лет послали «в Польшу и под Ригу вины свои заслуживать». Позднее некоторых отпустили на Дон и Яик, иных же поселили в Великих Луках, дав им по одному крестьянину для содержания⁸. Воспринимать эту версию начала службы Яицкого войска России всерьёз не стоит ввиду массы содержащихся в ней анахронизмов.

«Документальная» версия, опирающаяся на подтверждённые документами данные, фиксирует установление регулярных отношений яицких казаков с Российским государством в 1614 г., когда мятежный атаман И.М. Заруцкий утвердился в Астрахани и Терках и готовился к походу на Самару и Казань. Стараясь пресечь переход на его сторону казачьих сообществ Дона, Волги, Терека и Яика, Москва стала активно сноситься с ними, обещая государево жалованье, покровительство и службу. Казачья вольница в большинстве своём не выразила сочувствия Заруцкому и даже, возможно, участвовала в походе против него в составе войска кн. И.Н. Одоевского⁹. Единственное предположительное указание на участие яицких казаков в движении Заруцкого относится к августу 1614 г., когда разбитые в районе Медвежьего острова на Яике мятежные волжские казаки отправились «воровать» на Волгу. Среди них упоминается и отряд в 50 человек во главе с яицким атаманом Никитой Усом¹⁰. К тому же време-

⁸ *Витевский В.Н.* Указ. соч. С. 296–298; История казачества азиатской России. С. 122, 157, 179, 258–259; *Карпов А.Б.* Указ. соч. С. 38, 39, 43–45, 112, 221; *Лёвшин А.И.* Указ. соч. С. 1, 13–14, 17, 33, 38; *Рычков П.И.* Указ. соч. С. 277–278, 285–286; *Мамонов В.Ф.* В дни мятежей и смут кровавых. Казачество во времена Смуты в Московском государстве на рубеже XVI–XVII веков. Челябинск, 1999. С. 92; *Рябинин А.Д.* Указ. соч. С. 14–17.

⁹ АИ. Т. III. С. 12–20, 22–30, 32–34, 36–37, 411–448; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук (далее — ААЭ). Т. III. СПб., 1836. С. 21–68; Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Т. I. Новочеркасск, 1891. С. 6–8; *Витевский В.Н.* Указ. соч. С. 299; РИБ. Т. XVIII. Стб. 23–203; *Иловайский Д.И.* История России. Т. IV. Вып. 2. М., 1899. С. 2–3; История казачества азиатской России. С. 122–123; *Карпов А.Б.* Указ. соч. С. 102–103, 109–117, 124; *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия // *Костомаров Н.И.* Собрание сочинений. Кн. 2. СПб., 1904. С. 628–635; *Мамонов В.Ф.* В дни мятежей... С. 91–94; Очерки истории СССР... С. 273; *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XVII и начале XVIII века. (Очерки из истории колонизации края) // Записки Императорского Новороссийского университета. Т. XXXIV. Одесса, 1882. С. 30–31; Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 248–250, 266–277; *Рябинин А.Д.* Указ. соч. С. 13–17; *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Т. 9. С. 18–26; *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 78, 107, 110–111, 113; *Сухоруков В.Д.* Историческое описание земли Войска Донского. Т. I. Новочеркасск, 1869. С. 107–119.

¹⁰ АИ. Т. III. С. 38–39, 438; *Витевский В.Н.* Указ. соч. С. 299; *Герасимов А.А.* Указ. соч. С. 202; РИБ. Т. XVIII. Стб. 53; *Иловайский Д.И.* Указ. соч. С. 4; *Мамонов В.Ф.* В дни мятежей... С. 94–95; *Карпов А.Б.* Указ. соч. С. 124–125.

ни относятся первые попытки налаживания контактов правительства Михаила Фёдоровича с Яицким войском. В грамотах от 18 марта 1614 г. на Дон указано, чтобы «волские, и яицкие, и терские, и иных рек атаманы и казаки» при посредничестве Войска Донского прислали в Москву посланников для присяги царю Михаилу. 17 мая донцы отправили письмо в Астрахань «Волскому, и Терскому, и Яицкому войску, и всех рек преслауших господам атаманом и казаком, и всему великому войску». Дошло ли доставленное в Астрахань 17 июня письмо до конечного адресата, неизвестно. Встреча яицких казаков с представителем романовской администрации тем не менее состоялась: 15 июня 1614 г. на Дон прибыл царский посланник И.Л. Опухтин. Он участвовал в казачьем кругу, где помимо донцов присутствовали казаки с Волги и Яика¹¹.

После подавления мятежа Заруцкого Яицкое войско стало союзником Москвы. Этот непрочный союз позволял Российскому государству использовать «казачий фактор» в усилении своих позиций. Детям боярским и служилым казакам украинских городов в случае пленения предписывали завышать численность царского войска, включая в него и формирования вольного казачества, в том числе яицкого¹². Согласно же разрядным сметам, яицкие казаки даже в ограниченном количестве до Смоленской войны ни разу не упоминались в составе российского войска¹³. Некоторые исследователи относили первую службу яицких казаков в государевых войсках к 1629 г. – в Переяславле-Рязанском в полку кн. А.И. Солнцева-Засекина, собранном для отражения набега крымцев, что, однако, не подтверждается источниками¹⁴. Равным образом, недоразумением является указание на участие в 1615 г. «уральских» казаков в восстановлении крепости в Великих Луках; в 1619 г. вместе с донскими казаками они якобы должны были пополнить население города¹⁵.

Московское государство предпринимало шаги к взаимодействию с яицкими казаками, которым в 1626 г. через посланника – самарского сына боярского Прибылого Аристовова – предложили переселиться на постоянное жительство в Самару. Предложение приняли две казачьи группы во главе с атаманами

¹¹ ААЭ. Т. III. С. 29, 30, 33; АИ. Т. III. С. 12–13, 22, 24, 436; Акты, относящиеся к истории Войска Донского... С. 6–8; РИБ. Т. XVIII. Стб. 64, 67–68, 76–77; *Карпов А.Б.* Указ. соч. С. 102–103, 109–111; *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Т. 9. С. 21.

¹² ААЭ. Т. III. С. 271; КР. Т. I. СПб., 1853. Стб. 43, 130, 141–142, 152–153, 282, 294–295, 305, 631, 687–688, 702, 746–747, 842–843, 901–902, 918–919, 997, 1072–1073, Т. II. Стб. 772, 858; Разрядная книга 7123 года // *Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских.* Кн. 1. М., 1849. С. 28; Разрядная книга 7124 года // Там же. Кн. 2. М., 1849. С. 44; Разрядная книга 7125 года // Там же. Кн. 3. М., 1849. С. 48–49, 57, 63; Разрядные книги 1598–1638 гг. С. 284; *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Т. 9. С. 269.

¹³ *Витевский В.Н.* Указ. соч. С. 298–299, 303; История казачества азиатской России. С. 107; Смета военных сил Московского государства на 1632 год. («Сметной список 140-го году») // Военно-исторический вестник, издаваемый при Киевском отделе Императорского Русского военно-исторического общества. 1910. № 9–10. Киев, 1910. С. 53, 57–85; Сметный список 139 года // *Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских.* Кн. 4. М., 1849.

¹⁴ ААЭ. Т. III. С. 268–274; *Витевский В.Н.* Указ. соч. С. 298; История казачества азиатской России. С. 107; *Карпов А.Б.* Указ. соч. С. 135; *Рябинин А.Д.* Указ. соч. С. 17–18.

¹⁵ Н.В. Соколова, ссылаясь на работу А.В. Юрасова, утверждает, что «уральские» казаки уже в 1615 г. участвовали в восстановлении Великих Лук, а в 1619 г. вместе с донскими казаками должны были пополнить население этого города. Однако в тексте Юрасова эти сведения не обнаруживаются (*Соколова Н.В.* Псковское казачество XVII века // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2003. № 18. С. 62; *Юрасов А.В.* Великие Луки в XIII–XVII веках. Историческая топография средневекового города. Псков, 1996).

Тохтамышем Семёновым и Максимом Гилянцем (всего 24 казака с жёнами и детьми). В 1630 г. в Самару с Яика с семьями переселились ещё 11 яицких казаков атамана Трени Филипьева. Судя по отсутствию в сметах 1631–1632 гг. сведений о наличии в Самаре казаков, они надолго не задержались в этом городе. В то же время известно о наличии семей у некоторых яицких казаков в других городах России – в Москве, Темникове, Саратове¹⁶.

Статус союзника Москвы не мешал казакам идти против её интересов, совершая походы «за зипунами». Наиболее активно «воры» действовали на Нижней Волге и Каспии, что вынуждало российское правительство постоянно держать там войска. В 1627 г. пришлось построить между Астраханью и Царицыным Черноярский острог с крупным гарнизоном¹⁷. Согласно казачьим преданиям, яицкие казаки около того же времени совершили два похода на Хиву: под руководством атамана Нечая (до 500 казаков) и атамана Шамая (около 300 участников). Большинство исследователей, правда, датируют эти события началом XVII в. Оба похода закончились трагически, мало кто из казаков вернулся на Яик, а вскоре и им самим пришлось обороняться. В 1630 г. к их городкам стали приступать калмыки: зимой нападениям подверглись верхние городки, а в апреле – Солёный городок¹⁸.

Ситуация с казачьим воровством обострилась к концу 1630 г., когда на Дону убили московского посланника И. Карамышева. Прекращение выплаты государева жалованья и арест находившихся по делам в российских пределах донцов, лишение их права свободного торгова в украинских городах принудили казаков усилить воровскую деятельность. Весной 1631 г. более тысячи донцов и черкас направились в устье Волги, где, соединившись с 250 яицкими казаками, разграбили учуги и рыбные ловли, а затем, выйдя в Каспийское море, разгромили персидские торговые суда. У них появились мысли о морском походе на Персию; к осени 1631 г. небольшие группы казаков проникали в Алатырский, Темниковский и Шацкий уезды. Зимой 1631/32 г. воровство ненадолго стихло, но вскоре на Дону в семи городках собралось до 600 донских и яицких казаков, грозивших уйти в Запорожье служить «литовскому королю», если к весне 1632 г. они не получат царского жалованья¹⁹.

¹⁶ Дополнения к Дворцовым разрядам, по поручению графа Дмитрия Николаевича Блудова собранные из книг и столбцов, прежде бывших дворцовых приказов архива Оружейной палаты Иваном Забелиным (далее – ДДР). Ч. 1. М., 1882. Стб. 459–460; История казачества азиатской России. С. 24; *Карпов А.Б.* Указ. соч. С. 133–134, 863–865; Смета военных сил Московского государства... С. 74; Сметный список 139 года. С. 45; Служба донских и яицких казаков... С. 60–61.

¹⁷ РИБ. Т. XVIII. Стб. 343; ДДР. Ч. 1. Стб. 484, 485, 500; КР. Т. I. Стб. 1355. Т. II. Стб. 86, 191, 196, 287, 291–295, 356–360, 687, 742, 745–749, 818–819, 921–922; *Герасимов А.А.* Указ. соч. С. 190–191, 202–203; ДДР. Ч. 1. Стб. 265, 301, 403–404, 419, 428, 481, 500, 588, 598–599, 776, 848; История казачества азиатской России. С. 156; *Карпов А.Б.* Указ. соч. С. 63, 64, 67–68, 864, 866; *Мамонов В.Ф.* История казачества России. С. 182–183; Очерки истории СССР... С. 274; *Перетякович Г.И.* Указ. соч. С. 29–30, 40.

¹⁸ *Витевский В.Н.* Указ. соч. С. 293–295; История казачества азиатской России. С. 56–57, 253; *Карпов А.Б.* Указ. соч. С. 65, 89–95, 111, 128, 134–135, 863–866; *Лёвшин А.И.* Указ. соч. С. 11–12; *Мамонов В.Ф.* История казачества России. С. 183–185; *Рычков П.И.* Указ. соч. С. 286–290; *Рябинин А.Д.* Указ. соч. С. 9–11; Очерки истории СССР... С. 273.

¹⁹ АМГ. Т. I. С. 335–337; РИБ. Т. XVIII. Стб. 338–343; ДДР. Ч. 1. Стб. 735, 776, 812–813, 848, 856; *Иловайский Д.И.* Указ. соч. С. 140; *Карпов А.Б.* Указ. соч. С. 166–168; *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 217–218; *Стасhevский Е.Д.* Указ. соч. С. 151–153; *Сухоруков В.Д.* Указ. соч. С. 219–226.

Яицкое войско, судя по всему, решило самостоятельно договориться с Москвой. В феврале 1632 г. 150 казаков с Яика с атаманами Иваном Зыковым и Елькой Спицыным перешли в верховья Дона, ища контактов с царскими представителями. На самом Яике их ждали в сборе 2 тыс. конных казаков, готовых выступить в поход. Попытка примирения оказалась неудачной, и по весне донские и яицкие казаки возобновили грабежи на Волге и Каспии. Высланный против них из Астрахани отряд был разбит и потерял пушки. В преддверие Смоленской войны правительство не пошло на обострение ситуации, этого не желали и сами казаки. 15 мая 1632 г. «в челобитчиких о своих винах» от Яицкого войска в Москву приехал атаман П. Сноксарёв. Челобитчиков простили и наградили английским сукном²⁰.

Российские власти стремились привлечь вольное казачество к участию в военных действиях против Речи Посполитой. 29 мая 1632 г. на Яик уговорить казаков прекратить воровство, присягнуть государю и идти на службу в Москву послали дворянина Б.С. Змеева с товарищем П. Аристовым. Сначала посланник общался с теми, кого застал в городках на Яике, затем встретился с возвращавшимися с разбоя на Каспийском море на восьми стругах, по-видимому, недалеко от Астрахани. Змееву удалось убедить казаков – на службу согласились идти около 600 человек. Казаки вернули пушки и припасы, отбитые у служилых людей²¹.

Поход Яицкого войска в Москву начался, видимо, не ранее октября 1632 г. Д.Н. Меньшиков указал, что уже в начале августа 1632 г. в штатах готовившегося к походу на Смоленск войска боярина и воеводы М.Б. Шеина общее число донских и яицких казаков определялось в 411 человек (впрочем, возможно, это были только донцы)²². Казаки шли несколькими группами в конном строю, следуя через Саратов, Самару, Темников, Касимов и Владимир. Первая их группа вместе с дворянином Змеевым достигла Москвы 20 декабря, вторая, возглавленная атаманом Тимофеем Попом, – 5 января 1633 г., остальные подоспели к февралю. К яицким казакам по дороге присоединялись люди «неказачьего звания», в том числе бежавшие от хозяев. Число последних оценивается исследователями в диапазоне от 90 до 200 человек. 8 января при выдаче жалованья в Москве по списку числились 618 казаков: войсковой и 4 станичных атамана, 3 войсковых и 7 станичных есаулов и 603 рядовых. Общее число явившихся в российскую столицу яицких казаков составило от 819 до 950 человек. В любом случае на время Смоленской войны яицкие казаки составляли большую из двух корпораций вольного казачества в московском войске (донских казаков было почти вдвое меньше)²³.

Практически сразу казаков под командованием Б. Лупандина отправили под Смоленск, куда их передовые станицы прибыли не позднее начала февра-

²⁰ РИБ. Т. XVIII. Стб. 342–344; *Карнов А.Б.* Указ. соч. С. 167–168; Очерки истории СССР... С. 274–275; *Сташевский Е.Д.* Указ. соч. С. 154; Служба донских и яицких казаков... С. 47.

²¹ АМГ. Т. II. СПб., 1894. С. 266–267; *Карнов А.Б.* Указ. соч. С. 55, 168–169, 867–868. Приложение. С. 6; Очерки истории СССР... С. 272, 274–275; Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. II. Вып. 2. М., 1976. С. 365–366; *Сташевский Е.Д.* Указ. соч. С. 150, 154–155.

²² *Меньшиков Д.Н.* Смоленская война 1632–1634 гг. и начальный этап реформирования московской армии. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. С. 89–90; *Сташевский Е.Д.* Указ. соч. С. 164–165.

²³ *Карнов А.Б.* Указ. соч. С. 55, 169–170, 184, 867–869. Приложение. С. 1–16; Очерки истории СССР... С. 272; Служба донских и яицких казаков... С. 39–42, 60–61, 74, 117, 121, 124–132; *Сташевский Е.Д.* Указ. соч. С. 153–155, 164–165; *Меньшиков Д.Н.* Указ. соч. С. 162, 174.

ля. Они успели к фактическому началу Смоленской осады (полную блокаду города установили 10 февраля). Отдельные яицкие отряды присоединились к ней лишь к концу зимы. Казаков направили в распоряжение воеводы кн. С.В. Прозоровского, стоявшего укреплённым лагерем в острожке на левом берегу Днепра в трёх верстах западнее города. Рядом, на правом берегу, находилась Покровская гора – важный пункт, удержание которого имело большое значение²⁴.

Вступив в ряды осадного войска, яицкие казаки претерпели изменения в своей управленческой организации. Прежде всего их «сверстали» с казаками донскими в основанный на общем социально-правовом и административном положении единый разряд, в тактическом смысле представлявший одно формирование. Это была конница, не имевшая единообразного вооружения: всевозможные образцы огнестрельного (пищали и карабины) и холодного оружия (сабли, саадаки)²⁵. Яицких и донских казаков включили в стандартную для российских вооружённых сил приказную структуру – они вошли в состав приказа Семёна Горяинова-Гуринова. В декабре 1633 г. командиром казаков значился уже голова Б. Извеков²⁶.

Однако казаки сохранили и традиционную станичную организацию. Во время осады Смоленска они разделялись на десять станиц: Василия Никитина сына Писарева, Андрея (Потапа) Сноксарёва, Ивана Филипьева (Копыта), Анисима Иванова (Чернопруда, Чертопруда), Никиты Самойлова, Тимофея Микифорова (Попа), Калины Иванова, Ивана Семёнова (Черноярского, Черноярца), Василия Афанасьева сына Бутакова и Андрея Толстошеина. Действовало и общевойсковое представительство в лице войскового (походного) атамана В.Н. Писарева и войскового есаула Я.Д. Браги²⁷. Должностными чинами у яицких казаков были атаманы (войсковые и станичные), есаулы (войсковые и станичные), а в крупных станицах – десятники. Последние вместе с рядовыми относились к собственно казакам и по размеру жалованья никак не выделялись. В тот же период у яицких казаков уже имелись боевые знамёна. Первое упоминание о них датировано 26 мая 1633 г.²⁸

Основу довольствия яицких и донских казаков в смоленскую осаду составляло прежде всего денежное жалованье. Сначала они получали деньги вместе со станицей Степана Кругового²⁹, затем с ратными людьми частей европейского

²⁴ АМГ. Т. I. С. 441–442, 456, 463; *Иловайский Д.И.* Указ. соч. С. 67; *Карпов А.Б.* Указ. соч. С. 170, 171; *Даниловский А.А.* План осады и обороны города Смоленска в 1632 и 1634 гг., с объяснительным текстом // Картографические материалы. Вып. II. СПб., 1904. С. 46–47, 88; *Сташевский Е.Д.* Указ. соч. С. 155, 165; *Служба донских и яицких казаков...* С. 57, 116; *Меньшиков Д.Н.* Указ. соч. С. 95, 100, 110–112, 121.

²⁵ РИБ. Т. IX. СПб., 1884. С. 576; *Сташевский Е.Д.* Указ. соч. С. 154, 164–165; *Служба донских и яицких казаков...* С. 39–42, 60–61, 73.

²⁶ *Карпов А.Б.* Указ. соч. С. 172–174, 176–177; *Служба донских и яицких казаков...* С. 46–47.

²⁷ РГАДА, ф. 210, оп. 6-ж, д. 88, л. 185, 186, 210 об.–211, 213 об., 215 об.–217 об., 265 об., 287 об., 312, 316 об.–317 об., 461 об.–462, 471 об.–472; АМГ. Т. I. С. 548. РИБ. Т. IX. С. 576; *Карпов А.Б.* Указ. соч. С. 169, 171, 172–173, 175–177, 179. Приложение. С. 1, 7–15, 48; *Сташевский Е.Д.* Указ. соч. С. 155; *Служба донских и яицких казаков...* С. 42–51, 55.

²⁸ ААЭ. Т. III. С. 377; *Карпов А.Б.* Указ. соч. С. 65, 172, 173. Приложение. С. 1–6, 7–15; *Сташевский Е.Д.* Указ. соч. С. 154.

²⁹ Станица Степана Кругового – особое формирование в российском войске. Она была единственным отдельным «именным» образованием служилых казаков, т.е. названным не по территориальному происхождению, а по имени атамана. Станица являлась организационно самостоятельной воинской единицей, напрямую подчиняясь командованию воеводских полков (Смета военных сил Московского государства... С. 69; *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 164–165, 167, 195, 197–198, 240).

строю — рейтарами, драгунами, солдатами и иноземцами греческого, сербского и валашского происхождения³⁰. В целом его размеры соотносились с окладами рядового состава солдатских полков. С января 1633 г. казакам полагались кормовые деньги («подённый корм»): атаманам по 12, есаулам по 10, казакам по 8 денег. Годовое жалованье у яицких казаков было больше, чем у донцов: у большого атамана — 16 руб., станичных атаманов — 15, есаулов — 12,5, рядовых казаков — 10 руб. Однако выдаваемых средств из-за высоких цен в условиях военных действий не хватало, что вынудило яицких и донских казаков уже в сентябре 1633 г. бить челом о повышении подённого корма. Правительство добавило всем их категориям по 2 деньги кормовых денег, а годовое жалованье выросло у всех на 1 руб. Корм своим лошадям казаки обеспечивали путём фуражировок³¹.

Дополнительным материальным источником для яицких казаков (как и для других служилых людей) являлись разовые выплаты различного характера: за принесённые ядра — до 3 коп. за ядро (исходя из его размера); за раны — от 30 коп. до 1,5 руб. (в зависимости от тяжести ранения); на похороны — 50 коп. Кормовое жалованье выдавали также выходцам (перебежчикам в российский лагерь) — 2–3 коп. на человека в день. Некоторым из них также выплачивались повышенные кормовые деньги: один из яицких казаков, «что приехал из королевского обозу», в сентябре 1633 г. получал по 3 коп. в день, а на дорогу до Москвы ему выдали 30 коп. Известны и необычные виды выплат. Например, 28 октября 1633 г. яицкому казаку Л. Фролову выдано 15 руб. за выкуп у казаков своей же станицы взятой в плен литовки с детьми (её муж вышел «на государево имя»)³².

Первый бой в Смоленской войне яицкие казаки, представленные станицами В.Н. Писарева, Г. Павлова и К. Иванова, приняли 6 февраля к западу от Смоленска у села Сырокоренья. Он случился в ходе одного из набегов, организованных воеводой Шеиным в ответ на действия литовского польного гетмана кн. К. Радзивилла и смоленского воеводы А. Госевского, тревоживших российские войска нападениями и мешавших производить фуражировки³³. В конце февраля казаки участвовали в отражении первой попытки прорыва в город польско-литовских подкреплений. Вместе с донцами и татарами под началом стольников В. и С. Измайловых яицкие казаки (станция В.Н. Писарева) пришли на помощь гарнизону Покровской горы, и вражеский отряд был разбит. Подобную же вылазку 1 апреля вместе с прочими служилыми людьми отбивали яицкие станицы Г. Павлова и К. Иванова. 16 мая станицы П. Сноксарёва и В. Бутакова ходили на приступ Смоленска³⁴.

26 мая яицкие казаки почти в полном составе (станция В. Писарева, П. Сноксарёва, А. Чертопрудя, И. Копыта, К. Иванова, А. Толстошеина

³⁰ РГАДА, ф. 210, оп. 6-ж, д. 88, л. 4 об.—5; АМГ. Т. I. С. 526–527.

³¹ АМГ. Т. I. С. 525, 526; Карпов А.Б. Указ. соч. С. 170, 869. Приложение. С. 7; Сташевский Е.Д. Указ. соч. С. 154, 155; Служба донских и яицких казаков... С. 116, 154.

³² РГАДА, ф. 210, оп. 6-ж, д. 88, л. 95, 109 об., 179–179 об., 185–186 об., 210 об.—211, 213 об.—214, 215 об.—217 об., 224 об., 259 об., 261 об., 265 об.—266, 287 об., 312–312 об., 316 об.—318, 353 об., 393, 394–394 об., 461 об.—462, 471 об.—472; Служба донских и яицких казаков... С. 47–51.

³³ АМГ. Т. I. С. 457–458, 495; Карпов А.Б. Указ. соч. С. 171; Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 68–69; Очерки истории СССР... С. 470; Служба донских и яицких казаков... С. 45; Меньшиков Д.Н. Указ. соч. С. 115.

³⁴ ДДР. Ч. 1. Стб. 794–795; Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 69–70; Карпов А.Б. Указ. соч. С. 171; Меньшиков Д.Н. Указ. соч. С. 115; Служба донских и яицких казаков... С. 44, 45, 47.

и Т. Микифорова) совместно с пешим полком фон Дама участвовали в первом сильном штурме города, произведя с западной его стороны демонстративную атаку. Казачьи потери в ней составили 5–8 человек убитыми и 23–27 – ранеными. Второй большой штурм, в котором задействовали, видимо, только станицы Сноксарёва и Бутакова, произошёл 10 июня. В ходе него погибли трое и получили ранения 23 казака. В третьем штурме 12 июня яицкие казаки участвовали в полном составе. 29 июня станицы Сноксарёва и Бутакова отбили вылазку противника на Покровскую гору³⁵.

Летом 1633 г. под Смоленском противоборствующие стороны постоянно посылали отряды за языками и тревожили противника нападениями. Поляки и литовцы всё более активизировали свои действия в ожидании подхода основной армии во главе с королём Владиславом. В июне–августе в ходе отражения попыток прорыва польско-литовских отрядов к осаждённому городу произошло 15 боёв, и их тяжесть в основном легла на полк Прозоровского. 3 июля станица Писарева имела столкновение с противником за р. Катынкой; 30 июля казаки в полном составе отбивали попытку прорыва к Смоленску на р. Ясенной³⁶. 25 августа к Смоленску подошёл король Владислав. 28 августа он предпринял наступление на Покровскую гору, желая, прорвав осаду, провести в город подкрепления и запасы. В тот день все яицкие станицы действовали против соединения гетмана В. Казановского, двигавшегося по правому берегу Днепра для атаки воеводского лагеря. Планы противника были сорваны, он понёс значительные потери. Вскоре казаки приняли участие в самом продолжительном сражении за всю осаду Смоленска, начавшемся 11 сентября и длившемся двое суток: поляки и литовцы вновь штурмовали Покровскую гору. Хотя все их атаки удалось отразить, воеводы в ночь на 13 сентября вывели гарнизон полковника Маттисона в большой острог к воеводе Шеину. Кн. Прозоровский также оставил свой острожек и перешёл в большой обоз за Днепр³⁷.

18 сентября польско-литовские войска одновременно с Покровской горы и из Смоленска пошли на приступ «Индрикова городка» – шанца, занимаемого полком фон Дама. В отражении атаки участвовали войска кн. Прозоровского, в том числе яицкие станицы Писарева, Сноксарёва и Бутакова. 9 октября казаки в полном составе участвовали в сражении на Жаворонковой горе, безуспешно пытаясь выбить неприятеля с этой позиции, господствовавшей над лагерем Шеина. 18 декабря яицкие казаки под началом есаула Г. Павлова и атамана К. Иванова совершили неудачное нападение на литовский обоз. 21 декабря они бились у Боярского острога, а 28 декабря станицы Писарева, Сноксарёва и Бутакова отправились за Днепр для действий под королевским табором³⁸.

С осени 1632 г. в войске Шеина началось дезертирство служилых людей – дворян, детей боярских, солдат и казаков. Многие дезертиры сбивались

³⁵ *Иловайский Д.И.* Указ. соч. С. 72; *Карпов А.Б.* Указ. соч. С. 172–173; *Меньшиков Д.Н.* Указ. соч. С. 119–120; *Очерки истории СССР...* С. 471; *Служба донских и яицких казаков...* С. 42–43, 48.

³⁶ *Карпов А.Б.* Указ. соч. С. 173–174; *Служба донских и яицких казаков...* С. 45–46; *Меньшиков Д.Н.* Указ. соч. С. 121.

³⁷ *Даниловский А.А.* Указ. соч. С. 47, 61; *Иловайский Д.И.* Указ. соч. С. 77, 80–81, 86; *Карпов А.Б.* Указ. соч. С. 174–175; *Меньшиков Д.Н.* Указ. соч. С. 127, 129–130, 140–154; *Очерки истории СССР...* С. 474; *Служба донских и яицких казаков...* С. 46, 48–49; *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Т. 9. С. 156.

³⁸ *Иловайский Д.И.* Указ. соч. С. 85, 87; *Карпов А.Б.* Указ. соч. С. 176–177; *Меньшиков Д.Н.* Указ. соч. С. 155–159, 164–171; *Служба донских и яицких казаков...* С. 44–47, 49–51; *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Т. 9. С. 157.

в отряды и вели партизанские действия против польско-литовских войск, промышляя также грабежом и мародёрством. Вскоре это вылилось в повстанческое движение – Балашовщину, названную по имени предводителя – атамана Ивана Балаша, бывшего крестьянина Болдина Дорогобужского монастыря. Под его командованием находилось значительное число кормовых детей боярских и донских казаков, а также некоторая часть казаков яицких. В феврале 1633 г. Балаш самовольно ушёл из-под Смоленска в Северскую землю. Там он бился с неприятелем под Сурожем и Кричевом, а затем принял участие в занятии Стародуба, откуда действовал против литовцев и черкас в районе Гомеля и Чечерска. К повстанцам послали дворянина В.П. Ляпунова, потребовавшего их возвращения под Смоленск. Многие из балашовцев приказу не подчинились, пойдя на юг, к Севску, в сторону Дона. Стародубский воевода И. Еропкин 1 марта дал им бой, завершившийся поражением балашовцев и пленением Балаша. Оставшиеся балашовцы во главе с донским атаманом Семёном Пирогом (около 500 человек) ушли на юг и встали под Новгородом-Северским, а затем – под Путивлем, по-прежнему намереваясь отправиться на Дон³⁹.

Несмотря на то что в целом российскому правительству удалось справиться с массовым бегством из-под Смоленска служилых людей, полностью пресечь его не получилось. Не смогли окончательно подавить и балашовщину, вернуть её участников на государеву службу. В начале мая под Путивль к стоявшим там повстанцам направили жильца Григория Беседного. Он смог убедить вернуться под Смоленск около 300 человек (в их числе и яицких казаков), но практически все они (за исключением 17 человек, из них 3 яицких казака) разбежались. С миссией Беседного связан интересный эпизод. Беглые яицкие казаки, проходя 25 марта мимо занятого российским гарнизоном Трубчевска, согласились на уговоры гарнизонного командования остаться в этом городе. Когда 7 мая по территории уезда проходил жилец Беседной, ведший из Севска под Смоленск бывших казаков Балаша, яицкие казаки самовольно пошли за ним, грабя по дороге крестьян. Посланных же к ним с увещанием воронежских поместных казаков они обстреляли из пищалей⁴⁰.

Тогда же, во время подготовки похода на Северщину против появившихся там черкас, воеводам Ф.М. Бутурлину и Г. Алябьеву предписали при записи в их войско вольных охочих людей следить, чтобы в числе последних «из-под Смоленска беглых салдат, и донских и яйтцких казаков, и из иных городов служилых всяких людей не было». Если же таковые объявятся, их следовало возвращать под Смоленск. Параллельно с уговорами властям приходилось применять силу. 6 мая из-под Смоленска сбежали около сотни яицких казаков станицы Ивана Копыто и начали грабежи в Рославльском уезде. К ним примкнули беглые дети боярские и служилые казаки. Рославльский воевода кн. Д.Т. Сеитов после безрезультатных уговоров послал против дезертиров разбивший их отряд⁴¹.

30 декабря 1633 г. под Смоленск послали бояр и воевод кн. Д.М. Черкасского и кн. Д.М. Пожарского. К тому времени российский лагерь превратился

³⁹ АМГ. Т. I. С. 463, 480–482; Карпов А.Б. Указ. соч. С. 171; Меньшиков Д.Н. Указ. соч. С. 33, 104, 175; Новосельский А.А. Указ. соч. С. 221; Очерки истории СССР... С. 178, 275, 339, 473; Служба донских и яицких казаков... С. 79.

⁴⁰ Служба донских и яицких казаков... С. 73, 79.

⁴¹ КР. Т. II. Стб. 471; Служба донских и яицких казаков... С. 55–57, 142–143.

из осаждающего в осаждённый, и деблокировать его имеющимися средствами не представлялось возможным. Защитники лагеря несли серьёзные потери убитыми, умершими от ран или болезней, ранеными и пленными, остро нуждались в продовольствии, фураже и топливе. С октября всё более распространялось массовое дезертирство служилых людей, участились побеги к полякам и литовцам иноземных солдат и офицеров. Этот процесс принял серьёзные масштабы с появлением под Смоленском короля Владислава, выдававшего по 15–30 злотых каждому перебежчику⁴². Падение дисциплины коснулось и яицких казаков. Многие из них уходили в неприятельский лагерь или непосредственно в Литву, порой большими группами, как например, это сделали 70 казаков во главе с есаулом Андреем Фёдоровым. Особенно к этому были склонны участники движения атамана Балаша. Впрочем, ушедшие казаки довольно быстро (как правило, в течение нескольких недель) возвращались обратно «на государево имя». Не обнаружено ни одного случая, чтобы кто-либо из них окончательно перешёл на польско-литовскую службу. Некоторые из перебежчиков успевали обзавестись за границей жёнами и увезли их потом в Россию.

Причиной столь скорого возвращения, судя по всему, являлось недоверие к казакам со стороны польско-литовских властей⁴³. Российское правительство тоже перебежчикам не доверяло, стараясь изолировать их от казачьей вольницы путём высылки в дальние пределы государства. 22 ноября из-под Смоленска в Мещовск вышла наиболее крупная партия таких перебежчиков – 23 казака и 2 сына боярских во главе с есаулом А.Ф. Сазаном и атаманом И.С. Черноярцем. Местный воевода выслал их в Москву. После допроса в Разрядном приказе, выдав перебежчикам подённый корм, «за их воровство и за измену» их отвели в Казанский дворец для высылки в дальние сибирские города «человека по два, по три и по пяти» с устройством в службу, «в какую пригодятца»⁴⁴.

По сравнению с другими разрядами Смоленской армии, в том числе с донцами, яицкие казаки оказались в ряду наиболее устойчивых формирований, имевших наименьшие потери от дезертирства. Общее число яицких казаков по наряду определялось в апреле–июле 1633 г. в 814 человек. На 26 августа в полках находились 448 казаков (366 человек «объявились в нетях»). К концу сентября нетчиков насчитывалось 393. На 16 февраля 1634 г. казаков с Яика под Смоленском осталось только 380 человек – за год службы они потеряли около 53% своего состава. Яицкие казаки часто фигурировали в списках отличившихся («бились явственно»), добывали языков⁴⁵.

⁴² *Иловайский Д.И.* Указ. соч. С. 86, 104; *Карпов А.Б.* Указ. соч. С. 176; *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 28; *Меньшиков Д.Н.* Указ. соч. С. 122, 132–137, 139, 161–163, 171–174; Очерки истории СССР... С. 475; *Сташевский Е.Д.* Указ. соч. С. 164–167, 216–217.

⁴³ РГАДА, ф. 210, оп. 6-ж, д. 88, л. 259 об., 261 об., 353 об., 393, 394–394 об.; Служба донских и яицких казаков... С. 56–58, 102, 156–157. Возможно, недоверие вызывала ситуация, сложившаяся со смоленскими казаками – особой казачьей группой, служившей Речи Посполитой. В начале Смоленской войны они присоединились к шедшему на Смоленск войску Шеина и участвовали в дальнейшем в осаде города. Предположительно, это были вольные казаки, ушедшие в начале 1619 г. из России с королевичем Владиславом и получившие земли в Смоленском воеводстве (*Евдокимов Р.Н.* Смоленские казаки в 30–50-е гг. XVII столетия: характеристика особой группы служилых людей Московского государства // Вопросы истории. 2016. № 9. С. 144).

⁴⁴ *Карпов А.Б.* Указ. соч. С. 181–184; Служба донских и яицких казаков... С. 56–58.

⁴⁵ РГАДА, ф. 210, оп. 6-ж, д. 88, л. 259 об., 261 об.; КР. Т. II. Стб. 386–387, 390, 554; АМГ. Т. I. С. 570; *Карпов А.Б.* Указ. соч. С. 170–177; *Сташевский Е.Д.* Указ. соч. С. 164–167; Служба донских и яицких казаков... С. 43–51; *Меньшиков Д.Н.* Указ. соч. С. 133, 162, 174.

Дезертировавшие же яицкие и донские казаки стали центром притяжения для массы служилых людей, уходивших из-под Смоленска, организовав отряды «Балашова сбору» («Балашова станица»). Их история началась осенью 1633 г., когда от 600 до 1 200 казаков с атаманами Иваном Теслевым, Анисимом Чертопрудом и Василием Ивановым ушли из-под Смоленска к Можайску, затем — к Рославлю, где оказались 5 октября. Там они грабили и силой уводили крестьян Рославльского и Брянского уездов. К декабрю численность «воровского» войска возросла до 3–5 тыс. человек за счёт присоединившихся к нему беглых служилых людей. В дальнейшем балашовцы разделились — 2 500 человек, возглавляемые Чертопрудом, ушли в Смоленский уезд ставить острог между Рославльской и Дорогобужской дорогами, а 500 — с атаманом Федосом Селитрянниковым остались в Рославле.

Правительство, остро нуждавшееся в людских резервах для продолжения войны, решило замирить «воров», послав 6 декабря в Рославль воеводу И.В. Наумова для сбора и переписи беглых детей боярских и казаков и отправки их в шедшее под Смоленск войско Черкасского. Воевода имел право закреплять в свободном состоянии записавшихся на службу крепостных людей и пашенных крестьян. Миссия оказалась успешной — приехав в Рославль 28 декабря, Наумов привлёк на свою сторону около 1 200 балашовцев с атаманом Чертопрудом. 6 января в ответ на челобитье другой группы казаков-балашовцев во главе с К. Ивановым, прибывших к кн. Черкасскому и кн. Пожарскому, вышел указ, по которому их следовало принимать на службу, платя по 1 руб. человеку в месяц. Кроме того, принимать на службу в «охочие казаки» указали всех желающих, кроме боярских людей и пашенных крестьян. «Охочих казаков» объединяли в отряды во главе с дворянами и обеспечивали жалованьем — по 3 коп. на человека на месяц⁴⁶.

Тем временем казаки Наумова значительно укрепили российские позиции в районе Рославля. Уже 28 декабря их отправили в Смоленский уезд, на следующий день в деревне Охмаре они «сошлись с литовскими людьми» и разбили их. 14–15 января 1634 г. казаки участвовали в успешном бою близ Рославля. В приказных документах это казачье соединение устойчиво называли «рославльскими казаками», но сами они именовали себя «Великим войском Донским и Яицким». Его управлением ведали войсковой атаман (в январе им являлся Т.И. Коробкин) и войсковые есаулы (М. Андреев и Р.М. Сухорук), а состояло оно из четырёх станиц. Вместе с донскими и яицкими казаками упоминаются и представители станицы Степана Кругового. На 25 февраля в штатах полка Наумова числились 1 219 донских и яицких казаков. 1 125 из них находились в Рославле (войсковой атаман, 5 войсковых есаулов, 4 станичных атамана, 5 есаулов и 1 110 казаков). 94 человека (есаул и 93 казака) были командированы в Москву⁴⁷. Яицких казаков среди них могло быть около 400 человек.

Донским и яицким казакам велели и дальше служить с Наумовым в Рославле. Однако из-за разорения неприятелем местности они испытывали голод и просили отправить их служить в любое другое место. Правительство выдели-

⁴⁶ ААЭ. Т. III. С. 356; КР. Т. II. Стб. 553–554; АМГ. Т. I. С. 544–545, 548–550, 570, 650; *Иловыйский Д.И.* Указ. соч. С. 86, 92; *Карпов А.Б.* Указ. соч. С. 175, 177; *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 221; *Очерки истории СССР...* С. 473; *Служба донских и яицких казаков...* С. 80–85, 89–90, 101, 102, 104, 117–132, 138, 150.

⁴⁷ АМГ. Т. I. С. 570, 650–652; *Карпов А.Б.* Указ. соч. С. 175; *Служба донских и яицких казаков...* С. 61, 62, 81–83, 87, 88, 92, 93, 103, 130–133, 136, 137, 141, 146, 147, 150.

ло казакам жалованье, для получения которого в Москву в январе отправились две сборные станицы донских (атаман Иван Теслев) и яицких (атаман Анисим Чертопруд) казаков с пленными. За «Рославльскую службу», «языков» и «полонское терпение» казаков представили государю и наградили тканями. Части казачьей старшины заплатили и деньги. Всего наградное жалованье получили не менее 160 донских и яицких казаков. Кроме того, 21 января в «полк» Наумова с Чертопрудом отправили «знамя дорогильное да десять знамён киндяшных» для раздачи их по сотням — как казакам, так и детям боярским. Это первое упоминание о даровании Российским государством знамён яицким казакам⁴⁸.

Однако государственные поощрения и награды не смогли погасить в казачьей среде «воровские» настроения. Атаман Теслев и его донские и яицкие казаки, стоявшие в Голутвиной слободе Москвы, на службу выдвигаться не торопились, начав вместо того заниматься грабежом, похищением детей и уговорами боярских людей и холопов уйти с ними в Рославль. Деньги, выданные атаману на жалованье «Войску», он присвоил. 28 февраля высланные к казакам по жалобам жителей приставы и стрельцы были ими биты. В марте казаков с атаманом Теслевым задержали и после пыток посадили в тюрьму.

Самовольничали и казаки возвращавшегося из Москвы атамана Чертопруда. По дороге они принимали к себе и подговаривали к уходу в Рославль служилых людей. «Воровство» охватило и казаков, остававшихся в полку Наумова. Когда к середине февраля по указанию правительства он выдвинулся на соединение с войском Черкасского и Пожарского, рославльские казаки стали замедлять поход, по пути сманивая в свои ряды многочисленных беглых и грабя окрестности. Замечания воеводы они игнорировали. 15 февраля в деревне Берестык Брянского уезда полк встретился с шедшей из Москвы станицей атамана Чертопруда. Атаман, вместо того чтобы передать знамёна воеводе для раздачи всем служилым людям (как указали в Москве), самовольно на казачьем кругу отдал их «Войску». Присланный в марте 1634 г. вместо Наумова Л. Бунаков также не имел влияния на казаков, продолжавших «воровство». Их неповиновение усилилось, когда они узнали об аресте в Москве атамана Теслева и его товарищей. Казаки стали отказываться ехать в столицу с языками и не дали воеводе своих именных списков. Получив приказ 30 марта отправиться к Севску, они устроили круг, решив перед походом самовольно зайти в Мещовский уезд, где на следующий день разбили литовский отряд, но у села Щелканова были разгромлены сами, потеряв пленными около 150 человек. 7–9 апреля Бунаков с казаками начал поход на соединение с войском кн. И.Н. Хованского, направленного против «воров» в Лихвинский уезд, откуда казачьи отряды проникали в соседние регионы⁴⁹.

Численность рославльских казаков к маю достигла 8 тыс. человек. Войсковым атаманом был Федот Лях, войсковыми есаулами — Филипп Иванов, Никита Андреев, Владимир Иванов, Семён Белобород, станичными атаманами — Анисим Чертопруд, Тимофей Коробкин, Агей Иванов, Федосей Мамонов, Савелий Иванов и Калина Иванов. 3 мая 1634 г., узнав, что Бунаков жаловался на них в Москву, казаки взбунтовались и хотели убить воеводу. Расправе помешали атаманы Ф. Лях, А. Чертопруд и К. Иванов, и Бунаков, высланный

⁴⁸ АМГ. Т. I. С. 569; Карпов А.Б. Указ. соч. С. 177–178; Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 92; Служба донских и яицких казаков... С. 82–84, 86–88, 92, 93.

⁴⁹ АМГ. Т. I. С. 575–576, 609, 619, 623, 624; Новосельский А.А. Указ. соч. С. 221; Очерки истории СССР... С. 473; Служба донских и яицких казаков... С. 61–62, 88–105, 108–110, 113–115, 117–151.

из казачьего стана, ушёл в Калугу. В то же время казаки не хотели полного разрыва отношений с российскими властями и искали примирения с ними. 8 мая к кн. Хованскому, а 9 мая в Москву от них приехали челобитчики с просьбой пожаловать их за службу. К кн. Хованскому атаман Лях отправил пленных черкас со станичными атаманами Калиной и Агеем Ивановыми⁵⁰. Примирения, однако, не получилось. Одновременно с началом мирных переговоров между Московским государством и Речью Посполитой балашовцы, преследуемые кн. Хованским, двинулись на восток через Боровск и Калугу.

7 июня в Алексинском уезде во время стоянки на Любутском городище среди мятежных казаков произошёл раскол. Часть их (от 700 до 1,5 тыс. человек) во главе с атаманом Григорием Ростопчиным решили идти с повинной в Москву, послав туда челобитчиков. Остальные (6–8 тыс. человек), возглавленные Ляхом и Чертопрудом, разбили их и на следующий день пошли тульской дорогой к «Полю». Разбитые казаки Ростопчина направились к Москве и 11 июня под Серпуховом получили царское прощение; им устроили смотр и перепись. Оставшиеся в «воровстве» балашовцы 13 июня потерпели поражение под Епифанью и побежали к Дону, по пути разоряя украинные и польские уезды. Российские власти вплоть до середины июля пытались уговорить беглых вернуться на службу, и многие из них, в том числе яицкие казаки, явились в Москву с повинной. В итоге до 3 тыс. человек сохранили верность казачьей вольнице и смогли уйти на Дон⁵¹.

Их менее удачливые собратья, пленённые и посаженные в тюрьму, уже летом стали подавать челобитные о принятии на службу. Судьбу их правительство решало по-разному, как правило, возвращая в прежнее состояние и отдавая на поруки. Среди поручителей по выпущенным на свободу встречались и яицкие казаки. В отношении находившихся в заключении яицких казаков проводилась, видимо, более жёсткая политика, предполагавшая их ссылку в Сибирь. В ответ на единственную обнаруженную челобитную яицких казаков правительство приговорило передать всех троих челобитчиков в распоряжение приказа Казанского дворца для отправки в сибирские города. Там их надлежало устроить на пашни или в службу, «в какую пригодятца». Этот приговор повторяет резолюцию относительно перебежчиков из российского лагеря в польско-литовский и обратно в период смоленской осады. Это указывает на недоверие московских властей к яицким казакам, участвовавшим в балашовщине, и может свидетельствовать об их активной роли в повстанческом движении. Интересно решение, вынесенное по челобитной гулящего человека, ранее примыкавшего к «рославльским казакам», с просьбой о выдаче его на поруку торговым людям: «Государь пожаловал, будет не боярской холоп и не яицкой казак, дать на поруку крепкую». Правительство явно опасалось ухода освобождённых в «воровство», которое на Яике стало усиливаться. Есть сведения о наличии там в 1635 г. по крайней мере двух городков воровских казаков — в урочище Чеган (около 300 человек) и в Яицком устье (порядка 500 казаков)⁵².

Пока шла борьба с балашовцами, осада Смоленска завершилась подписанием 24 февраля 1634 г. капитуляции армии воеводы Шеина. Находившиеся

⁵⁰ Новосельский А.А. Указ. соч. С. 221; Очерки истории СССР... С. 473; Служба донских и яицких казаков... С. 97–99, 101, 103, 104, 135–137, 146.

⁵¹ АМГ. Т. I. С. 624; Новосельский А.А. Указ. соч. С. 221–222; Очерки истории СССР... С. 473; Служба донских и яицких казаков... С. 105–151.

⁵² Карпов А.Б. Указ. соч. С. 869–870; Служба донских и яицких казаков... С. 142, 143, 146–151.

в его лагере яицкие казаки (344 человека) вместе с российским войском двинулись к Москве. Ещё 36 яицких казаков с другими ратными людьми остались под Смоленском из-за болезней и ран. По прибытии в Москву казаков допустили к государю и пожаловали «за службы, и за язычный привод, и за полное терпение» сукном. Вознаграждение ожидало и казаков, выходявших из-под Смоленска после излечения. Последняя такая выплата датирована 19 июня⁵³.

В Москве общая масса яицких и донских казаков, видимо, разделилась. Одни из них по прошествии какого-то времени отправились на Яик и Дон. Других, кто «были на государеве службе под Смоленском до отходу», верстали боярин кн. А.В. Хилков и дьяки Ф. Панов и И. Переносов, учинив оклады атаманам по 400 четей и 15 руб., есаулам по 350 четей и 11 руб. Оклады рядовых составили по 200–300 четей и 7–9 руб. Некоторых казаков обеспечили лишь кормом. Вскоре, в начале 1635 г., 396 казаков включили в состав гарнизона Туль⁵⁴.

Смоленская война привела к значительным изменениям в жизни казачьего сообщества Яика. Именно тогда окончательно сложилась традиция союзнических взаимоотношений между яицким казачеством и Российским государством, основанная на принципах верховенства власти царя и служебной обязанности казаков. События войны разделили казаков на две группы. Одни, приняв участие в балашовщине и вернувшись на Яик, сохранили свой уклад и независимость с присущими ей демократическими институтами. Другие, присягнув царю, были включены в государственную военно-организационную структуру, став одним из её элементов.

⁵³ ААЭ. Т. III. С. 377; РИБ. Т. IX. С. 575–576; *Даниловский А.А.* Указ. соч. С. 94–98; *Карпов А.Б.* Указ. соч. С. 179; Приложение. С. 48; *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 28; Очерки истории СССР... С. 275, 475; *Рябинин А.Д.* Указ. соч. С. 18; Служба донских и яицких казаков... С. 53, 87, 150.

⁵⁴ КР. Т. II. Стб. 758, 764, 767; РИБ. Т. XXIV. Стб. 703–704; *Карпов А.Б.* Указ. соч. С. 180, 202. Приложение. С. 49, 50; *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 223; История казачества азиатской России. С. 107; Казачество Тульского края. М., 2010. С. 73–76.

Георг Бенедикт Огилви: имперский фельдмаршал на службе Петра I (1704–1706)

Кирилл Станков

George Benedict Ogilvy: an Imperial Field-Marshal in Peter I's Service (1704–1706)

Kirill Stankov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S0869568722030037, EDN: FWJLEO

В отечественной историографии подробно освещено пребывание на службе в русской армии в правление Петра I иностранных военных специалистов. Обращение к архивным материалам и сопоставление их с опубликованными документами позволяет выявить новые факты и с большей полнотой оценить деятельность отдельных иностранных военачальников. Среди них особо выделяется имперский фельдмаршал шотландского происхождения Георг Бенедикт Огилви, находившийся на русской службе в 1704–1706 гг. Его пригласили в самый тяжёлый период войны со шведами, когда русская армия остро нуждалась в военачальниках, имевших опыт войн в Европе. Самому Петру I, со временем ставшему одним из лучших военачальников в русской истории, ещё не доставало опыта для борьбы с Карлом XII и его закалёнными в сражениях ветеранами. Другие русские полководцы и ближайшие соратники царя (кн. А.Д. Меншиков, кн. М.М. Голицын, гр. Б.П. Шереметев) также не были готовы эффективно управлять крупными военными частями.

В конце 1703 – начале 1704 г. к командованию русской армией пытались привлечь героя битвы при Зенте фельдмаршала Зигберта фон Хайстера, однако того уже нанял император Леопольд I для подавления восстания в Венгрии. Существовал план привлечения на службу принца Евгения Савойского¹, но император никогда бы не отпустил своего лучшего полководца. В конечном счёте, благодаря усилиям российского агента в немецких землях И.Р. фон Паткуля, на службу приняли Огилви.

Исследования о пребывании Георга Бенедикта в России немногочисленны. Этот период его биографии отечественные историки вниманием не обошли, но большинство из них остановились главным образом на конфликте между Огилви и Меншиковым². В целом в историографии господствовало скепти-

© 2022 г. К.Н. Станков

Автор выражает глубокую благодарность за консультации научному сотруднику Института истории Габсбургов и балканских исследований Австрийской академии наук П. Мате и научному сотруднику Австрийского государственного архива М. Хохедлингеру.

¹ РГАДА, ф. 32, оп. 1, 1704 г., д. 4, л. 45–45 об., 107 об.; Письма и бумаги Петра Великого (далее – ПБПВ). Т. 5. СПб., 1907. С. 103.

² *Бантыш-Каменский Д.М.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов с 48 портретами. Т. 1. СПб., 1840. С. 61–68; *Марченко М.К.* Генерал-фельдмаршал-лейтенант

ческое отношение к западным военным специалистам. Известный военный историк А.А. Строков подчёркивал, что на начальном этапе реформ Пётр I «часто приглашал на русскую службу иностранцев и относился к ним с излишним доверием»³. По этой причине при описании событий Северной войны об Огилви он вовсе не упомянул. В.А. Панов охарактеризовал Георга Бенедикта всего лишь как «наёмного фельдмаршала», которому Пётр I поручил отступить от Гродно в марте 1706 г.⁴ В этой же связи о фельдмаршале-шотландце писал Б.С. Тельпуховский, отметивший, что он «не пользовался авторитетом среди русских»⁵. В коллективной монографии «История Северной войны» также прослеживается тенденция принизить полководческие заслуги Огилви: о его вкладе в победу под Нарвой (1704) не упоминается, а строительство гродненского лагеря в 1705 г. приписывается Петру I⁶. Лишь недавно появились исследования о найме Огилви на русскую службу и о его участии в военных реформах Петра I⁷.

Будущий фельдмаршал родился 19 марта 1651 г. (Д.Н. Бантыш-Каменский ошибочно указал на 1644 г.)⁸ в Моравии, входившей тогда в состав Священной Римской империи, в семье выходца из Шотландии. Несмотря на имперское подданство, Георг Бенедикт на протяжении всей жизни сохранял верность шотландским корням. Его отец Джордж Джеймс Огилви принадлежал к небольшому, но древнему клану из северо-восточной части страны. В перипетиях бурной истории Шотландии XVI–XVII вв. Огилви стояли на стороне шотландской, а с 1603 г. (после унии с Англией) – британской короны, многие из них пали в Войне трёх королевств⁹. Вследствие неурядиц на родине многие представители клана Огилви эмигрировали на континент и осели в разных странах. Одни из них добились высоких военных чинов, другие – прославились на духовном поприще, подвизаясь в католических монастырях, третьи занимались торговлей и промышленным производством¹⁰.

Отец будущего фельдмаршала принадлежал к дворянскому сословию Священной Римской империи, дослужился до генеральского чина и получил баронский титул. В момент рождения сына Огилви-старший служил комендан-

барон Огильвий. Два года деятельности его в рядах русской армии (1704–1706 гг.) (материалы к его биографии по документам Меншиковского архива Академии наук) // Военный сборник. Т. 255. Кн. 9. СПб., 1900; *Павленко Н.И.* Меншиков: полудержавный властелин. М., 2017. С. 82, 86–87; *Doerries H.* Dunkle Existenzen und Dunkle Machenschaften im Schatten Peters des Grossen // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 1939. № 1–2. S. 128–129.

³ *Строков А.А.* История военного искусства. М., 1955. С. 461–462.

⁴ *Панов В.А.* Пётр I как полководец. М., 1940. С. 39–41.

⁵ *Тельпуховский Б.С.* Северная война 1700–1721 гг.: Полководческая деятельность Петра I. М., 1946. С. 56.

⁶ *История Северной войны. 1700–1721 гг.* М., 1987. С. 64–65.

⁷ *Рогожин А.А.* Д.Б. Огилви и его наём на русскую службу (1702–1704 годы) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой международной научно-практической конференции. 14–16 мая 2014 года. Ч. 4. СПб., 2014. С. 99–109; *Великанов В.С.* Инициативы генерал-фельдмаршала Г.Б. Огилви по реформированию русской армии в 1704–1705 гг. // Военно-исторический журнал. 2015. № 5. С. 47–52.

⁸ *Бантыш-Каменский Д.М.* Указ. соч. С. 61.

⁹ Война трёх королевств (Англии, Шотландии и Ирландии) – обозначение в современной западной историографии совокупности военных конфликтов, потрясших Британские острова в 1639–1653 гг., самым крупным из которых была Пуританская революция в Англии.

¹⁰ *Fischer T.A.* The Scots in Germany: being a Contribution towards the History of the Scots abroad. Edinburgh, 1902. P. 27–28, 51–52, 58, 159–160.

том замка Шпильберг в Брюнне (ныне Брно). Георг Бенедикт решил пойти по стопам отца, поступив на военную службу в империи Габсбургов. В 1674 г. его приняли капралом в пикинёрский полк, находившийся под командованием другого шотландца — генерала графа Лесли. Георг Бенедикт прошёл по порядку звания фельдфебеля, вахмистра, фендрика и лейтенанта. В последнем звании он получил командование ротой. В 1677 г. Огилви стал обер-вахмейстером в личном полку принца Людвиг Баденского — имперского полководца, прославившегося в Голландской и Великой турецкой войнах, а позднее в Войне за испанское наследство. Под командованием этого военачальника Огилви участвовал в осаде принадлежавшего османам Офена. В 1683 г. он получил звание полковника, в 1689 г. стал комендантом Белграда, отбитого имперцами у султанских войск, а в 1691 г. получил командование над полком имперских войск и титул камергера. На следующий год ему пожаловали титул императорского казначея. В 1696 г. Огилви стал генерал-фельдвахмейстером и комендантом венгерского замка Токай. В 1702 г. он участвовал в походе на Рейн в ходе Войны за испанское наследство и отличился при осаде крепости Ландау, за что 13 сентября 1703 г. ему пожаловали чин императорского фельдмаршал-лейтенанта. В дальнейшем он служил в этом звании под командой генерал-фельдмаршала и графа Отто Эренрейха фон Трауна¹¹.

Договор о переходе на российскую службу с Георгом Бенедиктом был заключён 14 ноября 1703 г. Русскую сторону в акте представляли агент И.Р. фон Паткуль и русский резидент в Вене кн. П.А. Голицын. Согласно договору, фельдмаршал получал жалованье в размере 1 тыс. ефимков в год, российское правительство обязалось содержать его прислугу и лошадей, «не вычитая ту запасную дачю из жалованья», предназначенного самому шотландцу. Огилви обещали предоставить соответствующий его положению дом, а в военное время — крепкое зимовье¹². Фельдмаршал прибыл в Москву 4 мая 1704 г. В поездке из Германии в Россию его сопровождал другой шотландец на русской службе — полковник Джеймс Гордон, средний сын петровского наставника генерала Патрика Гордона, прежде отпущенный из царской армии «для лечения ран... в немецкие край»¹³.

Русская сторона выполнила условие фельдмаршала, настаивавшего на выплате жалованья за месяцы, проведённые в сборах и в пути, хотя изначально Ф.А. Головин, заведовавший иностранными делами, настаивал на выплате причитающихся денег лишь с момента начала его службы¹⁴. По приезде в Москву Огилви немедленно выплатили за февраль—май 1704 г. «по 7,6 тыс. рублев на год». К сентябрю эта сумма по ходатайству Огилви выросла до колоссальных размеров — 50 тыс. руб. в год. Правительство шло на уступки строптивому шотландцу, постоянно выговаривавшему для себя различные суммы и даже добившемуся перевода части жалования из Москвы в Вену. Эти средства предназначались не только на личные расходы фельдмаршала — на них он собирался нанять в империи Габсбургов несколько сотен опытных во-

¹¹ Notizen-Blatt der historisch-statistischen Sektion der kaiserlich-königliche mährisch-schlesische Gesellschaft zur Beförderung des Ackerbaues, zur Natur- und Landeskunde. Brünn, 1870. S. 50; *Schmidt-Brentano A.* Kaiserliche und k.k. Generale (1618–1815). [o.O.], 2006. S. 70.

¹² РГАДА, ф. 150, оп. 1, 1702 г., д. 39, л. 2, 3.

¹³ РГВИА, ф. 430, оп. 2, д. 50, л. 13.

¹⁴ РГАДА, ф. 150, оп. 1, 1702 г., д. 39, л. 3; *Рогожин А.А.* Д.Б. Огилви и его наём на русскую службу... С. 104–105.

енных специалистов для службы в России (в том числе 6 генералов и 200–300 офицеров)¹⁵.

Документы Посольского приказа подтверждают слова Огилви, сказанные им ещё в Вене на званом обеде, что он едет в Россию лишь на время и исключительно ради пополнения кошелька. Уже на службе в России между фельдмаршалом и правительством не раз возникали эксцессы по поводу выплаты жалованья. 26 января 1706 г. гр. Головин писал Петру I: «Фельтмаршалку Огилвию по новой капитуляции дача, чтоб выдали из Военного приказу ефимками, о чем и ныне пишет, а если не дадут, то и там Вашему величеству покою не будет». Помимо денежного оклада фельдмаршалу-шотландцу выделили 15 копен сена и 8 сажений берёзового леса. Из казны оплачивалась доставка топлива и фуража: «на месяц по два рубли 13 алтын 2 деньги»¹⁶.

В России Огилви, ревностный католик, оказал немалые услуги общине своих единоверцев. Иезуитские агенты в Москве и Богемии писали, что «господин Огилви», как «некий Геркулес», укрепил положение католической общины в Немецкой слободе, противодействовал пропаганде протестантов при дворе Петра I против папства и даже привёз с собой священника – «достопочтенного господина Борджио». Илья Борджио – видный член «Общества Иисуса» – был духовником барона Огилви. Он прибыл в Россию по личному распоряжению императора Иосифа I с целью выхлопотать у Петра I различные льготы для католиков¹⁷.

Едва прибыв под Нарву, тогда занятую шведами, Огилви немедленно приступил к строгому учёту воинских сил и обнадѣжил государя, что ему с гораздо меньшими ресурсами удавалось успешно противостоять туркам, чем ныне царю со шведами, и всё благодаря лишь чёткой организации и хорошей выучке. В то же время фельдмаршал отмечал, что в русской армии царил разброд: ружья у солдат были разного калибра, у многих пехотных полков отсутствовали рогатки для противостояния кавалерии, «также и бокового ружья, и добрых сум купно со многим телесным убором еще нет». Георга Бенедикта особенно беспокоило, что офицеры действовали без документов. Это вело к хаосу в управлении и организации русской армии. Огилви убеждал Петра I, что в таком состоянии даже многочисленному войску «против неприятельской добровооруженной воинской силы трудно» будет устоять. По мнению Огилви, важной особенностью управления армией в России являлись большие пространства, существенно снижавшие скорость получения донесений и исполнения приказов¹⁸.

Огилви подготовил предложения по ведению осады Нарвы и разработал подробный порядок ведения осадных работ. Высоко роль фельдмаршала-шотландца в боях за крепость оценивал его соотечественник и очевидец событий Александр Гордон оф Охинтул. В своей «Истории Петра Великого» он отметил, что 5 августа 1704 г. Огилви обратился к коменданту шведской

¹⁵ РГАДА, ф. 150, оп. 1, 1702 г., д. 39, л. 3–5; ПБПВ. Т. 3. СПб., 1893. С. 194, 262–263; *Рогожин А.А.* Д.Б. Огилви и его наѐм на русскую службу... С. 104.

¹⁶ РГАДА, ф. 150, оп. 1, 1702 г., д. 39, л. 9; ПБПВ. Т. 4. СПб., 1900. С. 23; *Марченко М.К.* Указ. соч. С. 262.

¹⁷ ПБПВ. Т. 5. С. 58–59, 418; *Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв.* Иржи Давид. Современное состояние Великой России, или Московии. Рязань, 2010. С. 139.

¹⁸ РГАДА, ф. 9, отд. 2, д. 3, л. 135–136, 139, 145 об.

крепости с предложением почётной капитуляции, которое тот отверг. На военном совете русской армии мнения разделились. Генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев выступил за ночную атаку на цитадель. Огилви оказал важную услугу Петру I, настояв на отмене этого решения. В отличие от Шереметева он видел, что царская армия недостаточно дисциплинирована и мало обучена, и атака в темноте, когда «сложно отделить врага от друга», будет для неё губительна¹⁹.

Гордон обратил внимание на активное участие Огилви в штурме Нарвы. По его утверждению, если бы не легкомысленный отказ коменданта Нарвы Горна, шведы не понесли бы таких тяжёлых потерь. За время штурма погибли около 100 солдат. В плен попали генерал-майор барон Горн, более 70 офицеров и свыше 100 младших командных чинов и солдат. 11 августа 1704 г. Огилви приказали отремонтировать крепость, с чем он успешно справился²⁰.

Гордон ошибочно указал, что 17 августа 1704 г. барону Огилви поручили осадить Нотебург, занятый русскими войсками ещё в 1702 г. В действительности фельдмаршал-шотландец блокировал Ивангород, находившийся в руках шведов. Отрезвлённый успехом русских при взятии нарвской цитадели, гарнизон предпочёл сдаться на почётных условиях. Фельдмаршал Огилви гарантировал шведам беспрепятственный выход из крепости с оружием, но без боеприпасов и барабанного боя, со свёрнутыми знамёнами и продовольствием на один месяц, чего должно было хватить, чтобы добраться до находившегося в их руках Ревеля²¹.

Сведения об участии барона Огилви в последующих военных действиях отрывочны. Весной 1705 г. он командовал одной из трёх отдельных русских армий в Литве. При частях Огилви находился сам Пётр I. Бои велись против шведов и поляков – приверженцев Станислава Лещинского²². Георг Бенедикт энергично готовился к боевым действиям, в частности, требовал «не мешкав, всю артиллерию полевую отпустить к нему», а также внимательно следить за средствами коммуникации. Через генерал-фельдцейхмейстера Я.В. Брюса Огилви просил прислать ему солдат для починки мостов и строительства дорог в этой холмистой местности²³. По всей видимости, именно в этот период он пришёл к мысли о необходимости строительства укрепленного военного лагеря в Гродно. 11 августа он сообщил Петру I о непригодности к обороне соседнего замка в Тикотине, «понеже в том замке многие старые бреши непочинены». Огилви присмотрел в окрестностях другой замок – Горней, где были устроены военные склады. В письме фельдмаршал сетовал, что все лучшие русские части ушли в Курляндию, а оставшиеся во многом укомплектованы новобранцами. Он просил прислать драгун для удержания местности и лошадей для транспортировки артиллерии и боеприпасов. Огилви просил также установить линию коммуникаций Бауск–Митава, чтобы поддерживать связь с армией в Курляндии. Он обратился к Петру I с просьбой прислать порох, сообщая, что Карл XII

¹⁹ ПБПВ. Т. 3. С. 174–175; *Gordon A.* The History of Peter the Great, Emperor of Russia: in 2 vols. Vol. 1. Aberdeen, 1755. P. 188.

²⁰ *Gordon A.* Op. cit. P. 188–189, 191, 192.

²¹ *Ibid.* P. 192–193.

²² *Ibid.* P. 203.

²³ Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. 1. СПб., 2004. С. 37, 38, 44, 46, 48, 50.

именно здесь готовит главный удар, почему настоятельно советовал царю сконцентрировать войска в районе Гродно²⁴.

Карьера Георга Бенедикта на русской службе достигла апогея. А. Гордон называл его фаворитом царя и не без преувеличения сравнивал его по влиянию с А.Д. Меншиковым²⁵. По данным британского чрезвычайного посланника в России Чарльза Уитворта, Огилви являлся одним из двух генерал-фельдмаршалов в русской армии (вторым был Б.П. Шереметев) и обладал значительным влиянием на Петра I в военных вопросах²⁶. Под личным командованием Георга Бенедикта находился пехотный полк в 1,9 тыс. солдат, превышавший по численности аналогичное формирование, подчинённое Шереметеву. Огилви составлял подробные военные инструкции для царя, консультировал по военным вопросам петровских военачальников, в том числе своего соотечественника Брюса, а также выступал в роли военного конструктора, разработав несколько устройств. Фельдмаршал Огилви присутствовал в свите Петра I во время аудиенции иностранных послов²⁷.

На рубеже 1705–1706 гг. Г.Б. Огилви встал во главе группировки русских войск. Получив от разведки информацию о намерении шведов отступить от Гродно, Георг Бенедикт отрядил 1 тыс. драгун и иррегулярные части из казаков под командованием генерала К.Э. Ренна, чтобы ударить противнику в тыл, с чем те успешно справились, «вернувшись в [русский] лагерь до ночи и с 28 пленными и доброй частью захваченного вражеского обоза». Гордон приводит любопытную деталь, будто один из пленных шведских офицеров сообщил Огилви слова Карла XII, что «русские были теперь совсем не теми, с которыми он столкнулся под Нарвой, они стали гораздо лучшими солдатами и под лучшим командованием». Из переписки Георга Бенедикта известно, что он сам придерживался высокого мнения о русских солдатах²⁸.

Впрочем, под Гродно Огилви сопутствовали не только удачи. Получив разведанные о движении крупного шведского обоза под небольшим конвоем в Вильно, он поручил генерал-майору Слоу с 2 тыс. драгун захватить его. Однако Слоу столкнулся с неожиданным сопротивлением небольшого, но стойкого отряда шведской пехоты, и был вынужден отступить. Рейд оказался, тем не менее, не вполне безрезультатным: Слоу успешно атаковал подошедших на помощь шведам поляков киевского воеводы Ю. Потоцкого, перебив около сотни из них и взяв в плен 40 солдат и офицеров²⁹. Отличился и другой иноземец на русской службе — француз генерал-поручик Л.Н. Алларт, разбивший крупный отряд шведских драгун. Около трети шведских солдат пали, их командир подполковник Лоуренс (англичанин на службе Карла XII) бежал в лес, где умер от ран. Ещё более крупное поражение шведы потерпели от русских в августе 1705 г. под Митавой, где было разбито 3 тыс. шведов, «афицеров побито 137 человек; раненных приняли здешние лекари 1 500 человек, из которых ни трети не осталось», а командующий этим отрядом генерал А.Л. Левенгаупт «с вели-

²⁴ РГАДА, ф. 9, отд. 2, д. 4, л. 336–346 об.

²⁵ Gordon A. Op. cit. P. 208.

²⁶ Сборник императорского русского исторического общества (далее — Сборник ИРИО). Т. 39. СПб., 1884. С. 64.

²⁷ РГАДА, ф. 9, отд. 2, д. 4, л. 339, 352–354 об.; Сборник ИРИО. Т. 39. С. 61, 185; ПБПВ. Т. 3. С. 668, 776, 783.

²⁸ Gordon A. Op. cit. P. 214; ПБПВ. Т. 3. С. 752.

²⁹ Gordon A. Op. cit. P. 215.

ким страхом... чрез скок к Риге ночью ушел». И позднее войска Огилви тревожили и ослабляли шведскую армию рейдами и набегами. В одной из таких операций генерал-майор Ренн захватил обоз с посудой Станислава Лещинского и аптекой Карла XII³⁰.

В письме царя к Огилви от 25 августа 1705 г. содержится указ о концентрации в Гродно провианта и войск (сам Пётр I обещал направить туда «конницы отсель добрую половину»), затем двинуться на соединение с другими русскими частями в районе Ковно, куда Георг Бенедикт должен был заблаговременно направить припасы. 28 августа в письме фельдмаршалу-шотландцу Пётр I повторил свои указания, пообещав усилить его армию «тремя или четырьмя полками драгунскими». Фельдмаршалу приказали взять под контроль ближайшие коммуникации для поддержания связи между частями и наблюдения за противником³¹. Со своей стороны, Георг Бенедикт просил прислать ему средства для переправы и рогатки для противодействия вражеской коннице. Особые трудности возникли с артиллерией, так как генерал Брюс не смог наладить быстрое снабжение армии Огилви боеприпасами. Брюс писал, что «послал пороху и иных припасов сколько было возможно уделить от нашей артиллерии, а ядер было послать больших не посл[ал, по]тому что у нас всего взять на всякую пушку по 150 ядер»³².

По царскому приказу весь корпус русской армии под Гродно подчинялся командованию фельдмаршалов Шереметева и Огилви, причём последний получил главенство над всей пехотой. Георгу Бенедикту Пётр I лично предписал строго следить за состоянием вверенной ему части армии. Ему надлежало составить точные росписи чинов и выправить офицерские патенты, а также следить за соблюдением субординации. Наказы царя учитывали всё до мелочей. В частности, требовалось, чтобы солдаты «платье поправили, галздуки вымали и прочее»³³.

Барон Огилви с шотландской пунктуальностью заботился о состоянии вверенных ему войск: организовывал оказание срочной медицинской помощи больным и раненым, заказывал новое обмундирование, вёл переписку со шведскими военачальниками об освобождении пленных русских солдат и казаков. При этом Огилви пытался вмешиваться в кадровые перестановки в русской армии и даже действовать вопреки царским приказам. Под его давлением генерал кн. А.И. Репнин отправил в Ригу обоз с лесом, хотя Пётр I «под смертью не велел ничего в Ригу пропускать». За это генерал получил выговор от государя: 19 мая 1705 г. Пётр писал Репнину: «Впреть же аще единая щепа пройдет, ей Богом кленусь, без головы будешь». Самого же Огилви в письме царь назвал «дерзновенником и досадителем». Своевольие фельдмаршала-шотландца, однако, не испортило общего расположения к нему русского государя и высокой оценки его военного таланта. Пётр I приказал заведующему посольскими делами Г.И. Головкину обо всём «советовать с фельдмаршалом Агилвием». Последнему дали приказ заложить в районе Гродно достаточное количество магазинов с оружием и непрерывно тревожить шведов налётами русской лёгкой конницы³⁴.

³⁰ ПБПВ. Т. 3. С. 417; *Gordon A.* Op. cit. P. 215–217.

³¹ ПБПВ. Т. 3. С. 428, 432.

³² Архив генерал-фельдцейхмейстера... Т. 1. С. 99.

³³ ПБПВ. Т. 3. С. 345, 473, 524–526.

³⁴ РГАДА, ф. 9, отд. 2, д. 4., л. 351–354, 363–363 об., 377; ПБПВ. Т. 3. С. 299, 303, 346, 405–406, 415, 732–733.

В декабре 1705 г. вспыхнуло мощное восстание в Астрахани, заставившее царя и Меншикова спешно вернуться в Россию. Общее командование над русскими и лояльными России польскими частями передали саксонскому курфюрсту и претенденту на корону Речи Посполитой Августу II, в подчинении которого оказался и фельдмаршал Огилви³⁵. Русско-саксонские войска вместе с поляками обосновались на зимних квартирах в Гродно.

В историографии получила распространение версия, будто Огилви едва не был разгромлен с большей частью своей армии под Гродно, и только бдительность Петра I спасла его от поражения. Анализ документов показывает, что позицию фельдмаршала-шотландца определяло твёрдое убеждение, что именно под Гродно необходимо дать генеральное сражение Карлу XII. Огилви разбил и укрепил мощный военный лагерь в этом районе: был сделан высокий бруствер, прикрытый широким рвом и обороняемый многочисленной артиллерией. В северо-западной части Гродно возвели предместное укрепление, чтобы обеспечить сообщение с левым берегом. Юго-западная часть лагеря, наиболее открытая для нападения, представляла собой двойную оборонительную линию, увеличивавшую плотность огня. В письмах Петру I фельдмаршал привёл целый перечень аргументов в поддержку мнения, что «неприятелю трудно будет Ваши войска с места сбить»³⁶.

По мнению же царя, Карл XII мог блокировать гродненский лагерь и вынудить его к сдаче. Учитывая, что там находилась лучшая часть русской армии, в том числе два гвардейских полка (Преображенский и Семёновский), её уничтожение неизбежно привело бы к поражению в войне и могло дать шведам возможность навязать России крайне невыгодные условия мира. С большим трудом Петру I удалось убедить строптивого шотландца отступить от Гродно и отойти к русским границам, соединившись с частями Меншикова³⁷. К тому времени между Огилви и Меншиковым начались трения: «Огилви решился отказаться от должности немедленно по окончании этой кампании, так как... разлад между ним и любимцем царским очень обострился»³⁸. Этот конфликт был вызван в первую очередь борьбой за влияние на царя. К лету 1705 г. Огилви приобрёл такой вес при русском дворе и в армии, что Меншиков начал опасаться его и решил от него избавиться. Другим объектом соперничества стало командование кавалерией в русской армии. Со строительства гродненского лагеря до января 1706 г. Огилви руководил преимущественно действиями конницы³⁹. Между тем Меншиков претендовал на единоличное командование русской кавалерией. Наконец, конфликту способствовало столкновение характеров. Огилви был честолюбив, высокомерен и с ревностью относился к своему положению в военной иерархии. Меншиков также отличался сложным характером. Он наговаривал на Огилви государю, саботировал приказы фельдмаршала, не давал ему паролей. Не могло не насторожить русские власти и то, что в переписке с Уитвортом Георг Бенедикт сообщал важные сведения

³⁵ Gordon A. Op. cit. P. 538.

³⁶ ПБПВ. Т. 3. С. 404–406, 944; Gordon A. Op. cit. P. 214; Ефимов С.В., Маковская Л.К., Филимон А.Н. Потомок шотландских и ирландских королей во главе российской артиллерии: Яков Брюс и его архив // Архив генерал-фельдцейхмейстера... Т. 1. С. 20.

³⁷ ПБПВ. Т. 3. С. 301, 342, 432, 473, 932–934, 941–942.

³⁸ Сборник ИРИО. Т. 39. С. 162.

³⁹ РГАДА, ф. 9, отд. 2, д. 4, л. 332 об.–333 об.; ПБПВ. Т. 3. С. 404–405, 417, 428, 430–432; Gordon A. Op. cit. P. 214–217.

о численности русских войск, их тактических и стратегических передвижениях. Возможно, отставке фельдмаршала-шотландца с русской службы способствовали его скаредность и высокомерие. Пётр I отмечал, что Георг Бенедикт «советов принимать не хотел, но желал, как учитель студентов, так он со всеми поступать»⁴⁰.

Первые прошения об отставке Огилви направил Петру I ещё в ноябре 1705 г., однако в разгар боевых действий царь отказался их удовлетворить. Чашу терпения гордого шотландца переполнило решение царя 25 июля 1706 г. назначить главнокомандующим русской армией генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева. Огилви должен был оказаться в подчинении русского фельдмаршала. Под личное командование шотландца был передан корпус русских войск в составе 13 полков. Но несмотря на это он подал прошение об отставке с русской службы, удовлетворённое в августе 1706 г.⁴¹

Опытный военачальник не остался не у дел. Близко знакомый с ним по совместным военным действиям под Гродно, Август II имел возможность оценить полководческие способности шотландца и пригласил его возглавить саксонскую армию. Оказавшегося в весьма посредственном окружении саксонских военачальников и министров Георга Бенедикта немедленно произвели в фельдмаршалы, члены Тайного совета и президенты Военного совета, он фактически возглавил в 1706 г. саксонскую армию. В 1708 г. ему пожаловали богатые поместья в Богемии. В саксонской армии Огилви служил уже в преклонном возрасте, и в 1710 г. во время осады занятого шведами Данцига он умер в саксонском походном лагере на 59-м году жизни. Август II приказал похоронить фельдмаршала с воинскими почестями на католическом кладбище в Варшаве, где его прах покоится и поныне⁴².

Уход фельдмаршала Огилви с русской службы поднимает общий вопрос об адаптации иноземцев в России петровского времени. Прибывая в Россию, выходцы из Западной Европы сталкивались с новым миром. Даже в годы петровских преобразований Россия оставалась глубоко самобытной страной. Адаптация к русской среде у иностранцев проходила по-разному. Пример блестящего приспособления к новым условиям демонстрировал другой высокопоставленный шотландец на русской службе — генерал и наставник Петра I Патрик Гордон. Несмотря на отказ принять православие (до конца жизни он оставался ревностным католиком), сохранив британское подданство, Гордон сколотил в России немалое состояние, обзавёлся многочисленными поместьями, умел ладить с обладателями и представителями власти, дружил со многими русскими вельможами и царскими фаворитами и получил чин полного генерала⁴³.

Служба в России Огилви демонстрирует противоположный пример. Он не смог адаптироваться к русской среде и даже не выучил русский язык. Его письма царю сохранились лишь в переводе, осуществляемом в походной канцелярии. Как отметил А.А. Рогожин, Георг Бенедикт «так и не стал “сво-

⁴⁰ ПБПВ. Т. 3. С. 790; Т. 5. С. 103; Сборник ИРИО. Т. 39. С. 131, 153, 161, 164.

⁴¹ Сборник ИРИО. Т. 39. С. 188; Походная канцелярия вице-канцлера П.П. Шафирова: Новые источники по истории России эпохи Петра Великого / Под ред. Т.А. Базаровой, Ю.Б. Фоминой. Ч. 1. СПб., 2011. С. 129–130.

⁴² Notizen-Blatt der historisch-statistischen Sektion... S. 50; *Schmidt-Brentano A.* Op. cit. S. 70.

⁴³ *Федосов Д.Г.* Последние походы // *Гордон П.* Дневник, 1696–1698. М., 2018. С. 211–212, 217, 229–232.

им” в генералитете русской армии, намерено дистанцировавшись от тесного общения с подавляющим большинством генералов и полковников»⁴⁴. В итоге пребывание Георга Бенедикта в России оказалось очень коротким — всего два года. Несмотря на трудности, ожидавшие Огилви в России, служба здесь стала важным и, возможно, самым ярким эпизодом в его военной карьере. Шотландец встретил в лице Карла XII блестящего полководца, а в лице его солдат — одну из лучших армий того времени. Немалые заслуги Георг Бенедикт имел и перед Петром I: в его послужном списке взятие Нарвы и Ивангорода, а построенная им гродненская фортеция надолго сковала действия главной армии шведов.

⁴⁴ *Рогожин А.А.* Д.Б. Огилви и его наём на русскую службу... С. 107.

Финансисты и генералы: дискуссии о военных расходах в правящих кругах Российской империи (1860-е – начало 1890-х гг.)

Валерий Степанов

**The debates about military budget at the ruling circles of the Russian Empire
(1860s – early 1890s)**

Valeriy Stepanov

(Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S0869568722030049, EDN: FWLXOS

Дореволюционная Россия выделяла в мирное время на нужды обороны от четверти до трети государственного бюджета, занимая первое место среди других великих держав¹. Особенности геополитического положения, обширная территория, протяжённость границ и сложность мобилизации войск вынуждали империю содержать самую многочисленную армию в мире, причём затраты на неё постоянно увеличивались в связи с ростом цен на вооружение, боеприпасы, провиант, фураж и обмундирование. Непроизводительные расходы такого масштаба были крайне обременительны для бедной страны с невысоким уровнем промышленного развития и скудной финансовой базой, они являлись одной из основных причин дефицитов бюджета и возрастания государственного долга. Обсуждение в верхах размеров ассигнований на армию неизменно сопровождалось разногласиями внутри бюрократической элиты и вызывало постоянную напряжённость в отношениях между военным и финансовым ведомствами, поскольку речь шла об особо крупных «жертвах» со стороны казны. От исхода этих споров во многом зависел объём средств, отпускавшихся на военное строительство.

До сих пор это многолетнее противостояние двух министерств не привлекало должного внимания исследователей. Его отдельные эпизоды, относящиеся к 1905–1914 гг., освещены в книгах А.Л. Сидорова² и К.Ф. Шацилло, который критически отзывался о тех, кто безосновательно упрекал правительство в недостаточном финансировании вооружённых сил, не учитывая при этом экономическое состояние государства³. В монографии У. Фуллера отмечена неспособность правительства Александра III согласовать гражданские и военные интересы. В отдельной главе историк охарактеризовал военные расходы России в 1880–1903 гг. и рассмотрел постоянные межведомственные трения, возникавшие при составлении бюджетных смет. Однако эта часть книги носит общий,

© 2022 г. В.Л. Степанов

¹ *Латин В.В.* Военные расходы России в XIX веке // Проблемы социально-экономической истории России. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Романова. СПб., 1991. С. 148–160.

² *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. (1914–1917). М., 1960.

³ *Шацилло К.Ф.* От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М., 2000. С. 11.

обзорный характер и написана на основе узкого круга источников. Кроме того, по непонятной причине Фуллер полностью проигнорировал конфликты между министерствами в 1860–1870-х гг. В своих оценках он, по сути, встал на сторону генералов, утверждавших, что финансовое ведомство, решая экономические проблемы, пренебрегало потребностями армии⁴. В.В. Лапин указал на «ощутимую тенденциозность» Фуллера, который «более благожелательно относится к военным, нежели к гражданским лицам»⁵. Дж. Рибер, выделяя основные бюрократические «партии» эпохи Великих реформ, лишь упомянул о серьёзных расхождениях «экономистов» и «военных» при определении уровня затрат на вооружённые силы⁶.

Обострение противоречий между финансистами и генералами началось в 1860-х гг. в связи с назревшей необходимостью модернизации армии. Крымская война выявила серьёзные недостатки российской военной машины: отсталость системы комплектования, низкий уровень подготовки офицерского корпуса и высшего командного состава, разнородность структуры управления, неудовлетворительную организацию снабжения и тыловых служб, нехватку современного вооружения. В верхах империи заговорили о скорейшем проведении реформ с учётом возрастающей боевой мощи европейских держав и совершенствования военной техники. Однако это требовало крупных ассигнований, между тем страна переживала экономические трудности: затраты на проигранную войну превысили 500 млн руб., огромный дефицит из года в год покрывался за счёт займов и эмиссии бумажных денег, что вызвало рост государственного долга и падение курса рубля. Расстройство финансов сопровождалось кризисными явлениями в промышленности и торговле⁷. Поэтому для сбалансирования бюджета всем ведомствам во второй половине 1850-х гг. приходилось сокращать свои сметы и отказываться от многих начинаний.

С этим не мог не считаться и военный министр, генерал от артиллерии Н.О. Сухозанет, который по указанию Александра II делал всё возможное для снижения расходов на армию, почти не предпринимая каких-либо нововведений. Ситуация изменилась после того, как в 1861 г. его сменил генерал-лейтенант Д.А. Милютин. 15 января 1862 г. император утвердил представленный им доклад, намечавший преобразования во всех сферах военного устройства: от численного состава, организации и комплектования войск до инженерной, интендантской, врачебной, учебной и судебной частей. Милютин сознавал трудность решения поставленных задач в условиях крайней ограниченности финансовых средств, однако считал, что Военное министерство «навлекло бы на себя тяжкий упрёк, если бы заботилось только о сокращении сметы в ущерб благосостоянию и благоустройству армии»⁸. Он неоднократно ходатайствовал перед Александром II об увеличении сметных назначений, а также предлагал

⁴ Fuller W.C. *Civil-Military Conflict in Imperial Russia. 1881–1914*. Princeton; New Jersey, 1985. P. XXIII, 47–74.

⁵ Лапин В.В. Армия дореволюционной России в современной западной историографии // Государственные институты и общественные отношения в России XVIII–XX вв. в зарубежной историографии. СПб., 1994. С. 17.

⁶ Рибер А.Дж. Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. С. 53–59, 62–65.

⁷ Подробнее см.: Степанов В.Л. Крымская война и экономика России // Вопросы теоретической экономики. 2018. № 1. С. 117–137.

⁸ Всеподданнейший доклад по Военному министерству 15 января 1862 г. // Столетие военного министерства. 1802–1902. Приложения к историческому очерку развития военного управ-

выделять единовременные экстраординарные ассигнования на различные потребности войск. Это шло вразрез с политикой финансового и контрольного ведомств, настаивавших на строгом соблюдении введённых 22 мая 1862 г. правил составления и исполнения бюджетной росписи, которые установили чёткую классификацию военных расходов по параграфам и статьям, порядок передвижения денег в смете министерства, более строгую систему отчётности и контроля над распределением средств. Финансисты, оберегая интересы казны, стремились к уменьшению уже выделенных сумм, а также всячески пытались ограничить достигшие значительных размеров сверхсметные кредиты⁹.

Милютин признавал, что «для всякого министра финансов главный камень преткновения есть Министерство военное»¹⁰. Поэтому его требования приводили к столкновениям с М.Х. Рейтерном, возглавлявшим в 1862–1878 гг. финансовое ведомство, и В.А. Татариновым, являвшимся в 1863–1871 гг. государственным контролёром. Их поддерживал К.В. Чевкин, председательствовавший в 1863–1874 гг. в Департаменте государственной экономии Государственного совета¹¹. «Рейтерн постоянно жаловался и ворчал на чрезмерные, по его мнению, военные расходы, — вспоминал Милютин, — а Татаринов, увлекаясь желанием возвысить контрольную часть до степени безапелляционного суда над действиями всех министерств, беспрестанно вызывал меня на протесты против его приговоров относительно распоряжений по военному ведомству — приговоров, вышедших, на мой взгляд, из компетенции Государственного контроля и часто несправедливых и неосновательных». Не менее «ожесточённые стычки» происходили и с генерал-лейтенантом С.А. Грейгом, в 1866–1873 гг. занимавшим пост товарища министра финансов и иногда заменявшим Рейтерна, а в 1874–1878 гг. оказавшимся в кресле государственного контролёра. «Желая выказаться рьяным оберегателем казны, — писал Милютин, — генерал Грейг выводил меня из терпения своей самонадеянностью, упорством и докторальным тоном»¹².

В марте 1862 г., едва вступив в должность, Рейтерн на заседании Комитета финансов потребовал от военного министра уменьшить смету 1863 г. на 15 млн руб., при этом Чевкин «умолял» Милютина «спасти Россию от погибели»¹³. Александр II не согласился на столь сильное сокращение, тем не менее финансисты продолжали оказывать давление на Милютина. «Военное министерство, — с горечью вспоминал он, — должно было ограничиваться лишь удовлетворением самых неотложных, насущных потребностей, отказавшись от всяких предприятий и улучшений, сопряжённых с новым расходом»¹⁴. Особенно сильный натиск на ведомство был связан с выделением значительных средств на подавление восстания в Царстве Польском и подготовку к возможной войне с европейскими державами, что привело к увеличению расходов с 114,2 млн руб. в 1862 г., до 155,6 — в 1863 г. и 155,1 — в 1864 г.¹⁵

ления в России / Под ред. Д.А. Скалона. Ч. 1. СПб., 1902. С. 71; *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1860–1862 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 1999. С. 243–294.

⁹ *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863–1864 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2003. С. 564, 565.

¹⁰ *Милютин Д.А.* Дневник. 1879–1881 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2010. С. 239.

¹¹ *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863–1864. С. 106.

¹² *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865–1867 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2005. С. 353; *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 — начало 1873 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2006. С. 140.

¹³ Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. В 2 т. / Под ред. П.А. Зайончковского. Т. 1. М., 1961. С. 155, 156.

¹⁴ *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1860–1862. С. 483–484.

¹⁵ Министерство финансов. 1802–1902. В 2 ч. Ч. 1. СПб., 1902. С. 636.

Противоречия между министерствами возникли и в сфере железнодорожного строительства. Военное ведомство подвергло критике проект сооружения рельсовой сети, разработанный в 1862 г. Главным управлением путей сообщения (ГУПС). Милютин инспирировал серию статей члена Совещательного комитета Главного управления Генерального штаба, полковника Н.Н. Обручева¹⁶, опубликованную в «Еженедельных прибавлениях» к газете «Русский инвалид» в 1864 г., а затем изданную отдельной брошюрой. В них планы ГУПС критиковались как недостаточно учитывающие задачи обороны империи и одновременно намечались главные направления магистралей, которые должны были обеспечивать сосредоточение войск в приграничных регионах¹⁷. Однако соображения Военного министерства не были приняты во внимание из-за возражений Рейтерна, рассматривавшего рельсовые пути прежде всего как фактор экономического развития. Милютин не удовлетворил и новый проект постройки железнодорожной сети, представленный Министерством путей сообщения (МПС) в конце 1868 г. По его поручению Обручев, к тому времени уже генерал-майор, составил записку, в которой определил вероятные в будущем театры военных действий и вновь указал маршруты основных стратегических линий¹⁸. Но при обсуждении этих предложений в Комитете министров 11 февраля 1869 г. большинство участников заседания поддержали Рейтерна¹⁹. Министр иностранных дел кн. А.М. Горчаков, в частности, заявил Милютину, что «он не видит никаких причин заботиться о стратегических требованиях и не признаёт других целей сооружения железных дорог, кроме экономических»²⁰. В дальнейшем военное ведомство не раз возвращалось к этой проблеме, однако её решение из-за оппозиции со стороны Министерства финансов постоянно откладывалось вплоть до 1880-х гг.²¹

Из-за бюджетных дефицитов во второй половине 1860-х гг. военная смета неоднократно подвергалась сокращениям, в итоге расходы снизились в 1865 г. до 140 млн руб., а в 1866 г. — до 129,7 млн руб.²² В январе 1866 г. Милютин писал Александру II, что, отложив удовлетворение насущных потребностей армии, «рано или поздно будем опять застигнуты врасплох новой войной, когда не будет уже возможности вознаградить потерянное время»²³. Он не раз пытался объяснить с Рейтерном, доказывая ему опасность ослабления боеспособности войск. Однако тот неизменно отвечал, что его дело соразмерять расходы с имеющимися ресурсами, а не вникать в специальные военные вопросы. Тем не менее Казначейству приходилось изыскивать дополнительные средства на срочные нужды, а в правительстве и общественных кругах генералов нередко обвиняли в финансовом истощении России²⁴. Опровергая эти упреки, Обру-

¹⁶ О деятельности Н.Н. Обручева подробнее см.: *Айрапетов О.Р.* Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830–1904). Портрет на фоне эпохи. М., 2017.

¹⁷ *Обручев Н.Н.* Сеть русских железных дорог. Участие в ней земства и войска. СПб., 1864.

¹⁸ ОР РГБ, ф. 169, карт. 37, д. 14, л. 1–9.

¹⁹ *Кислинский Н.А.* Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров. В 4 т. Т. 2. СПб., 1902. С. 36, 37.

²⁰ *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 — начало 1873. С. 168.

²¹ *Тестов В.Н.* Возведение и функционирование стратегических железных дорог в эпоху императора Александра III (1881–1894). Воронеж, 2016. С. 12–14.

²² Министерство финансов... Ч. 1. С. 636.

²³ Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1865 год. СПб., 1866. С. 209.

²⁴ *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863–1864. С. 572, 573; *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865–1867. С. 190, 361, 406–408.

чев в 1865 г. опубликовал в «Военном сборнике» и отдельным изданием обширный очерк, посвящённый финансированию армии. Рассмотрев различные статьи расходов, автор констатировал, что выделяемые министерству суммы не только не избыточны, но даже не удовлетворяют самые насущные военные потребности²⁵.

Осенью 1866 г., накануне обсуждения смет на следующий год, Рейтерн доложил Александру II, что единственный способ сбалансировать бюджет заключается в уменьшении военных расходов не менее чем на 20 млн руб. Милютин со своей стороны представил самодержцу общий обзор состояния армии с перечнем нерешённых проблем в её организации, перевооружении и снабжении, раскритиковав мнение об излишней многочисленности российских войск по сравнению с другими странами и чрезмерных затратах на их содержание²⁶. 6 октября под председательством императора состоялось заседание Совета министров, на котором обсуждалась подготовленная Рейтерном программная записка о мерах, необходимых для стабилизации экономики²⁷. Изобразив «мрачную картину» финансового положения страны, он рекомендовал урезать все ведомственные сметы, и в первую очередь — военную, что встретило резкий протест Милютина. Оба министра жёстко настаивали на выполнении своих требований, угрожая отставкой. В итоге Александр II повелел главам всех ведомств максимально сократить предполагаемые в следующем году расходы. Однако при личной встрече с Милютиным он разрешил ему снизить затраты лишь до того уровня, при котором не происходило бы ослабление «боевой силы» армии²⁸.

Тем временем Обручев в новой брошюре доказывал, что «государственное существование» России со времён Петра I было непрерывным финансово-экономическим кризисом, выразившимся в огромной задолженности казны и расстройстве денежного обращения. Следствием правительственной политики, основанной на крепостном праве и бюрократической регламентации, стало значительное отставание от западных стран, наметился застой в сельском хозяйстве, остро ощущалось слабое развитие промышленности, путей сообщения, кредита, засилье иностранных коммерсантов. Экономический прогресс, по мнению Обручева, был возможен в России только после раскрепощения «народной производительности», предоставления обществу широкой свободы в устройстве своих частных интересов и превращения забитого мужика в полноценного индивидуума с растущими потребностями и средствами для их удовлетворения. Генерал скептически оценивал попытки правительства выйти из финансовых затруднений за счёт сокращения необходимых государственных расходов, жертвуя насущными нуждами страны ради затыкания дыр в бюджете²⁹.

В обстановке продолжавшихся «голословных нареканий» со стороны как «финансовых авторитетов», так и «публики», Милютин 1 января 1867 г. привёл во всеподданнейшем докладе данные о сметах своего ведомства в 1866—1867 гг.

²⁵ [Обручев Н.Н.] Обзор деятельности Военного министерства в последнее пятилетие, финансовых его средств и нужд армии. СПб., 1865.

²⁶ Милютин Д.А. Воспоминания. 1865—1867. С. 361, 362; ОР РГБ, ф. 169, карт. 28, д. 5, л. 13—18.

²⁷ РГИА, ф. 1275, оп. 1, д. 66.

²⁸ Милютин Д.А. Воспоминания. 1865—1867. С. 362—365.

²⁹ Обручев Н.Н. Наше финансовое положение. СПб., 1866.

Он обратил внимание на ошибочность распространённого мнения об умеренности военных бюджетов Франции и Пруссии, отметив, что по сравнению с европейскими странами Россия расходует в этой области гораздо меньше. «Время ли теперь посягать на силу нашей армии, — риторически спрашивал министр, — когда все государства европейские наперерыв умножают свои боевые силы, и когда со всех сторон поднимаются на политическом горизонте грозные тучи»³⁰. По распоряжению императора доклад был прочитан на заседании Совета министров 26 января, однако это не изменило позиции сторон и вызвало лишь толки с намёками на «натяжки» в приведённых цифрах³¹. Тогда Обручев, назначенный управляющим делами Военно-учёного комитета, по приказу Милютин в марте 1867 г. составил объяснительную записку к смете на текущий год. В ней доказывалось, что, несмотря на начавшееся реформирование организации и снабжения войск, затраты не только не возросли, но даже снизились, в случае же дальнейшего ограничения численности и довольствия воинских частей и соединений империя окажется «обезоруженной» перед растущей мощью соседних государств. «Расход на армию, — писал Обручев, — составляет нормальную потребность России, составляет то бремя, которое неразрывно связано с её историческим бытием, и выкупается её независимостью и политическим значением»³². Однако в Министерстве финансов не согласились с подобными доводами и официально выступили с их опровержением³³.

Тем не менее в последующие годы суммы, выделявшиеся военному ведомству, постепенно возрастали, что во многом объяснялось расширением финансовых возможностей правительства. В 1869–1873 гг. Россия пережила экономический подъём, проявившийся в бурном росте акционерного учредительства, развитии промышленности, активном строительстве железных дорог, увеличении экспорта и торговых оборотов. Поступления в казну существенно возросли, обыкновенный бюджет в первой половине 1870-х гг. стал сводиться с профицитом, в разменном фонде был накоплен значительный запас золота и серебра, повысился курс рубля. Это совпало с началом нового этапа военных реформ. Блестящие победы германской армии над Францией в 1870 г. произвели сильное впечатление в России. «Умы поражены были громадностью военных сил, развёрнутых Пруссией, совершенством их организации, быстрыми ударами, нанесёнными могущественному врагу, — вспоминал Милютин. — Тогда поняли и у нас, как несвоевременно было заботиться исключительно об экономии, пренебрегая развитием и совершенствованием наших военных сил»³⁴.

В ноябре 1870 г. были образованы две комиссии для разработки положений о всеобщей воинской повинности, а также о запасных, местных, резервных войсках и государственном ополчении³⁵. В январе 1871 г. Милютин отмечал,

³⁰ Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1866 год. СПб., 1867. С. 117–127; Милютин Д.А. Воспоминания. 1865–1867. С. 433–436.

³¹ РГИА, ф. 1275, оп. 1, д. 70.

³² [Обручев Н.Н.] Объяснительная записка к смете Военного министерства за 1867 год. СПб., 1867.

³³ Милютин Д.А. Воспоминания. 1865–1867. С. 439.

³⁴ Милютин Д.А. Воспоминания. 1868 — начало 1873. С. 307.

³⁵ Там же. С. 315–316; Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. С. 306.

что «предстоящие новые преобразования, в видах значительного увеличения наших вооружённых сил на случай войны, должны, без сомнения, потребовать и новых средств денежных»³⁶. Он рассчитывал, что относительное упорядочение финансов и очевидная неготовность России к борьбе с заметно укрепившимися соседними державами заставят его оппонентов пойти на уступки. Однако эти надежды не оправдались: генералов по-прежнему упрекали «в разорении государства». Теперь критики ссылались на пример Северогерманского союза, который смог выставить огромную армию, хотя тратил на содержание войск в мирное время значительно меньше, чем Россия³⁷.

Оспаривая подобные суждения, Милютин поручил Обручеву подготовить обстоятельный разбор военных бюджетов обеих стран на 1870 г. Печатная записка с подробными таблицами, датированная 19 декабря 1871 г., была разослана министрам и членам Государственного совета. В ней разъяснялась некорректность сопоставления «валовых» затрат на армию европейских государств и России, где на каждого военнослужащего тратилось вдвое меньше средств, чем в Германии. Приведённые Обручевым статистические данные свидетельствовали, что впечатляющие суммы, поступающие из казны, на самом деле значительно уступали расходам Германии и других великих держав. Россия с её огромной территорией, неблагоприятным климатом, неразвитостью промышленности и транспорта, а также низким уровнем образования населения нуждалась, по мнению генерала, в гораздо более масштабных ассигнованиях для формирования современных вооружённых сил. Режим экономии, которого придерживалось Министерство финансов, грозил империи отставанием в военном отношении от своих потенциальных противников и утратой прежнего могущества. «Армия, — утверждал Обручев, — есть политическое, но вместе с тем и техническое орудие, требующее таких же непрерывных усовершенствований, как и всякое другое. Если самое существование государства требует существования этого орудия, то оно должно быть совершенно, должно стоять в уровень с другими подобными же орудиями других государств и быть готово выдержать с ними самую упорную борьбу. Всякое отступление от этих принципов ведёт к губительным последствиям». При этом в пример приводились поражения Австрии и Франции в войнах с Пруссией, которая, в отличие от своих противников, рассматривала армию не как бремя для экономики, а как силу, необходимую для сохранения государственности³⁸.

В ответ Министерство финансов выступило с возражениями против выводов Обручева, также сопроводив их многочисленными статистическими таблицами. Отвергая обвинения во «вредной бережливости», сотрудники Рейтерна упрекали генерала в «совершенно несправедливых суждениях», «незнании фактов и условий дела», ошибочном и предвзятом использовании цифровых показателей. В их записке говорилось, что Обручев, как узкий военный специалист, забывает о реальных возможностях казны. Между тем «войско сильно только тогда, когда сила его не есть бремя для страны, когда за числительной вооружённой силой стоят прочные и соответственные ей экономические силы населения». Россия, используя на нужды армии львиную долю своих доходов,

³⁶ Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1870 год. СПб., 1871. С. 145.

³⁷ Милютин Д.А. Воспоминания. 1868 — начало 1873. С. 457.

³⁸ [Обручев Н.Н.] Сравнительная таблица военных бюджетов Северо-германского союза по сметным предположениям на 1870 год и России по действительному исполнению государственной росписи 1869 года. [СПб.], 1871. Вторая пагинация. С. 1–36.

в этом отношении оказалась на первом месте в Европе, а в абсолютных величинах её военный бюджет превысил аналогичные ассигнования Германии и Австро-Венгрии вместе взятых³⁹. Обручев, в свою очередь, в новой записке 10 апреля 1872 г. возражал: «Расходы на армию всегда будут составлять бремя для населения, но это бремя есть *бремя его жизни*, без которого немислимо ни существование его как политического тела, ни неприкосновенность его достоинства, ни материальное и нравственное его развитие»⁴⁰. На этом полемика временно прекратилась. По свидетельству Милютин, она носила чисто «академический» характер и не имела никаких последствий, поскольку каждая сторона осталась при своём мнении⁴¹.

В июле 1872 г. военный министр напомнил императору о «новых пожертвованиях», которые потребуются в ходе предстоящей реформы. «Неизбежно должен был стать на первый план вопрос финансовый в связи с высшими соображениями стратегии и политики, — писал он в воспоминаниях, — а затем уже выступали специальные задачи самой организации армии и её резервов». Признавая, что решение по такому «важному делу» не может готовиться только в военном ведомстве, министр предложил созвать для его обсуждения Особое совещание⁴². Оно заседало под председательством Александра II с 28 февраля по 31 марта 1873 г. В нём приняли участие несколько десятков человек — великие князья, министры, видные сановники, представители высшего армейского командования⁴³.

16 февраля, ещё до начала этих заседаний, Рейтерн представил императору записку, в которой вновь говорилось, что ни в одной европейской стране на армию в мирное время не выделяется столько средств, как в России, где в 1872 г. они составили 37% расходной части бюджета, тогда как казна вынуждена удовлетворять возрастающие из года в год требования других ведомств, осуществляющих преобразования в различных сферах государственной жизни. Министр финансов выражал опасение, что дальнейшее увеличение военных затрат, не обеспеченных соответствующими источниками доходов, уничтожит первые ростки экономического благополучия, породит огромные бюджетные дефициты, лишит правительство возможности выделять кредиты для поддержки народного хозяйства и частного предпринимательства, заставит заключать кабальные займы, вводить новые налоги, вызывая недовольство населения и подготавливая почву «разрушительным политическим и социальным тенденциям». «Повернуть опять на стезю ежегодных дефицитов, — предостерегал он, — значило бы оставить дорогу, ведущую к улучшению наших финансов, к развитию экономического состояния, к возвышению действительного и прочного могущества России и вступить на тот путь, который клонится к расстройству финансов, разорению народа и уменьшению могущества России, даже и военном отношении, ибо тщетно было бы думать, что военная сила может увеличиваться, когда экономические силы государства уменьшаются»⁴⁴.

³⁹ Сравнительные исчисления и выводы о размере расходов на военные силы Российской и Германской империй. СПб., 1873. Первая пагинация. С. 1–13.

⁴⁰ Там же. Седьмая пагинация. С. 1–20.

⁴¹ Милютин Д.А. Воспоминания. 1868 — начало 1873. С. 563.

⁴² Там же. С. 549, 550.

⁴³ Там же. С. 574–604; Зайончковский П.А. Военные реформы... С. 288–304.

⁴⁴ РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 146, л. 75–80 об.

Рейтерн предложил ввести для Военного министерства на пять лет «нормальный» бюджет, т.е. установить ежегодную предельную сумму, сверх которой не будут допускаться никакие дополнительные ассигнования. Подобная система никогда не практиковалась за границей, но в России попытки таким образом ограничить расходы казны предпринимались и ранее. В 1835 г. министр финансов Е.Ф. Канкрин направил Николаю I проект «нормальной росписи» с максимумом расходов по каждому ведомству на следующий год, однако в ходе детального обсуждения бюджета сметные назначения значительно превысили запланированный лимит. В 1857 г. был учреждён Особый комитет, который по поручению министра финансов П.Ф. Брока определил на три года «нормальные цифры» для ведомственных смет (кроме военного и морского министерств). Они даже получили одобрение императора, но затем Высшая контрольная комиссия, готовившая новые сметные правила, признала предельные бюджеты «очевидным отступлением от общеустановленных понятий в финансовом деле»⁴⁵.

Записка Рейтерна была размножена и передана участникам совещания. На первом же его заседании фельдмаршал кн. А.И. Барятинский заявил, что для увеличения вооружённых сил России нет необходимости наращивать военный бюджет, а следует лишь избегать ненужных расходов, образовав специальную комиссию для выяснения размера возможных «сбережений». Рейтерн повторил основные положения своей записки, с которой собравшиеся уже были знакомы, а кн. Горчаков и Чевкин призвали генералов к «бережливости». Со своей стороны, Милютин заверил присутствовавших, что не возражает против предельного бюджета, однако условия его введения требуют соглашения между военным и финансовым ведомствами при участии государственного контролёра (им в то время был А.А. Абаза). По сути, это была уступка, на которую министр пошёл, столкнувшись с сильной оппозицией его замыслам. Между тем неделю спустя Александр II вернулся к идее кн. Барятинского и назначил фельдмаршала главой Финансовой комиссии для рассмотрения военных смет, включив в неё Чевкина, Грейга, председателя Комитета министров П.Н. Игнатьева, члена Государственного совета гр. Э.Т. Баранова и нескольких генералов⁴⁶. Однако их деятельность свелась лишь к мелочной критике финансовой и хозяйственной деятельности министерства. В июле 1873 г. под руководством князя для императора была составлена записка с перечнем якобы выявленных недостатков. По распоряжению Милютина его подчинённые дали подробные разъяснения по всем пунктам этого «обвинительного акта». В итоге работа комиссии завершилась безрезультатно⁴⁷.

Тем временем в финансовом ведомстве были подготовлены и согласованы с Милютиным и Абазой Правила о составлении, рассмотрении и исполнении расходных смет Военного министерства на пятилетие 1874–1878 гг., утверждённые Александром II 4 июля 1873 г. Сумма затрат на 1874 г. ограничивалась 174,3 млн руб. (на 5 млн руб. больше, чем в 1873 г.), а на 1875–1878 гг. — 179,2 млн руб. в год. Изменения допускались при перенесении каких-либо

⁴⁵ Кашкаров М.П. Обзор бюджетного законодательства России за 1862–1890 годы. СПб., 1891. С. 627–628.

⁴⁶ Милютин Д.А. Воспоминания. 1868 — начало 1873. С. 583, 584, 587–589, 595–597; Зайончковский П.А. Военные реформы... С. 293–296.

⁴⁷ Милютин Д.А. Дневник. 1873–1875 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2008. С. 35–36, 40–41, 237, 373.

средств в сметы других ведомств и наоборот. Дополнительные ассигнования разрешалось запрашивать лишь в случае начала войны, снаряжения военной экспедиции, повышения цен на провиант и фураж. Вместе с тем военное ведомство могло не разносить всю ежегодную предельную сумму по сметным подразделениям и часть её отчислять в особый запасной фонд на непредвиденные расходы, перераспределять кредиты между различными управлениями, переводить в запасной фонд неизрасходованные к концу года остатки, которые ранее полагалось возвращать в Казначейство⁴⁸. Комиссия из представителей трёх ведомств, действовавшая в 1874–1876 гг. при Канцелярии Военного министерства, занималась корректировкой и дополнением этих правил (их новые редакции были утверждены императором 26 июня 1874 г. и 28 января 1877 г.⁴⁹).

В 1874 и 1875 гг. принятые нормы неукоснительно соблюдались, однако Милютину было трудно смириться с жёстким ограничением своих финансовых возможностей. «После печального исхода бывшего в начале года секретного совещания по военным делам и с установлением нормального бюджета Военного министерства, — писал он в дневнике в конце декабря 1873 г., — мне уже невозможно вести дело военного устройства с той самостоятельностью и энергией, с которыми вёл до сих пор в течение более 12 лет»⁵⁰. В итоге обширные преобразования в армии, намеченные совещанием 1873 г., сильно затормозились. «Военное министерство, — докладывал Милютин императору 1 января 1876 г., — имея в виду, с одной стороны, эту громадную цифру предстоящих расходов, а с другой — определённый размер денежных ресурсов, предоставленных в его распоряжение нормальным бюджетом, сознавало, что средства не соответствуют цели и что, несмотря на настоятельность многих преобразований, необходимо рассрочить их на довольно продолжительный период времени»⁵¹.

Несмотря на достигнутый зыбкий компромисс, межведомственные споры продолжались. Так, например, в ноябре 1873 г. на заседании Комитета министров Милютин и Рейтерн вступили в «резкие прения» по поводу импорта в Россию селитры для производства пороха, и «наговорено было много неприятного друг другу»⁵². С 1874 г., возглавив Государственный контроль, Грейг при поддержке Рейтерна стал отстаивать своё право на вмешательство в распоряжения всех ведомств, по словам Милютина, «принимая с комической самонадеянностью вид знатока в финансовом деле». Вскоре он превратился в «ярого судью над всеми министрами» и «с обычной своей самонадеянностью и развязностью» обвинял их в «расточительности», позволяя себе «резкие выходки», «нахальный тон» и «наглые нападки»⁵³.

В 1876–1882 гг. чрезвычайные расходы, связанные с Русско-турецкой войной 1877–1878 гг., составили 1 075,4 млн руб.⁵⁴ В итоге страна, как и в конце 1850-х гг., оказалась в тисках острого финансового кризиса, который выразил-

⁴⁸ РГИА, ф. 565, оп. 1, д. 2781, л. 69–76; ПСЗ-II. Т. 48. Отд. 2. СПб., 1876. № 52442.

⁴⁹ РГИА, ф. 565, оп. 1, д. 2781, л. 145–147 об., 151, 152–155, 265–266; ПСЗ-II. Т. 49. Отд. 1. СПб., 1876. № 53676; Т. 52. Отд. 1. СПб., 1879. № 56880.

⁵⁰ Милютин Д.А. Дневник. 1873–1875. С. 74–75.

⁵¹ Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1875 год. СПб., 1876. С. 1.

⁵² Милютин Д.А. Дневник. 1873–1875. С. 56.

⁵³ Там же. С. 96, 150; Милютин Д.А. Дневник. 1876–1878 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2009. С. 36, 43, 46, 53, 56, 57, 210.

⁵⁴ Министерство финансов... Ч. 1. С. 639; Ч. 2. СПб., 1902. С. 643.

ся в огромных бюджетных дефицитах, сокращении налоговых поступлений, резком возрастании государственного долга, падении курса рубля и галопирующей инфляцией⁵⁵. В июле 1878 г. Рейтерн, ранее упорно возражавший против вступления России в борьбу с Турцией, уступил свой пост Грейгу. Милютин не без раздражения отметил в дневнике, что тот «едва ли поправит финансы России, а может, ради своей самонадеянности, наделать много бед»⁵⁶. Между тем в 1878 г. истекал пятилетний срок действия предельных бюджетов, поэтому Грейг, Милютин и новый государственный контролёр Д.М. Сольский убедили императора 7 сентября 1878 г. продлить действие утверждённых ранее правил до конца 1879 г. с тем, чтобы за это время продумать основания для составления смет министерства в будущем⁵⁷.

23 марта 1879 г. по докладу министра финансов император повелел учредить под председательством Абазы Особую высшую комиссию для изыскания способов к сокращению государственных расходов⁵⁸. Абаза сразу же отправил Милютину (получившему 30 августа 1878 г. графский титул) официальное письмо с просьбой найти возможность уменьшить затраты по его ведомству. Тот ответил, что Военное министерство при своём скромном бюджете и без того на каждом шагу встречает препятствия к удовлетворению самых острых нужд армии, поэтому «всякое серьёзное сокращение расходов влечёт ущерб в важном деле готовности государства к поддержанию своего политического достоинства»⁵⁹. Укрепив своё положение в верхах, гр. Милютин был полон решимости добиться приемлемых объёмов финансирования. В мае 1879 г. он писал Грейгу о том, что «мысль об установлении для Военного министерства нормального бюджета принадлежит всецело Министерству финансов, определившему в 1873 году и предельную сумму этого бюджета по соображению со средствами Государственного казначейства, а не с нуждами Военного министерства, от которого даже не требовалось предварительно никаких сведений, и которому предоставлено было сообразовать расходы с данными ему средствами»⁶⁰.

Понимая сложность в тяжёлой экономической ситуации точно определить размер предельного бюджета, Грейг по соглашению с Сольским и гр. Милютиным предложил императору составить смету Военного министерства на 1880 г. на общих основаниях, а в дальнейшем выработать оптимальный порядок финансирования армии. 13 июля 1879 г. император согласился на этот шаг⁶¹. Однако государственный контролёр в отчёте за 1879 г. отметил, что руководство военного ведомства, воспользовавшись отменой прежних ограничений, заложило в смету будущего года сумму, превышающую прежнюю норму на 35 млн руб.⁶² Поэтому Сольский считал необходимым рассмотреть возможные варианты по сдерживанию роста военных расходов. Александр II повелел ему обсудить их с Грейгом и гр. Милютиным. В январе 1880 г. военный министр был вынужден признать: «До сих пор недостаток денежных средств постоянно заставлял нас

⁵⁵ Степанов В.Л. Цена победы: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и экономика России // Российская история. 2015. № 6. С. 99–119.

⁵⁶ Милютин Д.А. Дневник. 1876–1878. С. 453.

⁵⁷ РГИА, ф. 565, оп. 1, д. 2781, л. 560–560 об.; ПСЗ-II. Т. 53. Отд. 2. СПб., 1880. № 58834.

⁵⁸ РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 160, л. 12–13 об., 17–18 об.

⁵⁹ Там же, ф. 1214, оп. 1, д. 5, л. 10–12, 33–33 об.

⁶⁰ Там же, ф. 565, оп. 1, д. 2781, л. 569 об.–570.

⁶¹ Там же, л. 577–577 об.

⁶² Всеподданнейший отчёт государственного контролёра за 1879 год. СПб., 1880. С. 81–84.

отставать от западноевропейских государств в деле военных усовершенствований и новых мероприятий; мы принуждены были откладывать или рассрочивать на многие годы даже такие мероприятия, которые признавались наиболее настоятельными и бесспорными и которые в других государствах давно уже были осуществлены при помощи чрезвычайных денежных ассигнований. К сожалению, положение наших финансов таково, что и в будущем едва ли можно с вероятностью предвидеть, что с этой стороны не встретится препятствий к правильному и достаточно быстрому ходу преобразований, направленных для развития нашей военной организации соответственно политическим потребностям России и современному состоянию военного искусства»⁶³.

В августе 1880 г. гр. Милютин составил записку, в которой раскритиковал систему предельных бюджетов и констатировал невозможность точного расчёта чрезвычайных затрат и установления единой границы для сметных расходов при ежегодном росте цен. По его мнению, это заставило бы сокращать наличный состав армии и даже изменять саму организацию вооружённых сил, дабы «подогнать» стоимость их содержания к установленной сумме. Тем не менее граф предлагал компромисс и готов был разделить ежегодную смету своего ведомства на две части: обыкновенную, определяемую с учётом военных нужд, и предельную, чрезвычайную для экстренных расходов, сверх которой исключались дополнительные ассигнования. Эта фиксированная сумма составляла бы запасной фонд министерства и использовалась бы по мере необходимости⁶⁴.

Однако в Департаменте государственного казначейства категорически возразили против образования подобного фонда и предоставления Военному министерству полной свободы им распоряжаться, поскольку «такой простор легко может повести к употреблению государственных средств в ущерб общему государственному хозяйству и к нарушению равновесия средств страны, от состояния которых главным образом и должно зависеть первоначальное назначение величины предельной суммы для такого рода расходов»⁶⁵. Не одобрил эту инициативу и видный киевский экономист Н.Х. Бунге, назначенный в июле 1880 г. товарищем министра финансов. В программной записке, представленной императору 20 сентября того же года, он поставил вопрос: «Если удовлетворение постоянных неотложных военных расходов должно иметь место даже и тогда, когда такие расходы сопряжены для народа и государства с тяжёлыми жертвами, то не следует ли также во времена трудные ограничивать единовременные военные издержки, которые могут быть отложены, и не поступит ли правительство против интересов государства, отпуская из Казначейства деньги для образования фонда, в непосредственном расходовании которого нет настоящей надобности?»⁶⁶.

В октябре 1880 г. Грейга сменил Абаза, а гр. Баранов занял место председателя Комиссии по пересмотру ведомственных смет. Гр. Милютин попытался объяснить с новым министром. «Я высказал ему, что предместники его совершенно напрасно считали меня своим злейшим противником, — писал он в дневнике, — что, напротив того, я рад всеми силами помогать министру финансов в смысле облегчения наших финансовых затруднений; но вместе с тем

⁶³ Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1879 год. СПб., 1880. С. 4.

⁶⁴ РГИА, ф. 565, оп. 1, д. 2831, л. 1–2, 3–9 об.

⁶⁵ Там же, л. 49–60 об.

⁶⁶ Записка Н.Х. Бунге Александру II «О финансовом положении России» / Публ. А.П. Погребинского // Исторический архив. 1960. № 2. С. 140–141.

надеюсь, что он также и со своей стороны будет разумным образом взвешивать настоятельные требования государственной безопасности при настоящей шаткой политической обстановке». Граф надеялся, что Абаза «не будет таким самонадеянным, как Грейг, ни таким односторонним и упрямым, как Рейтерн»⁶⁷. К тому же оба министра являлись политическими единомышленниками и играли видную роль в либеральной «коалиции», сложившейся в 1880–1881 гг. вокруг гр. М.Т. Лорис-Меликова.

Тем не менее Абаза ревностно отстаивал интересы своего ведомства. «Несмотря на восстановление мирного направления в нашей внешней политике, около трети расходной сметы ассигнуется на потребности Военного министерства, — напоминал он Александру II в декабре 1880 г. — При таких условиях министр финансов считает своим долгом выразить убеждение в неотложной необходимости принятия по указанию Вашего императорского величества таких мер, которые могли бы содействовать сокращению средств, расходуемых ныне страной для содержания её военных сил»⁶⁸. При обсуждении в Государственном совете сметы на 1881 г. Абаза заявил, что расстройство финансов связано с непомерными затратами на армию и единственный способ сбалансировать бюджет заключался в том, чтобы уменьшить численность войск и размер выделяемых им ассигнований. Гр. Милютин возразил, что масштаб военного строительства зависит не от «доброй воли» правительства, а от международной обстановки и боевой мощи соседних держав. Однако Абазу поддержали Сольский и большинство участников заседания. В марте 1881 г. в Особом присутствии по воинской повинности при определении контингента новобранцев очередного призыва министр финансов вновь настаивал на сокращении числа военнослужащих⁶⁹.

В мае 1881 г., вскоре после восшествия на престол Александра III, Абазу сменил Бунге, а гр. Милютин — генерал от инфантерии П.С. Ванновский, пользовавшийся личным доверием нового самодержца. Но борьба финансистов и генералов не прекращалась. Ванновский и Обручев, ставший начальником Главного штаба, требовали денег на дальнейшую модернизацию армии. Их запросы были вполне обоснованы, так как минувшая война выявила немало недостатков в организации, обучении и снабжении войск, а международная обстановка оставалась тревожной. Несмотря на возобновление в июне 1881 г. и в марте 1884 г. Союза трёх императоров, афганский (1885) и болгарский (1885–1886) кризисы значительно обострили отношения между великими державами. Между тем русская армия заметно уступала своим потенциальным противникам по целому ряду показателей.

Однако планам генералов препятствовало послевоенное расстройство финансов, которое усугублялось катастрофическим неурожаем 1880 г., низкими сборами хлебов в 1882 и 1885 гг., отрицательным сальдо торгового и платёжного балансов, кризисом перепроизводства в промышленности, который перерос в депрессию, продолжавшуюся до 1887 г. Поэтому Бунге всячески призывал Александра III к «миролюбивой, но твёрдой политике» для решения экономических задач⁷⁰. В феврале 1882 г. министр с тревогой воспринял воинственные

⁶⁷ Милютин Д.А. Дневник. 1879–1881 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2010. С. 239–240.

⁶⁸ Всеподданнейший доклад министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1881 год. СПб., 1880. С. 10–11.

⁶⁹ Милютин Д.А. Дневник. 1879–1881. С. 247, 303.

⁷⁰ Всеподданнейший доклад министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1883 г. СПб., 1883. С. 16.

антигерманские заявления генерала М.Д. Скобелева в Париже⁷¹. В конце марта 1885 г., после столкновения русских и афганских отрядов на Кушке, вызвавшего усиление враждебности со стороны Великобритании, он прямо заявил императору, что «даже самая успешная война не может не быть гибельной для нас»⁷².

При назначении Ванновского на министерский пост Александр III дал ему «первенствующее указание» во что бы то ни стало уменьшить военный бюджет⁷³. Это в полной мере отвечало стремлениям финансового ведомства. Помимо Сольского, сильную поддержку Бунге оказывал Абаза, пользовавшийся большим влиянием в Государственном совете, а с 1884 г. вновь председательствовавший в Департаменте государственной экономии. С ними солидаризовался министр иностранных дел Н.К. Гирс, стремившийся обеспечить России мир всеми возможными дипломатическими средствами и избегавший конфронтации с Германией. Финансисты убеждали Александра III в необходимости сократить государственные расходы, и в первую очередь — ассигнования на армию. 17 июля 1881 г. по докладу гр. Баранова последовало высочайшее повеление о разрешении Департаменту государственной экономии, Министерству финансов и Государственному контролю при рассмотрении смет на будущий год исходить только из принципа целесообразности, не считаясь с действующими постановлениями, порядками и штатными расписаниями⁷⁴. Тем самым выполнение задачи, возложенной ранее на Особую высшую комиссию, фактически оказалось в руках этих ведомств, что позволило им снизить предполагаемые затраты. В наибольшей степени это коснулось Военного министерства, смету которого урезали на 23,2 млн руб. после решения императора сократить штатное расписание войск⁷⁵. Кроме того, 20 апреля 1882 г. по инициативе Бунге и Сольского министрам и главноуправляющим было предоставлено право пересматривать штаты и поручено уменьшить суммы в сметах на 1882 г. (прежде всего за счёт канцелярских и хозяйственных издержек), а ежегодно повторяющиеся расходы следовало перевести из числа сверхсметных ассигнований в разряд обычных. Отныне все ведомства могли запрашивать дополнительные суммы только с санкции министра финансов и государственного контролёра⁷⁶.

Однако применение этих постановлений натолкнулось на сопротивление Военного министерства, бюджет которого должен был пострадать в наибольшей степени. Тем не менее в начале 1880-х гг. Ванновскому приходилось считаться с бедственным состоянием казны. «Ясно было, — писал он впоследствии Александру III, — что в течение некоторого времени интересы чисто военные должны быть до известной степени приносимы в жертву интересам экономическим, и что финансовые соображения до поры до времени должны преобладать над всеми другими»⁷⁷. Однако уже в марте 1884 г. Бунге информи-

⁷¹ *Перетц Е.А.* Дневник (1880–1883) / Под ред. А.А. Бельх. М., 2018. С. 300–301.

⁷² *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря. В 2 т. / Под ред. П.А. Зайончковского. Т. 1. М., 2005. С. 333.

⁷³ Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1887 год. СПб., 1888. С. 1, 2.

⁷⁴ Министерство финансов... Ч. 2. С. 296.

⁷⁵ Всеподданнейший доклад управляющего Министерством финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1882 г. СПб., 1882. С. 8.

⁷⁶ РГИА, ф. 1152, оп. 9, 1882 г., д. 141, л. 2–12, 13–20, 21.

⁷⁷ Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1887 год. С. 2–3.

ровал императора, что Ванновский требует 6,75 млн руб. на строительство крепостей, повышение оклада офицерам и содержание казачьих войск. По словам министра финансов, удовлетворение такого запроса ещё более увеличивало ожидавшийся бюджетный дефицит в 11,6 млн руб. При дальнейшем росте военных издержек правительству придётся, забыв о «благоденствии народном», вводить новые налоги, которые вряд ли удастся взыскать без недоимок, и заключать займы на невыгодных условиях, выплачивая по ним обременительные проценты. «В таком случае, — предсказывал Бунге, — может наступить постепенное расстройство финансов, которое повлечёт за собой впоследствии невозможность удовлетворять насущным нуждам армии и флота, а наконец, и кризис хозяйственный, легко обращающийся в потрясение государственного строя»⁷⁸.

Обручев в сентябре 1884 г. с горечью писал гр. Милютину в Симеиз: «Работаем мы много, но такая уж наша судьба, что двигаемся мы весьма черепашьями шагами. Нет денег»⁷⁹. Бунге не предлагал вернуться к системе предельных бюджетов. Он скептически отзывался об этой мере и не видел никаких гарантий в том, что расходы в течение года не выйдут за границы сметных назначений⁸⁰. Поначалу ему удавалось сдерживать военные затраты. Если в 1881 г. они составили 255,6 млн руб., то в 1882 г. — уже 204,5, 1883 г. — 201,6, а в 1884 г. — 200 млн руб., однако после боёв на афганской границе они вновь возросли до 206,7 млн руб. в 1885 г. и 212 — в 1886 г.⁸¹ В ноябре 1886 г. Бунге с сожалением докладывал императору, что действия его ведомства и ряда специальных комиссий по сокращению расходов Военного министерства и других центральных учреждений за редкими исключениями оказались неэффективными⁸².

30 июня 1885 г. по докладу Ванновского Александр III подписал подготовленные Особым совещанием под председательством Абазы Правила испрошения и ассигнования Военному министерству денежных средств на расходы, вызываемые военными обстоятельствами. Отныне при возникновении угрозы войны или при подготовке к ней все ведомственные нужды удовлетворялись за счёт чрезвычайных сверхсметных сумм, которые запрашивались всеподданнейшими докладами министра и с высочайшего разрешения выделялись Казначейством. После начала боевых действий решения о предоставлении кредитов принимались Особым совещанием из председателя Департамента государственной экономии, государственного контролёра, руководителей военного, морского и финансового ведомств. Выделенные средства вносились в особый параграф сметы («военный фонд»). Таким образом, закреплялось существование двух бюджетов — обыкновенного и военного⁸³. Новая редакция этих правил с небольшими изменениями вошла в Положение о полевом управлении войск в военное время, утверждённое 26 февраля 1890 г., и действовала вплоть до начала Первой мировой войны⁸⁴.

⁷⁸ Записка Н.Х. Бунге Александру III о состоянии бюджета России / Публ. А.П. Погребинского // Исторический архив. 1960. № 2. С. 143–144.

⁷⁹ ОР РГБ, ф. 169, карт. 71, л. 63, л. 2 об.

⁸⁰ РГИА, ф. 560, оп. 21, д. 177, л. 32–32 об.

⁸¹ Министерство финансов... Ч. 2. С. 642–643.

⁸² РГИА, ф. 560, оп. 21, д. 177, л. 31 об., 32.

⁸³ Там же, ф. 565, оп. 1, д. 214, л. 34–38, 39–44; ПСЗ-III. Т. 5. СПб., 1887. № 3096.

⁸⁴ ПСЗ-III. Т. 10. Отд. 2. СПб., 1893. № 6609. Приложение № 3.

Генералы, как и ранее, настаивали на сооружении сети железных дорог, обеспечивающих мобилизацию и сосредоточение армии на границе. Особую активность в этом отношении проявлял Обручев. По свидетельству С.Ю. Витте, стратегические линии были его «манией»⁸⁵. 14 февраля 1883 г. совещание под председательством Александра III утвердило план строительства трёх казённых дорог в западных губерниях (всего свыше тысячи вёрст). Однако финансисты не спешили выделять на них деньги. В следующем году на одном из заседаний Комитета министров Бунге и Сольский высказали опасение, что расходы на постройку в короткий срок столь протяжённых линий, не имеющих какого-либо экономического значения, станут тяжким бременем для казны. На совещании, созванном для обсуждения этих соображений, Ванновский категорически заявил, что без необходимых коммуникаций невозможно обеспечить «целость и безопасность» государства. Его мнение было поддержано участниками заседания и 17 марта 1884 г. одобрено императором⁸⁶. В дальнейшем развернулись работы по прокладке Полесских, Привисленских и Новоселицких стратегических дорог, а также Закаспийской магистрали.

В начале 1887 г. Бунге сменил известный учёный-механик и глава правления ряда акционерных компаний И.А. Вышнеградский. Приступив к упорядочению финансов, он испытывал сильную тревогу по поводу возможного втягивания России в тот или иной международный конфликт, поскольку Ванновский и его окружение отнюдь не исключали подобного поворота событий. За несколько дней до своего назначения будущий министр отправился к директору Азиатского департамента МИД И.А. Зиновьеву, чтобы расспросить его о положении дел в Европе. Тот заверил его, что в обозримом будущем империи ничего не угрожает⁸⁷. Вскоре после этого Вышнеградский «весьма решительно» предупредил Александра III, что если не удастся умерить аппетиты генералов, то к концу года дефицит бюджета может составить 100 млн руб. «Мир нам необходим», — утверждал он. По свидетельству директора Канцелярии МИД гр. В.Н. Ламздорфа, «государь будто бы выразил Вышнеградскому своё твёрдое намерение придерживаться миролюбивой политики»⁸⁸.

Министр финансов зорко следил, чтобы какое-нибудь неосторожное решение не вызвало нежелательной реакции в Германии. В ноябре 1887 г. он оспорил требование Ванновского запретить экспорт в Германию камня, использовавшегося для немецких крепостей на российской границе, так как подобный шаг «может произвести чрезвычайно неблагоприятное впечатление в политическом отношении»⁸⁹. Генерала А.А. Киреева Вышнеградский уверял, что если удастся избежать войны в течение ближайших пяти лет, то он сумеет «починить наши финансы»⁹⁰. На традиционном итоговом заседании Государственного совета 28 декабря 1887 г. министр заявил, что «финансовая будущность наша всецело зависит от торжества мирной политики»⁹¹. По мнению государственного

⁸⁵ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания / Публ. Б.В. Ананьича, Р.Ш. Ганелина, С.В. Куликова, С.К. Лебедева, И.В. Лукьянова. Т. 2. СПб., 2003. С. 46.

⁸⁶ *Кислинский Н.А.* Указ. соч. Т. 3. С. 208–210.

⁸⁷ *Дневник В.Н. Ламздорфа (1886–1890)* / Под ред. Ф.А. Ротштейна. М.; Л., 1926. С. 38.

⁸⁸ Там же. С. 50.

⁸⁹ РГИА, ф. 40, оп. 1, д. 39, л. 109, 110.

⁹⁰ ОР РГБ, ф. 126, карт. 11, л. 24 об.

⁹¹ *Половцов А.А.* Указ. соч. Т. 2. М., 2005. С. 70.

секретаря А.А. Половцова, Вышнеградский «умел вызвать государя на громкое провозглашение мирной политики» и «заслуга эта очень велика»⁹².

Обстановка в верхах явно складывалась в пользу министра финансов. Руководство МИД осуждало Ванновского и Обручева за искусственное нагнетание военной угрозы⁹³. Недовольство высказывали даже представители высшего генералитета. Морской министр вице-адмирал И.А. Шестаков резко отзывался о «воинственных тенденциях» Ванновского, называя его «просто дураком и сумасшедшим»⁹⁴. Главнокомандующий войсками гвардии вел. кн. Владимир Александрович, ознакомившись с всеподданнейшей программной запиской, поданной Вышнеградским 21 декабря 1886 г., сказал императору, что «никакое улучшение финансов невозможно, покуда мы в такой мере отягощены военными расходами, что этот милитаризм должен привести к банкротству и сопровождающим его несчастьям, что необходимо стараться сделать возможным уменьшение армий, и что велика будет заслуга того государя, который это сделает». Половцов одобрительно отозвался об этих словах: «Вот это умные речи»⁹⁵. Главный военный прокурор кн. А.К. Имеретинский в беседе с государственным секретарём критиковал «партию войны» во главе с Обручевым, будто бы считавшую в начале 1887 г. выгодным столкновение Франции с Германией, поскольку Россия могла воспользоваться этим для того, чтобы разгромить Австро-Венгрию и занять перевалы в Карпатах. «Экономические, нравственные соображения для этих людей не существуют», — сетовал князь⁹⁶.

Энергичный и работоспособный Вышнеградский быстро укрепил своё положение в верхах, пользуясь поддержкой Сольского и особенно Абазы, с которым у него сложились тесные отношения. 11 августа 1887 г. в записке, направленной Александру III, он указал на необходимость принять «твёрдое и непоколебимое решение» о запрете сверхсметных ассигнований⁹⁷. Император наложил одобрительную резолюцию, и тогда, ссылаясь на волю монарха, министр финансов отказал военным в дополнительных кредитах и даже несколько сократил их смету на следующий год. «Должно надеяться, — писал он царю, — что это обстоятельство, являя собой новое доказательство глубокого и искреннего миролюбия Вашего императорского величества, поможет торжеству мирной политики Вашей, которая предотвратит от России бедствия и ужасы войны»⁹⁸. В свою очередь, военный министр в январе 1888 г. обращал внимание Александра III на явное отставание России от европейских держав (в особенности от Германии и Франции), которые не жалели денег на наращивание своих сил и формировали армии «чудовищных размеров». Он настаивал на выделении крупных сумм для увеличения численности войск, усиления артиллерии и кавалерии, сооружения новых и реконструкции старых крепостей, создания продовольственных резервов. «Какими незначительными и даже ничтожными представляются эти средства, сравнительно с теми сот-

⁹² Там же. С. 270.

⁹³ Дневник В.Н. Ламздорфа (1886–1890). С. 8, 28, 44, 45, 57.

⁹⁴ Там же. С. 54.

⁹⁵ Половцов А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 5.

⁹⁶ Там же. С. 16.

⁹⁷ РГИА, ф. 560, оп. 1, д. 168, л. 14–14 об.

⁹⁸ Всеподданнейший доклад министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1888 год. СПб., 1887. С. 8, 15.

нями миллионов, которые жертвуются другими государствами без малейшего колебания!», — сокрушался Ванновский⁹⁹.

Вместе с тем, несмотря на явное недофинансирование, Военное министерство в 1881—1888 гг. провело реорганизацию кавалерии, преобразовало стрелковые батальоны в полки, увеличило число офицеров, усилило войска в Закаспийской области и Приамурском крае, сформировало «туземные» части и новые пластунские батальоны на Кавказе, устраивало учебные сборы запасного состава, повышало офицерское жалованье, улучшало довольствие нижних чинов и т.п.¹⁰⁰ Весной 1888 г. Ванновский, заручившись согласием императора, представил министру финансов «Список неотложнейших потребностей» своего ведомства, с просьбой на ближайшие пять лет увеличить ежегодную смету на 18 млн руб., а также одновременно выделить ещё 40 млн руб. на дополнительные расходы¹⁰¹.

Но Вышнеградский остался непреклонен. В записке, составленной им для Александра III в апреле 1888 г., отмечалось, что ходатайство о сверхсметных кредитах противоречит ясно выраженной монаршей воле, а увеличение расходов грозит дефицитом бюджета, с таким трудом сбалансированного в прошлом году. Как и Бунге, он не сомневался, что введение новых налогов останется на бумаге и не станет надёжным источником доходов, однако «может посеять неудовольствие и ропот, могущие иметь очень прискорбные последствия». К тому же, по его мнению, запросы генералов не были вызваны сколько-нибудь острой необходимостью, поскольку, как неоднократно заверял МИД, в ближайшие годы войны не предвиделось. Вышнеградский рекомендовал «воспользоваться сим благоприятным положением и не разбрасывать наши скудные средства на малополезные расходы, а употреблять их крайне бережливо с целью возможного исправления нашего финансового и экономического положения». При этом он заявлял, что «благосостояние народа даже при некотором несовершенстве военного устройства принесёт в период вооружённого столкновения более пользы, нежели самая полная боевая готовность армии при пошатнувшемся экономическом положении народа»¹⁰².

Для урегулирования разногласий 7 мая Александр III созвал под своим председательством Особое совещание, собрав министров иностранных дел, военного и финансов. В ходе заседания Ванновский утверждал, что «нужно ждать столкновения между Германией и Францией и быть готовыми»¹⁰³. Однако самодержец поддержал Вышнеградского, признав, что дальнейшая модернизация армии возможна лишь с учётом имеющихся ресурсов Казначейства, причём не может быть и речи о новых займах и усилении налогообложения. Министр финансов поспешил закрепить свой успех и добился согласия императора на восстановление «нормальных» военных смет. 13 мая 1888 г. по совместному докладу Ванновского, Вышнеградского и Гирса были утверждены Общие правила о предельном бюджете Военного министерства на 1889—1893 гг. В течение это-

⁹⁹ Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1887 год. С. 11, 12—15.

¹⁰⁰ Обзор деятельности Военного министерства в царствование Александра III. 1881—1894. СПб., 1903. С. 324, 325.

¹⁰¹ РГИА, ф. 565, оп. 14, д. 94, л. 225 об.; Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1888 год. СПб., 1889. С. 1, 2.

¹⁰² РГИА, ф. 565, оп. 14, д. 94, л. 224—232.

¹⁰³ Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. Дневники (1882—1888 гг.). СПб., 2014. С. 471.

го пятилетия к сметной сумме 1888 г. (211,6 млн руб.) ежегодно должны были прибавляться: в 1889 г. — 5,6 млн руб., 1890 г. — 7,3, 1891 г. — 8,6, 1892 г. — 10, 1893 г. — 11 млн руб.¹⁰⁴ 18 июня Александр III одобрил представленный Ванновским план повышения боеспособности армии, предусматривавший усиление офицерских кадров, увеличение контингента новобранцев, реорганизацию старых и формирование новых воинских частей, установление льгот для унтер-офицеров¹⁰⁵.

Для детальной разработки правил о предельном бюджете была учреждена межведомственная комиссия под председательством товарища государственного контролёра Т.И. Филиппова. На её заседаниях в июне 1888 г. вспыхнули новые разногласия — генерал-майор П.Л. Лобко, представлявший военное ведомство, с санкции Ванновского выдвинул собственный вариант проекта, предоставлявший министерству значительную свободу в распоряжении выделенными средствами. В итоге на рассмотрение трёх министров поступили две редакции правил, поэтому по приказу Александра III спорный вопрос обсудили в конце 1888 г. в Особом совещании во главе с Абазой. Но и там Ванновскому не удалось отстоять свои позиции, и 20 декабря по докладу Вышнеградского император подписал Правила о порядке составления, рассмотрения и исполнения финансовых расходных смет Военного министерства на пятилетие 1889—1893 г., которые в основном повторяли нормы закона 4 июня 1873 г.¹⁰⁶ Ванновскому оставалось только жаловаться на то, что теперь придётся «подогнать организационные военные преобразования к точно определённым на каждый год добавочным ассигнованиям, которых размер не может идти даже ни в какое сравнение с чрезвычайными кредитами, столь поспешно предоставляемыми в распоряжение военного ведомства в других государствах»¹⁰⁷.

Между тем экономическое положение страны заметно улучшилось. Благодаря обильным урожаям 1887 и 1888 гг. увеличились поступления в казну, а конверсии внешних займов позволили сократить ежегодные выплаты по долговым обязательствам. Бюджет стал сводиться с профицитом, рост экспорта хлеба изменил торговый и платёжный балансы в пользу России, депрессия в промышленности и застой в торговле сменились оживлением производства и коммерческих оборотов. В декабре 1888 г. на заседании Государственного совета Вышнеградский в очередной раз назвал «миролюбивую политику государя» одной из основных причин упорядочения финансов¹⁰⁸. Однако он опасался, что война может разрушить начавшееся возрождение народного хозяйства. Между тем в феврале 1887 г. был возобновлён Тройственный союз, тогда как Союз трёх императоров после болгарского кризиса прекратил своё существование, а подписанный в июне 1887 г. «перестраховочный» русско-германский договор не снимал противоречий между соседними державами.

Пользуясь относительной экономической стабилизацией при нарастании напряжённости в Европе, военные попытались взять реванш. На этот раз император более благосклонно отнёсся к аргументам Ванновского и Обручева. По свидетельству Половцова, в апреле 1889 г. Александр III сказал Абазе, «что

¹⁰⁴ РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 146, л. 108—112.

¹⁰⁵ Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1888 год. С. 5—7.

¹⁰⁶ РГИА, ф. 565, оп. 1, д. 2844, л. 184—193 об., 195—199 об., 249—258 об., 281—286; ПСЗ-III. Т. 8. СПб., 1890. № 5661.

¹⁰⁷ Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1888 год. С. 4—5.

¹⁰⁸ Половцов А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 144.

Вышнеградский узко смотрит на деятельность министра финансов, заботясь исключительно о сбережениях, что до сих пор он, государь, вполне поддерживал Вышнеградского и категорически отказывал во всех требованиях военного министра, но что теперь, с изменением обстоятельств к лучшему, необходимо будет удовлетворить некоторые из этих требований»¹⁰⁹. Перемена позиции монарха вызвала беспокойство в финансовом ведомстве. В конце мая Вышнеградский сообщил Александру III, что в Военном министерстве и в некоторых других центральных учреждениях готовятся меры, которые потребуют в ближайшем будущем значительных чрезвычайных расходов, превышающих возможности Казначейства, особенно с учётом ожидаемого низкого урожая. Он предложил к 15 сентября собрать сведения обо всех планируемых сверхсметных затратах и затем обсудить их в Особом совещании. Император согласился и наложил соответствующую резолюцию¹¹⁰.

В начале июля 1889 г. Обручев подготовил для Александра III записку, в которой раскритиковал политику Вышнеградского. Генерал признал успехи министра в достижении бюджетного равновесия и облегчении долгового бремени, но утверждал, что финансовое ведомство уделяет внимание исключительно интересам казны, пренебрегая «нуждами развития экономической жизни страны». По его словам, принцип бережливости, которого жёстко придерживался Вышнеградский, приносит вред, если сдерживает рост производительных сил народа и, в частности, используется как довод для замораживания строительства железных дорог, необходимых и для народного хозяйства, и для обороны государства. Обручев напоминал, что соседи России располагают миллионными армиями и густой сетью рельсовых путей для их быстрого сосредоточения, а обширные пространства империи делают её уязвимой для врагов, к числу которых он относил и участников Тройственного союза, и Великобританию, и Турцию, и Китай. Поэтому генерал настаивал на сооружении стратегических железных дорог по всему периметру границ от западных губерний до Дальнего Востока. Он признавал, что эти линии не будут иметь экономического значения и не принесут прибыли, однако «не только достоинство, но и сама прочность благосостояния государства зависят, прежде всего, от его безопасности». По подсчётам Обручева, осуществление его замысла требовало в течение ближайших пяти лет выделения из казны 300 млн руб. (60 млн руб. ежегодно). Резолюция Александра III была вполне однозначной: «Всё это справедливо и весьма желательно привести в исполнение»¹¹¹.

Вышнеградский в ответной записке опроверг обвинения Обручева в намеренной приостановке железнодорожного строительства, ссылаясь на проведение ряда линий в разных регионах. Вместе с тем он отстаивал целесообразность прокладки исключительно таких магистралей, которые имели бы не только оборонное значение, поскольку трата казённых средств «на искусственное расширение сети железных дорог, из коих добрая половина будет бесполезна в экономическом и вредна в финансовом отношении, приведёт, несомненно, к тому, что на более важные государственные задачи мы не найдём средств». Вышнеградский предсказывал, что реализация проекта Обручева, не обеспеченного необходимыми ресурсами, «нанесёт России неисчислимый и, может

¹⁰⁹ Там же. С. 199.

¹¹⁰ РГИА, ф. 560, оп. 1, д. 168, л. 19–22 об.

¹¹¹ Там же, оп. 22, д. 146, л. 118–139 об.

быть, непоправимый вред», породит дефицит бюджета, подорвёт государственный кредит и вызовет падение курса рубля. 22 августа 1889 г. император отреагировал на эту записку лишь лаконичной пометой: «Читал»¹¹².

12 октября Ванновский направил министру финансов перечень чрезвычайных ассигнований на 1889—1893 гг., предназначенных для перевооружения армии, строительства крепостей и казарм, проведения учебных сборов и покупки земельных участков для лагерей, снаряжения ратников ополчения, увеличения продовольственных и вещевых запасов, формирования новых воинских частей. Генерал запрашивал 234 млн руб. одновременно и 17,3 млн руб. ежегодно, а также 20 млн руб. по смете МПС (4 млн руб. в год) на сооружение 2 тыс. вёрст стратегических шоссе. В дополнительной записке, представленной 14 октября, он добавил к этим суммам ещё около 300 млн руб. на прокладку вторых путей стратегических железных дорог, постройку новых линий и увеличение подвижного состава¹¹³. Однако Департамент государственного казначейства, сославшись на выраженную 13 мая 1888 г. «высочайшую волю» и Правила 20 декабря 1888 г., признал подобные запросы завышенными и рекомендовал изыскать средства на их удовлетворение в рамках предельного бюджета¹¹⁴.

В соображениях Министерства финансов, изложенных 9 ноября 1889 г., достигнутое бюджетное равновесие не считалось сколько-нибудь прочным, поскольку доходы казны оставались нестабильными и зависели от величины урожая. Поэтому для предотвращения дефицита следовало соблюдать строгую бережливость и всячески сокращать расходы из-за невозможности заключать займы на выгодных условиях и обременять население новыми налогами¹¹⁵. Вышнеградского поддержал Гирс, назвавший требования военных неуместными в тот момент, когда «наш бюджет только что пришёл в некоторое равновесие и разменный курс стал повышаться»¹¹⁶. Жёсткая позиция финансового ведомства вызвала у Ванновского и Обручева сильное раздражение. По свидетельству гр. Ламздорфа, начальник Главного штаба жаловался окружающим на скупость Вышнеградского и упрекал его в том, что «ничего не делается для развития продуктивных сил страны и использования богатств страны»¹¹⁷.

Запрос Ванновского рассматривался в ноябре 1889 г. Особым совещанием под председательством Абазы. Военный министр вновь говорил про огромные затраты на армию в других странах и о том, как сложно заранее рассчитать сумму, необходимую для удовлетворения текущих потребностей. Вышнеградский повторял, что при вооружённом конфликте шансы на победу зависят не только от материальной обеспеченности войск, но и от финансово-экономического состояния государства. В итоге военному ведомству решили предоставить в 1890 г. лишь 10 млн руб. на перевооружение и 4 млн руб. на другие нужды, остальные расходы следовало произвести из средств предельного бюджета. Совещание постановило также выдать МПС 10 млн руб. на усиление пропускной способности всей сети железных дорог и 16,6 млн руб. на прокладку вторых

¹¹² Там же, л. 140—162.

¹¹³ Там же, ф. 565, оп. 1, д. 243, л. 1—1 об., 5—10 об.; ф. 1683, оп. 1, д. 52, л. 9—10 об.

¹¹⁴ Там же, ф. 565, оп. 1, д. 243, л. 26—53 об.

¹¹⁵ Там же, ф. 1683, оп. 1, д. 52, л. 105—113 об., 117—123 об.

¹¹⁶ Дневник В.Н. Ламздорфа (1886—1890). С. 223.

¹¹⁷ Там же. С. 217.

путей стратегических линий. 14 декабря это решение утвердил император¹¹⁸. С 15 апреля 1890 г. стали действовать новые правила, согласно которым все денежные средства, предназначенные для перевооружения войск (ежегодные чрезвычайные кредиты и часть предельной суммы), выделялись в особую финансовую смету¹¹⁹.

В конце декабря 1889 г. при обсуждении в Государственном совете бюджетной росписи на следующий год Абаза, полемизируя с генералами, заявил, что «успехи нашего финансового положения не должны вскружить нам голову, что мы не должны увлекаться теориями тех, кои хотели бы вовлечь наше правительство в большие расходы под предлогом, что расходы имеют в виду развитие сил России в будущем»¹²⁰. Ванновский, возражая своим оппонентам, писал Александру III: «По существу дела, потребность в развитии вооружённых сил государства не может быть сравниваема с потребностью в развитии прочих отраслей государственного управления, и если для последних исключительным мерилom являются внутренние отношения, экономические силы народа и ресурсы, им доставляемые государственному казначейству, то для первого все эти данные отнюдь не являются единственным стимулом и единственным мерилom напряжения»¹²¹. В дальнейшем военный министр направил императору ещё три варианта своего плана организационных мероприятий по усилению боеспособности армии, которые были утверждены 3 июня 1890 г., 27 мая 1891 г. и 26 июля 1893 г.¹²²

Введение предельных бюджетов с ежегодной надбавкой и кредиты на перевооружение привели к росту военных расходов. Если в 1887 г. они составляли 211, а в 1888 г. — 212 млн руб., то в 1889 г. — 226, 1890 г. — 241, 1891 г. — 252,8, 1892 г. — 262,6, 1893 г. — 273,6 млн руб.¹²³ Их увеличение не было остановлено даже «всероссийским разорением» 1891–1892 гг. Неурожаи привели к снижению платёжеспособности крестьян и сокращению налоговых поступлений. За два голодных года сверхсметные ассигнования достигли нескольких сотен миллионов рублей, была израсходована почти вся свободная наличность Казначейства. Падение спроса на промышленную продукцию усугубило начавшийся кризис перепроизводства. Военное ведомство оказалось в трудном положении, поскольку резко возросли затраты на закупку провианта и фуража. В этой обстановке Обручев в беседе с гр. М.Э. Клейнмихель «очень горячо и с необычной откровенностью порицал министра финансов, называя его вором», который «совсем отдался наживе и истощает все производительные силы России»¹²⁴.

С целью минимизировать ожидаемый дефицит бюджета, Вышнеградский 20 августа 1891 г. предложил исключить из сметы Военного министерства на 1892 г. средства, предназначенные для добавления к предельной сумме, а также сократить чрезвычайные расходы на перевооружение армии¹²⁵. Получив санк-

¹¹⁸ РГИА, ф. 565, оп. 1, д. 243, л. 136–154 об.

¹¹⁹ Там же, ф. 1152, оп. XI, 1890 г., д. 211, л. 2–9 об., 11–13; ПСЗ-III. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1893. № 6714.

¹²⁰ *Половцов А.А.* Указ. соч. Т. 2. С. 270.

¹²¹ Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1889 год. СПб., 1890. С. 5–6.

¹²² Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1892 год. СПб., 1893. С. 5–7; Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1894 год. СПб., 1895. С. 6, 7.

¹²³ Министерство финансов... Ч. 2. С. 642–643.

¹²⁴ *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1891–1892 / Под ред. Ф.А. Ротштейна. М.; Л., 1934. С. 278.

¹²⁵ РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 168, л. 34–34 об., 40–40 об.

цию императора, он обратился к Ванновскому, но тот согласился уступить менее половины указанной суммы. «Нельзя не иметь в виду, — предостерегал министр финансов Александра III в сентябре 1891 г., — что бюджет с назначением, несмотря на бедственное положение населения, для вооружённых сил большей суммы, чем в 1891 г., подаст повод сомневаться в нашем миролюбии, что, при нынешнем напряжённом положении Европы, может привести к крайне нежелательным последствиям»¹²⁶. Его беспокоили англо-германское сближение, отказ Берлина продлить «договор перестраховки» и новое возобновление 6 мая 1891 г. Тройственного союза.

В конце ноября 1891 г., беседуя с императором, Вышнеградский вновь «настаивал на необходимости строгой экономии, совершенно мирной политики и уменьшения расходов на вооружения, поглощающие такие громадные суммы». Он даже спрашивал у Гирса о возможности «добиться какого-либо соглашения насчёт разоружения или, по крайней мере, по ограничению новых вооружений»¹²⁷. Министр иностранных дел не поддержал эту инициативу, но к ней проявил интерес гр. Ламздорф, который впоследствии внёс большой вклад в подготовку 1-й Гаагской мирной конференции 1899 г.¹²⁸ Со своей стороны, Ванновский в январе 1893 г. докладывал Александру III: «Военное министерство вполне сознаёт, что финансовое положение империи не позволяет нам тягаться в вооружениях с нашими западными соседями, но положение, во всяком случае, настолько серьёзно, что останавливаться на результатах, уже достигнутых, невозможно, а необходимы дальнейшие усилия и жертвования для увеличения боевой готовности армии»¹²⁹. В марте 1892 г. Вышнеградский вновь тщетно пытался урезать военную смету за счёт сокращения численности войск мирного времени, срока службы призывников, ассигнований на строительные работы, содержания военной администрации¹³⁰.

Незадолго до окончания пятилетнего срока действия предельных бюджетов в верхах заговорили об условиях их продления. Государственный контролёр Филиппов в марте 1893 г. писал сменившему Вышнеградского С.Ю. Витте, что применение Правил 20 декабря 1888 г. нередко вызывало «разномыслие» между военным и финансовым ведомствами и нуждается в корректировке. 23 июля 1893 г. по докладу Витте и Ванновского Александр III распорядился установить «нормальные» сметы на 1894—1898 гг. Отныне к сумме обыкновенных расходов 1893 г. (229,2 млн руб.) прибавлялись в 1894 г. — 7,1, 1895 г. — 9, 1896 г. — 12, 1897 г. — 15, 1898 г. — 20 млн руб.¹³¹ Новые сметные правила, разработанные межведомственной комиссией при Государственном контроле в октябре 1893 г., были утверждены императором 15 апреля 1894 г. По сравнению с прежними редакциями они предусматривали ряд новых льгот для Военного министерства: ему предоставлялось право требовать сверх предельной суммы дополнительные ассигнования на борьбу с эпидемиями и другими «народными бедствиями», содержание «сверхкомплектных» нижних чинов и воспитанников военно-учебных заведений; действие правил о компенсации полной стоимости опущенного населению провианта из интендантских запасов распространено

¹²⁶ Там же, л. 47—47 об., 49.

¹²⁷ Ламздорф В. Н. Указ соч. С. 202—203.

¹²⁸ Рыбачёнок И. С. Россия и первая конференция мира в Гааге 1899 года. М., 2004. С. 21—23.

¹²⁹ Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1892 год. С. 9—10.

¹³⁰ РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 168, л. 62 об.—70 об.

¹³¹ Там же, ф. 565, оп. 1, д. 267, л. 1—2, 67—69 об.

на все подобные выдачи посторонним учреждениям и отдельным лицам; предусмотрен возврат разницы в курсе рубля по расходам, производимым в металлической валюте в Финляндском и Кавказском военных округах, а также при поездках фельдъегерей за границу; более детально прописывался порядок возмещения затрат, связанных с ростом цен на продовольствие, и т.п.¹³²

В дальнейшем эти правила действовали в пятилетия 1894—1898, 1899—1903 и 1904—1908 гг.¹³³ Витте видел в них неизбежное зло: «Несмотря на то, что установление нормальных бюджетов противоречит основным требованиям бюджетного дела, выработанным долговременной практикой культурных государств, к этому средству приходится всё-таки, волей-неволей, прибегать с целью хотя бы несколько гарантировать Государственное казначейство от неожиданных и крупных к нему притязаний»¹³⁴. Однако предельные бюджеты могли сдерживать дальнейший рост затрат лишь частично, поскольку на различные нужды армии постоянно выдавались сверхсметные кредиты. Чтобы отчасти перекрыть этот канал, Витте инициировал введение Правил 4 мая 1894 г., согласно которым ассигнования на перевооружение изымались из чрезвычайного бюджета и переносились в разряд обыкновенных расходов¹³⁵.

С 1894 по 1902 г. военные расходы увеличились с 281,7 до 325,6 млн руб., правда, в процентном отношении их рост оказался существенно меньше, чем у остальных ведомств¹³⁶. Несмотря на промышленный подъём 1893—1899 гг. и значительные поступления государственных доходов, Витте всё же предпочитал вкладывать средства в рентабельные отрасли экономики. Впоследствии широкий резонанс получила его полемика с А.Н. Куропаткиным, который обвинил бывшего министра финансов в пренебрежении интересами вооружённых сил перед войной с Японией. Витте, оправдываясь, заявлял, что действительно не имел возможности удовлетворить все запросы армии, но тем не менее она имела на рубеже XIX—XX вв. самый высокий прирост ассигнований в Европе¹³⁷. В дальнейшем трения между двумя ведомствами продолжались. В 1906—1914 гг. они ярко проявились в остром противостоянии А.Ф. Редигера и В.А. Сухомлинова с В.Н. Коковцовым¹³⁸.

Обе конфликтующие стороны на протяжении десятилетий исходили из разных установок, поэтому им было крайне сложно достичь соглашения. Генералы утверждали, что размер отпускаемых средств должен определяться прежде всего потребностями войск, гарантирующих целостность и безопасность империи, указывали на очевидное отставание вооружённых сил России от западных

¹³² Там же, л. 129—137 об., 215—216; ПСЗ-III. Т. 14. СПб., 1898. № 10542.

¹³³ С 1909 г. по настоянию военного руководства применение предельных бюджетов прекратилось, и сметы стали составляться только на год.

¹³⁴ *Vitte С.Ю.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900—1902 гг. СПб., 1912. С. 454.

¹³⁵ ПСЗ-III. Т. 14. № 10749.

¹³⁶ Министерство финансов... Ч. 2. С. 636.

¹³⁷ Записки генерала Куропаткина о русско-японской войне. Итоги войны. Берлин, 1909 г. С. 119, 120, 138, 139; *Vitte С.Ю.* Вынужденные разъяснения по поводу отчёта генерал-адъютанта Куропаткина о войне с Японией. М., 1911. С. 13—15, 43.

¹³⁸ *Сухомлинов В.А.* Воспоминания. Берлин, 1924. С. 218, 219; *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2 т. Т. 1. М., 1999. С. 365, 366, 478; *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг. В 2 кн. / Под ред. В.И. Бовыкина. Кн. 1. М., 1992. С. 43.

держав, упрекали своих противников в игнорировании военных нужд. Однако эти обвинения были во многом несправедливы, поскольку главная причина недофинансирования армии заключалась в состоянии экономики и государственного бюджета. По мнению финансистов, размер ассигнований целиком зависел от ресурсов казны, а чрезмерное увеличение непроизводительных расходов наносило ущерб развитию народного хозяйства. Они порицали военное ведомство за неспособность рационально использовать полученные кредиты, за бесхозяйственность и казнокрадство, особенно в интендантстве и артиллерии. Позиция Министерства финансов отражала общее стремление правящей элиты иметь «дешёвую» армию. Примечателен тот факт, что при наличии самых больших по численности сухопутных сил Россия по годовой стоимости содержания одного солдата находилась на последнем месте среди других великих держав.

Межведомственная борьба проходила с переменным успехом, причём появление на горизонте призрака войны, а также улучшение экономического положения повышали шансы генералов на получение дополнительных средств, и наоборот – стабилизация международной обстановки, кризисы в народном хозяйстве и дефициты бюджета давали основание их оппонентам ставить вопрос о сокращении расходов. В этом противостоянии преимущество было на стороне финансового ведомства, которое в царствование Александра III значительно усилило своё влияние в правительственных кругах, а при Вите вообще превратилось в «сверхминистерство». Его неизменно поддерживали Государственный контроль и Департамент государственной экономии, а также большинство представителей высшей бюрократии, особенно руководители других учреждений, заинтересованных в увеличении ассигнований на иные нужды. Решающее значение имел вердикт императора, который под угрозой бюджетного дефицита и инфляции не мог игнорировать доводы финансистов. В итоге правительство не сумело в полной мере привести русскую армию в соответствие с требованиями времени, что особенно отчётливо проявилось в войнах начала XX столетия.

Непрочитанный дневник А.А. Поливанова

Алексей Попов

Unread diary of A.A. Polivanov

Aleksey Popov

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722030050, EDN: FWRXGR

Дневник генерал-лейтенанта, а с 1911 г. — генерала от инфантерии А.А. Поливанова, занимавшего в 1906–1912 гг. должность помощника военного министра при А.Ф. Редигере и В.А. Сухомлинове (которого он сменил в 1915 г.), по-своему уникален. Алексей Андреевич имел привычку записывать все события прошедшего дня по часам, фиксируя суть бесед и докладов, слухи, высказывания царя, главы правительства, своего непосредственного начальника и прочих сановников. Тем самым он сохранил ценнейшие свидетельства о том, как принимались те или иные решения и какие формы принимала «подковёрная» борьба в правящих кругах. Насколько известно, больше никто из русских государственных деятелей начала XX в., столь же высокопоставленных и информированных, не оставил после себя подобных текстов.

Неудивительно, что историки часто обращались к этому источнику. Однако знакомились они с ним почти исключительно по публикации А.М. Зайончковского¹, а не по подлиннику, хранящемуся в личном фонде генерала в РГВИА². Для дневника Поливановым использовались «записные книги», выпускавшиеся петербургским издательством К.Л. Ринкера. Этих ежедневников блокнотного формата в 1924 г. среди его бумаг имелось семь (за 1907–1913 гг.), а в настоящее время осталось пять: книжки 1908 и 1911 гг. отсутствуют³. В «памятных книжках» за 1906, 1915 и 1917 гг. регулярных записей нет, в них можно обнаружить всего несколько предложений, часто сделанных карандашом и не информативных. Писал Поливанов, как правило, довольно разборчивым почерком, иногда совсем мелким и с минимальным интервалом между строк. По-видимому, это делалось второпях и на скорую руку — имена, фамилии, титулы и звания сокращались, а отдельные фрагменты текста становились и вовсе нечитаемыми. Впрочем, таких сравнительно немного.

Публикаторы, готовившие издание 1924 г., не собирались воспроизводить дневник целиком. Они выбрали около трети текста, размечая фрагменты в са-

© 2022 г. А.М. Попов

¹ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 г. / Под ред. А.М. Зайончковского. Т. 1. М., 1924.

² РГВИА, ф. 89, оп. 1, д. 42. Всего в деле пронумеровано около 1 300 листов, из которых примерно 800 заняты дневниковыми записями.

³ Вместе с тем в дело каким-то образом попал полевой журнал и личный дневник неизвестного офицера за 1916 г. Он вёл в книжке того же издательства и внешне не отличается от поливановского.

мом документе большими квадратными скобками. Но даже из намеченного напечатано было не более трети, т.е. в книгу вошло чуть более десятой части рукописи (в основном — за 1907–1909 гг.). Записи 1911–1912 гг. заняли всего 9 страниц.

При этом допускались досадные ошибки. К примеру, в книге запись, сделанная 13 апреля 1912 г., выглядит так: «В газете “Вечернее время” статья “Кто заведует в России военной контрразведкой”, где подробно изложена история Мясоедова. Вечером меня вызвал к телефону Сухомлинов и сообщил, что сегодня в Думу не поедет, ибо “там ему устроена целая засада” как результат сегодняшних статей»⁴. В оригинале же она гораздо более обширна и включает несколько семантически не связанных частей. В одной из них сообщается про статью о С.Н. Мясоедове, затем говорится про состоявшийся в 7 ч. обед у А.Н. Нарышкиной, где Поливанову за столом сообщили о звонке Сухомлинова. Генерал «спустился вниз и там услышал в телефоне взволнованный голос военного министра, которым он сообщил мне, что сегодня вечером в [Государственную] д[уму] не поедет, ибо “там ему устроена целая засада” как результат сегодняшних статей, особенно в “Грозе”, где его обвиняют чуть ли не в убийстве Столыпина, и эту последнюю статейку он приписывает Бутовичу»⁵. Таким образом, сокращение исказило смысл текста: решение Сухомлинова подано как реакция на статью в суворинском «Вечернем времени», а не в ультраправой «Грозе»⁶.

Характеризуя положение Поливанова в Совете министров, П.А. Столыпин 25 августа 1909 г. назвал его «буфером» между военным и финансовым ведомствами⁷. А через месяц министр финансов В.Н. Коковцов советовал Поливанову принять более активное участие в делах, упомянув, что выражает не только собственное мнение, но и пожелание главы правительства⁸. Во многом это объяснялось тем, что Коковцов и Сухомлинов почти сразу невзлюбили друг друга. Уже летом 1909 г. их дразги срывали правительственные совещания⁹, а 6 января 1910 г. Сухомлинов отправил Столыпину письмо с заявлением о на-

⁴ Поливанов А.А. Указ. соч. С. 111.

⁵ РГВИА, ф. 89, оп. 1, д. 42, л. 855 об.—856.

⁶ Впрочем, сам Сухомлинов, в разговоре с помощником подозревавший В.Н. Бутовича (первого мужа Е.В. Сухомлиновой), позднее объяснял свои действия именно кознями лидера октябристов: «На одном из утренних докладов генерал Поливанов заявил мне, что я давно не был в Государственной думе и он советует приехать в тот же день на вечернее заседание. Хотя на повестке значилось несколько незначительных, так называемых вермишельных, дел Военного министерства, но я решил поехать, отменив очередные свои занятия. Но перед самым уже обедом явился неожиданно состоявшийся при мне родственник Гучкова, подполковник [В.С.] Боткин, с целью предупредить меня, чтобы я не ездил в этот вечер в Государственную думу, так как там мне приготовлен грандиозный скандал. Догадываясь, из какого источника он мог это знать, я по телефону сообщил генералу Поливанову, что на заседании в Таврическом дворце не буду. Мой помощник, судя по его репликам, не мог скрыть при этом известии своего смущения и растерянности, в особенности, когда я попросил его мне сказать, почему именно так неотложно необходимо в Государственной думе моё присутствие. Ответы Поливанова сводились единственно к тому, что я давно не был на заседаниях Думы. Между тем, когда я незадолго перед тем неожиданно приехал в Думу, ко мне вышел председатель [М.В.] Родзянко и его товарищ князь [В.М.] Волконский, упросив не показываться в зале заседаний, ибо я, по их выражению, “сыграю роль красного сукна перед быком”» (Сухомлинов В.А. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 231–232).

⁷ Поливанов А.А. Указ. соч. С. 77.

⁸ Там же. С. 81.

⁹ Там же. С. 75–76.

мерении «избегать посещения заседаний Совета министров, ввиду неприязненного отношения и неподобающего тона в этих заседаниях министра финансов В.Н. Коковцова по адресу военного ведомства»¹⁰.

Личный конфликт стал закономерным следствием межведомственных противоречий. Военное министерство требовало денег, но слышало в ответ, что их на его счетах и без того достаточно. 9 июня 1910 г. Поливанов оставил в дневнике яркую характеристику этих споров: «4-го июня воен[ный] м[инистр]р мне рассказал, что 2-го, когда шли с государем на кронштадтские батареи, воен[ный] м[инистр]р и морск[ой] м[инистр]р жаловались на скупость м[инистра] ф[инансов]. По этому поводу государь будто бы им сказал, что м[инистр] ф[инансов] подал ему записку о нераспоряжённости в В[оенном] м[инистерств]е миллионов, и эта записка была такая нехорошая, что он её разорвал и бросил в корзину. Коковцев сказал мне, что он никакой записки не подавал, а представил им справку о движении чрезвычайных кредитов на запросы»¹¹.

Возникавшие разногласия обсуждались в особой «согласительной комиссии», которую неплохо описал генерал-квартирмейстер Главного управления генерального штаба Ю.Н. Данилов: «Особенно строги были правительственные, так называемые “согласительные” комиссии, в которых представители Министерства финансов и Государственного контроля соперничали друг с другом в стремлении во что бы то ни стало урезать проекты военного ведомства и добиться сокращения намечавшихся расходов, чтобы вогнать их в заранее фиксированную сумму»¹². Поскольку участие Сухомлинова в согласительной комиссии считалось крайне нежелательным, Военное министерство в ней представлял его помощник, оказавшийся, таким образом, в самом эпицентре конфликта. Вместе с министром финансов и государственным контролёром они систематически занимались сокращениями военного бюджета, начиная со сметы на 1911г.¹³ Со временем между Коковцовым и Поливановым сложились особые взаимоотношения.

Министр финансов неоднократно хвалил Алексея Андреевича как в глаза, так и перед монархом. Например, 20 апреля 1910 г. он говорил царю, что Поливанов «хорошо спорит»¹⁴. Позже Владимир Николаевич признался, что по финансовым делам военного ведомства предпочитает работать с помощником министра. Николай II на это ответил: «ген[ерал] Поливанов сильный и прекрасный человек, я знаю, что он держит дела в своих руках»¹⁵. Одобрительно отзывался о действиях Поливанова и Столыпин¹⁶. Лестные отзывы высокопоставленных особ и передававшиеся ему слова о том, что император им очень доволен, генерал регулярно фиксировал в дневнике. Признание окружающих, без сомнения, поднимало его в собственных глазах. Обстановка способствовала развитию тщеславия, что подтверждается не только дневниковыми записями,

¹⁰ РГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 136, л. 187.

¹¹ Там же, ф. 89, оп. 1, д. 42, л. 630 об.

¹² Данилов Ю.Н. Россия в Мировой войне 1914–1915 гг. Берлин, 1924. С. 47.

¹³ РГВИА, ф. 89, оп. 1, д. 37, л. 1–4; Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). М., 1966. С. 56.

¹⁴ РГВИА, ф. 89, оп. 1, д. 42, л. 597.

¹⁵ Там же, л. 653 об.

¹⁶ Там же, л. 722 об.

но и большим количеством вырезок из газет о себе¹⁷, а также почти тысячей листов писем с поздравлениями и сожалениями по разным поводам¹⁸.

В 1910 г. значение должности помощника военного министра неуклонно росло. Он часто отстаивал интересы министерства в представительных учреждениях, на заседаниях правительства и согласительной комиссии. Сухомлинов постоянно отлучался в командировки и подолгу находился на отдыхе, Поливанов же его замещал. Так, в начале марта Алексей Андреевич «в третий раз в 1910 г. вступил в исполнение обязанностей военного министра»¹⁹. При этом объём рутинной работы неизменно возрастал, и Владимир Александрович охотно ею делился. «Приехав к нему на квартиру, — записал Поливанов в дневнике 27 сентября 1910 г., когда его начальник вернулся из очередного отпуска, — я предложил теперь же передать мне все те отрасли В[оенного] м[инистерст]ва, которые по первоначальным предположениям ко мне должны были перейти, и он тотчас же взял расписание докладов и вычеркнул все те главные управления, которые должны перейти в ближайшее моё ведение, прибавив себе в число докладчиков генерал-инспекторов»²⁰.

Растущая роль в делах и признание вышестоящих особ, граничившее с лестью, не могли не воздействовать на тщеславие Поливанова. Вероятно, Столыпин и Коковцов не случайно играли на его самолюбии. Они сообща отстаивали право Совета министров контролировать финансирование армии и флота. Как рассказывал Поливанову министр финансов, 16 ноября 1910 г. «председатель Совета министров очень возбуждённо говорил военному министру, что нельзя ему вести особую от Совета министров политику, что пусть морской и военный министры не участвуют в Совете министров, но тогда пусть и не ищут поддержки в Совете министров, а тогда Государственная дума, ныне к Военному министерству благожелательная, перестанет давать ему кредиты». Сухомлинов жаловался на это Николаю II, но, выслушав объяснения Столыпина и Коковцова, царь не стал обострять конфликт. Однако его заинтересовала позиция Алексея Андреевича, и будто бы «на это Коковцов ответил, что он, как помощник военного министра, по свойственной ему корректности не выскажет другого мнения, но как ген[ерал] Поливанов, вероятно, высказал бы то же самое, что и он, Коковцов»²¹.

Едва ли Поливанов уже в 1909–1910 гг. мечтал о кресле военного министра. Он дорожил мнением Сухомлинова о себе, ценил его расположение, радовался, когда тот, несмотря на дождь, «с супругой прибыл к нам, на моторе, к обеду»²². Сами Поливановы тоже не раз посещали Сухомлиновых²³. В ноябре 1910 г., в годовщину свадьбы, Владимир Александрович доверительно рассказывал своему помощнику о злключениях, пережитых за то время, пока жена разводилась с Бутовичем²⁴. Тем не менее постепенно, под влиянием Столыпина и Коковцова, всё больше пользуясь авторитетом среди коллег, осознавая собственную компетентность и всё сильнее ощущая превосходство над Сухом-

¹⁷ Там же, д. 21, л. 1–93.

¹⁸ Там же, д. 12, 20, 24, 28.

¹⁹ Там же, д. 42, л. 582 об.

²⁰ Там же, л. 685 об.–686.

²¹ Поливанов А.А. Указ. соч. С. 100.

²² РГВИА, ф. 89, оп. 1, д. 42, л. 649.

²³ Там же, л. 653, 714.

²⁴ Там же, л. 710.

линовым, Поливанов менялся. К весне 1912 г. он, похоже, уже не считал себя чем-либо обязанным своему непосредственному начальнику.

Характер службы обязывал Поливанова выстраивать отношения с великими князьями. И тут ему не раз удавалось отыскивать выход из затруднительных положений. Так, 1 декабря 1910 г. под председательством Столыпина обсуждалось финансирование строительства укреплений Финского залива. Осенью в штабе Петербургского военного округа, войсками которого командовал вел. кн. Николай Николаевич (младший), разработали проект, предусматривавший насыпку искусственных островов. Настойчиво продвигая его, великий князь не считался с возражениями морского ведомства. При этом оплатить все расходы, размер которых ещё только предстояло определить, предполагалось из средств Военного министерства²⁵. Ожидалось жёсткое столкновение. Однако по рекомендации Поливанова решили проект не отклонять, но и деньги в 1911 г. не выделять, поручив «Военному и Морскому министерствам между собою договориться» в течение года об объёме и распределении сумм, необходимых для реализации задуманного²⁶. В итоге все остались довольны. 6 декабря, описывая смотр войск в манеже по случаю царских именин, Алексей Андреевич отметил в дневнике: «Когда Государь, обходя собравшихся, увидел меня, стоявшего за воен[ным] м[инистро]м, то сделал шаг ко мне и пожал руку. В это время В.Н. Коковцев, стоя в группе министров, улыбался, смотря на меня, и стал манить меня рукой; когда я подошёл, он сказал: “Все говорят о Вашем дипломатическом поведении на совещании в присутствии в[еликого] к[нязя] Ник[олая] Ник[олаевича] об укреплении линии Ревель—Поркалауд”. Столыпин прибавил: “Вам надо быть м[инистро]м ин[остранных] д[ел]”, и говорил, что великий князь очень доволен»²⁷.

Сухомлинов же, видя внимание царя к своему помощнику, похоже, испытал чувство ревности. Позднее он связал благодарность, выраженную императором «на одном параде», с «проделкой» Поливанова, тайно обеспечившего будто бы, по просьбе великого князя, ассигнование «значительных средств на устройство водопровода и канализации в Красносельском лагере»²⁸.

В своих воспоминаниях Сухомлинов утверждал, что вел. кн. Николай Николаевич постоянно интриговал против него. Наиболее убедительно об этом свидетельствовал, по словам мемуариста, срыв планировавшейся в конце 1910 г. военно-стратегической игры²⁹. В историографии укрепилось мнение, что она не состоялась из-за отказа великого князя принять в ней участие³⁰. Но, как свидетельствует в своём дневнике Поливанов, 7 декабря, узнав о позиции своего дяди, «государь указал вести игру без него и докладывать ему о ходе игры записками». Начало было назначено на 9 декабря, но затем перенесено на год³¹. 11 декабря Поливанов узнал от командующего войсками Варшавского

²⁵ Там же, л. 692, 699.

²⁶ Там же, л. 719 об.

²⁷ Там же, л. 722–722 об.

²⁸ Сухомлинов В.А. Указ. соч. С. 306. Эта версия воспроизводится и исследователями, не обращавшимися к оригиналу дневника Поливанова: Евдокимов А.В. Политическая борьба вокруг «дела Сухомлинова» (1915–1917 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2017. С. 50.

²⁹ Сухомлинов В.А. Указ. соч. С. 249–250.

³⁰ Айрепетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1914. Начало. М., 2014. С. 144–145; Меннинг Б.У. Пуля и штык: армия Российской империи. 1861–1914. М., 2015. С. 361–362.

³¹ Поливанов А.А. Указ. соч. С. 101.

военного округа Г.А. Скалона, что, «оказывается, у вел[икого] князя был обед для ком[андующих] войсками и н[ачальнико]в окружных штабов, там говорили на ту же тему, и отсюда, вероятно, доклад в[еликого] кн[язя] государю»³². По-видимому, утром 8 декабря вел. кн. Николай Николаевич сообщил императору о недовольстве командующих округами принятым в июне 1910 г. мобилизационным расписанием № 19 (в феврале 1912 г. оно было изменено)³³.

Сухомлинов постарался извлечь из создавшейся ситуации максимальную пользу. «Когда мы остались одни, — записал в тот же день Алексей Андреевич, — воен[ный] м[инистр] рассказал, что имел сегодня разговор с государем, где доложил, что все предположения для военной игры были разработаны по указанию е[го] в[еличества] и теперь внезапная её отмена ставит в[оенного] м[инистра] в неудобное положение перед ком[андующими] войсками, в положение лица, как бы потерявшего доверие е[го] в[еличества], подробности он мне не передавал, т[ак] к[ак] не было времени»³⁴. После произошедшего Поливанов не раз фиксировал «случаи, указывавшие на неблагоприятное отношение государя к великому князю»³⁵. Сухомлинов же, напротив, пребывал в приподнятом настроении, шутил и перемигивался со своим помощником, отправлявшимся в отпуск за границу. Если Владимир Александрович и подавал в отставку, как уверял в мемуарах³⁶, то ожидал он явно не увольнения, а, наоборот, опалы своего антагониста, возглавившего оппозицию военному министру.

С вел. кн. Александром Михайловичем Поливанова постепенно связали не просто частые контакты, но и личная дружба, отразившаяся (причём не лучшим образом) на процессе создания русской авиации. Ещё 6 февраля 1905 г. Николай II учредил Комитет по усилению военного флота на добровольные пожертвования, действовавший под руководством вел. кн. Александра Михайловича. А 6 февраля 1910 г. при нём был создан Отдел воздушного флота (ОВФ), собиравший средства на авиацию и открывший несколько позже лётную школу. И уже 1 марта великий князь телеграфировал Поливанову, прося о встрече и «командировании 3 офицеров и 3 нижних чинов во Францию для обучения полётам на аэропланах»³⁷. 7 октября генерал «имел длинный разговор об организации нашего воздухоплавательного дела» с подполковником Генерального штаба С.И. Одинцовым — видным членом ОВФ и одним из ближайших сотрудников великого князя, возглавлявшим Севастопольскую военно-авиационную школу (первое в России лётное училище)³⁸. Летом 1911 г. Одинцов предложил передать воздухоплавание из ведения Главного инженерного управления (ГИУ) в Главное управление Генерального штаба (ГУГШ), где следовало «немедленно» создать соответствующий отдел, подчинив его генерал-инспектору авиации. При этом рекомендовалось «бесповоротно и решительно удалить от дела всех

³² РГВИА, ф. 89, оп. 1, д. 42, л. 726.

³³ Дневники императора Николая II (1894–1918). В 2 т. / Отв. ред. С.В. Мироненко. Т. 2. Ч. 1. М., 2013. С. 523; *Меннинг Б.У.* Указ. соч. С. 346–347; *Алеев О.Е.* Сорванный «экзамен». Несостоявшаяся стратегическая военная игра старших войсковых начальников (1910 г.) // Военно-исторический журнал. 2019. № 9. С. 25.

³⁴ РГВИА, ф. 89, оп. 1, д. 42, л. 726.

³⁵ Там же, л. 726 об., 729.

³⁶ *Сухомлинов В.А.* Указ. соч. С. 238.

³⁷ РГВИА, ф. 89, оп. 1, д. 42, л. 582.

³⁸ Там же, л. 690.

без исключения причастных к нему чинов ГИУ»³⁹. 26 января 1912 г. Военный совет одобрил образование Воздухоплавательного отдела при ГУГШ (незадолго до этого, 11 января, сам Сухомлинов настоял «на передаче не только авиационного дела, но и заготовления аэропланов в Гл[авное] упр[авление] Ген[ерального] штаба»⁴⁰). Тогда месяц спустя, 27 февраля, к Поливанову обратился начальник заготовительной комиссии ОВФ инженер В.И. Ребиков. «Он живёт обыкновенно в Париже, — отметил в дневнике Алексей Андреевич, — и является правой рукой великого князя Александра Михайловича в заведовании воздухоплавательным делом». В разговоре Василий Иванович прямо заявил, что «для упорядочения дела полезно было бы вручить его великому князю Александру Михайловичу на правах генерал-инспектора». На следующий день помощника военного министра о том же просил барон А.В. Каульбарс — второй человек в ОВФ по своему статусу⁴¹. Однако в условиях острой борьбы Сухомлинова с генерал-инспектором артиллерии вел. кн. Сергеем Михайловичем создание такой должности для его брата совершенно исключалось.

Споры вызывал и выбор основного типа аэропланов для авиационных отрядов. В ГИУ предпочитали Фарман XI, а великий князь и его окружение считали наиболее перспективным Ньюпор IV. Решающее заседание состоялось 28 марта в отсутствие военного министра, но при участии вел. кн. Александра Михайловича, Каульбарса и ещё шести человек, из которых только начальник ГИУ защищал Фарман XI⁴².

На допросе 20 сентября 1917 г. Поливанов утверждал, что, принимая решение, он не испытывал никакого давления, поскольку великий князь поддерживал с ним лишь поверхностное знакомство и общался в основном с Сухомлиновым⁴³. Но, судя по его же дневнику, всё обстояло несколько иначе. Ещё перед совещанием Поливанову позвонил Одинцов, сообщивший, что основной поставщик ГИУ — московская велосипедная фабрика «Дукс», имевшая авиационный отдел, — уже обладала лицензией на производство Фарманов, тогда как с Ньюпором контракта нет. 10 апреля подполковник уже благодарил генерала за сделанный выбор, добавив: «Решение Ваше заказать Ньюпоры вызывает целый ряд шагов враждебных со стороны Глав[ного] инж[енерного] упр[авления]. Сюда вызван был [Ю.А.] Меллер (владелец “Дукса”. — А.П.), контрагент Фармана, который, будучи оскорблён в своих чувствах наживы, хотел даже выступить в ряде газет, “Новом времени” против Ньюпоров, но благоразумно отказался»⁴⁴. Со своей стороны, Алексей Андреевич 6 апреля записал в дневнике: «Во время моего отсутствия заезжал вел. кн. Александр Михайлович и просил быть у него в 3 часа. К 3 часам я к нему приехал, и он мне сказал, что был у Коковцева и прямо от него поехал ко мне, чтобы передать, что Коковцев согласился разрешить в[оенному] м[инистру] войти в Г[осударственную] д[уму] с ходатайством об отпуске кредита теперь же на постройку воздух[оплаватель-

³⁹ Там же, ф. 2000, оп. 2, д. 296, л. 5–6.

⁴⁰ Там же, ф. 89, оп. 1, д. 42, л. 789 об.

⁴¹ Там же, л. 825 об.—826 об.

⁴² Там же, л. 846 об.

⁴³ Падение царского режима. Стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Под ред. А.Е. Щёголева. Т. 7. Л., 1927. С. 181, 187. Алексей Андреевич даже уверял, будто случайно узнал о передаче авиации в ГУГШ (Там же. С. 188).

⁴⁴ РГВИА, ф. 89, оп. 1, д. 24, л. 132.

ной] школы в Севастополе. Я сообщил вел[ико]му кн[язю] о моём решении отклонить предложение инжен[ерного] вед[омства] о заказе Фарманов и приказал заказать Ньюпоры, что произвело там величайшую сенсацию, т[ак] к[ак] говорят, что там уже на Фарманах кое-что заработало»⁴⁵. Против заказа Фарманов высказался и Гучков, посетивший Поливанова 21 марта 1912 г.⁴⁶

Постройка Ньюпоров, отличавшихся от всех остальных типов аэропланов, потребовала освоения нового производства. Именно их стали лихорадочно выпускать в начале Первой мировой войны, но вскоре выяснилось, что их конструкция перекрывает пилоту обзор и не позволяет вести наблюдение. В 1916 г. один из крупнейших специалистов в области авиации С.А. Немченко констатировал: «Даже в 1912 г. признать Ньюпор годным на снабжение армии было ужасной ошибкой, повлекшей за собой весьма печальные последствия и, в частности, затруднительное положение в начале войны»⁴⁷.

В отличие от своего родного брата, вел. кн. Сергей Михайлович, курировавший в качестве генерал-инспектора деятельность Главного артиллерийского управления (ГАУ), находился в остром конфликте с руководством военного ведомства, что, разумеется, отразилось и в дневнике Поливанова. Так, по его свидетельству, осенью 1910 г. жаркие пререкания вызвал заказ лафетов для 12-дюймовых орудий. Великий князь непременно желал передать его французской фирме Шнайдера, а Сухомлинов отдавал предпочтение петербургскому Металлическому заводу. Специально созданное 6 ноября для обсуждения данной проблемы совещание отметило, что французы завышают цену, тогда как лафеты русской конструкции имеют ряд преимуществ. В конце месяца Владимир Александрович инициировал проверку готовившейся сделки. Ревизия была поручена сенатору Н.П. Гарину, незадолго до этого разоблачившему крупные злоупотребления в Главном интендантском управлении. Однако в ГАУ его не подпускали к необходимым документам, пока министр не приказал выдать их собственной властью. Тем не менее и к 8 декабря лафеты заказаны не были, и тут уже Сухомлинов пришёл в ГАУ и «устроил всем разнос»⁴⁸.

Неудивительно, что военный министр настаивал на отстранении от должности начальника ГАУ Д.Д. Кузьмина-Караваева. В начале ноября Сухомлинов даже говорил об этом с вел. кн. Николаем Николаевичем, «который по поводу этой перестановки отзывался “давно пора”»⁴⁹. Император то соглашался, то откладывал своё решение. В начале 1912 г. к атаке на ГАУ подключились думцы. «Вчера, — записал Поливанов в дневнике 21 января, — я говорил по телефону с А.И. Гучковым, а сегодня с П.Н. Крупенским на тему опасений В.Н. Коковцова, что резкая резолюция, принятая Ком[иссией по] гос[ударственной] об[ороне] по адресу артил[лерийского] ведомства, может произвести неприятное впечатление наверху, но он остался при своём мнении»⁵⁰. 25 января во время доклада Поливанова император «изволил сказать: вот теперь хлопот с артиллерией. Поняв, что упоминание относится до появившихся в газетах суровых пожеланий Комиссией г[осударственной] обороны Г[осударственной] д[умы] относительно непорядков в ГАУ, я доложил

⁴⁵ Там же, л. 851 об.

⁴⁶ Там же, л. 842 об.

⁴⁷ Цит. по: История воздухоплавания и авиации в СССР: период до 1914 г. М., 1944. С. 495.

⁴⁸ РГВИА, ф. 89, оп. 1, д. 42, л. 690, 703, 717–718, 723.

⁴⁹ Там же, л. 703 об.

⁵⁰ Там же, л. 796–796 об.

в общих чертах о причинах, создавших тревожное настроение (отсутствие прицелов к винтовкам, взрывателей к фугасным снарядам, установок для 12-д[юймовых] орудий), и высказал мнение, что при всех отличных качествах ген[ерала] Кузьмина-Караваева, он, как незнакомый с технической стороной дела, не имеет достаточного авторитета. На последнее было сказано, что пока нет другого, как найдётся, заменить можно, и затем мне было сказано ласково при пожатии руки: “Вы всё это наладите”»⁵¹. Несколько дней спустя сам Сухомлинов, обратившись к монарху, «просил помощи в смысле удаления ген[ерала] Кузьмина-Караваева в Военный совет, замены его ген[ерал]-л[ейтенантом] Маниковским⁵², и в смысле удаления генер[ал]-инсп[ектора] от непосредственного управления ГАУ». Николай II обещал подумать и переговорить с вел. кн. Сергеем Михайловичем⁵³. А через месяц, 28 февраля, царь сообщил Поливанову во время очередного доклада о том, как «у него был председатель Г[осударственной] д[умы] Родзянко и доложил, что Г[осударственная] д[ума] вполне хорошо живёт с В[оенным] министерством по всем вопросам, кроме артиллерийского». Как тут же отметил помощник военного министра, «завтра государь намерен говорить с в[еликим] к[нязем] Серг[еем] Мих[айловичем]»⁵⁴.

В результате 3 марта император сказал Сухомлинову, что на Пасху (через три недели) Кузьмин-Караваев будет уволен из ГАУ и назначен генерал-адъютантом. Однако Коковцов и Сухомлинов считали столь «славную отставку» слишком почётной, Владимир Александрович даже говорил об этом с Николаем II, но тот вновь «обещал подумать»⁵⁵. Между тем в середине марта, судя по дневнику Поливанова, в разговорах о предстоявших в ГАУ переменах активно участвовал «в[еликий] к[нязь] Ник[олай] Ник[олаевич], который очень одобряет выбор ген[ерала] Маниковского и винит в[еликого] к[нязя] Серг[ея] Мих[айловича], который выставляет кандидатуру ген[ерала] Лиховича и не одобряет выбор ген[ерала] Маниковского; в[еликий] к[нязь] Серг[ей] Мих[айлович] в заключение высказал, что он докладывал государю и, может быть, е[го] в[еличество] пожалует награду на Пасху, оставив его в должности, поэтому решено обождать»⁵⁶. Но и 25 марта ожидаемых отставок и назначений не последовало. Кузьмин-Караваев руководил ГАУ до лета 1915 г. Ничего не добившемуся председателю Совета министров весной 1912 г. пришлось сдерживать возмущение думцев. «Гучков готовит большое выступление по смете В[оенного] м[инистерст]ва артиллерийской, — записал Поливанов, — В[ладимир] Н[иколаевич] просил ему передать, что лучше бы он этого не делал, т[ак] к[ак] государь крайне им [не]доволен за речь по смете Свят[ейшего] синода»⁵⁷. Председатель Комиссии по государственной обороне (КГО) сперва упирался, грозя «патриотической речью против артиллерийского ведомства», но 6 апреля согласился уступить роль обличителя А.И. Звегинцеву⁵⁸.

⁵¹ Там же, л. 798 об.

⁵² Впервые Сухомлинов рекомендовал назначить А.А. Маниковского начальником ГАУ ещё в июне 1910 г. (Там же, л. 531 об.).

⁵³ Там же, л. 811.

⁵⁴ Там же, л. 826.

⁵⁵ Там же, л. 831–832 об.

⁵⁶ Там же, л. 839–839 об.

⁵⁷ Там же, л. 842.

⁵⁸ Там же, л. 846 об., 850 об.

Характерно, что в конфликте с вел. кн. Сергеем Михайловичем октябристы встали на сторону министра. И это было отнюдь не случайно. Во всяком случае, до 1912 г. отношения между Сухомлиновым и Гучковым оставались вполне сносными (а осенью 1910 г. они даже вызывали ревность у Столыпина). Октябристская печать поддерживала Владимира Александровича во время скандального развода супругов Бутович летом 1909 г.⁵⁹ «Союз 17 октября» выступал за единоначалие в военном ведомстве, одобрял упразднение Совета государственной обороны, осуждал засилье великих князей в армии. Принадлежавшие к нему депутаты не только не занимались сокращением сметы министерства, но и призывали к увеличению запрашиваемых у Думы кредитов. Не ставили они под сомнение и приоритет финансирования сухопутных сил перед военно-морским флотом.

Исследователи обычно связывают начало вражды Сухомлинова и Гучкова с ликвидацией так называемого кружка «младотурок», ядро которого составляли члены работавшей под руководством генерал-майора В.И. Гурко Военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны, закрытой по докладу министра 24 ноября 1910 г.⁶⁰ Сухомлинов позднее вспоминал о том, что «родилась ещё какая-то комиссия вне ведения военного министра, состоящая из военных чинов под председательством Гучкова, при Государственной думе». В списке её 8–10 членов будто бы «значился генерал Гурко, редактор истории японской кампании, полковник барон [Н.А.] Корф и другие чины военного ведомства». Получив сведения об этом, Владимир Александрович, по его словам, убедил царя перевести всех участников «этого подпольного учреждения» на открывающиеся вакансии подальше от столицы. Так, Гурко стал весной 1911 г. командиром кавалерийской дивизии, а Корф ещё в ноябре 1910 г. получил стрелковый полк⁶¹.

Но, судя по дневнику Поливанова, высшие армейские чины, включая помощника военного министра, систематически консультировали членов КГО и при Редигере, и при Сухомлинове⁶². К примеру, в марте 1910 г. Алексей Андреевич приезжал к Гучкову для участия в совещании о кредитах на оборону⁶³. Существование «комиссии» являлось системным элементом законотворческого процесса, а необходимость консультаций объяснялась отсутствием у большинства членов КГО военного образования и опыта службы в войсках. Как вспоминал А.И. Деникин, это «осведомление» шло двумя путями: при посредстве официальных докладчиков военного и морского ведомства, которые давали комиссии лишь формальные сведения, опасаясь, что излишняя откровенность,

⁵⁹ Голос Москвы. 1909. 12 августа. № 184.

⁶⁰ Дневники императора Николая II... С. 520. Подробнее о «кружке младотурок» см.: *Айрапетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию. 1907–1917. М., 2003. С. 13–14; *Айрапетов О.Р.* «Дело Мясоедова». XX век начинается... // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2009. № 3. С. 116; *Бей Е.В.* Генерал В.А. Сухомлинов. Военный министр эпохи Великой войны. М., 2021. С. 120; *Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В.* Некоторые обстоятельства отставки военного министра Сухомлинова // Вестник СПбГУ. Сер. История. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 483; *Евдокимов А.В.* Политическая борьба... С. 44; *Хутарев-Гарнишевский В.В.* Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. М., 2019. С. 112.

⁶¹ *Сухомлинов В.А.* Указ. соч. С. 235.

⁶² *Поливанов А.А.* Указ. соч. С. 35; РГВИА, ф. 89, оп. 1, д. 42, л. 619 об., 623. См. также свидетельство П.Н. Крупенского: РГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 32, л. 86 об.

⁶³ РГВИА, ф. 89, оп. 1, д. 42, л. 585 об.

став известной левому сектору Государственной думы, может повредить делу обороны, и путём частным. По инициативе А.И. Гучкова и ген[ерала] Василия Гурко, под председательством последнего, образовался военный кружок из ряда лиц, занимавших ответственные должности по военному ведомству, который вошёл в контакт с умеренными представителями Комиссии по государственной обороне... Все эти лица не имели никаких политических целей, хотя за ними и утвердилась шутивая кличка “младотурок”. На совместных с членами Думы частных собраниях обсуждались широко и откровенно вопросы военного строительства, подлежащие внесению на рассмотрение Думы. Военные министры Редигер и потом Сухомлинов знали об этих собраниях и им не препятствовали. Так шла совместная работа года два, пока в самом военном кружке не образовался раскол на почве резкой и обоснованной критики частным собранием некоторых, внесённых уже в Думу, без предварительного обсуждения в нём, законопроектов. Об этом узнал Сухомлинов и встревожился. Лукомский и трое других участников вышли из состава кружка. “Мы не могли, — писал мне впоследствии Лукомский, — добиваться, чтобы Дума отвергала законопроекты, скреплённые нашими подписями”». Таким образом, кружок себя дискредитировал и раскололся, и тогда уже «в отношении других, более “строптивых” “младотурок”, в том числе и самого Гурко, Сухомлинов, после доклада государю, принял меры к “распылению этого соправительства”, как он выражался, предоставив им соответственные должности вне Петербурга»⁶⁴.

Между тем после смерти Столыпина председателем Совета министров стал Коковцов, что вскоре привело к консолидации всех сил, противостоявших главе военного ведомства, в знаменитом «деле Мясоедова». По сути, возник заговор, участники которого стремились к дискредитации Сухомлинова, используя для этого публичное разоблачение прикомандированного к нему жандармского подполковника С.Н. Мясоедова. Владимир Александрович же считал, будто бы всё началось с клеветы на Поливанова: «Кто-то, очевидно из сотрудников генерала Поливанова по прежней службе, составил на основании журналов заседаний по вопросам обороны донос с выписками из подлинных несомненно документов и с утверждением того факта, что генерал Поливанов сообщил эти государственные тайны австрийскому послу». Литографированный текст анонимки «разослан был многим высокопоставленным лицам и членам Государственной думы». И хотя министр, согласно его воспоминаниям, «не допускал и мысли о том, что это донос не ложный; но необходимо было выяснить, кто же мог его составить и каким образом секретные документы оказались доступными какому-то постороннему лицу». Осведомившись у Поливанова, «не имеет ли он подозрение на кого-нибудь», Сухомлинов поручил Мясоедову «навести справки, нельзя ли выяснить автора доноса». По словам министра, его помощник был «подавлен» неожиданными обвинениями и сразу же «заподозрил, не направит ли Мясоедов свои розыски против него»⁶⁵.

В этот день, 12 марта 1912 г., Поливанов не только узнал от министра о доносе, но и впервые упомянул о Мясоедове в дневнике. Второй раз его фамилия появляется там 18 марта, когда сразу же после отъезда Сухомлинова в командировку в Туркестан в Военное министерство поступило официальное отношение, подписанное главой МВД А.А. Макаровым, в котором говорилось о наличии

⁶⁴ Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1990. С. 186–187.

⁶⁵ Сухомлинов В.А. Указ. соч. С. 234.

опосредованной (через нескольких лиц) связи между Мясоедовым и агентом германской разведки Ф. Ланцером⁶⁶. Несмотря на явную шаткость и несостоятельность доказательств, письмо «поразило» Алексея Андреевича, и он сообщил его Коковцову и начальнику ГУГШ Я.Г. Жилинскому, у которого, как выяснилось, также имелись «с сентября сведения, что Мясоедов был заподозрен в шпионских сношениях с Австрией»⁶⁷. Затем, 29 марта, после очередного заседания Совета министров, его председатель, уже знавший об обвинениях, выдвинутых МВД, передал Поливанову «неблагоприятные сведения» о Мясоедове⁶⁸.

А 6 апреля помощника военного министра посетил начальник штаба Отдельного корпуса жандармов генерал-лейтенант Д.К. Гершельман, подготовивший в марте справку для Макарова. «Он очень невысокого мнения о близких министру кн. Андроникове и подп[олковнике] Мясоедове, — отметил в дневнике Поливанов. — Последнего ген[ерал П.Г.] Курлов долго не соглашался принять обратно в Корпус жандармов, но когда военный министр изъявил согласие принять в Оф[ицерскую] кав[алерийскую] школу однополчанина Курлова Виламова (на жене которого Курлов женился), то тогда Курлов выразился, что хоть Мясоедов и дрянь, но, раз в[оенный] м[инист]р так хочет, пусть его берёт; теперь вечно сидит в Европ[ейской] гостинице и частенько ездит с прогон[ными] деньгами от Кор[пуса] жанд[армов] в Вилен[ский] округ, где ведёт дела своего Общества по эмиграции, а в эпоху раздора с [А.З.] Мышлаевским Сухомлинов был у Гершельмана и просил дать ему жанд[армского] офицера для политич[еской] разведки, а через 3½ недели его (был полк[овник] Горленко) отчислили. Вероятно, и Мясоедов, по словам Гершельмана, наблюдает за “моей Думой”»⁶⁹.

Всё это отнюдь не противоречило той одиозной репутации, которой пользовались некоторые близкие к Сухомлинову лица⁷⁰. Поливанов же явно дистанцировался от окружения своего начальника. 27 сентября 1910 г. он упомянул в дневнике о том, как тот же кн. М.М. Андроников «вечером прислал мне обширное письмо, что я целый месяц не мог его принять и на вокзале еле поклонился ему и что он передаст обо мне нехорошие впечатления “нашему высокочтимому Владимиру Александровичу”. Я ответил ему письмом же, что никто из моих знакомых не может претендовать, если я занят службой»⁷¹. Так или иначе, под впечатлением от обличительных разговоров весны 1912 г. Поливанов, не чуждый честолюбивых мечтаний о министерском портфеле, примкнул к заговору и стал снабжать сведениями Гучкова.

Тем временем, вернувшись из Туркестана, Сухомлинов встретился с Макаровым, который, желая «только добра», поделился «агентурными данными» и настоятельно рекомендовал уволить Мясоедова, пока не поздно. Осенью 1915 г. Макаров не скрывал, что письма, предъявленные им для доказательства

⁶⁶ Поливанов А.А. Указ. соч. С. 111. Подробнее см.: Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009. С. 107.

⁶⁷ Поливанов А.А. Указ. соч. С. 111.

⁶⁸ РГВИА, ф. 89, оп. 1, д. 42, л. 850 об.–851 об.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Так, в Петербурге ходили слухи о причастности к шпионажу близкого друга военного министра — австрийского подданного А.О. Альтшиллера (Поливанов А.А. Указ. соч. С. 108). Подробнее о нём см.: Фуллер У. Указ. соч. С. 65–72.

⁷¹ РГВИА, ф. 89, оп. 1, д. 42, л. 685. Подробнее о князе см.: Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В. Роковая женщина военного министра: генерал Сухомлинов и Екатерина Бутович. СПб., 2020. С. 87–107.

шпионской деятельности Мясоедова, Сухомлинова не убедили⁷². И впоследствии Владимир Александрович считал своего собеседника «введённым в заблуждение Департаментом полиции»⁷³. Но с Макаровым его связывали хорошие отношения, позволявшие говорить дружески и доверительно⁷⁴. Во всяком случае, он уступил и 12 апреля направил министру внутренних дел отношение с просьбой «подполковника Мясоедова освободить от тех обязанностей, которые на него возложены были в отношении Военного министерства до сих пор»⁷⁵. 14 апреля Коковцов показывал эту «бумагу» Поливанову⁷⁶.

А уже 13 апреля в «Вечернем времени» появилась статья, в которой, в частности, указывалось, что после того, как рядом с известным «сановником» появился жандармский подполковник, австрийцы многое узнали об управлении русской армией, вплоть до бесед военного министра с императором⁷⁷. Любопытно, что несколько фрагментов этой статьи имели явное сходство с тем, что рассказывал Поливанову Гершельман. Так, в газете писали: «В Петербург несётся письмо к ген[ералу] Курлову с просьбой принять обратно на службу в корпус, так как принимать в армию этого господина сановник не решается. Но всё напрасно. Несмотря на желание угодить сановнику, нельзя это сделать. Репутация не такова. Проходит время, и ген[ералу] Курлову есть надобность в сановнике. Как ни грустно, но подполковник опять гуляет в форме, но уже не жандармской». Как Гершельман сообщал Поливанову о поездках Мясоедова в Виленский военный округ по делам своей конторы, так и «Вечернее время» информировало читателей: «А в это время подполковник ездил в Либаву за счёт жандармского корпуса для своего экспортного или эмигрантского дела. Корпус кряхтел, но платил». Упрекая «сановника», автор недвусмысленно намекал на мартовское письмо Макарова: «В одну из его поездок были доставлены все документы, необходимые для того, чтобы открыть ему глаза»⁷⁸. Таким образом, дневник Поливанова показывает, что информация о Мясоедове шла от МВД через помощника военного министра к Гучкову, а не наоборот.

В дальнейшем в историографии утвердилось представление о том, что за интригой стояли Гучков и Поливанов⁷⁹. Однако тот факт, что статья в «Вечер-

⁷² РГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 32, л. 104–104 об.

⁷³ Сухомлинов В.А. Указ. соч. С. 373–374.

⁷⁴ Генерал В.А. Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы / Отв. сост. С.А. Харитонов. М., 2014. С. 180–181. Позднее Сухомлинов вспоминал: «Во время моей поездки в Туркестан в 1912 году Поливанов, при содействии редактора газеты “Вечернее время” Б. Суворина и Гучкова, пытался меня дискредитировать в специальном памфлете, который должен был появиться от имени Мясоедова, неизвестного мне жандармского полковника» (Сухомлинов В.А. Указ. соч. С. 232). Подобная публикация могла вызвать думский запрос и громкий скандал, что, возможно, и побудило Владимира Александровича согласиться на отчисление офицера. Не исключено, что Макаров предупредил Сухомлинова о подготовке такого памфлета и намекнул на предательство Поливанова.

⁷⁵ РГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 32, л. 48.

⁷⁶ Там же, ф. 89, оп. 1, д. 42, л. 857.

⁷⁷ Правда, в первой публикации имя Мясоедова ещё прямо не называлось, речь шла только о «подполковнике», «жандармском офицере» и т.п. См.: Персу. Кто заведует в России военной контрразведкой // Вечернее время. 1912. 13 апреля. № 118.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Фрейнат О.Г. Правда о деле Мясоедова и др[угих] по официальным документам и личным воспоминаниям. Вильна, 1918. С. 17; Шаццло К.Ф. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 9. С. 108 Фуллер У. Указ. соч. С. 105; Айрапетов О.Р. Дело Мясоедова. Предвыборные технологии 1912 г. // Родина. 2011. № 3. С. 79; Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В. Некоторые обстоятельства отставки... С. 485.

нем времени» появилась лишь на следующий день после «отчисления» Мясоедова, до сих пор ускользал от исследователей. Между тем он указывает на то, что именно беседа Сухомлинова и Макарова оказалась важнейшим звеном «дела Мясоедова». Фактически, отстранившись, военный министр позволил устроить травлю своего подчинённого. Характерно, что накануне этого разговора «В.Н. Коковцов был не в духе и несколько раз намекал на непрочность якобы своего положения»⁸⁰. После отставки Мясоедова и начала газетной кампании его тревога рассеялась, и он стал готовиться к следующему шагу.

17 апреля Коковцов поехал в Ливадию, надеясь добиться от императора отставки Сухомлинова и назначения его преемником Поливанова. При этом «сам премьер-министр, некоторым образом глава кабинета», по словам Владимира Александровича, «был так уверен в успехе своего дела, что на вокзале в Москве совершенно открыто говорил о моём увольнении. Точно так же и в Ялте он был так не сдержан на язык, что всем рассказывал о моей несостоятельности на посту военного министра»⁸¹. Однако вслед за Коковцовым Николая II посетил Сухомлинов, в итоге не только сохранивший свой пост, но и избавившийся от амбициозного и ставшего неудобным помощника. Поливанов же, ещё в январе 1912 г. ставший по рекомендации Коковцова членом Государственного совета, до 1915 г. вынужден был ограничиться этой почётной ролью. 15 мая он записал в дневнике: «В[ладимир] Н[иколаевич] передал мне, что он видел двух лиц, возвращавшихся из Ливадии, которые, ссылаясь на слова бар[она В.Б.] Фредерикса, рассказывали о поводах, кои могли составить содержание доклада воен[ного] министра, послужившего причиной моего увольнения: А.И. Гучков задумал совершить государственный переворот, влияя на армию, и, хотя я к сему касательства не имел, но, поддерживая вообще отношения с Гучковым, рассчитывал при его помощи сделаться военным министром; отсюда и неудовольствие на В[ладимира] Н[иколаевича], который меня всегда хвалил»⁸².

После неудачной попытки дискредитировать Сухомлинова в глазах монарха положение Коковцова пошатнулось. Его предшественник на посту руководителя финансового ведомства (а затем и министр торговли и промышленности), член Государственного совета И.П. Шипов, говорил в июне 1912 г., что Коковцов «напоминает ему кучера, сидящего на козлах, но потерявшего вожжи»⁸³. Ещё 5 мая Поливанов отметил, что теперь председатель Совета министров старался общаться с Гучковым «при свидетелях»⁸⁴. По-видимому, ранее они всё же встречались и наедине.

Дальнейшая судьба Коковцова во многом зависела от того, поддержат ли депутаты морскую программу, предусматривавшую значительное увеличение расходов на строительство флота. «В Думе не вполне выяснилось, — писала 24 мая А.Н. Родзянко (супруга председателя) Н.Г. Ковалевскому, — пройдут ли 500 млн на флот, а слухи ходят, что Коковцову поставлено условие — благополучное разрешение этого вопроса или его удаление»⁸⁵. 6 июня думцы одобрили законопроект и, как рассказывал Поливанову министр торговли и промышлен-

⁸⁰ РГВИА, ф. 89, оп. 1, д. 42, л. 852 об.

⁸¹ Сухомлинов В.А. Указ. соч. С. 232.

⁸² РГВИА, ф. 89, оп. 1, д. 42, л. 885.

⁸³ Там же, л. 907 об.

⁸⁴ Там же, л. 878–879.

⁸⁵ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. Материалы перлюстрации Департамента полиции / Под ред. В.В. Шелохаева. М., 2014. С. 247.

ности С.И. Тимашев, на следующий день «в заседании Сов[ета] мин[истров] В.Н. Коковцев сиял после своего успеха в Г[осударственной] д[уме] по ассигновке на флот, и, вероятно, его положение упрочилось»⁸⁶.

Тем временем уже Сухомлинов публично выступил против главы правительства. 16 июня в официальной газете «Русский инвалид» в рубрике «От Военного министерства» появилась статья, обвинявшая финансовое ведомство в возмутительной экономии при выделении средств для «выдачи сверхсрочным нижним чинам выслуженных ими единовременных пособий»⁸⁷. 19 июня Коковцов попытался объяснить с генералом, о чём неделю спустя рассказал Поливанову. В ходе этой беседы «В[ладимир] Н[иколаевич] выразил, что нельзя же при объединённом кабинете делать одному м[инист]ру такие вылазки в печати против другого министра». На это «Сухомлинов возразил, что он в состав кабинета не входит», однако «в конце концов согласился напечатать составленное в Мин[истерстве] фин[ансов] опровержение»⁸⁸. Но и Коковцов отныне, вплоть до своей отставки в январе 1914 г., уже не проявлял былой принципиальности при рассмотрении военных смет и не настаивал на их систематическом сокращении. Серьёзных столкновений между двумя сановниками больше не наблюдалось⁸⁹. Любопытно, что и Поливанов с июля 1912 г. почти совсем ушёл в тень, а количество, объём и содержательность его записей надолго сократились.

Можно лишь сожалеть о том, что дневник А.А. Поливанова дошёл до нас не полностью. Подлинные «записные книги» 1908 и 1911 гг., пропавшие после их фрагментарной публикации в 1920-е гг., несомненно, позволили бы лучше понять характер и логику политической борьбы в правящих кругах Российской империи. Во всяком случае, сохранившиеся записи существенно корректируют сложившиеся в историографии представления. Так, «дело Мясоедова» и конфликт Сухомлинова с думским большинством оказываются лишь эпизодами борьбы между военным министром и руководством правительства (и прежде всего — финансового ведомства и МВД). В этом противостоянии, наметившемся ещё при Столыпине, но особенно обострившемся уже в 1912 г., переплетались не только личные амбиции, но и проблемы, связанные с границами прерогатив монарха, Совета министров, Думы, а также с привычными спорами между военными и финансистами о размере расходов на армию. И Поливанов, и октябристы лишь заняли тут сторону Столыпина и Коковцова, что и предопределило их столкновение с Сухомлиновым, которого в конечном итоге поддержал Николай II.

⁸⁶ РГВИА, ф. 89, оп. 1, д. 42, л. 900 об.; *Гайда Ф.А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016. С. 181.

⁸⁷ Русский инвалид. 1912. 16 июня. № 131.

⁸⁸ РГВИА, ф. 89, оп. 1, д. 42, л. 912 об.

⁸⁹ *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919. Т. 2. Париж, 1933. С. 114–115.

Главный знаток России. Карьера генерала М. Жанена до отправки с миссией в Россию в 1916 г.

Руслан Гагкуев

The main connoisseur of Russia. Career of General M. Janin before mission to Russia in 1916

Ruslan Gagkuev

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S0869568722030062, EDN: FWTENJ

Французский генерал Морис Жанен (1862–1946) был очевидцем и участником многих значимых событий, происходивших в России во время Первой мировой войны, революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны. Назначение главой французской военной миссии в России весной 1916 г. позволило ему на протяжении почти полутора лет влиять на решения русской Ставки. Одним из наиболее значимых событий, в котором Жанен принял непосредственное участие, стало вступление Румынии в Первую мировую войну на стороне Антанты. В последовавших событиях революционного 1917 г. Жанен был больше наблюдателем, заинтересованным прежде всего в продолжении Россией мировой войны. В войне Гражданской он являлся уже полноценным участником, его роль на Восточном фронте оказалась во многом ключевой для развития ситуации в решающем 1919 г. При этом его жизнь до сих пор известна лишь по кратким биографическим справкам. Ни зарубежными историками, ни их коллегами в России не создано ни одной полноценной биографической работы о Жанене. Мемуарное наследие французского генерала при описании событий цитируется сравнительно редко, а оставленные им документы почти не известны и лишь незначительная их часть введена в научный оборот.

Участники Гражданской войны в России — и красные, и белые — в своей оценке генерала Жанена демонстрировали редкое единство. Сложно найти вторую такую фигуру, которая с двух противоположных сторон вызывала бы столько негативных характеристик. Для красных и для советских историков Жанен прежде всего был «ставленником империалистов», «санкционировавшим» все операции контрреволюции на Восточном фронте¹. Для белых и эмигрантских историков этот французский военачальник, как правило, «Иуда», «продавший за 30 серебряников» адмирала А.В. Колчака². «Предателем» он остаётся и для многих российских исследователей³. Во французской историографии

© 2022 г. Р.Г. Гагкуев

¹ История гражданской войны в СССР. Т. 4. М., 1959. С. 18; Антисоветская интервенция и её крах. 1917–1922. М., 1987. С. 52.

² Сергеев В.Л. Очерки по истории Белого движения на Дальнем Востоке. Харбин, 1937. С. 82–83; Семёнов Г.М. О себе. М., 2013. С. 196.

³ Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М., 2002. С. 176, 183, 201; Зырянов П.Н. Адмирал Колчак. М., 2012. С. 523; Хандорин В.Г.

Жанен — не самая примечательная фигура, игравшая сугубо второстепенные роли. В Первую мировую войну он не занимал первых постов во французской армии. Его работа при русской Ставке в 1916–1917 гг. была во многом сведена на нет развалом русской армии. Миссия в России в 1918–1919 гг. многими соотечественниками Жанена оценивается как неудачная. Сравнительно большое внимание ему уделяют чешские историки, отмечающие его роль в становлении созданной по итогам Первой мировой войны Чехословакии⁴.

Единственным подробным материалом о жизни и деятельности Жанена остаётся очерк, написанный в 2015 г. французским военным историком, офицером в отставке Р. Нуланом. Краткая биография генерала предвещает издание его воспоминаний о Первой мировой войне и миссии в России в 1916–1917 гг.⁵

Часто встречающиеся негативные оценки Жанена как современниками, так и историками, на первый взгляд, заставляют усомниться в правильности выбора французским высшим военным руководством его кандидатуры для отправки в Россию во главе двух важнейших военных миссий (с весны 1916 по осень 1917 г. — при Ставке Верховного главнокомандующего и с осени 1918 по зиму 1920 г. — при Ставке Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака). Однако подробное рассмотрение военной карьеры Жанена до начала Первой мировой войны позволяет прийти к выводу, что его кандидатура была не только лучшей, но и не имевшей реальных альтернатив.

Пьер Тьебо Шарль Морис Жанен (*Pierre Thiübaut Charles Maurice Janin*) родился в седьмом округе Парижа 19 октября 1862 г.⁶ В акте о его рождении, датированном 21 октября 1862 г., указано, что «в позавчерашний день в семь с половиной часов утра родился на Университетской улице, 67 Пьер Тибо Шарль Морис... сын господина Жозефа Ипполита Жанена, 41 года военного врача 8-го уланского полка и... Аделаиды Стрюк, его супруги, 24 лет, без профессии, проживающей там же на вышеуказанной улице»⁷.

По окончании гимназии в Версале 22 октября 1880 г. Жанен поступил в Военную школу в Сен-Сире. Начав свою военную службу в августе 1881 г., он окончил школу в октябре 1882 г. 20-м из 271 выпускника⁸. Получив производство в младшие лейтенанты, он был назначен в 31-й пехотный полк, а в мае 1886 г., произведённый к этому времени в лейтенанты, переведён в 123-й пехотный полк⁹.

Спустя восемь лет после начала службы Жанен вплотную приступил к построению своей военной карьеры. Имея за плечами не самый богатый служебный опыт, амбициозный молодой офицер в 1888 г. стал инструктором Военной школы в Сен-Сире и находился на этой должности до октября 1890 г., после чего был переведён в 13-й пехотный полк. Два года на инструкторской работе Жанен, вероятно, использовал для подготовки к поступлению во французскую

Мифы и факты о Верховном правителе России. М., 2019. С. 62.

⁴ *Jurigová I.* Le général Janin et sa mission militaire en Russie. Olomouc, 2011. P. 6.

⁵ *Noulens R.* Biographie du général Janin // *Janin M.* En mission dans la Russie en guerre, 1916–1917: le journal inédit du général Janin. P., 2015. P. 9–24.

⁶ Archives Nationales. Dossier LH/1352/51. F. 1, 26–29; Service historique de la Defense Château de Vincennes (далее — SHD). GR 9Yd 747. 4 octobre 1924.

⁷ Archives de Paris. 1862 Naissances. 07 V4E 783. F. 10.

⁸ Archives Nationales. Dossier LH/1352/51. F. 32; SHD. GR 9Yd 747. 4 octobre 1924; *Noulens R.* Op. cit. P. 267.

⁹ Archives Nationales. Dossier LH/1352/51. F. 32; SHD. GR 9Yd 747. 4 octobre 1924.

Высшую военную школу, где и продолжил обучение по решению военного министерства от 21 апреля 1890 г. В ноябре 1892 г. он окончил школу вторым в выпуске (из 81 курсанта), с отметкой «очень хорошо»¹⁰. Руководство считало, что Жанен представляет собой офицера, одинаково хорошо подходящего как для строевой, так и для штабной службы¹¹.

Произведённый в капитаны, Жанен 29 декабря 1892 г. получил назначение в 158-й пехотный полк¹². По всей видимости, во время учёбы в Высшей военной школе определилась его будущая специализация на России, повлиявшая на всю его военную карьеру. В конце 1891 — начале 1892 г. французские дипломаты неоднократно поднимали вопрос о заключении военного союза с царской империей, при каждом удобном случае стараясь продемонстрировать свою готовность к сотрудничеству¹³. Для Франции настоятельно необходимо было иметь офицеров Генерального штаба, владевших русским языком и обладавших знаниями о будущем союзнике.

Одним из таких русистов стал лейтенант Жанен. 1 декабря 1892 г., менее чем через месяц после окончания Высшей военной школы, его отправили на 45 дней в командировку в Россию. Очевидно, что её целью была практика русского языка, который он начал изучать, а также знакомство со страной и её армией. 14 января 1893 г. Жанен вернулся во Францию, в октябре 1893 г. получил назначение в 46-й пехотный полк, затем стал стажёром, с 5 января 1895 г. — сотрудником 2-го бюро (разведывательного управления) Генерального штаба, а 16 сентября 1897 г. получил новое назначение, став адъютантом дивизионного генерала Р. де Буадефра¹⁴.

С 28 сентября 1893 г. де Буадефр возглавлял Генеральный штаб¹⁵ и являлся одним из главных сторонников франко-русского сближения. Во многом благодаря ему, в 1878—1882 гг. служившему военным атташе в Санкт-Петербурге, стало возможным заключение в 1890-е гг. франко-русского союза. 5(17) августа 1892 г. Буадефр и начальник русского Главного штаба генерал от инфантерии Н.Н. Обручев подписали военную конвенцию¹⁶, фактически означавшую заключение договора о союзе между Россией и Францией. Соответствующими письмами за подписями министра иностранных дел России Н.К. Гирса (15(27) декабря 1893 г.) и посла в Петербурге Г. Монтебелло (23 декабря 1893 г. (4 января 1894 г.)) стороны обменялись в конце 1893 г.¹⁷ Публично слово «союз» в качестве характеристики русско-французских отношений было произнесено императором Николаем II в августе 1897 г.¹⁸

¹⁰ Ibid.; *Noulens R.* Op. cit. P. 267.

¹¹ *Павлов А.Ю., Гельтон Ф.* В кабинетах и окопах: французские военные миссии в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2019. С. 66.

¹² Archives Nationales. Dossier LH/1352/51. F. 32; SHD. GR 9Yd 747. 4 octobre 1924.

¹³ *Айранетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. 1801—1914 гг. В 4 т. Т. 3. М., 2018. С. 659.

¹⁴ Archives Nationales. Dossier LH/1352/51. F. 32; SHD. GR 9Yd 747. 4 octobre 1924; *Noulens R.* Op. cit. P. 267.

¹⁵ Décret du 28 septembre 1893 portant nomination // Journal officiel de la République française. № 264. 29 septembre 1893. P. 4929.

¹⁶ Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917 / Сост. И.В. Козьменко. М., 1952. С. 281—282.

¹⁷ Там же. С. 282—283.

¹⁸ *Рыбачёнок И.С.* Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993. С. 163; *Айранетов О.Р.* История внешней политики Российской империи... Т. 3. С. 664.

Успехи Жанена в изучении русского языка и России заставили обратить на него внимание начальника французского Генштаба. Вероятно, его знакомство с Буадефром произошло во время подготовки к визиту Николая II в Париж. 23 сентября (5 октября) 1896 г. царь прибыл в Шербург, где его встретил президент Франции Ф. Фор. На протяжении 24–26 сентября (6–8 октября) российский император находился в Париже¹⁹, и в числе французских адъютантов, назначенных для его сопровождения, был Жанен²⁰. По свидетельству участвовавшего в поездке главноуправляющего Канцелярией его императорского величества В.И. Мамантова²¹, когда Николай II подошёл к своим ординарцам-французам, он стал свидетелем поразившей его сцены: «Все семнадцать офицеров как один поцеловали государю руку, как не пытался он её отдёргивать, смущённо стараясь не допускать их до этого»²².

С большой долей уверенности можно предположить, что в числе этих офицеров был и капитан Жанен. По его словам, во время визита во Францию в 1896 г. Николай II и императрица Александра Фёдоровна оказались «на вершине почитания»²³. Жанен вспоминал: «С императором я был знаком с 1896 г. Я был в комиссии, которая занималась его персоной во время его приезда в Париж. Все, кто лично имел с ним дело, были покорены простотой его обращения и той неподдельной добротой, которой он, действительно, обладал и которая светилась в его больших голубых глазах. Он был застенчив, и, хотя необходимость принимать множество людей вошла у него в привычку, по множеству признаков было видно, что он находится в нервном напряжении, которое вынужден преодолевать. Из-за своей застенчивости он крайне не любил светские и официальные приёмы, но в узком кругу был раскован и весел»²⁴.

Этот непродолжительный по времени эпизод впоследствии сильно повлиял на судьбу Жанена. Он приобрёл репутацию «знакового русского царя», что позднее служило как в его пользу, так и против него. Сам Жанен, описывая встречу французской делегации с Николаем II в начале 1917 г., писал: «Господина [Г.] Думерга император принял 3 февраля [1917 г.], он вернулся весьма удовлетворённым и сказал мне, что царь называл меня “мой друг, генерал Жанен”»²⁵.

Вероятно, Жанен имел возможность увидеть Николая II до начала Первой мировой войны ещё раз, во время ответного официального визита президента Фора в Россию 11–14 (23–26) августа 1897 г. На одной из фотографий, сделанных во время поездки делегации в Петербург, на заднем плане в одном из французских офицеров можно узнать капитана Жанена²⁶.

Тем не менее карьера Жанена в Генштабе в скором времени прервалась. 2 сентября 1898 г. Буадефр вынужден был уйти в отставку из-за скандала по

¹⁹ Дневники императора Николая II (1894–1918). В 2 т. / Отв. ред. С.В. Мироненко. Т. 1. М., 2011. С. 299–301.

²⁰ Tucker S.C. Janin, Pierre Thiebault Charles Maurice // World War I: the definitive encyclopedia and document collection / Ed. by S.C. Tucker, P. Roberts. Santa Barbara, 2014. P. 837; *Noulens R.* Op. cit. P. 267.

²¹ В 1896 г. Мамантов занимал должность помощника начальника Канцелярии императорской Главной квартиры.

²² Мамантов В.И. На государевой службе: Воспоминания. Таллин, 1926. С. 73.

²³ Janin M. En mission dans la Russie en guerre, 1916–1917... P. 261.

²⁴ Ibid. P. 46.

²⁵ Ibid. P. 109–110.

²⁶ Le Panorama. Le Président de la République. Les Fêtes de l'Alliance. P., 1897. P. 5.

делу капитана А. Дрейфуса. Спустя пять дней Жанена, лишившегося шефа, перевели на службу в 130-й пехотный полк, а в ноябре 1900 г. назначили командиром батальона в 22-м пехотном полку. В феврале 1903 г. Жанен стал адъютантом известного французского кавалериста, дивизионного генерала Р.М. Донопа, возглавлявшего к тому времени Кавалерийский комитет²⁷.

5–8 (18–21) сентября 1901 г. состоялся второй визит Николая II и Александры Фёдоровны во Францию. Программа визита русского императора носила почти исключительно военный характер: морской смотр в Дюнкерке, участие в манёврах в районе Реймса и военный смотр в Бетиньи²⁸. Доноп командовал одним из кавалерийских корпусов, и можно предположить, что именно он обратил внимание на Жанена при подготовке к визиту царя. 11 июля 1903 г. Жанену была присвоена степень кавалера ордена Почётного легиона²⁹.

Потребность в офицерах, знающих Россию и русский язык, в конечном счёте привела к возвращению Жанена в Генштаб. В январе 1906 г. по ходатайству Донопа он был вновь переведён во 2-е бюро. В это время французские генштабисты занимались осмыслением опыта прошедшей русско-японской войны и анализом состояния русской армии. Они достаточно критически оценивали её возможности и в 1905–1910 гг. полностью сбрасывали со счетов как фактор, способный сдерживать Германию. Французский военный атташе в Санкт-Петербурге полковник (позднее – бригадный генерал) Л.-Э. Мулен обращал внимание на недостаточную подготовку русских офицеров³⁰. В 1906 г. он сделал вывод, что России потребуется не менее трёх лет мира, чтобы представлять какую-либо угрозу для Германии³¹.

В это время Жанен принимал участие в подготовке исследования о русско-турецкой войне 1877–1878 гг., опубликованного исторической секцией 2-го отдела. В 1907 г. он в третий раз побывал в России для наблюдения за манёврами войск Варшавского военного округа. 24 сентября того же года он был произведён в подполковники и зачислен в 17-й пехотный полк³². В 1908–1909 гг. в десяти номерах издаваемого военным министерством Франции «Пехотного обозрения» Жанен опубликовал работу по русско-японской войне «Изучение тактики русских и японских армий во время Маньчжурской кампании»³³. Он использовал почти исключительно зарубежные источники, в основном – вышедшие в 1906–1908 гг. в ряде стран сочинения военных агентов и журналистов, находившихся при штабах русской и японской армий. Основой же для

²⁷ Archives Nationales. Dossier LH/1352/51. F. 32; SHD. GR 9Yd 747. 4 octobre 1924; *Noulens R.* Op. cit. P. 267.

²⁸ *Низалова Е.В.* Конец династической дипломатии России: заграничные поездки императора Николая II в 1896–1909 гг. (по материалам российской и европейской прессы). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. С. 83.

²⁹ Archives Nationales. Dossier LH/1352/51. F. 17, 23–24, 27–31.

³⁰ *Luntinen P.* French Information on the Russian war plans 1880–1914. Helsinki, 1984. P. 94–95.

³¹ *Wohlforth W.C.* The Perception of Power. Russia in the pre-1914 Balance // *World Politics*. Vol. 39. 1987. № 3. P. 358–359; *Starns K.* The Russian Railways and Imperial Intersections in the Russian Empire. Washington, 2012. P. 79.

³² SHD. GR 9Yd 747. 4 octobre 1924; *Noulens R.* Op. cit. P. 267.

³³ *Janin M.* Aperçus sur la tactique des armées russe et japonaise pendant la campagne de Mandchourie // *La Revue d'infanterie*. № 259. Juillet 1908. P. 25–37; № 260. Août 1908. P. 101–136; № 261. Septembre 1908. P. 197–221; № 262. Octobre 1908. P. 317–334; № 263. Novembre 1908. P. 409–434; № 264. Décembre 1908. P. 518–531; № 265. Janvier 1909. P. 39–47; № 266. Février 1909. P. 121–147; № 267. Mars 1909. P. 211–224; № 268. Avril 1909. P. 289–299.

анализа послужили отчёты и журналы французских военных миссий в Маньчжурии. «При написании этой работы мы предполагали изложить настолько подробно, насколько позволяют имеющиеся в нашем распоряжении документы, тактические приёмы, применявшиеся в Маньчжурской войне каждой из японских и русских пехотных частей, чтобы дать нашим читателям представление о характере пехотного боя во время этой войны», — отмечал Жанен³⁴.

Из номера в номер журнала Жанен подробно разбирал действия пехоты при переходе японцами реки Ялу (Тюренченский бой), сражениях при Ляояне, Шахэ, Сандепу и Мукдене. Публикация была снабжена большим количеством карт и схем, подготовленных автором. Жанен в основном пересказывал дневниковые записи и воспоминания очевидцев, его личное мнение в этой большой работе фактически отсутствует. Участие в изучении последних по времени войн России укрепило его авторитет и сделало одним из ведущих русистов французского Генштаба.

Работа Жанена не осталась незамеченной и в России, где с интересом следили за зарубежными обозрениями русско-японской войны. Выходило большое количество переводов воспоминаний и исследований. В 1911 г. в издававшейся в Санкт-Петербурге серии «Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев» появилось русское издание книги Жанена, получившей название «Несколько эпизодов из действий японцев в Маньчжурии»³⁵. Подготовленная к печати неизвестным русским офицером, она вышла в России в сильно сокращённом виде, в неё вошло около трети содержания оригинального текста.

Специализация на русской армии в скором времени позволила Жанену получить от Генштаба важное задание непосредственно в России. На сей раз ему предстояла годичная — с 1 октября 1910 по 1 октября 1911 г. — командировка. Официальной целью была стажировка при Николаевской академии Генштаба. Помимо совершенствования русского языка, Жанену следовало изучить российское высшее военное образование. Но главной его задачей являлся сбор разведывательных данных.

С начала действия франко-русской военной конвенции французский Генштаб был обеспокоен временем возможного сосредоточения русской армии на границе с Германией. Неудачная война России с Японией указала, помимо прочего, на необходимость модернизации русских железных дорог. Немалое беспокойство французских военных кругов вызывали также военные реформы, проводившиеся новым российским военным министром В.А. Сухомлиновым в 1909—1910 гг.

Судя по инструкциям, данным Жанену, наибольшее беспокойство французов вызывало изменение мест дислокации русской армии, а также схемы мобилизации и комплектования войск. При планировании возможного противостояния с Германией русское командование традиционно исходило из высоких темпов мобилизации и выхода германской армии к границе и сделало

³⁴ *Janin M. Aperçus sur la tactique... // La Revue d'infanterie. № 259. P. 25–26.* Позднее эта работа была издана отдельной книгой: *Lieutenant-colonel breveté Janin, de l'infanterie. Aperçus sur la tactique des armées russe et japonaise pendant la campagne de Mandchourie d'après les témoins oculaires (Extrait de la Revue d'Infanterie).* P., 1909.

³⁵ *Жанен [М.] Несколько эпизодов из действий японцев в Манчжурии. Извлечено из сочинения французской службы подполковника Жанена «Обзор тактических действий русской и японской армий во время войны 1904–1905 гг.», составленный по свидетельствам очевидцев.* СПб., 1911.

западные губернии страны местом дислокации большого количества войск. К 1910 г. в Киевском, Виленском и Варшавском военных округах располагались 16 из 31 корпуса, дислоцировавшихся в европейской части России (42,5% всего личного состава русской армии)³⁶.

В ходе проводимых в России военных реформ численность войск в западных военных округах страны была уменьшена. Наряду с разрушением крепостной системы часть корпусов армии перевели в губернии Европейской России, и их пополнение стало проходить быстрее. С учётом отставания в сроках мобилизационной готовности армии, русский Генштаб перенёс линию стратегического развёртывания войск с Привислинского театра восточнее, на линию Вильно—Белосток—Брест. Такое решение позволяло избежать поражения армии в начале войны в случае внезапного германского наступления. Введённое с 1(14) сентября 1910 г. мобилизационное расписание № 19 учреждало в Европейской России и на Кавказе корпусные, дивизионные и полковые районы пополнения войск. В результате резко сократились перевозки и ускорилось комплектование, многие части пополняли запасные, ранее проходившие в них службу³⁷.

Эти перемены были одной из главных причин отправки Жанена в Россию для сбора информации. Немалое значение имела и смена французского военного атташе в Санкт-Петербурге. С 1880 г., на протяжении 28 лет, на этом важном посту находился Мулен, который скончался осенью 1908 г. Прибывший в столицу России молодым капитаном, он, несмотря на отсутствие опыта командования полевыми войсками, получил производства в майоры, подполковники, полковники и, наконец, в генерал-майоры. Ему удалось установить хорошие отношения с командованием русской армии³⁸. О степени доверия к Мулену может свидетельствовать такой факт. Когда в 1901 г. будущему военному министру Российской империи генерал-лейтенанту А.Ф. Редигеру, в то время — начальнику Канцелярии Военного министерства, потребовалась рекомендация врача во Франции, именно Мулен дал ему контакты необходимого специалиста³⁹.

На посту военного атташе его сменил подполковник П.Э. Маттон (с осени 1909 г. — полковник), занимавший этот пост с декабря 1908 по июль 1912 г.⁴⁰ После смерти Мулена объём и качество получаемой из России информации неизбежно снизились⁴¹. Это вызывало тревогу французского Генерального штаба. Сам Сухомлинов в отношении Франции стремился соблюдать осторожность. В одном из писем он ясно сформулировал своё мнение: «Оценивая наше международное положение, правильнее будет остановиться на выводе, что в возможной будущей войне нам, прежде всего, надлежит рассчитывать только на свои силы»⁴². Позднее Сухомлинов вспоминал, что во время всех его личных встреч с французскими офицерами «проглядывала их боязнь нападе-

³⁶ Ростунов И.И. Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976. С. 47.

³⁷ Бей Е.В. Генерал В.А. Сухомлинов. Военный министр эпохи Великой войны. М., 2021. С. 143–144, 146–149.

³⁸ Luntinen P. Op. cit. P. 120.

³⁹ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. М., 1999. С. 326.

⁴⁰ Генерал В.А. Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы / Отв. ред. Е.Г. Мачикин. М., 2014. С. 535.

⁴¹ Luntinen P. Op. cit. P. 120.

⁴² Цит. по: Бей Е.В. Генерал В.А. Сухомлинов... С. 130.

ния Германии. Начальники французского Генерального штаба [О.] Дюбайль и [Ж.] Жоффри также высказывали эти опасения. В 1912 г., во время моего пребывания в Париже, Жоффри подчёркивал свои опасения, указывая на работу немцев по улучшению их железнодорожной сети и на устройство и укрепление военного лагеря в Эйфеле (на северо-западе Германии. — *Р.Г.*). Мы были одного мнения: немецкий план направлен к тому, чтобы сначала сразить Францию несколькими решительными ударами, а затем обрушиться на Россию»⁴³.

На выбор кандидатуры Жанена, очевидно, повлияли хорошее знание русского языка, знакомство с русской армией, опыт пребывания в России и участие в приёме русских делегаций во Франции. Согласно датированной сентябрём 1910 г. «Программе подполковника Жанена», в Петербурге он должен был установить, какая из причин привела к изменению военных планов России. Среди них: «1. Желание угодить немцам и продемонстрировать, что Россия была их врагом только теоретически. 2. Опасение австро-германской наступательной операции превосходящими силами до прибытия русских подкреплений из внутренней части страны. 3. Трудности в осуществлении мобилизации и сосредоточении войск из внутренней части страны в Польшу, что дополнительно осложнялось плохими и слишком длинными дорогами. 4. Намерение организовать призыв и мобилизацию на территориальной основе». Среди других задач — оценка времени готовности русской армии и ускорения мобилизации при увеличении расстояния, которое необходимо было проделать составам из внутренней части страны. Важно было также определить концентрацию сил прикрытия, сравнить их распределение на австрийской и германской границах и выяснить, возникли ли изменения в отношении России к Франции»⁴⁴.

Конец 1910 — первая половина 1911 г. ушли у Жанена на изучение военного потенциала русской армии. В составленном 9—13 мая рапорте он докладывал генералу Виньялю, что переброска войск с западной границы во внутреннюю часть государства была обусловлена революцией и крестьянскими выступлениями 1905—1906 гг. По мнению Жанена, вооружённые силы оказались необходимы в центральной части страны на случай, если забастовки рабочих перерастут в восстание. Он отмечал, что многим в России Германия нравилась больше, чем Франция. Распространялись невысокое мнение о боевых качествах французской армии и опасения, что антипатия по отношению к царизму могла повлиять на решимость Парижа поддерживать Россию. Именно поэтому концепцию размещения крупных сил вблизи западных границ российское военное командование считало устаревшей⁴⁵.

Жанен справедливо полагал, что планы по сосредоточению русской армии трудно реализовать. Сууществовавшая в России до военных реформ начала XX в. система мобилизации являлась довольно громоздкой. Все местности основных губерний Европейской России были разделены на 164 участка комплектования — по числу пехотных полков⁴⁶. Устав о воинской повинности 1874 г. делил территорию Европейской России на три группы участков комплектования: 1) великоросскую, с долей русского населения 75% (в том

⁴³ Воспоминания Сухомлинова. М.; Л., 1926. С. 162.

⁴⁴ *Luntinen P.* Op. cit. P. 128—129.

⁴⁵ *Ibid.* P. 128—129.

⁴⁶ *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М., 1973. С. 89.

числе — более половины великороссов); 2) малоросскую, с долей русского населения 75% (в том числе — более половины малороссов и белорусов); 3) инородческую — все остальные участки. Территориально они не были связаны с дислоцировавшимися частями, что приводило к большим затратам на перевозку призывников. Например, в 1907 г. только 12,5% новобранцев получили назначения в войска в военном округе, на территории которого они жили. Остальная часть — свыше 400 тыс. человек — отправлялись на службу в войска других округов⁴⁷.

На сроках проведения мобилизации сказывалось и чрезмерное сосредоточение войск вблизи западной границы. Так, мобилизационные перевозки в один только Варшавский округ составляли 82 тыс. человек, в Виленский — 40 тыс.⁴⁸ Последствия, по мнению Жанена, могли оказаться катастрофическими, особенно в том случае, если Германия в начале войны сконцентрировала бы главные силы против России. Он указывал, что российское командование приняло за основу самую неблагоприятную гипотезу о том, что поначалу России придётся сражаться против Германии в одиночку, либо поддержка Франции окажется не столь действенной. Жанен полагал, что Россия приняла «стратегию Петра I или 1812 года»⁴⁹, вероятно, подразумевая возможное отступление русской армии при начале войны вглубь страны.

Он также обращал внимание, что в начале 1910-х гг. у России было больше врагов, чем раньше. Япония получила плацдарм на Дальнем Востоке, что облегчало и ускоряло её возможное наступление. Китай, население которого увеличивалось, делал военные успехи и относился к России враждебно. Неблагоприятным оказалось и соседство Русского Туркестана с Персией и Турцией. Вплоть до Урала и берегов Волги проникали панисламистские идеи и турецкие эмиссары. Особенно опасной Жанен считал Османскую империю с её растущим военным потенциалом и большим немецким влиянием в Стамбуле. При этом оборона на кавказской границе и на Дальнем Востоке затруднялась малой пропускной способностью местных железных дорог, из-за чего Петербург обращал на них большее внимание, чем на западных границах.

К врагам России в Европе Жанен относил Румынию, а главное — Австро-Венгрию, глубоко ненавистную русским по историческим и религиозным причинам, а также ввиду её вхождения в состав Тройственного союза и аннексии Боснии и Герцеговины. Австро-Венгрия могла попытаться завоевать Польшу, используя поддержку «русских» поляков, а также претендовать на Украину. Польшу русский Генштаб предполагал использовать как щит для отражения возможного нападения с запада. Швеция представляла опасность из-за своего влияния на Финляндию. Жанен пришёл к выводу, что Россия не может позволить себе вести войну, особенно против Германии, с которой у неё к тому же нет серьёзных противоречий. При этом в Петербурге надеялись, что Берлин будет сдерживать Австро-Венгрию от воинственных шагов⁵⁰.

3 марта 1910 г. Жанен писал генералу Виньялю, что принятая в том же году территориальная система значительно ускорила мобилизацию русской армии. Резервистам теперь не требовалось ехать так далеко, как раньше⁵¹. Вместе

⁴⁷ Ростунов И.И. Указ. соч. С. 46.

⁴⁸ Там же. С. 47.

⁴⁹ Luntinen P. Op. cit. P. 129.

⁵⁰ Ibid. P. 129–131.

⁵¹ Ibid. P. 131.

с тем в полной мере территориальной эту систему назвать нельзя. Бывший военный министр А.Ф. Редигер в 1913 г. писал: «Наша система распределения новобранцев является не территориальной, а смешанной, хотя некоторая условная территориальность всё же соблюдается в отношении назначения новобранцев в части, квартирующие в русских губерниях, а в остальном соблюдается по возможности постоянство в выборе районов, высылающих комплектования в одни и те же части. Но и такое комплектование соблюдается главным образом из постоянных участков только для армейской пехоты и пешей артиллерии. Гвардия, гренадёры, стрелки, кавалерия, конная артиллерия и инженерные войска получают новобранцев из нескольких участков по расписанию Главного штаба»⁵².

Несмотря на достигнутые Россией успехи в сроках мобилизации, Жанен считал их по-прежнему медленными в сравнении с германской или французской армиями, не видя никакой возможности ускорения. Самый важный и эффективный способ заключался в совершенствовании сети железных дорог, так как переброска нескольких армейских корпусов на запад производилась по одной линии. Трудности могла вызвать и высокая доля в районах переброски евреев и поляков, «к которым русские испытывают крайнее отвращение»⁵³. Значимой проблемой оставалась оборона Петербурга. Швеция могла быть опасной как авангард для нападения Тройственного союза на столицу России и готовилась к вторжению в Финляндию. Финны рассчитывали на то, что внутренние или внешние трудности России можно будет использовать для восстановления своей полной автономии. По замечанию Жанена, пресса великого княжества не скрывала этой цели: «Мне несколько раз говорили, что это абсолютный факт». В написанном 28–31 марта 1911 г. рапорте он, ссылаясь на своих информаторов, подчёркивал, что Петербург нуждается в гарнизоне в военное время, так как в нём находятся правительство, резиденция Николая II и его семьи. В столице мог оставаться Гвардейский корпус, тесно связанный с императором.

Существовала и угроза высадки немецкого десанта, поскольку столица располагалась на побережье, а флота для защиты не было. «Попытка высадки на российское побережье со стороны немцев может показаться нам очень маловероятной, — писал Жанен, — но из этого не следует, что русские рассматривают ситуацию в таком же свете». Он обращал внимание, что сценарии высадки немцев предметно рассматривались в Академии Генерального штаба. Даже небольшое покушение на прибрежные города произвело бы серьёзный моральный эффект и это диктовало меры предосторожности для обороны побережья⁵⁴.

В своей «Записке», составленной в июне 1911 г., Жанен подсчитал силы русской армии (см. табл.). Сведения, подготовленные Жаненом для французского Генштаба, были точны и уже учитывали проведённую в русской армии реорганизацию. Расформирование крепостных и резервных войск позволило Военному министерству создать 7 новых полевых дивизий и одну стрелковую бригаду, а также довести все имевшиеся стрелковые бригады до восьмибатальонного состава. В результате, вместо 63 полевых дивизий и 18 стрелковых бригад, в общей сложности включавших в себя 1 110 батальонов, появилось

⁵² Комплектование и устройство вооружённой силы / Сост. А. Редигер. СПб., 1913. С. 180.

⁵³ *Luntinen P.* Op. cit. P. 131.

⁵⁴ *Ibid.* P. 131–132.

70 дивизий и 17 стрелковых бригад – всего 1 252 батальона. Полевая пехота увеличилась в своём составе на 13%. Рост численности полевых войск, а также необходимость их более равномерного распределения привели к формированию 6 новых корпусов. Их общее число достигло 37 (в Европейской России – 27, на Кавказе – 3, в Туркестане – 2, в районе Западной и Восточной Сибири – 5)⁵⁵.

Таблица

Силы русской армии в 1911 г.

Регулярная армия	В Европе	Гвардейский корпус
		Гренадёрский корпус
		1–22 армейские корпуса
	на Кавказе	1–3 корпуса
	в Туркестане	1–2 корпуса
	в Сибири	1–5 корпусов
	Всего	37,5 корпусов
	Доступно в Европе	28,5 корпусов (включая 3 Кавказских корпуса)
Резервные войска	Пехота	35 дивизий
	Кавалерия	9 дивизий
Войска ополчения	Первая очередь	20 дивизий
	Вторая очередь	20 дивизий

Составлено по: *Luntinen P.* Op. cit. P. 133–134.

В докладе «О значении русского сотрудничества», составленном в декабре 1911 г., а также в извещении 2-го бюро Генштаба, подполковник Жанен попытался оценить значение сил восточного союзника в вероятной войне с Германией. По его оценке, русские войска в мирное время в Виленском и Варшавском округах насчитывали 260 тыс. человек. Согласно подсчётам на основе официальных источников, общая численность русских войск в этих округах составляла: на январь 1911 г. – порядка 338 тыс. (без нестроевых – 316 тыс.), на апрель 1912 г. – 331 тыс. (без нестроевых – 309 тыс.)⁵⁶. Жанен писал, что на 23-й день войны 700 тыс. человек будут сосредоточены на 350 километрах Неманско-Вислинской границы, а их наступление может начаться на 28-й день. Он заключал, что действия России не оказали бы серьёзного влияния на немцев до 30-го дня. Германии необходимо было держать на границе с Россией только 3–5 корпусов и 10–15 резервных дивизий⁵⁷.

Развитие событий показало, что оценка Жаненом сил Германии на Восточном фронте в начале Первой мировой войны оказалась в целом верной. В со-

⁵⁵ *Ростунов И.И.* Указ. соч. С. 55.

⁵⁶ *Безугольный А.Ю., Ковалевский Н.Ф., Ковалёв В.Е.* История военно-окружной системы в России, 1862–1918. М., 2012. С. 441–442.

⁵⁷ *Luntinen P.* Op. cit. P. 133–134.

став 8-й немецкой армии в августе 1914 г. входило 14,5 пехотных и 18 кавалерийских полков⁵⁸. При этом он преувеличивал мобилизационные возможности русской армии. Согласно документу «Время сосредоточения армий по плану “А” в днях мобилизации», к 23-му дню на фронте против Германии Россия рассчитывала сосредоточить 480 батальонов и 303 эскадрона⁵⁹, что составляло около 444 тыс. К указанному Жаненом 23-му дню на германском фронте должно было сосредоточиться свыше 75% всей пехоты и кавалерии. В 1-й армии эти сроки составляли 20 и 10 дней соответственно, во 2-й армий — 20 и 15 дней⁶⁰.

По полученной Жаненом информации, корпуса русской армии располагались гораздо западнее, чем в предыдущем плане мобилизации. Французский Генштаб не видел этого документа, располагая только слухами. Вероятно, к концу своего пребывания в России Жанену удалось получить предварительные сведения о готовящемся плане 1912 г. В декабре 1911 г. он писал, очевидно, подразумевая первый этап мобилизации и развёртывания русских сил, что для прикрытия германской границы в начале войны отводилось 8 пехотных и 7 кавалерийских дивизий. Ещё 7 пехотных и 5 кавалерийских дивизий должны были прикрывать границу с Австро-Венгрией. Указанные части могли быть мобилизованы на 8-й день. В таком виде русский мобилизационный план с французской точки зрения представлялся более удовлетворительным⁶¹.

Укрепление русской армии и повышение её боеспособности действительно позволили русскому командованию планировать более активные боевые действия. А.М. Зайончковский писал, что Генеральный штаб в корне изменил основную идею развёртывания 1910 г.⁶² В мобилизационном плане 1912 г. район сосредоточения русских войск был вновь перенесён к западным границам, о чём Жанен докладывал во французский Генштаб. Утверждённый 25 сентября (8 октября) 1913 г. Николаем II новый план стратегического развёртывания имел два варианта. План «А» предполагал «переход в наступление против вооружённых сил Германии и Австро-Венгрии с целью перенесения войны в их пределы». План «Г» ставил целью «переход в наступление против германских войск, угрожающих нам со стороны Восточной Пруссии»⁶³.

Историки А.Ю. Павлов и Ф. Гельтон отмечают, что стажировку Жанена в России в 1910–1911 гг. его начальство оценивало весьма высоко, а заслуги его самого были «исключительными». Доклады Жанена, представлявшие «большую ценность», значительно расширили и дополнили имевшуюся в распоряжении французского военного руководства информацию⁶⁴. Его подробное знакомство с русской армией происходило в период реформирования, и многие казавшиеся незыблемыми представления о ней менялись. Ещё большее значение для Жанена имели многочисленные знакомства с русскими офицерами, которые он завёл за время пребывания в академии Генштаба. Многие

⁵⁸ *Айранетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1914. Начало. М., 2014. С. 154.

⁵⁹ *Зайончковский А.М.* Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов. М., 1926. С. 398–399.

⁶⁰ Там же. С. 266.

⁶¹ *Luntinen P.* Op. cit. P. 134–135.

⁶² *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 237, 256, 314.

⁶³ *Шацко К.Ф.* Россия перед Первой мировой войной (Вооружённые силы царизма в 1905–1914 гг.). М., 1974; С. 87; *Ростунов И.И.* Указ. соч. С. 92–95.

⁶⁴ *Павлов А.Ю., Гельтон Ф.* В кабинетах и окопах... С. 67.

из тех, с кем он дружил в 1910–1911 гг., в ходе мировой войны заняли ведущие роли. В круг общения Жанена входили генерал-майор П.И. Аверьянов (в 1914–1917 гг. — генерал-лейтенант, начальник мобилизационного отдела Главного управления, затем начальник Генштаба), контр-адмирал А.И. Русин (в 1914–1917 гг. — вице-адмирал, начальник морского Генерального штаба), генерал от инфантерии А.А. Поливанов (в 1915–1916 гг. — военный министр) и многие другие.

Оценка Жаненом внутренней ситуации в России отражает произошедшие по окончании войны с Японией перемены, хотя и не обошлась без неточностей, преувеличений и частого подчёркивания собственной прозорливости. В мемуарах он писал: «Побывав в России в 1910–1911 гг., я имел возможность познакомиться с внутренней обстановкой страны, узнать об ожесточённой ненависти части нации к правительству и полному равнодушию к нему другой её части. Эта ситуация внушила мне глубокое беспокойство. Обдумывая её и сведения 1911–1912 гг., говорящие о стоворе между русскими революционными партиями и немецким Генштабом, я в 1913 г. отправил генералу [Н. де] Капельно в Генштаб донесение, сообщая, что, если Россия вступит в войну, дело кончится для неё революцией, и я не уверен, что в такой обстановке возможна мобилизация. Когда война началась, я был приятно удивлён, что мои предсказания оказались чересчур мрачными. Но я не отменял их для будущего»⁶⁵.

По завершении миссии в России Жанен в 1912 г. был произведён в полковники и назначен командиром 66-го пехотного полка, встретив в этой должности Первую мировую войну⁶⁶. Французское военное руководство оценивало его как чрезвычайно перспективного офицера⁶⁷, что, впрочем, не сказалось на его карьере в первые полгода войны. Ко времени выступления на фронт Жанен не имел какого-либо боевого опыта, если не считать служебных травм. 4 июня 1901 г. он упал с лошади, а 2 февраля 1910 г., «отправляясь в Мон-Дофен, чтобы председательствовать в комиссии по экзаменации курсантов-капралов... выходя из поезда на вокзале Мон-Дофен, поскользнулся на обледеневшей ступеньке и сильно ударился правым плечом»⁶⁸.

4 октября 1914 г. Жанен был назначен командиром 32-го пехотного полка⁶⁹. До его назначения в полку поочерёдно выбыли из строя несколько командиров. С 22 октября Жанен временно командовал 35-й бригадой 18-й пехотной дивизии. В сентябре 1914 г. он участвовал в Марнском сражении и битве на Эне, в октябре–ноябре — в первой битве на Ипре (Фландрском сражении). В последующем представлении к награждению Военным крестом упоминается, что Жанен блестяще командовал своей бригадой на Марне и Изере, но без каких-либо дополнительных пояснений⁷⁰.

Резкий поворот в его служебной карьере произошёл весной 1915 г. 20 апреля Жанен получил производство в бригадные генералы и направление в резиденцию главнокомандующего французскими войсками Ж. Жоффра⁷¹. 5 августа

⁶⁵ *Janin M.* En mission dans la Russie en guerre, 1916–1917... P. 35. Упомянутый Жаненом документ на имя Капельно пока остаётся неизвестным.

⁶⁶ SHD. GR 9Yd 747. 4 octobre 1924; *Noulens R.* Op. cit. P. 268.

⁶⁷ *Павлов А.Ю., Гельтон Ф.* В кабинетах и окопах... С. 67.

⁶⁸ SHD. GR 9Yd 747. 4 octobre 1924.

⁶⁹ *Ibid.*; *Noulens R.* Op. cit. P. 268.

⁷⁰ SHD. GR 9Yd 747. 4 octobre 1924; *Grey M., Bordier J.* Les Armées Blanches. P., 1968. P. 200–201.

⁷¹ SHD. GR 9Yd 747. 4 octobre 1924; *Noulens R.* Op. cit. P. 268.

он был назначен помощником заместителя, а с 11 декабря — заместителем начальника штаба главнокомандующего, отвечавшего за операции на французском (Северо-Восточном) фронте⁷². На этом посту Жанен находился до 19 апреля 1916 г. и своего отъезда в длительную командировку в Россию. 28 октября 1915 г. за боевые отличия он был награждён орденом Почётного легиона 4-й степени⁷³. В целом, произошедшие в декабре 1915 г. перемены в штаб-квартире французской армии значительно повысили его статус.

Когда в начале 1916 г. возникла необходимость смены главы французской военной миссии при русской Ставке, кандидатура Жанена сразу стала основной. По определению британского историка П. Флеминга, он был для французской армии «примерно тем же, что Нокс (британский военный атташе в России и глава британской военной миссии. — *Р.Г.*) — для британской, то есть главным знатоком России»⁷⁴. Он обладал «редким набором качеств, делавшим его наилучшим кандидатом для отправки в Россию». Жанен «знал русскую армию и русский язык, имел опыт командования на фронте, штабной и разведывательной работы, был в курсе стратегических планов французского командования. Неудивительно, что именно на него была возложена нелёгкая миссия по преодолению возникших в системе французского военного представительства в России серьёзных проблем»⁷⁵. В пользу Жанена говорило и его личное знакомство с императором Николаем II. В конечном счёте именно на Жанена была возложена задача по нормализации отношений между французской миссией при Ставке и российскими политическими и военными кругами⁷⁶.

⁷² SHD. GR 9Yd 747. 4 octobre 1924; *Janin M.* En mission dans la Russie en guerre, 1916–1917... P. 25; *Joffre J.* Memoires du marechal Joffre (1910–1917). Vol. 2. P., 1932. P. 284; *Noulens R.* Op. cit. P. 25, 268.

⁷³ SHD. GR 9Yd 747. 4 octobre 1924.

⁷⁴ *Флеминг П.* Судьба адмирала Колчака, 1917–1920. М., 2006. С. 66.

⁷⁵ *Павлов А.Ю., Гельтон Ф.* В кабинетах и окопах... С. 67.

⁷⁶ *Kováč D.* Deux hommes dans la Grande Guerre Maurice Janin et Milan Rastislav Stefanik // *Guerres mondiales et conflits contemporains.* 1993. № 169. P. 52.

Первая мировая война: геополитика и массы

Владимир Булдаков

First World War: geopolitics and the masses

Vladimir Buldakov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S0869568722030074, EDN: FWTISL

Первая мировая война поставила перед европейской общественной мыслью задачу непривычной трудности. Решение осложнялось инерцией ценностных установок. Требовалось либо признать войну случайным отклонением от столбовой дороги прогресса, либо попытаться найти принципиально новое, нравственно приемлемое объяснение закономерности её возникновения. В пользу первого подхода говорил привычный образ мысли (к тому же потрясённый пережитой катастрофой), ко второму заключению человечество попросту не было готово. Трудно было согласиться, что несколько столетий весь «прогрессивный» мир мыслил «неверно», что его материальные достижения покоились на шатком фундаменте, а его лидеры могли стать заложниками стихийных человеческих страстей. Человеческий ум обычно впечатляется событиями, а не историей; формой, а не содержанием, предпочитая заведомо упрощённые представления о прошлом.

Современные исследователи соглашаются, что Первая мировая война всё ещё не осмыслена европейской цивилизацией. Ей «не повезло» с историографией: победители не были заинтересованы ни в анализе своих ошибок, ни в расследовании истоков войны, побеждённые болезненно нуждались в самооправдании, а многие авторы (и не только советские) застряли в тисках пресловутого «классово-формационного» подхода (или его вульгарно-детерминистского подобия). Над всем этим господствовали «благородные» эмоции и политические пристрастия. Со временем на Первую мировую войну пришлось взглянуть сквозь призму событий и итогов Второй — ещё более разрушительной — мировой войны. Чем сложнее событие, тем сильнее соблазн примитивизации его истоков. Отсюда непреходящее недоумение перед «катастрофой», периодически пронизываемое легковесными «открытиями».

Решение проблемы следовало искать в иной — культурно-антропологической — плоскости, не игнорируя область бессознательного. Между тем европейский интеллектуализм всё ещё тяготеет к тому, чтобы считать наиболее действенным фактором жизни и истории *сознательное* начало. В объяснении причин мировой войны исследователи по-прежнему следуют логике поверхностных причинно-следственных зависимостей. В результате доминирующие представления о войне (а вслед за тем и о революции) по-прежнему отмечены методологическими слабостями позапрошлого века. При этом сказываются ментальные предпочтения «своего» времени. Историческое событие и его историографические отражения хронологически разделены, однако люди воспри-

нимают их как нечто целостное в доступной им системе координат. Собственно история слишком основательно сопряжена с мифом – отсюда все прошлые и нынешние мнемонические заблуждения.

Считается, что определяющим фактором, приведшим к Первой мировой войне, стало *экономическое и военно-экономическое* соперничество двух европейских группировок – австро-германского блока, оформленного ещё в 1882 г., с франко-британским соглашением, заключённым в 1904 г. и более известным как «сердечное согласие» (*Entente Cordiale* – Антанта)¹. Такова хрестоматийная «истина», продиктованная ментальностью XIX в. Особо отмечается маринистский фактор: борьба за колонии (источник ресурсов) требовала контроля над путями сообщения. Так или иначе, люди верят, что заряженное ружьё рано или поздно выстрелит. Но кто его зарядил? И кто, когда, где и почему нажмёт на спуск, если учитывать, что это всегда рискованно даже для победителей? Войны всегда обходились дорого, а потому существовала опасность, что даже военный успех чреват опустошением казны, что, в свою очередь, приводит к народному недовольству.

Трудно поверить, что в начале XX в. европейские правители не догадывались об этом. «Не нужно было быть Бисмарком для того чтобы предотвратить эту глупейшую из всех войн»², – отмечал германский предприниматель А. Баллин, близкий к кайзеру и по иронии судьбы составивший себе капитал, обеспечивая миграционные связи между будущими непримиримыми врагами. Что же толкало людей в абсурднейшую по своим всеобщим, ближайшим и долгосрочным последствиям войну?³ Как они оправдывались и какие объяснения придумывали? И могли ли они понять, что сделало европейский мир безрассудным, заставив его совершить «прыжок в темноту»?⁴ Историографическое недоумение сквозит даже в названиях многочисленных научных исследований, где упорно фигурируют такие метафоры, как катастрофа, Апокалипсис, Армагеддон⁵.

А между тем возможные причины назревавшей войны были обговорены ещё до её начала. Так, лидер российских либералов П.Н. Милюков, активный деятель петербургского Общества мира и позднее известный как воинственный «империалист», доказывал, что «высоко развитая военная индустрия сама становится пружиной, автоматически действующей в сторону войны». Он не забывал напомнить давнее высказывание О. Мирабо о том, что «война есть национальная промышленность Пруссии», а в нынешнее время «на арену международного состязания явилось новое государство, заражённое военным духом

¹ Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014. С. 38.

² Это высказывание стало эпиграфом к книге известного журналиста Э. Людвиг. См.: *Людвиг Э.* Июль 1914. Рига, 1929.

³ *Foerster S.* Im Reich des Absurden. Die Ursachen des Ersten Weltkrieges // Die Kriege entstehen. Zum historischen Hintergrund von Staatenkonflikten / Hrsg. B. Wegner. Paderborn, 2000. S. 211–250.

⁴ *The Origins of World War I* / Ed. by R.F. Hamilton and H. Herwig. Cambridge, 2003.

⁵ См.: *Lincoln W.B.* Passage through Armageddon: The Russians in War and Revolution, 1914–1918. Oxford, 1986; *Facing Armageddon: The First World War Experienced* / Ed. by H. Cecil, P. Liddle. L., 1996; *Mommsen W.* Die Urkatastrophe Deutschlands. Die Erste Weltkrieg 1914–1918. Stuttgart, 2002; *Stevenson D.* Cataclysm. The First World War as Political Tragedy. N.Y., 2004; *Hastings M.* Catastrophe 1914: Europe Goes to War. L., 2013; *Sanborn J.* Imperial Apocalypse: The Great War and the Destruction of the Russian Empire. Oxford, 2014.

в самой острой форме»⁶. Милуков был прав лишь отчасти, дело не в «агрессивности» одних и не в «миролюбии» других стран — изменилось само европейское социокультурное пространство, формировавшее качественно иные предпосылки возникновения войн. Беда идеологов и политиков старого склада состояла в том, что они не замечали перспективы «столкновения культур»⁷, связанного не только с процессами глобализации, но и внутринационального раскола⁸.

Хрупкость существующего мира ощущали многие. Ещё в XIX в. стали распространяться общества и ассоциации, призывавшие объявить войны вне закона и заменить их альтернативными инструментами в виде международного арбитража. Известные богачи, такие как Э. Карнеги и А. Нобель, жертвовали огромные суммы на развитие международного диалога⁹. Но эти инициативы не могли сдерживать совсем иных, менее заметных, но куда более опасных тенденций. Г. Уэллс ещё в 1903 г. отмечал, что прогресс техники и рост народонаселения приведут не только к интенсивной вертикальной мобильности, но и к появлению «свободных радикалов» внутри среднего класса: «Эта пёстрая масса пытается то пристать к имущим, то к самостоятельным людям, то теряет почву под ногами и идёт ко дну». Вместе с тем он указывал на «словно на дрожжах выросшие хаотические силы», способные вызвать «крупный переворот, который исковеркает все человеческие построения»¹⁰. Действительно, демографический бум стимулировал урбанизацию. Она в свою очередь увеличивала слой лиц наёмного труда, которым в условиях индустриального прогресса стало тесно в рамках своего зависимого состояния. Шанс на тотальное преобразование статуса последнего давала именно мировая война.

Социалисты пытались направить общественные настроения в нужное русло, придав им заряд революционной бодрости. В 1911 г. ведущий теоретик II Интернационала К. Каутский в статье, символично названной «Война и мир», предсказывал, что вслед за европейской войной последует международная социальная революция. Даже если она поначалу ограничится пределами одного государства, то «при современных условиях такое положение не может продлиться долго». Она неизбежно перебросится и на другие страны, «возникнут Соединённые Штаты Европы, а затем и Соединённые Штаты всего цивилизованного мира»¹¹. И в наше время возникает желание увидеть в войне не только всеобщую катастрофу, но и катализатор прогресса¹². Шок от мировой

⁶ Милуков П.Н. Вооружённый мир и ограничение вооружений. М., 2003. С. 13, 19, 37.

⁷ См.: *Guerres et Cultures 1914–1918*. P., 1994; *The First World War as a Clash of Cultures* / Ed. by F. Bridgham. Rochester; N.Y., 2006.

⁸ К 100-летию с начала войны, по мнению исследователей, доминировали три концепта, характеризующих войну: «катастрофа, породившая столетие», «европейская гражданская война», «человеческая бойня» (*Нагорная О.С., Нарский И.В.* Проигранная война, поиск виновников и тень нацизма: Первая мировая война в немецкой историографии // *Российская история*. 2014. № 5. С. 14–15). Представляется, что для понимания экзистенциальной сущности войны данных «концептов» (на деле — смешения формально-описательных и эмоционально-метафорических дискурсов) недостаточно.

⁹ *Макмиллан М.* Война, которая покончила с миром. Кто и почему развязал Первую мировую. М., 2016. С. 21.

¹⁰ Уэллс Г. Предсказания о судьбах, ожидающих человечество в XX столетии. СПб., 1903. С. 61–62, 104, 109.

¹¹ Цит. по: *Тютюкин С.В.* Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 303.

¹² *Reinmann A.* Der Erste Weltkrieg – Urkatastrophe Katalisator? // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. Bd. 29–30. 2004. S. 30–38.

войны настолько основательно впитался в память поколений¹³, что историки готовы следовать за эмоциями столетней давности.

Приближение «роковой» ситуации ощущали по-разному. В сентябре 1912 г. австрийская газета «Нойе Фрейе Прессе» писала: «При существующем положении вещей никем из великих народов не желаемая общеевропейская война, беспримерная по своим размерам... чреватая неисчислимыми последствиями, может возникнуть по воле и капризу ничтожной горсти людей, по знаку, поданному из какого-нибудь маленького центра, вроде столицы балканских государств»¹⁴. Весьма пронизательно высказался и Ж. Жорес: «Самая большая опасность в настоящую минуту кроется... даже не в *реальных* намерениях государственных канцелярий, как бы преступны ни были эти намерения, и даже не в *реальной* воле народов. Опасность — в растущем возбуждении, в распространяющейся тревоге, в безотчётных поступках, подсказанных страхом, мучительной неуверенностью, длительным смятением. Панике поддаётся не только толпа, против неё не застрахованы и правительства»¹⁵. Австрийский писатель К. фон Ланг писал в начале 1914 г.: «Что-то надвигается, но когда оно начнётся, предсказать невозможно. Быть может, нас ждут ещё несколько мирных лет, однако с такой же вероятностью гром может грянуть уже сегодня»¹⁶.

Обнаружилось, что даже люди творчества на Западе и в России подходили к причинам войны с разных сторон. Австрийский писатель С. Цвейг видел её причины в национальном эгоизме: «Каждая страна вдруг пожелала стать могущественной, забывая, что другие хотят того же; каждому хотелось пожить ещё чем-нибудь за чужой счёт», рассчитывая, что «в последнюю минуту противник всё же струсит»¹⁷. Такой взгляд отражал влияние политики и политиков. Напротив, русский писатель и поэт Ф. Сологуб утверждал: «Мировая катастрофа... началась не 19 июля 1914-го года, а гораздо раньше. Война только выявила накопившуюся мировую энергию, только освободила глухо хлопотавшие подземные силы»¹⁸. Известный публицист Г. Ландау добавлял: «Месяцами народы Запада воспитываются в глубочайшей ненависти», ложные взаимные представления народов становятся их «правдой»¹⁹. В результате правители, страны, народы продолжали жить на грани катастрофы, стараясь не замечать признаков её приближения и не задумываясь над её последствиями. «Немцы, французы, англичане и австрийцы, русские и бельгийцы — все подпадали под власть психоза разрушения, предтечами которого были убийства, самоубийства и оргии предшествовавшего года, — писал вел. кн. Александр Михайлович. — В августе 1914 года это массовое помешательство достигло кульминационной точки»²⁰.

Считается, что наиболее точное обоснование опасности для России от столкновения с Германией высказал накануне войны лидер группы правых

¹³ Winter J.M. Remembering War: the Great War between Memory and History in the Twentieth Century. New Haven, 2006.

¹⁴ Цит. по: Вишняков Я.В., Тимофеев А.Ю., Милорадович Г. На дальних рубежах. Россия и Сербия в годы Первой мировой войны. 1914–1917. М., 2018. С. 161.

¹⁵ Жорес Ж. Против войны и колониальной политики. М., 1961. С. 235.

¹⁶ Цит. по: Хейстингс М. Первая мировая война: Катастрофа 1914 года. М., 2020. С. 33.

¹⁷ Цвейг С. Вчерашний мир. Воспоминания европейца. М., 2004. С. 160.

¹⁸ Клейнборт Л.М. Встречи. Фёдор Сологуб // Русская литература. 2003. № 2. С. 119.

¹⁹ Ландау Г.А. Сумерки Европы. М., 2022. С. 23.

²⁰ Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания в двух книгах. М., 2017. С. 246.

Государственного совета германофил П.Н. Дурново. В представленной в феврале 1914 г. Николаю II специальной «Записке»²¹ он предупреждал, что главная опасность — ввязаться в противоборство с Германией на стороне Англии, которая всегда решала свои задачи чужими руками. Поскольку основная тяжесть европейской борьбы ляжет на Россию, возникнет ситуация, известная по русско-японской войне: активизируется оппозиция, провоцирующая революционную стихию. В результате, писал Дурново, «Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддаётся даже предвидению»²². Нечто подобное отмечал и П.А. Столыпин в июле 1911 г.: война будет губительна для России и династии²³. Бывший премьер С.Ю. Витте считал, что «нынешняя война — это единоборство Великобритании и Германии за мировую гегемонию», «остальным державам суждено сыграть роли статистов в этой схватке»²⁴. По некоторым данным, в 1912–1913 гг. руководство полиции и жандармерии пришло к заключению: революция в виде массового вооружённого восстания неизбежна и состоится в ближайшие годы. Она может произойти при активном участии и поддержке войск — не только нижних чинов, но и офицерского состава, по типу революций в Турции (1909) и Португалии (1910)²⁵. Однако для известного экономиста и предпринимателя П.П. Мигулина растущая экономическая мощь была гарантией от всех бед: он не допускал даже возможности экономического кризиса, а алармистские заявления Витте считал «смехотворными»²⁶.

Между тем перспективы «большой» войны для России определялись не абстрактными «темпами роста» её экономики, а органичностью её внутреннего развития, с одной стороны, и характером её взаимосвязи с мировым хозяйственным целым — с другой. В этом смысле дисбаланс между сырьевым и индустриальными секторами экономики, между соотношением экспорта и импорта, между «недорыночной» финансовой системой и низкими доходами населения должен был вызывать скорее тревогу, нежели оптимизм. Тем не менее некоторые авторы тешили национальное самолюбие тем, что западные страны не смогут жить «без нашей твёрдой пшеницы». К этому добавлялись не только железная и марганцевая руда, но и отруби, жмыхи, конский волос и щетина и даже «коконы, меха невыделанные, кожи невыделанные»²⁷.

Как бы то ни было, и Витте, и Столыпин, и Дурново исходили из революционных последствий русско-японской войны, неудачи которой возбудили общественное негодование. По тому же шаблону мыслил и действовал революционный авантюрист Парвус (А. Гельфанд). Считая себя истинным социал-демократом, он полагал, что революционное поражение царизма следу-

²¹ Некоторые исследователи сомневаются в подлинности этого документа (*Олейников Д.И.* Пророчество: вперёд или назад? // Василий Фёдорович Антонов. Памяти учителя. М., 2015. С. 215–231).

²² *Дурново П.Н.* Записка // Красная новь. 1922. № 6(10). С. 187, 188, 196.

²³ *Столыпин П.А.* Переписка. М., 2004. С. 425.

²⁴ *Барк П.Л.* Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914–1917. В 2 т. Т. 1. М., 2017. С. 274, 275.

²⁵ *Хутарев-Гарнишевский В.В.* Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. М., 2020. С. 557–558. Как видно, российские охранители руководствовались «прецедентным мышлением», совершенно не понимая природы российской революционности.

²⁶ Новый экономист. 1914. 17 мая.

²⁷ *Ланговой Н.П.* Во имя чего мы сражаемся? Пг., 1915. С. 14–15.

ет подтолкнуть с помощью Германии, которой надлежит использовать для этого всевозможных пацифистов, максималистов и сепаратистов. План оказался одной из химер воспалённого воображения тех лет, что не мешает различного рода конспирологам воспринимать его всерьёз. Разумеется, враждующие правительства не прочь были заплатить за разрушение тыла противника, однако из этого ничего серьёзного не могло получиться. Тем не менее привычное соотношение войны, революции и освободительного движения спуталось. Геополитический баланс сил, а равно и сама сложившаяся «мир-система» стала в куда большей степени зависеть от «факторов непредсказуемости» вроде Балканских войн.

В мае 1914 г. в парижском кафе известный искусствовед барон Н.Н. Врангель (брат известного генерала) в разговоре с другим деятелем культуры гр. В.П. Зубовым заявил: «Мы стоим перед событиями, подобных которым свет не видал со времён переселения народов. Культура, пришедшая как наша в футуризме к самоотрицанию... подходит к концу. Скоро всё, чем мы живём, покажется миру ненужным, наступит период варварства». Поначалу Зубов счёл слова Врангеля парадоксом: «в мире царило спокойствие»²⁸. Но, возможно, тот был способен улавливать то, что не дано другим — «затишье перед бурей».

Чем больше люди страшились войны, тем основательней готовились к ней. Российский «Вестник Европы» вопрошал: «Куда ведут Европу правительства и парламенты? Никто этого не знает; все ссылаются на какие-то неведомые таинственные опасности, которые могут обрушиться на народы... Ни французы, ни немцы не хотят воевать... Едва ли правильно поступают парламенты, поддающиеся гипнозу запугивающих военных тайн и пассивно принимающие разорительные законопроекты»²⁹. С тех пор убедительное представление о причинах войны всё ещё отсутствует. Стараются найти «виновников», что совсем не ново.

Уже в первой декаде августа 1914 г. правительства основных европейских держав поспешили с публикацией самооправдательных документов. И германская «Белая книга», и британская «Синяя книга», и французская «Жёлтая книга», и российская «Оранжевая книга» были призваны убедить, что война их странам была навязана извне. В «Белой книге» даже утверждалось, что Россия сначала объявила мобилизацию, а затем, не дожидаясь объявления войны со стороны Германии, перешла границу. В других книгах также не обошлось без передёргивания фактов³⁰. В общем, в развязывании войны оказывались виноваты «чужие» правительства, а «свои» отвечали сугубо оборонительными мерами. Так свои действия аргументировали политики, опиравшиеся на дипломатов старой школы. Подобный подход, взятый на вооружение историками, мог лишь увести в сторону от понимания проблем войны и мира в новую эпоху.

На деле ситуация в мире качественно изменилась. В XX в. к роковой черте правителей стали подталкивать сами *массы*, точнее та социально неудовлетворённая их часть, которая связывала (и не только символически) победу над внешним врагом с разрешением своих внутренних проблем. Но это начали понимать уже после того, как исправить положение оказалось невоз-

²⁸ Зубов В.П. Страдные годы России. М., 2004. С. 41.

²⁹ Вестник Европы. 1914. № 7. С. 414.

³⁰ Людвиг Э. Указ. соч. С. 201–206.

можно. «Неизбежной эта война стала только в тот момент, когда она была признана неизбежной. Когда повод неясен, а цели туманны, нужна та энергия, которая наполнит собой смачные, аппетитные слова», — писали немногие «прозревшие»³¹.

Существовало ещё одно основание для тотальных заблуждений. С незапамятных времён принято считать, что деньги — это кровь войны. В век «финансового капитала» такое представление породило подозрение: именно капитал развязал войну и именно его ожидает крах. Под видом марксистского «прозрения» проблема оказалась мистифицирована.

Во всех странах воинственным радикалам стали по-своему, обычно невольно, подыгрывать социалисты. Возникла общеевропейская ситуация, когда идеологизированные массы превратились в «государственный двигатель»³². Позднее это было названо «восстанием масс» (Х. Ортега-и-Гассет). В.И. Ленин не случайно заговорил сперва о «революционном оборончестве», а затем о «революционном шовинизме». Подобные эмоции (никак не вписывающиеся в ортодоксально-марксистские представления) действительно сопровождали весь ход войны.

Произошло смешение всех устоявшихся понятий «просвещённого» XIX в. Кое-кто по-своему оценил открывшиеся перспективы. В. Серж, радикальный социалист, утверждал, что для него война «предвещала другую, очистительную бурю, которая отныне становилась неизбежной, — русскую революцию». Он уверял, что «революционеры прекрасно знали, что самодержавная империя со всеми своими вешателями, погромами, безвкусной роскошью галунов, голодом, сибирской каторгой, застарелым беззаконием не имела шансов пережить войну»³³. Впрочем, столь однозначные представления обычно появляются задним числом. Между тем в ноябре 1916 г. военный радиотелеграфист и будущий советский академик С.И. Вавилов считал, что «война [это] непонятная, сокрушительная и божественная революция, которая мир перевернёт»³⁴.

Вглядеться в глубинные причины невиданной «перетряски» мира мешал позитивистско-рационалистический образ мысли. «Наука запрещает себе вступать в ту область, которую она называет непознаваемой», — не без оснований заявлял Г. Лебон ещё перед войной³⁵. Он и сам был позитивистом, утверждая, что наука и вера, разум и чувство принадлежат областям, независимым друг от друга и никогда не будут в состоянии смешаться. Здесь он ошибался: в предвоенные годы логическое и эмоциональное, теоретическое и эмпирическое в сознании европейцев настолько основательно смешались, что смысл и содержание событий оказались надолго потеряны.

Никто (или почти никто) не задумывался над тем, какова психосоциальная генетика скрытых от «просвещённых» умов мутаций сознания «среднего» европейца. Впрочем, отчётливого понимания этого феномена нет до сих пор. Исследователи по-прежнему оглядываются на политиков, игнорируя сознание

³¹ *Энглунд П.* Восторг и боль сражения. Первая мировая война в 211 эпизодах. М., 2012. С. 43.

³² *Ландау Г.А.* Сумерки Европы. С. 55–56.

³³ *Серж В.* От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. М.; Оренбург, 2001. С. 60.

³⁴ «Война стала противна, исчезло всякое представление о её нужности». Из военных дневников С.И. Вавилова. 1914–1916 гг. // Исторический архив. 2014. № 4. С. 140.

³⁵ *Лебон Г.* Современная магия и наука. СПб., 1910. С. 58.

и психику «маленького человека», всё основательнее задающего незримые импульсы глобальному движению масс³⁶.

Интерес к Первой мировой войне, особенно к её причинам и, особенно, «виновникам», никогда не ослабевал. По некоторым данным, к 2000 г. на эту тему было опубликовано свыше 619 тыс. книг и статей³⁷. Об этом писали в первую очередь европейские авторы³⁸, при этом на колеблющееся состояние умов мощное влияние оказывала беллетристическая рефлексия³⁹. Колоссальным стимулятором явилась политическая пропаганда. Так, в 1926–1927 гг. появилась 40-томная публикация документов германского МИД, призванная продемонстрировать миролюбивую политику кайзеровского правительства⁴⁰. Характерно, что в межвоенный период мнения о «виновниках» войны разделились почти поровну, с заметным стремлением обвинить Францию и Россию⁴¹. Вместе с тем движение исторической мысли было малозаметным. Подавляющее большинство историков, вслед за многочисленными мемуаристами, словно скользили по внешней поверхности событий, опасаясь заглянуть в глубины коллективного человеческого грехопадения. Это можно понять, однако это не оправдывает малодушных исследователей, следующих за нескончаемой политической риторикой и занудливыми моральными сентенциями. Понять прошлое невозможно без проникновения в глубины людской психики. В противном случае оно может напомнить о себе ещё более неожиданными и суровыми уроками. В сущности, для того чтобы избежать подобных сюрпризов, и был востребован психоанализ.

С поиском причин того, что со временем кажется ненужным, всегда возникают трудности. «В войне виновата вся Европа: это доказано исследованием во всех странах. Единственная виновность Германии, а также полная невиновность Германии, – сказка для детей по ту и другую сторону Рейна», – писал знаменитый журналист Э. Людвиг. Сам он был убеждён, что «повсюду низшие классы боялись войны и боролись с ней до последнего дня». Напротив, «министры, генералы, адмиралы, поставщики военного материала, редакторы, подгоняемые честолюбием и страхом, неспособностью и жадной наживы, гнали массы вперёд»⁴². В подобных заявлениях присутствовала доля обычной социалистической демагогии. Между тем в Германии о неизбежности столкновения германской и славянской рас говорили уже давно, причём не только безответственные журналисты, но и представители университетской науки⁴³, и даже

³⁶ Милюков отмечал, что для понимания причин войны «логики» недостаточно, в развёртывание событий вмещалась «психология». Однако он имел в виду лишь кайзера и российского императора (*Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 382, 384).

³⁷ *Uncovered Fields. Perspectives in First World War Studies / Ed. by J. MacLeod, P. Purseigle.* Leiden; Boston, 2004. P. 7.

³⁸ См.: *Виноградов К.Б.* Буржуазная историография первой мировой войны. Происхождение войны и международные отношения 1914–1917 гг. М., 1962; Россия в годы Первой мировой войны... С. 83–89.

³⁹ *Trott V.* Publishers, Readers and the Great War. Literature and Memory since 1918. L.; N.Y.; etc., 2017. P. 2, 205.

⁴⁰ *Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der Diplomatische Akten des Auswärtigen Amtes / Lepsius J. u.a.* Bd. 1–40. Berlin, 1926–1927.

⁴¹ *Петров Ю.А., Павлов Д.Б.* Первая мировая война: кто виноват? (Историографический этюд) // *Российская история.* 2014. № 5. С. 5–6.

⁴² *Людвиг Э.* Указ. соч. С. 5.

⁴³ О германских расово-характерологических исследованиях см.: *Гурный М.* Великая война профессоров. Гуманитарные науки. 1912–1923. СПб., 2021. С. 72–92.

политики уровня Х. фон Мольтке. Более взвешенно, казалось бы, высказывался германский канцлер предвоенных и военных лет Т. Бетман-Гольвег: «Безграничное взаимное недоверие, навязчивая мания империализма и ограниченный материальными стремлениями наций патриотизм взаимно взвинчивали друг друга всё в большей степени, и невозможно установить, какая народность всего больше поддавалась этому во всём мире царящему настроению»⁴⁴. Это убеждение не помешало ему в конечном счёте обвинить во всём Россию, поддержанную Великобританией. Как и все политики того времени, он обманывался и обманывал. С.Д. Сазонов, российский министр иностранных дел, свидетельствовал, что ещё весной 1913 г. Бетман-Гольвег публично рассуждал о возможном «европейском пожаре, который бы поставил друг против друга славян и германцев»⁴⁵. Наступило время, когда в сознании людей метафора побеждала логику — потоки информации превосходили возможности не только коммуникативного разума, но и трезвых мыслителей.

Некоторые считали, что книга Людвиг построена «на полном невежестве в русских делах»⁴⁶, однако первыми историографами мировой войны, искавшими её истоки в правящих верхах, были именно последователи подобных журналистов, заранее «знавших» истинного «виновника». Подобные установки фактически парализовали изучение глубинных истоков тотальной катастрофы. При этом периодически возникает тема особой заинтересованности в ней России, с её славянофильскими амбициями и империалистическими проектами⁴⁷. Искать виновных и публично распинать их — обычное «историографическое» занятие, в котором исследователи находят подобие эвристического самоудовлетворения. Даже выдающийся фантаст Г. Уэллс оказался во власти самообольщений. Став в годы войны штатным сотрудником британского пропагандистского ведомства, он уверял, что это «последняя война», «война во имя мира». Он подметил, что «англичане считают Россию гораздо более расчётливой, чем она есть на самом деле», они «боятся, что панславизм займёт место пангерманизма»⁴⁸.

Впрочем, заблуждения эпохи не исключают прозрений одиночек. Через день после вступления Великобритании в войну Г. Джеймс — писатель, серьёзно озабоченный проблемой «столкновения культур» — писал другу: «Сползание цивилизации в эту пропасть мрака и крови... является таким очевидным развенчанием всей долгой эпохи, на протяжении которой нам представлялось, что мир... постепенно совершенствуется»⁴⁹. Однако «разочарование в прогрессе» испытали немногие. Уже в 1917 г. русский литератор Р.В. Иванов-Разумник задался вопросом: откуда взялся империализм, «что заставило демократию в 1914 году пойти по дороге создания мировых колониальных империй?». Сам он полагал, что для понимания этого надо разглядеть «сложное зерно, религиозное, этическое, социальное, которое таится за грубой политической и экономической скорлупой и даст в будущем плоды, совершенно неожиданные для провозвестников империализма». Иванов-Разумник не склонен был «мерить

⁴⁴ Бетман-Гольвег Т. Мысли о войне. М.; Л., 1925. С. 115, 117.

⁴⁵ Сазонов С.Д. Воспоминания. Париж, 1927. С. 185.

⁴⁶ Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания... С. 247.

⁴⁷ Barnes H.E. The Genesis of the World War: An Introduction to the Problem of War Guilt. N.Y., 1926.

⁴⁸ Уэллс Г. Война против войны. М., 1915. С. 11–12, 102–103.

⁴⁹ Цит. по: Фассел П. Великая война и современная память. СПб., 2015. С. 31.

мировые явления кургузым марксистским аршинчиком», напротив, он хотел разглядеть в войне ту «неприкрашенную» её сторону, «которую со всех сторон старательно прикрывают разными знамёнами — либеральными, славянофильскими, социалистическими»⁵⁰. Но ничего подобного не удалось достичь до сих пор. Французские историки Ж.Б. Дюрозель и Ф. Фюре считают, что Первая мировая война остаётся событием необъяснимым «с точки зрения происхождения, масштабов и деструктивных последствий»⁵¹.

Представления о том, что от войны можно было «отказаться», имеют хождение и в наше время как в западной, так и в российской историографии⁵². Фантазии такого рода, порождённые поверхностным «рационалистическим» подходом, неизбежны. Всякие новейшие явления системно-деструктивного порядка нельзя оценивать мерками прошлых веков.

Для понимания «решающих» событий прошлого необходимо выбраться из избитой колеи прежних интеллектуальных самообольщений. Так, Ортега-и-Гассет связал мировую войну с надломом всей европейской культуры. «Интеллектуализм тяготеет к тому, чтобы считать самым эффективным в жизни сознательное начало, — писал он. — Ныне мы убеждается в противоположном»⁵³. Чтобы понять прошлое, мало скользить по поверхности высокой культуры, важно проникнуть в глубинный слой прежних верований и скрытых страстей. К «восстанию масс» были совершенно не готовы ни европейские правители, ни даже тогдашние элиты. А социалисты с упорством, достойным лучшего применения, зауживали этот культурно-антропологический феномен пресловутой «борьбой классов». Периодически историографические горизонты заслонялись политико-пропагандистскими интенциями. В значительной степени эта ситуация оказалась законсервирована исторической наукой, тяготеющей к позитивистским методам исследования.

Некоторые историки исходили и исходят из того, что инерция длительной гонки вооружений, начатой ещё в конце XIX в., оставалась настолько сильной, что война делалась неизбежной⁵⁴. Были и авторы, которые давно обратили особое внимание на интенсивность моральной подготовки населения великих держав к «большой» войне. В результате ощущение тревоги по поводу её последствий уступало место легкомысленным надеждам⁵⁵. Однако надо учитывать и одновременный рост пацифистских настроений⁵⁶, оказавшихся, в конечном счёте, подавленными милитаристским психозом.

Характерно, что среди доминирующих самооправдательных текстов на Западе появлялись и «покаянные» сочинения. «Ответственность за войну в первую очередь несёт дуалистическая монархия», — утверждал венгерский политик, подчёркивавший недооценку Австро-Венгрией национального вопроса. По его

⁵⁰ Иванов-Разумник П.В. Испытание огнём // Скифы. СПб., 2018. С. 338.

⁵¹ Цит. по: Сергеев Е.Ю. Первая мировая война: Трагические уроки глобального конфликта. М., 2016. С. 30.

⁵² См.: Киган Дж. Первая мировая война. М., 2002. С. 11; Молодяков В.Э. Первая мировая война, которой могло не быть. М., 2012.

⁵³ Ортега-и-Гассет Х. Запах культуры. М., 2006. С. 233.

⁵⁴ См.: Luntinen P. French Information on the Russian War Plans, 1880—1914. Helsinki, 1984; Herrmann D.G. The Arming of Europe and the Making of the First World War. Princeton, 1996.

⁵⁵ Renouvin P. La crise européenne et la Grande guerre (1904—1918). P., 1934. P. 152—156.

⁵⁶ См.: Brock P. Pacifism in Europe to 1914. Princeton, 1972; Chickering R. Imperial Germany and a World without War. The Peace Movement and German Society, 1892—1914. Princeton, 1975; Carsten F.L. War against War: British and German Radical Movements in the First World War. L., 1992.

мнению, Австро-Венгерская империя действительно не хотела откладывать войну. Он напоминал, что в июле 1914 г. престарелый Франц-Иосиф заявлял: «Если монархии суждено погибнуть, она, по крайней мере, должна сделать это достойно»⁵⁷. Поразительно, что в Турции также находились деятели, отчаянно заявлявшие нечто подобное: «Мы, турки, будем воевать! Или все совершенно погибнем, или отыграем великую славу Дома Османов! Война, война! Скорее! Русские уже на Босфоре!»⁵⁸.

Итак, первая в истории, как стало принято считать⁵⁹, тотальная война включала в себя и войну «старых» и «новых» империй (организационный и геополитический аспект), и войну народов, впервые ощутивших свою силу в качестве наций (субъектов мировой истории), и войну машин (включая состязание экономик и технологий). Совокупность этих аспектов складывалась в войну культур — как способных к интенсивной модернизации под воздействием экстремальных условий, так и слабеющих под грузом «непреодолимых» обстоятельств.

Что делало войну *объективно* неизбежной? Лишь со временем исследователи стали догадываться, что опасность таилась в самом устройстве современных государств, становящихся всё более беспомощными перед вызовами эпохи в силу своей «переусложнённости» демократией, с одной стороны, бюрократией — с другой. Такая государственность не могла ни предотвратить войну, ни — и это самое страшное — остановить её. Казалось, что индустриальный прогресс делал власть «сильной», что порождало соответствующий культ, не сдерживаемый рамками старой морали. Более того, вера в *такую* власть потеснила веру в Бога. Складывающееся соотношение власти и людской массы словно взывало к харизматическим лидерам нового, точнее, старого, воинственного типа. «Размах Власти (или способности управлять национальной деятельностью в более полной мере), таким образом, стал причиной размаха войны»⁶⁰, — такое смогли признать лишь со временем, ибо «демократически-бюрократическая» власть казалась анонимной. Впрочем, подобные прозрения и сегодня большая редкость. Чем более сложным является историческое явление, тем сильнее историки тяготеют к конвенциональности на основе заведомо упрощённых представлений и якобы универсальных законов.

Объективно, ввязываясь в войну, режим Николая II ставил перед собой заведомо невыполнимые задачи, противоречившие «нуждам и состоянию России»⁶¹. Однако в то время мало кто мог разглядеть подобную перспективу. Подключение России к мировому конфликту, окажись он кратковременным, нельзя относить к разряду роковых факторов, ведущих империю к краху. Война могла сплотить подданных империи, пробудить дух внесловной гражданственности и подтолкнуть тем самым совершенствование социально-хозяйственного организма. Более того, многим — вполне в духе времени — ситуация казалась оптимистичной. Даже специалисты надеялись на способность государства

⁵⁷ Яси О. Распад Габсбургской монархии. М., 2011. С. 533–534.

⁵⁸ Цит. по: Шеремет В. И. Босфор: Россия и Турция в период Первой мировой войны. По документам военной разведки. М., 2007. С. 54.

⁵⁹ Некоторые авторы отрицают саму возможность тотальной войны. См.: Фёстер С. Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 гг. // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск, 2007. С. 24.

⁶⁰ Жувенель Б., де. Власть: Естественная история её возрастания. М., 2011. С. 32.

⁶¹ Шаццло К. Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. М., 2000. С. 8–12.

к стабилизации финансов, на независимость страны от импорта сырья, на обеспеченность города и фронта рабочей и военной силой за счёт перенаселённой деревни и на удешевление продовольствия в силу свёртывания экспорта хлеба. На деле будущая ситуация зависела от гибкости хозяйственной системы, прежде всего от возможностей её инфраструктуры и от способности верхов к управлению в экстремальных ситуациях. Но для этого требовалась известная степень взаимного доверия между верхами и низами, а равно и внутри них. Возможности достижения этого были, однако, сомнительны.

Применительно к истории России нет источника более коварного, чем статистика, легкомысленно игнорирующая человеческое измерение прошлого и настоящего. Тем не менее на её основании не раз строились ложные футуристические прогнозы и легкомысленные историографические конструкции. Между тем даже из бюрократической статистики можно уловить, что представления о великом будущем самодержавной империи строились на песке. В начале XX в. неуклонно сокращался хлебный экспорт, Россия уступила мировое первенство в производстве зерна США. Рост урожайности стал отставать от темпов прироста народонаселения, а душевое потребление такого важного продукта, как мясо, снижалось. Денежные доходы россиянина были ниже средне-европейского в 3–5 раз, а внутри страны доход рабочего превышал доход сельского жителя почти в 2,5 раза. Разумеется, Россия отнюдь не голодала (хотя региональные голодовки не исключались). Однако существовавшие «ножницы цен» на «городскую» и «сельскую» продукцию таили в себе социальный конфликт между городом и деревней⁶². Если в Аргентине, США, Канаде (ведущих хлебовывозящих странах) после экспорта оставалось в среднем 60 пудов на душу населения, то в России – вдвое меньше. Однако статистики, а за ними и историки, редко учитывают тревожный характер подобных тенденций.

Обычно предпочтение отдаётся иным показателям. Так, до сих пор кажется убедительным статистический обзор российской экономики, подготовленный перед войной Э. Тэри по заданию французского правительства. Однако само происхождение документа позволяет усомниться в адекватности приводимых в нём показателей тогдашним реалиям. Не учитывается, например, что французская сторона предпочитала видеть в России экономически сильного союзника, а потому готова была принять на веру плоды ведомственного усердия российских чиновников⁶³. Последним подыгрывали известные экономисты. Так, профессор П.П. Мигулин утверждал, что «в смысле продовольствования армий Россия в наиболее благоприятном положении, чем любая европейская держава: мы не привозим, а вывозим продукты питания». Поэтому он считал, что «закрытие вывоза из России – уже удар для Германии», которой (при присоединении к продовольственной блокаде Англии) «грозит голод», а также «полное разорение германской промышленности», ибо она «работает главным образом на вывоз». А за разгромом промышленности неминуемо последует «денежное разорение». Нет ничего опаснее надежд на победу, исходящих из слабостей противника, а не из собственной силы. Не стоило упадать в патриотический «оптимизм». Между тем Мигулин заявлял: «Преуменьшать свои силы

⁶² См.: Gregory P. Russian National Income, 1885–1913. Cambridge; L.; N.Y., 1982. P. 131, 156, 166; Россия, 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 308, 309, 311; Анфилов А.М. Царствование императора Николая II в цифрах и фактах (опыт подтверждения и опровержения) // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. Ч. 1. М., 1993.

⁶³ Тэри Э. Россия в 1914 г.: Экономический обзор. Париж, 1986. С. 8–9.

[и] преувеличивать силы противника — самоуничужение, продукт трусости. Побольше бодрости духа, побольше веры в свой народ и его силы»⁶⁴. Преувеличенным представлениям о предвоенной мощи России способствовала и численность её людских ресурсов.

Историки склонны следовать за реальными или мнимыми победителями (это делает их труды не только «понятнее», но и «патриотичнее») и назначать «виновников» побед, не считаясь с мнениями побеждённых. Между тем для тех и для других характерны самообождения и самоутешения. Из этого следует, что истина скорее обнаружится в принципиально ином измерении, остаётся лишь преодолеть привычный скепсис.

Первая мировая война возникла в условиях информационной революции, обрушившейся на «помолодевшие» в результате демографического бума массы людей. В результате урбанизации и усиления миграций возник гендерный перекос, поднявший градус агрессивности в новообразующихся социумах. Произошёл разлив ресентиментных настроений, противоречивых вождельений и социальных фантазий, взвинтивших людскую психику. Рациональность эпохи Просвещения померкла под давлением пробудившихся первозданных эмоций. Человечество столкнулось с феноменом гиперсемиотизации: в условиях моральной паники случайные и разрозненные факты противоречивой действительности стали восприниматься как отчётливые «знаки судьбы». Под «невидимым» давлением масс правители решались на действия, прежде считавшиеся неоправданными. В сущности, именно такое состояние умов терзало «просвещённую» Европу на протяжении всей первой половины XX в.

Помимо всего, ни идеологами, ни политиками, ни даже военными начала XX в. не принимался в расчёт малозаметный фактор, способный незримо лечь на чашу весов в европейской войне. Имеются в виду фактор *технологий* в самом широком смысле слова — от технологий массового производства новейших вооружений до «технологий» управления общественным пространством, вплоть до умения вдохновить на подвиг (или, хотя бы, долготерпение) «маленького человека». На практическом уровне речь шла о способности государственных и общественных структур воспользоваться плодами научно-технического прогресса для достижения военной победы. При всей видимой когнитивной оснащённости современной историографии этот фактор ускользнул от внимания исследователей.

Мы живём в «комфортном», хотя и беспокойном мире. Однако для того чтобы понять иной мир, надо прочувствовать, в известной степени пережить, его боль. Но способен ли на это современный человек? Очевидно, что излишняя «цифровизация» и соответствующая «социологизация» прошлого в ущерб «человеческой» истории лишь уведёт от смыслов прошлого. Ещё до Первой мировой войны звучали упрёки в адрес тех, кто «целиком перенёс в область истории научные методы, заимствованные из наук, не являющихся историческими», что вело к «мумификации реальности»⁶⁵. Уже тогда у многих зародилось понимание того, что привычные пути осмысления мировой катастрофы становятся бесплодными. В связи с этим и возникла идея взаимосвязанности «высокой цены» войны и попыток найти выход на путях мировой революции.

⁶⁴ Мигулин П.П. Возрождение России. Харьков, 1910. С. 325, 327.

⁶⁵ Пеги Ш. Избранное: Проза. Мистерии. Поэзия. М., 2006. С. 46, 135.

Конечно, в начале войны превалировали иные представления. В сентябре 1914 г. в частной переписке можно было встретить такие мнения: «Начинается какая-то совсем новая глава в истории России и... сила вещей двинет её на новую дорогу»⁶⁶. Но какую? Мировая война была слишком масштабным событием; её приближение современники могли ощутить, но последствия невозможно было предугадать. «Война и революция до сих пор составляют две центральные темы политической жизни XX века, — отмечала ещё в 1963 г. Х. Арендт. — Эти события пережили свои *идеологические* основания»⁶⁷. Ход истории раскручивается отнюдь не по тем законам, по которым движется «диалектическая» человеческая мысль, предпочитающая эволюционное развитие. Отсюда феномен «предательства интеллектуалов», подгоняющих действительность под свои умозрительные теории⁶⁸. Рано или поздно подобные установки предстоит преодолеть.

В своё время Э. Хобсбаум задался вопросом: «Почему талантливые дизайнеры, явно не отличающиеся склонностью к анализу, иногда могут предугадать форму вещей завтрашнего дня лучше, чем профессиональные аналитики?»⁶⁹. По его мнению, это «один из самых неясных вопросов истории». Представляется, что нужно отталкиваться от эмоциональной природы человека, для понимания динамики которой не придумано ничего лучшего, кроме литературы и искусства. Именно они умеют проникать в «коллективное бессознательное» эпохи, тогда как наука в силу своей позитивистской праосновы расчленяет их. В любом случае, с помощью «рациональных» *симулякров* культуры XIX в. невозможно проникнуть в «иррациональную» суть турбулентных периодов последующей истории. Нелепо с помощью причинно-следственной методологии анализировать стохастически-синергетические процессы.

Так или иначе, к настоящему моменту очевидны как достижения, так и слабости подхода к осмыслению природы мировой войны. Предпочтение всё ещё отдаётся политической истории, в которой центральное место занимают преемственные мнения представителей власти. Между тем ни одну проблему нельзя решить на том уровне, на котором она возникла. История — это всегда «внутренняя» история человека, а не повторение самооценок бесславно ушедших элит.

⁶⁶ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 990, л. 933.

⁶⁷ Арендт Х. О революции. М., 2011. С. 5.

⁶⁸ Бенда Ж. Предательство интеллектуалов. М., 2009.

⁶⁹ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914—1991). М., 2004. С. 195.

Гражданская война в России: проблемы современной историографии

Владислав Голдин

Modern historiography of the Russian Civil War

Vladislav Goldin

*(Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Arkhangelsk, Russia)*

DOI: 10.31857/S0869568722030086, EDN: FWVZLE

Столетие Гражданской войны в России отразилось в целом ряде научных мероприятий, крупных исследовательских проектов, издании книг. Выявились разнообразие мнений по многим проблемам и вопросам, что неудивительно, ибо юбилеи гражданских войн часто вызывают всплеск жарких дискуссий и даже общественных конфликтов. Так, за 150-летием Гражданской войны в США (2015) последовала растянувшаяся на годы полоса разрушений памятников южанам, героям Конфедерации, которую окрестили «гражданской войной памятников». 80-летие окончания Гражданской войны в Испании в 2019 г. ознаменовалось выносом останков маршала Ф. Франко из мемориала в «Долине Павших» и их перезахоронением.

Интерес к российской Гражданской войне обусловлен её беспрецедентными масштабами, активным вовлечением различных внешних сил и общей значимостью для хода мировой истории. Её финал ознаменовал становление системы, ставшей альтернативным вариантом развития человечества в XX в. Российское общество и сегодня ещё, образно говоря, не переболело окончательно этой войной и по-прежнему расколото на «красных» и «белых». Этот опыт важен и потому, что в мире полыхают сегодня десятки гражданских войн, не обошедшие стороной и постсоветское пространство. Очаги современных кровавых конфликтов возникли в местах исторических, национальных, межнациональных и межэтнических «разломов» столетней давности, что подчёркивает огромную важность исторической памяти, извлечения из неё уроков для современности. Предметом этой статьи стали анализ исследований и характеристика современных тенденций в изучении истории российской Гражданской войны за 2010–2021 гг.¹

Юбилейные научные проекты и издания. Столетний юбилей Гражданской войны ознаменован появлением двух больших исследовательских проектов. В 2021 г. вышла в свет трёхтомная энциклопедия «Россия в Гражданской вой-

© 2022 г. В.И. Голдин

¹ Анализ отечественной и зарубежной историографии за 1980–2000 гг. см.: *Голдин В.И.* Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск, 2000; *Голдин В.И.* Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы. Мурманск, 2012.

не. 1918–1922», выполненная более, чем 150 исследователями и включающая свыше 2 900 статей². Авторский коллектив ставил главной задачей не решение спорных историографических вопросов, а прежде всего систематизацию и обобщение выявленных фактов, анализ выводов и оценок учёных по широкому комплексу проблем³.

Второй крупный проект – 12-й том академической «Истории России», посвящённый Гражданской войне. Авторский коллектив в составе 35 человек включает исследователей из России, Украины и Белоруссии. В апреле 2021 г. состоялось первое обсуждение этого тома, а в июне 2022 г. планируется второе. Том состоит из двух книг. Первая – «Военное строительство и политико-дипломатическое противоборство» – раскрывает процессы вооружённой борьбы на фронтах (внешних и внутренних), военное строительство, а также международные отношения участников конфликта в 1918–1922 гг. Вторая книга – «Россия в Гражданской войне» – состоит из девяти разделов, раскрывающих ключевые проблемы жизни страны, такие как государственность, спецслужбы и репрессивно-карательные системы, политические партии, экономика, общественная жизнь, социально-демографические и национальные процессы, культура, церковно-религиозная жизнь. Охарактеризована современная историография, дана оценка теоретико-методологических подходов, изложена концепция тома⁴, опубликованы его структура, введение и заключения двух книг⁵.

С 2014 г. началась публикация материалов международного проекта «Великая война и революция в России», призванного, по замыслу инициаторов, фундаментально трансформировать понимание «континуума кризиса» в России 1914–1922 гг. В рамках проекта с участием более 250 авторов со всего мира планируется издать 11 томов с 20 отдельными книгами⁶. Большая часть из них вышла в свет к началу 2021 г. Главное внимание в проекте уделяется Первой мировой войне и её последствиям, а Гражданская война находится на втором плане⁷.

² Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия. В 3 т. М., 2021.

³ Там же. Т. 1. С. 20.

⁴ *Голдин В.И.* Гражданская война в истории России: историография, современные подходы, подготовка нового академического издания // Новейшая история России. 2019. Т. 9. Вып. 3. С. 758–774; *Голдин В.И.* Попытки написания обобщающей истории Гражданской войны в России: анализ проектов и изданий XX – начала XXI в. и уроки для современности // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.) / Отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2019. С. 6–15; *Голдин В.И.* Гражданская война в России в современном научном понимании: концепция, содержание, последствия // Человек, общество и власть в эпоху «Русской Смуты» 1917–1920: память, осмысление, примирение. Материалы научной конференции (г. Ялта, 12–15 ноября 1920 г.). Симферополь, 2020. С. 7–20.

⁵ О работе над XII томом «Гражданская война в России. 1917–1922» 20-томной академической «Истории России» // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 4–5: Гражданская война в России: история и современность, память и уроки. Архангельск, 2021. С. 138–226 (URL: https://elibrary.ru/download_46153847_98289925.pdf).

⁶ Russia's Great War & Revolution Series (URL: https://slavica.indiana.edu/series/Russia_Great_War_Seriesabout.shtml (дата обращения: 08.01.2022)).

⁷ При этом нужно отметить, что подготовлены к печати вторая и третья книга пятого тома этого проекта под названием: Military Affairs in Russia's Great War and Revolution, 1914–22. Book 2: The Russian Civil War: Campaigns and Operations; Book 3: The Russian Civil War: Military and Society.

В ряде изданий затронуты историографические проблемы её изучения⁸, проведены десятки научных мероприятий разного формата⁹.

В последние годы в России и за рубежом вышло в свет несколько сотен книг, специально посвящённых Гражданской войне в России или рассматривающих её в рамках более широкого хронологического и проблемного контекста. Кратко охарактеризую лишь некоторые из них.

Особый интерес и широкое обсуждение научного сообщества вызвала монография английского историка Дж. Смита «“Российские” гражданские войны, 1916–1926. Десять лет, которые потрясли мир»¹⁰. Автор развил популярный в мировой историографии концепт о множественности войн в российской Гражданской войне, показал её тесную связь с Первой мировой войной и попытался расширить её хронологические рамки, начав с восстания в Средней Азии летом 1916 г. и завершив ликвидацией Туркестанского фронта в 1926 г. И хотя предложенная новая хронология российской Гражданской войны не получила широкой поддержки в научном сообществе, книга Смита стала, несомненно, знаковым событием в новейшей историографии. В последующие годы за рубежом не издавалось специальных работ, посвящённых этой теме, однако она в той или иной степени освещалась в ряде книг, пытающихся осмыслить российский революционный опыт в начале XX в.¹¹

Из изданных в России в последние годы обобщающих работ о Гражданской войне можно отметить разве что монографию московского историка А.В. Ганина¹², вызвавшую серию откликов и полемику в научной печати¹³. О наиболее

⁸ Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии / Отв. ред. Д.Б. Павлов. М.; СПб., 2018; Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии / Отв. ред. В.В. Калашников. СПб., 2018; Революция и Гражданская война в России: Современная историография. Сборник статей, обзоров и рефератов / Ред.-сост. М.М. Минц. М., 2018; Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии / Отв. ред. В.В. Калашников. СПб., 2019.

⁹ Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта. Материалы международной научной конференции (Москва, 1–3 октября 2018 г.) / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2018; Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки истории. Сборник материалов международной научной конференции / Сост. В.И. Голдин, Г.С. Рагозин. М., 2020. В 2022 г. планируется организация ряда научных форумов на Дальнем Востоке и в Сибири, посвящённых столетию завершения Гражданской войны в России.

¹⁰ *Smele J. The «Russian» Civil Wars, 1916–1926. Ten Years That Shook the World. L., 2015.* См. также: *Голдин В.И.* Дж.Д. Смит. «Российские» гражданские войны, 1916–1926. Десять лет, которые потрясли мир // Вопросы истории. 2016. № 12. С. 165–169; *Голдин В.И.* Новейшие зарубежные издания о Гражданской войне начала XX века в России // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 5. С. 128–133.

¹¹ *Read C.* War and Revolution in Russia: 1914–22. The Collapse of Tsarism and the Establishment of Soviet Power. Basingstoke; N.Y., 2013; *Steinberg M.* Russian Revolution, 1905–1921. Oxford, 2017; *Smith S.* Russia in Revolution: An Empire in Crisis, 1890 to 1928. Oxford, 2017; *Figes O.* A People's Tragedy: The Russian Revolution 1891–1924. L., 2017; *Engelstein L.* Russia in Flames: War, Revolution, Civil War, 1914–1921. N.Y., 2018.

¹² *Ганин А.В.* Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018.

¹³ *Пученков А.С.* От Сибири до Крыма... Обречённость белых? // Российская история. 2018. № 4. С. 204–207; *Посадский А.В.* Новая книга о Гражданской // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2018. № 2(46). С. 160–170; *Булдаков В.П.* Плоды методологической беспомощности. О книге А.В. Ганина «Семь “почему” российской Гражданской войны» (М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2018. 864 с., ил.) // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2019. № 1(49). С. 125–141; *Заяц Н.А.* Необходимость контррецензии. Отклик на статью В.П. Булдакова «Плоды методологической беспомощности» // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2019. № 1(49). С. 142–143.

значимых изданиях по отдельным проблемам Гражданской войны в России речь пойдёт далее.

Концептуализация Гражданской войны в России. В монографиях об историографии Гражданской войны в России специальные главы были посвящены проблемам её концептуализации, обновлению теоретических подходов, развитию взглядов на её содержание и феномен¹⁴.

Продуктивной стала дискуссия о типологии гражданских войн с выявлением их закономерностей, форм и особенностей, характеристика феномена российской Гражданской войны как серии вооружённых и иных противоборств с участием различных внутренних и внешних акторов¹⁵. При этом одни авторы обращают внимание только на военные конфликты и столкновения, в том числе восстания, заговоры, национальные и повстанческие движения, партизанскую, террористическую деятельность. Другие – считают необходимым упомянуть также экономические, национальные, международные и иные конфликты, борьбу на политическом, культурном и иных фронтах¹⁶. Налицо стремление к междисциплинарному, социокультурному и психологическому осмыслению Гражданской войны с использованием антропологического подхода для изучения людей, живших и действовавших тогда, чтобы прийти к конкретному «маленького человека», понять его поведение и выживание в эту эпоху¹⁷.

К познанию Гражданской войны в России подходят и с позиций синергетики, рассматривая её как турбулентное пространство. Её пытаются понять посредством осмысления процесса нарастания хаоса, изучения природы революционного насилия, характера «красной смуты», сквозь призму психоментальности, психопатологии и девиантного поведения, а также в контексте анализа процессов кризиса, смерти и возрождения империи¹⁸. Важным в исследовании природы российской Гражданской войны видится познание процессов происходившего в то время культурного разлома, столкновения разных ценностей и утверждения новых культурных моделей¹⁹.

мощности. О книге А.В. Ганина «Семь “почему” российской Гражданской войны» // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 4–5. С. 131–141.

¹⁴ *Голдин В.И.* Россия в гражданской войне... С. 57–74; *Голдин В.И.* Гражданская война в России сквозь призму лет... С. 90–97.

¹⁵ *Разиньков М.Е.* О необходимости создания типологии гражданских войн для исторической науки // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 1. Архангельск, 2014. С. 40–47; *Разиньков М.Е.* Типология гражданских войн – Евразия (1900–1950 гг.): из дневника исследователя // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 2. Архангельск, 2015. С. 112–123; *Голдин В.И.* Истоки и феномен Гражданской войны в России: взгляд через столетие // Былые годы. 2015. Т. 36. № 2. С. 382–387; *Колоницкий Б.И.* От мировой войны к гражданским войнам (1917?–1922?) // Российская история. 2019. № 1. С. 21; *Smele J.* The «Russian» Civil Wars, 1916–1926...

¹⁶ *Wade R.* The Bolshevik Revolution and Russian Civil War. Westport, 2001. P. 63.

¹⁷ *Морозова О.М.* Антропология гражданской войны. Ростов н/Д, 2012.

¹⁸ *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; *Булдаков В.П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010; *Каливас С.* Логика насилия в гражданской войне. М., 2019.

¹⁹ *Гаврилов О.Ф., Гаврилова Н.П.* Гражданская война как кризис культурной самоидентификации // Сибирь в период Гражданской войны. Кемерово, 2007. С. 6–7; *Купцова И.В., Филиппова Т.А.* Гражданская война в «культурном измерении»: история осмысления // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг. ... С. 544–585.

Группа саратовских историков предложила идею полидискурсивного подхода, полагая, что рассмотрение борьбы дискурсов в пространстве историко-семантического подхода открывает новые возможности для анализа феномена Гражданской войны в России²⁰. Продуктивным для более глубокого её понимания представляются компаративный²¹ и контрфактический подходы. Последний позволяет рассматривать Гражданскую войну с позиций «виртуальной» истории или исторической альтернативистики, обсуждать варианты развития ключевых событий²².

В целом Гражданскую войну правомерно характеризовать как сложный и уникальный исторический феномен в многообразии военных, политических, экономических, социально-классовых, культурных, духовно-нравственных, национальных и межнациональных процессов, конфликтов и расколов, различных внутренних и международных столкновений и противоборств. Гражданская война в России носила глобальный и тотальный характер. Она являлась, с одной стороны, частью международного конфликта, с другой — охватила всё пространство страны, разделила классы, социальные слои и группы населения. По разные стороны баррикад зачастую оказывались друзья, соседи, члены семей, что и составило в совокупности сложную и драматическую картину этого события. Противоборство велось на военном, политико-дипломатическом, социально-экономическом, национальном и культурном фронтах, однако главным было вооружённое противостояние.

Истоки и начало Гражданской войны. В позднеимперской России существовали устойчивые стереотипы поведения «верхов» и «низов», когда последние, доведённые до крайности, поднимались на борьбу, а первые традиционно опирались на силовые методы подавления. Предпосылки Гражданской войны связаны с процессами, уходящими на десятилетия или даже века вглубь российской истории, с присущими ей традициями раскола и конфронтационности, что проявлялось в многочисленных восстаниях, национально-освободительных движениях, крестьянских войнах, которые нередко интерпретируются сегодня и как гражданские войны²³. В стране отсутствовала культура диалога, стремления к взаимопониманию в решении сложных вопросов, стоявших на повестке дня. В нарастании революционного процесса в России особую роль играли крестьянские выступления, начавшиеся в 1902 г., что дало основание В.П. Данилову выступить с концепцией крестьянской революции 1902–1922 гг.²⁴

²⁰ Булгаков А.О., Виноградский В.Г., Посадский А.В., Романовская О.А. Гражданская война в России. Историческая семантика и борьба дискурсов. Изд. 2. Саратов, 2018.

²¹ Там же. С. 19–23; Данилов С.Ю. Гражданская война и общенациональное примирение: США, Россия, Испания. М., 2004; Леонов С.В. Гражданская война в России: сущность, периодизация, особенности // Российская история. 2019. № 1. С. 32–35; Smith S. Revolution and the People in Russia and China: A comparative history. Cambridge, 2008.

²² См.: Smele J.D. «If Grandma had Whiskers...»: Could the Anti-Bolsheviks have won the Russian Revolutions and Civil Wars? Or, the Constraints and Conceits of Counterfactual History; Engelstein L. «A Single Civilian Whore» — Reflections on the Might-Have-Beens of the Russian Civil War; Swain G. More Thoughts on Grandma's Whiskers; Smele J.D. A Response to Geoffrey Swain and Laura Engelstein // Revolutionary Russia. 2020. Vol. 33. Is. 1. P. 6–66.

²³ Миронов С.С. Гражданская война в России. М., 2006. С. 8–13; Леонов С.В. Гражданская война в России: сущность, периодизация, особенности. С. 35–36; Булгаков А.О., Виноградский В.Г., Посадский А.В., Романовская О.А. Гражданская война в России... С. 32–35.

²⁴ Данилов В.П. Крестьянская революция в России, 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть / Отв. ред. С.А. Есиков. М.; Тамбов, 1996. С. 4–23.

Первую российскую революцию 1905–1907 гг. исследователи, учитывая масштаб потрясений, вооружённые выступления и жертвы, нередко именуют прологом или прообразом Гражданской войны²⁵. Крайняя противоречивость процессов модернизации, кризис империи, массовое крестьянское движение во многом предопределили грядущие события новой революционной эпохи. Политические методы преодоления конфликтов власть часто подменяла мерами полицейскими, репрессивными, используя для этого и армию. «Милитаризация политических и социальных конфликтов была, — отмечал Б.И. Колоницкий, — той школой, в которой общество (прежде всего молодые мужчины) подготавливалось к гражданской войне, силовое подавление конфликтов с помощью оружия легитимировалось в глазах всех участников»²⁶.

Важнейшую роль сыграла Первая мировая война, которая привела к серии революционных взрывов, социальных катаклизмов и войн, что нашло широкое освещение в современной литературе²⁷. Получил известное распространение концепт Европейской гражданской войны²⁸. В России приобрела популярность концепция Великой российской революции 1917–1922 гг. Исследователи обычно утверждают, что именно Гражданская война стала решающим актом революционной драмы, создав возможности для реализации большевиками социалистического проекта в России и заложив предпосылки тоталитарного перерождения советской системы.

Многоплановая взаимосвязь революционного процесса и Гражданской войны вызывает особый интерес историков. В исследованиях последних лет предприняты попытки более глубокого изучения крестьянских восстаний²⁹, рабочего вопроса³⁰, национальных и региональных конфликтов³¹, реалий и последствий Брестского мира³².

²⁵ Петров Ю.А. 1905 год: пролог Гражданской войны // Россия в начале XX века. М., 2002. С. 354–395; Чубарьян А.О. Реальности и мифы истории Российской революции (1917–1922) // Российская революция 1917 года и её место в истории XX века. М., 2018. С. 21; Steinberg M. The Russian Revolution, 1905–1921. Oxford, 2017.

²⁶ Колоницкий Б.И. Политическая культура России и гражданская война // Эпоха Революции и Гражданской войны в России... С. 63.

²⁷ Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 1; Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923 / Ред. Р. Герварт, Д. Хорн. М., 2014; Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. Россия, 1914–1917 гг. М., 2015; Война, революция, мир. Россия в международных отношениях, 1915–1925 / Под ред. А.В. Ревякина. М., 2019.

²⁸ Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge, 2002. P. 3; Бриггс Э., Клэвин П. Европа Нового и Новейшего времени. С 1789 года и до наших дней. М., 2006. С. 222–264.

²⁹ Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект / Отв. ред. В.В. Кондрашин, В.А. Юрченков. М.; Саранск, 2017.

³⁰ Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917–1918 гг. М., 2004; Чураков Д.О. Рабочее самоуправление в России: фабзавкомы и революция. 1917–1918 годы. М., 2015.

³¹ Булдаков В.П. Хаос и этнос... Особое значение имели события на Украине, где раньше других началась Гражданская война, сопровождавшаяся иностранной интервенцией (Солдатенко В.Ф. Гражданская война в Украине (1917–1920 гг.). М., 2012; Солдатенко В.Ф. В горниле революций и войн: Украина в 1917–1920 гг. М., 2018; Михайлов В.В. «Мусульманский вопрос» и Российская революция: Турция, Россия и Закавказье в период с февраля 1917 г. по март 1918 г. // Клио. 2016. № 9. С. 139–146).

³² Михутина И.В. Украинский Брестский мир. Путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством Украинской центральной

В канун столетия Гражданской войны вновь был поднят вопрос о времени её начала. Мнения традиционно разделились, что отразилось и на крупных «юбилейных» проектах. Так, 12-й том академической «Истории России» — «Гражданская война в России» — начинается 1917 годом, а Энциклопедия Гражданской войны — 1918-м. Разошлись и мнения ведущих российских и зарубежных историков, участников опроса, проведённого в рамках международной научной конференции по истории Гражданской войны в Санкт-Петербурге в 2018 г. Шесть из них сочли, что Гражданская война началась в дни Февральской революции, большинство же назвали более поздние события. Существуют разные мнения о том, следует ли включать период, когда вооружённые столкновения были одной из форм борьбы за власть (с 1917 г.), или же нужно ограничиться только временем, когда военный вопрос стал определяющим (с конца весны — начала лета 1918 г.). Два участника опроса, в том числе автор этой статьи, указали на невозможность связать начало Гражданской войны в России с конкретной датой или событием, ибо оно не было одномоментным явлением, но процесс «вхождения» или «вползания» страны в неё (с прохождением ряда рубежей и стадий) растянулся на месяцы или даже на год³³. Часть исследователей поставила вопрос о времени начала «гражданских войн» как серии или комплекса конфликтов³⁴.

Актуальные проблемы истории войны в современном осмыслении. В постсоветский период региональные историки Гражданской войны освободились от необходимости следовать установкам из «центра», что вызвало бум публикаций. Наибольшее внимание привлекало антибольшевистское движение как в общероссийском, так и в региональном контексте. Это объяснимо, учитывая недостаточную изученность этой проблемы в советский период. Хотя и сегодня выходит немало работ, подверженных политической конъюнктуре и идеализирующих противников советской власти, прогресс в этой области несомненен. Активно исследуются военные и политические проблемы Белого движения³⁵, в меньшей степени — его социально-экономические проблемы и внешняя политика³⁶. Заметной новинкой стала серия книг о белогвардейских спецслужбах в Гражданской войне³⁷. Её столетний «юбилей» отмечен также рядом региональных научных конференций³⁸.

рады. М., 2007; *Полторак С.Н.* Брест-Литовск. 100 лет истории переговоров о мире. СПб., 2018.

³³ Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии. С. 187, 193–197.

³⁴ *Smele J.* The «Russian» Civil Wars, 1916–1926 ...; *Колоницкий Б.И.* От мировой войны к гражданским войнам (1917? – 1922?). С. 21.

³⁵ *Хандорин В.Г.* Национальная идея и адмирал Колчак. М., 2017; *Цветков В.Ж.* Основные тенденции и перспективы изучения Белого дела // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг. ... С. 239–260; *Цветков В.Ж.* Белое дело в России. 1917–1919 гг. М., 2019; *Цветков В.Ж.* Белое дело в России. 1920–1922 гг. М., 2019; *Lazarski C.* The Lost Opportunity. Attempts of Unification of the Anti-Bolsheviks, 1917–1919: Moscow, Kiev, Jassy, Odessa. Lanham, 2008.

³⁶ *Рынков В.М.* Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России: идеология, законодательство, практика (июнь 1918 – октябрь 1922). М., 2022; *Шмелёв А.В.* Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918–1919 гг.). СПб., 2017.

³⁷ *Кирмель Н.С.* Спецслужбы Белого движения. 1918–1922. Контрразведка. М., 2013; *Кирмель Н.С.* Спецслужбы Белого движения. 1918–1922. Разведка. М., 2013; *Кирмель Н.С., Хандорин В.Г.* Карающий меч адмирала Колчака. М., 2015.

³⁸ Гражданская война в регионах России: социально-экономические, военно-политические и гуманитарные аспекты / Отв. ред. Л.Н. Бехтерева. Ижевск, 2018; Гражданская война и россий-

Особый интерес в последние годы вызывает тема крестьянского протеста, «атаманщины» и «партизанщины». Если в советский период главное внимание историков уделялось участию крестьян в борьбе на стороне большевиков, то ныне чаще изучаются выступления против советской власти. Эта борьба нередко характеризуется как «крестьянская война» или даже «великая крестьянская война», «крестьянский фронт», «крестьянская Вандея»³⁹. Повстанческое движение крестьянства, его региональные особенности, персоналии и судьбы вожаков — всё это превратилось в самостоятельный предмет исторических исследований⁴⁰. Особый интерес по-прежнему вызывают Тамбовское и Западно-Сибирское восстания, а также движение под руководством Н.И. Махно⁴¹.

Предметом острых дискуссий является ход Гражданской войны на национальных постимперских территориях. Для республик бывшего СССР в целом характерна тенденция «национализации» историографии. В ней события столетней давности часто квалифицируются как национально-освободительная и антиколониальная борьба, направленная на образование или возрождение собственной государственности. Так, новейшая официальная украинская историография фактически отказалась от использования термина «гражданская война», утверждая, что на Украине имели место три украино-большевистские или украино-советские войны с конца 1917 по 1920 г. Впрочем, подобные политизированные суждения встречают неприятие даже среди авторитетных украинских историков⁴².

При различии интерпретаций Гражданской войны в национальных регионах⁴³ её следует рассматривать не только как национальную или межнациональ-

ская провинция: современное восприятие, подходы и оценки / Отв. ред. Р.А. Хазиев. Уфа, 2018; Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 — декабрь 1922 г.).

³⁹ *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. М., 2008; *Алёшкин П.Ф., Васильев Ю.А.* Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и её последствий (1918–1922 гг.). М., 2010; *Крестьянский фронт 1918–1922 гг.* / Сост. А.В. Посадский. М., 2013. Впрочем, правомерность использования этих терминов вызывает дискуссии (*Кондрашин В.В.* Дискуссионные проблемы крестьянского движения в России в годы Гражданской войны // *Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 — декабрь 1922 г.)*. С. 16–23).

⁴⁰ «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сборник статей и материалов / Под ред. А.В. Посадского. М., 2015; *Вожак и лидеры Смуты. 1918–1922 гг.: Биографические материалы* / Под ред. А.В. Посадского. М., 2017; *Посадский А.В.* Зелёное движение в Гражданской войне. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918–1922. М., 2018; *Посадский А.В.* Изучение крестьянского повстанчества: контексты и задачи // *Крестьянский фронт 1918–1922 гг.* С. 13–23; *Кондрашин В.В.* Крестьянское повстанческое движение 1918–1922 гг.: итоги и направления исследования // *Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.* ... С. 437–484.

⁴¹ *Шубин А.В.* Махно и его время: О Великой революции и Гражданской войне 1917–1922 гг. в России и на Украине. М., 2018; *Алёшкин П.Ф.* Тамбовское восстание (1920–1921 гг.). «Антоновщина». М., 2016; Тамбовское восстание 1920–1921 гг.: исследования, документы, воспоминания / Сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М., 2018.

⁴² *Солдатенко В.Ф.* Гражданская война в Украине в современном историографическом дискурсе // *Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.* ... С. 32–42.

⁴³ *Буттино М.* Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007; *Тарасов К.А.* Антиимпериалистическая революция. Национальные окраины и распад Российской империи // *Неприкосновенный запас*. 2017. № 5. С. 150–164; *Солдатенко В.Ф.* Россия — Крым — Украина: опыт взаимоотношений в годы революции и Гражданской войны. М., 2018; *Исхаков С.М.* Гражданская война и мусульмане // *Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.* ... С. 361–407; *Круглый стол «Петербургского исторического журнала» «Гражданские войны на постимперском пространстве»* // *Петербургский исторический*

ную борьбу, но и как социальное противоборство, а также как часть большого международного конфликта. Возникновение и существование национальных государственных образований во многом или даже в решающей степени зависели тогда от поддержки (политической, военной, финансово-экономической) других стран, которые, в свою очередь, преследовали собственные интересы. В молодых национальных государствах и между ними происходили острые межнациональные и межэтнические конфликты. Учитывая всё это, не следует идеализировать деятельность национально-государственных образований тех лет.

Международный фронт. Гражданская война в России, как уже отмечалось, это явление не только отечественной, но мировой истории. С одной стороны, она была связана с широким вмешательством из-за рубежа в форме вооружённой и иных форм интервенции (политико-дипломатическая, финансово-экономическая, информационная, экономическая блокада). С другой – само выживание Советской России связывалось изначально с надеждами на «мировую революцию». Изучение истории международной интервенции в Россию вылилось в связи с её столетием в ряд монографий и широко обсуждалось в нашей стране⁴⁴ и за рубежом⁴⁵.

Широкий международный контекст эпохи Гражданской войны в России, «русский вопрос» в Версальской системе, советская внешняя политика и дипломатия, идеи и практика «мировой революции», взаимодействие партии большевиков и Коминтерна и другие проблемы сложной и многоплановой международной повестки тех лет находят освещение в современных исследованиях⁴⁶.

журнал. 2018. № 3. С. 168–252; *Boltowsky T., Thomas N.* Armies of the Baltic Independence Wars 1918–20. Oxford, 2019.

⁴⁴ *Галин В.Ю.* Интервенция. Как Запад хотел поделить и ограбить Россию. М., 2018; *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг. От интервенции к признанию. СПб., 2019; *Ланник Л.В.* После Российской империи: германская интервенция 1918 г. СПб., 2020; Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере...; Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг. В 2 т. / Отв. ред. А.Ю. Павлов. Т. 1. СПб., 2021.

⁴⁵ *Dunscomb P.E.* Japan's Siberian Intervention, 1918–1922. «A Great Disobedience against the People». Lanham, 2011; *Richard C.J.* When the United States Invaded Russia: Woodrow Wilson's Siberian Disaster. Lanham, 2013; *Moffat I.* The Allied Intervention in Russia, 1918–1920: The Diplomacy of Chaos. Basingstoke, 2015; *House J.M.* Wolfhounds and the Polar Bears: the American Expeditionary Force in Siberia, 1918–1920. Tuscaloosa (Al), 2016; *Wright D.* Churchill's Secret War with Lenin: British Commonwealth Military Intervention in the Russian Civil War. Solihull, 2017; *Nelson J.* The Polar Bear Expedition: The Heroes of America's Forgotten Invasion of Russia, 1918–1919. N.Y., 2019. Отметим юбилейное обсуждение этой темы на страницах одного из западных журналов: *Flake L.* «Nonsense from the Beginning» – Allied Intervention in Russia's Civil War at 100: Historical Perspectives from Combatant Countries // *The Journal of Slavic Military Studies*. 2019. Vol. 32. № 4. P. 549–552.

⁴⁶ *Быстрова Н.Е.* «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М., 2016; Персидский фронт мировой революции. Документы о советском вторжении в Гилян (1920–1921). Изд. 2, испр. / Сост. М.А. Персиц. М., 2017; *Хормач И.А.* Россия и Парижская мирная конференция // Новая и новейшая история. 2018. № 2. С. 84–112; *Ватлин А.Ю.* Второй конгресс Коминтерна: точка отсчёта истории мирового коммунизма. М., 2018; Война, революция, мир. Россия в международных отношениях, 1915–1925; *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Советской России и СССР в 1920–1939 гг. и истоки Второй мировой войны. М., 2020. С. 7–102; *Ablovatski E.* Revolution and Political Violence in Central Europe: The Deluge of 1919. Cambridge, 2021.

Предметом изучения и дискуссий являются взаимоотношения Советской России с соседними государствами, например, с Румынией⁴⁷ и Финляндией⁴⁸. Особым драматизмом характеризовались взаимоотношения с Польшей в 1917–1921 гг., сопровождавшиеся серией войн и военных конфликтов с Советской Россией, Белоруссией, Украиной, Литвой, а также великодержавными замыслами её руководства и надеждами большевиков на продвижение мировой революции «через труп белой Польши». Пик изучения этой темы пришёлся на конец XX – начало XXI в., но и ныне она является предметом активных исторических и политических дискуссий⁴⁹.

Государственность, социально-экономические процессы и жизнь общества.

При формально значительном числе работ по истории советской государственности⁵⁰, крупных обобщающих исследований на протяжении последних двух с лишним десятилетий не появилось. Последняя монография, посвящённая созданию и деятельности Красной армии в годы Гражданской войны, была издана более 25 лет назад⁵¹. Отсутствуют современные научные исследования партии большевиков и её трансформации в первые годы после прихода к власти. Вместе с тем активно изучается деятельность советских спецслужб, в первую ВЧК⁵², а также террор в российской Гражданской войне⁵³. Изучение же проблем экономики в эпоху Гражданской войны в последние годы резко замедлилось⁵⁴, что сказалось и на количестве издаваемых работ, особенно мо-

⁴⁷ Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами 1917–1940. М., 2010; Лавренёв С.Я. Иностранная военная интервенция в России началась в Бессарабии // Клио. 2018. № 11. С. 112–120.

⁴⁸ Килин Ю.М. Карельский вопрос во взаимоотношениях Советского государства и Финляндии в 1918–1922 гг. Петрозаводск, 2012; Рунасов А.И., Чистиков А.Н. Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг. Очерки истории. СПб., 2016; Смолин А.В. «Новый Брест». Тартуский мир Советской России с Финляндией 1920 г. СПб., 2020; Россия и независимость Финляндии: 1899–1920 гг. Сборник документов. В 3 т. / Сост. М.В. Зеленов. М., 2021.

⁴⁹ Айрапетов О.Р. Внешняя политика Советской России... С. 16–59; Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020. Сборник статей / Под общ. ред. В.Ю. Крашенинниковой. М., 2020; Польско-советская война 1919–1920 годы: эволюция историографических оценок (URL: <https://historyrussia.org/otdeleniya/smolensk/polsko-sovetskaya-vojna-1919-1920-gody-evolyutsiya-istoriograficheskikh-otsenok.html> (дата обращения: 12.01.2022)); Сметанина С. Современные уроки польско-советской войны 1919–1921 годов (о «круглом столе» в РВИО) (URL: russkiymir.ru (дата обращения: 12.01.2022)).

⁵⁰ Леонов С.В. Историография создания советской государственности (1917–1922 гг.) // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг. ... С. 23–58.

⁵¹ Молодцыгин М.А. Красная армия. Рождение и становление. 1917–1920 гг. М., 1997.

⁵² Скоркин К.В. На страже завоеваний революции. История НКВД–ВЧК–ОГПУ РСФСР. 1917–1923. М., 2011; Кирмель Н.С., Шинин О.В. Красные против белых. Спецслужбы в Гражданской войне 1917–1922. М., 2016; Войтиков С.С. Советские спецслужбы и Красная армия. М., 2017; Плеханов А.А., Плеханов А.М. ВЧК. 1917–1922. Энциклопедия. М., 2017; ВЧК (1917–1922 гг.): к столетию создания. Сборник статей и документов / Отв. ред. В.С. Христофоров. М., 2017; Теняков А.Г. Деятельность органов ВЧК–ОГПУ–НКВД: историографические и источниковедческие аспекты. Новосибирск, 2018; Леонов С.В. Историография ВЧК // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг. ... С. 59–88.

⁵³ Ратьковский И.С. Хроника красного террора. ВЧК: Карающий меч революции. М., 2017; Ратьковский И.С. Хроника белого террора в России: репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). М., 2017; Литвин А.Л. Российская историография государственного террора в стране 1917–1953. Изд. 2, доп. и испр. М., 2019.

⁵⁴ Кондрашин В.В. К вопросу об итогах и перспективах изучения экономики России в годы Гражданской войны в отечественной и зарубежной историографии // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26. № 2. С. 49–54.

нографий⁵⁵. Необходимо современное объективное осмысление политики «военного коммунизма» с уходом от крайностей её предшествующих оценок. Целесообразно сравнительное изучение экономической политики большевиков и их противников.

Социальные процессы в годы Гражданской войны в России, положение различных групп и слоёв населения, их симпатии и антипатии — ещё одна крупная тема. Важное место в научной литературе занимает крестьянство, составлявшее абсолютное большинство населения страны⁵⁶. История крестьянства переплетается с изучением казачества⁵⁷, его роли в борьбе против большевиков⁵⁸. Протестное движение и сложные отношения с властями вышли на первый план в изучении поведения рабочих⁵⁹.

Жизнь и деятельность интеллигенции в годы Гражданской войны, её политический выбор и взаимоотношения с противоборствовавшими сторонами нуждаются в дальнейшей разработке, несмотря на появление монографий и издание документов по этой теме⁶⁰. Наиболее активно изучается история военной интеллигенции и раскол офицерства⁶¹. Ломка старой социальной структуры общества в условиях революции и Гражданской войны обнажила проблему, которая не являлась объектом изучения в советской исторической науке, но начала исследоваться в последние годы — судьбы представителей ранее привилегированных групп и имущих слоёв населения⁶².

⁵⁵ *Мау В.А.* Реформы и догмы. Государство и экономика в эпоху реформ и революций (1861–1929). М., 2013; *Сенин А.С.* Железнодорожная администрация Советской России в годы Гражданской войны. М., 2015; *Ходяков М.В.* Деньги революции и Гражданской войны: 1917–1920. Изд. 2, испр. и доп. СПб., 2019; *Галин В.Ю.* Политэкономика Гражданской войны в России. М., 2020.

⁵⁶ *Кондрашин В.В.* Крестьянство России в Гражданской войне. М.; Берлин, 2019; *Retish A.V.* Russia's Peasants in Revolution and Civil War: Citizenship, Identity, and Creation of the Soviet Union, 1918–1922. Cambridge, 2008.

⁵⁷ Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны...; *Кондрашин В.В.* Между красными и белыми: к вопросу об участии казачества России в Гражданской войне // Русский сборник: Россия и война. Т. XXVI. М., 2018. С. 707–720; *Савченко С.Н.* Уссурийское казачье войско в гражданской войне на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). Хабаровск, 2002; *Абеленцев В.Н.* Амурское казачество XIX–XX вв. Благовещенск, 2004; *Шудляков В.А.* Гибель Сибирского казачьего войска. В 2 кн. М., 2004; *Василевский В.И.* Забайкальское казачье войско в годы революции и Гражданской войны. Чита, 2007; *Антропов О.О.* Астраханское казачество. М., 2017.

⁵⁸ *Венков А.В.* Атаман Краснов и Донская армия в 1918 г. М., 2008; *Венков А.В.* Донская армия в борьбе с большевиками в 1919–1920 гг. М., 2019.

⁵⁹ *Поршнева О.С., Фельдман М.А.* Власть и рабочие России и Урала в условиях Гражданской войны: проблемы взаимоотношений. Екатеринбург, 2013; Ижевско-Воткинское восстание: сто лет истории / Ред. С.Л. Бехтерев, Л.Н. Бехтерева. Ижевск, 2019; *Чураков Д.О.* Бунтующие пролетарии: рабочий протест в Советской России (1917–1930-е гг.). М.; Берлин, 2019.

⁶⁰ В жерновах революции: российская интеллигенция между белыми и красными (1917–1927 гг.). Сборник документов и материалов / Сост. М.Е. Главацкий, А.В. Квакин, Л.А. Лыкова. М., 2008; *Квакин А.В.* Русская интеллигенция и большевистская власть в годы Гражданской войны в России. Саарбрюккен, 2013.

⁶¹ *Ганин А.В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты». Статьи и документы. М., 2013; *Ганин А.В.* Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014; *Ганин А.В.* Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. Изд. 2, испр. М., 2017; *Ганин А.В.* Офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. М., 2019; и др.

⁶² *Шаццало М.К.* Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции, 1917 – начало 1920-х годов. М., 2008; *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России: стратегия выживания и пути интеграции, 1917–1936 годы. М., 2003; *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России: в 1917–1922 гг.: проблемы историографии, источников и методов исследования // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг. ... С. 263–291.

В русле «новой социальной истории» и «антропологического поворота» в исторической науке резко возрос интерес к изучению «человеческого измерения» Гражданской войны. Это позволяет лучше понять поведение и действия разных групп людей — воевавших, стремившихся остаться в стороне от войны, выживавших в чрезвычайных условиях и пытавшихся использовать новую ситуацию для самореализации и развития. Эта тематика переплетается с историей повседневности российского социума столетней давности⁶³.

Данное направление исследований, в свою очередь, связано с социокультурной проблематикой. Предприняты попытки дать новое осмысление и прочтение раннесоветской культурной политики, обратившись к проблемам языка, символов, образов, праздников, ритуалов, к борьбе разных культурных тенденций и ориентиров. В поле дискуссии оказались понятия «культурная революция» и «культурное строительство» в Советской России. Зарубежные авторы используют для характеристики эпохи Гражданской войны понятия и образы «культурного фронта» и «культурной войны»⁶⁴. Результаты исследований стали предметом историографического анализа⁶⁵.

Вместе с тем пересмысление культурной политики и преобразований в Советской России в 1918–1922 гг. пока не привело к созданию обобщающих исторических исследований. Предстоит целостное раскрытие культурных процессов в стране, сопоставление политики в этой сфере противоборствующих сторон. Несомненен прогресс и в изучении истории и историографии Русской Православной Церкви в годы Гражданской войны⁶⁶. Необходимо обобщить религиозные процессы, деятельность различных конфессий и их отношения с правительствами по обе стороны фронта.

Исторические уроки и память. Столетие Гражданской войны актуализировало размышления о том, какие уроки следует извлечь из неё, а также об исторической и культурной памяти о ней⁶⁷. При существующем различии суждений и подходов главным должно стать осознание Гражданской войны как трагедии общества, а основной задачей историков является формирование достоверного знания о ней. На этом опыте важно показать и объяснить, как начинаются гражданские конфликты, какова логика их развития, каковы могут быть последствия и что нужно делать для их недопущения.

⁶³ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001; Скитина И.В. Человек в условиях гражданской войны на Урале: историография проблемы. Тюмень, 2003; Морозова О.М. Антропология гражданской войны. Ростов н/Д, 2012; Яров С., Балашов Е., Мусатов В., Рупасов А., Чистиков А. Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны. М., 2013; Яров С.В. Человек перед лицом власти. 1917–1920-е гг. М., 2014.

⁶⁴ Wade R. The Bolshevik Revolution and Russian Civil War. Westport; Connecticut; L., 2001. P. 63; Даниелс Р. Взлёт и падение коммунизма в России. М., 2011. С. 149.

⁶⁵ Голдин В.И. Гражданская война в России сквозь призму лет... С. 104–107, 151–156; Купцова И.В., Филиппова Т.А. Гражданская война в «культурном измерении»: история осмысления.

⁶⁶ Кашеваров А.Н. Православная Российская церковь и Советское государство (1917–1922). М., 2005; Павлов Д.Б. Отечественная и зарубежная историография государственно-церковных отношений 1917–1922 гг. М., 2011; Рогозный П.Г. Православная церковь и Русская революция. Очерки истории. 1917–1920. М., 2018; Леонтьева Т.Г. Власть, православная церковь, общество в годы Гражданской войны // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг. ... С. 183–211.

⁶⁷ Гражданская война в России (1917–1922): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения. Материалы всероссийской научно-практической конференции в Омске 16–17 июня 1916 г. М., 2016; Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере...; Человек, общество и власть в эпоху «Русской Смуты» 1917–1920: память, осмысление, примирение.

Важным историческим уроком является то, что во внутривластной борьбе не следует прибегать к помощи других государств, которые, вмешиваясь, стремятся к реализации прежде всего собственных целей и интересов. Учитывая многонациональный характер страны, важно не допускать нарастания межнациональной розни, своевременно реагировать и разрешать возникающие вопросы и проблемы.

Исследуя такую сложную и болезненную тему, как Гражданская война, историки не должны допускать переписывания её истории в угоду политической конъюнктуры, способствуя преодолению раскола общества. Память – это важнейший политический инструмент современности, поэтому осмысление прошлого и формирование исторической памяти о Гражданской войне в России – это и вклад в будущее страны, в воспитание патриотизма. Эта война была и остаётся проблемой отечественной и мировой истории, современной политики. Поэтому понятен профессиональный интерес к ней западных политологов, высказываемые ими суждения в отношении политики современной России⁶⁸.

Мемориализация – это способ и система закрепления исторической памяти в общественном сознании. Историки призваны активно участвовать в этой работе вместе с государственными и общественными организациями, не только содействуя охране существующих исторических и культурных памятников, но и осуществляя профессиональную экспертизу новых мемориальных проектов, связанных с историей Гражданской войны, консультируя кино- и телефильмы на эту тему. Это позволит не допустить разобщения и раскола общества по принципу симпатий и антипатий к её участникам, но способствовать его мирению и консолидации.

⁶⁸ *Laruelle M., Karnysheva M. Memory Politics and the Russian Civil War: Reds versus Whites. L.; N.Y., 2021; Laruelle M., Karnysheva M. Rediscovering Russia's White Movement: Politics, Culture and Memory Today. L.; N.Y., 2021.*

Советский тыл в годы Великой Отечественной войны. Исследования о характере и эволюции мобилизационной системы

Олег Хлевнюк

The Soviet home front during the Great Patriotic War. Research on the nature and evolution of the mobilization system

Oleg Khlevniuk

(HSE University, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722030098, EDN: FWZFJV

Данный обзор не претендует на систематическое освещение значительной и динамично развивающейся историографии советского тыла в годы Великой Отечественной войны¹. Его задача заключается в том, чтобы зафиксировать некоторые новые её аспекты, которые позволяют изучать феномен *предельного состояния* советской мобилизационной системы². Нацеленная на сверхвысокое использование ресурсов страны в интересах фронта, предельная мобилизация порождала многочисленные противоречия, требовавшие оперативного разрешения. По этой причине её неотъемлемой чертой стал комплекс корректировок частного и принципиального характера, которым система подвергалась сознательно (сверху) или стихийно (снизу). Именно в таком изменённом состоянии, повышавшем её действенность, она обеспечила победу в войне и оказала значительное влияние на последующую эволюцию СССР.

Обращение к истории советского тыла как составной части изменения модели развития в военный период — характерная черта современной историографии. Такой подход лежит в основе нового обобщающего труда, подготовленного двумя специалистами, имеющими общепризнанные достижения в исследованиях социально-экономической истории советского периода в целом и Великой Отечественной войны в частности, и отражающего современные достижения историографии вопроса³. Публикация этой значительной работы побудила меня к подготовке данного обзора.

© 2022 г. О.В. Хлевнюк

Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

This article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

¹ В связи с этим в ссылках приводятся лишь некоторые характерные исследования, отражающие тематическое и региональное многообразие. Многие достойные работы по причине их большого количества в рамках короткого обзора нет возможности даже назвать.

² О феномене мобилизационного развития см.: *Гончаров Г.А., Баканов С.А., Гришина Н.В., Пасс А.А., Фокин А.А.* Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке. Челябинск, 2013. В связи с кризисным состоянием промышленной кооперации в годы войны Пасс поставил проблему «сверхмобилизационного эффекта» (*Пасс А.А.* К вопросу о пределах советской мобилизационной экономики 1941–1945 годов: региональный аспект // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. 1. История. 2008. Вып. 27. № 34. С. 71–84).

³ *Goldman W.Z., Filtzer D.* Fortress dark and stern: the Soviet home front during World War II. N.Y., 2021. Широко известны другие работы этих авторов, из которых постепенно выросла данный труд:

Традиционно в рамках проблематики советского тыла рассматриваются такие темы, как эвакуация, экономическое развитие, начало восстановления освобождённых территорий, регулирование трудовой сферы и подготовка кадров, быт и уровень жизни населения, пропаганда и массовые настроения и т.д.⁴ В историографии последнего времени не просто расширяется список тем, но углубляется анализ каждой из них. Происходит это на основании новых источников, прежде всего архивных. Книга В. Голдмана и Д. Фильцера — как раз из таких. В её основе, помимо тщательного обобщения результатов исследований предшественников, лежит значительный комплекс новых документов, выявленных в течение длительных поисков в фондах партийно-государственных структур военного периода. Активно использованы также различные источники личного происхождения. Благодаря этому авторы перенесли акцент исследования с институционально-структурных аспектов проблемы на особенности подготовки и реализации директив, результаты работы многочисленных мобилизационных механизмов.

Такой подход применяется исследователями всё шире. Его возможности демонстрирует уже первая глава книги, посвящённая эвакуации. Уникальное по масштабам и темпам спасение миллионов людей и материальных ценностей от быстро наступающего врага — важнейшее явление начального этапа войны, которое в значительной мере заложило основы будущей победы. Историография эвакуации прошла те же этапы, что и историография других аспектов советского тыла. Она начиналась с изучения директивных документов, введения в оборот некоторых отчётных данных⁵. В последние десятилетия на основе новых архивных материалов происходил важный поворот к исследованию практик эвакуации, её экономических и социальных аспектов. В соответствии с общим социально-культурным поворотом гуманитарных исследований изучались условия жизни и судьбы эвакуированных, их взаимодействие с населением восточных регионов страны, культурные обмены и т.д.⁶

Filtzer D. The hazards of urban life in late Stalinist Russia. Health, hygiene, and living standards, 1943–1953. Cambridge, 2010 (*Фильцер Д.* Опасности городской жизни в СССР в период позднего сталинизма. Здоровье, гигиена и условия жизни. 1943–1953. М., 2018); *Hunger and war: food provisioning in the Soviet Union during World War II* / Ed. by W.Z. Goldman, D. Filtzer. Bloomington, 2015.

⁴ *Barber J., Harrison M.* The Soviet home front, 1941–1945: a social and economic history of the USSR in World War II. L.; N.Y., 1991; *Война и общество. 1941–1945.* В 2 кн. / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2004; *Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.* / Отв. ред. А.Н. Сахаров, А.С. Сенявский. М., 2010; *Великая Отечественная война 1941–1945 годов.* В 12 т. Т. 10. Государство, общество и война / Рук. авт. колл. С.В. Журавлёв. М., 2014; *Зинич М.С.* Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. М., 2019; *Советский тыл, 1941–1945: повседневная жизнь в годы войны* / Сост. Б. Физелер, Р.Д. Марквик. М., 2019; *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д, 2011.

⁵ См.: *Куманёв Г.А.* Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы // *Новая и новейшая история.* 2006. № 6. С. 7–27.

⁶ *Потёмкина М.Н.* Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урале: люди и судьбы. Магнитогорск, 2002; *Manley R.* To the Tashkent station: evacuation and survival in the Soviet Union at war. Ithaca, 2009; *Holmes L.* Stalin's World War II evacuations: triumph and troubles in Kirov. Lawrence, 2017; *Мозохин О.Б.* Эвакуация населения, объектов промышленности и культурных ценностей из прифронтовой зоны в годы Великой Отечественной войны // *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований.* 2018. № 1. С. 20–38; *Потёмкина М.Н., Климанов А.Ю.* Современная отечественная историография и перспективы изучения промышленной эвакуации периода Великой Отечественной войны // *Новейшая история России.* 2020. Т. 10. № 3. С. 757–772.

Вместе с тем массовая эвакуация оказалась важной частью советской мобилизационной системы, определила многие её характерные черты. Бытовавший ранее акцент на централизованно-организованный характер эвакуации, приоритетное обращение к деятельности Совета по эвакуации и других аналогичных институтов сейчас явно недостаточны для понимания сути этого явления. Как показано в литературе, в том числе в рассматриваемой книге, отход в тыл во многих случаях происходил в условиях паники и сопровождался значительными потерями. До сих пор нет общепризнанной количественной и качественной оценки эвакуированных ресурсов. Голдман и Фильцер использовали предварительные оценки историков советской экономики, сделанные много лет назад. Согласно им, из зон, попавших под оккупацию, удалось эвакуировать порядка 37% промышленных мощностей⁷. В тех условиях это немало. Кроме того, необходимо учитывать, что удельный вес спасённых военных заводов мог быть ещё выше в силу приоритетности их эвакуации. Все эти вопросы, однако, требуют дальнейших исследований.

Перемещение предприятий на Восток и их освоение на новом месте требовали существенной реорганизации производства, слияния заводов и их перепрофилирования, причём в экстремально сложных условиях и в кратчайшие сроки⁸. Подобные задачи не могли решаться лишь распоряжениями сверху. Как свидетельствуют многочисленные факты, эвакуация неизбежно оказалась как централизованным, так и центробежным процессом, значительную роль в успехе которого играли делегирование полномочий и инициатива низовых исполнителей. Характерный пример – регулирование «бездокументных грузов», накапливавшихся в результате экстренного массового вывоза ресурсов. Не имевшие пунктов назначения и применения, они в большом количестве передвигались с Запада на Восток. Уже 15 июля 1941 г. СНК СССР принял постановление о создании баз для их разгрузки и хранения⁹. Установленный постановлением правительства от 20 сентября порядок реализации этих материальных ценностей предполагал самостоятельность региональных властей и отраслевых ведомств в их использовании¹⁰. Этот неисследованный механизм регулирования (наряду с другими аналогичными явлениями) показывает, что эвакуация привела к вынужденной децентрализации процесса распределения ресурсов, повышения в нём роли низовых структур управления, оказалась «противоречивой смесью планирования и импровизации, своевременной отправки и лихорадочных погрузок в последнюю минуту. Процесс, опиравшийся на централизованные команды и сложную координацию, но в то же время на решительность и инициативу работников и местных активистов, был вряд ли совершенным, но он действовал»¹¹.

Эта характеристика вполне применима и к другим звеньям советской военно-мобилизационной системы. Как показывают исследования, формаль-

⁷ Goldman W. Z., Filtzer D. Op. cit. P. 12.

⁸ Особенно подробно эти процессы изучались на материале оборонных отраслей промышленности. См., например: Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996; Мухин М. Ю. Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. М., 2011; Мельников Н. Н. Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 2019.

⁹ ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 1, д. 194, л. 393–395.

¹⁰ Там же, оп. 106, д. 26, л. 64–67.

¹¹ Goldman W. Z., Filtzer D. Op. cit. P. 56.

ная и фактическая автономизация руководства экономикой приобретала всё большее значение в деле корректировки централизованного планирования. Важную роль посредников и координаторов взаимодействия ведомств играли региональные власти, либо получавшие дополнительные полномочия от центра, либо бравшие их самостоятельно для выполнения всё нараставших заданий военного производства¹².

Столь же сложный, многослойный характер имела система нормирования снабжения населения продовольствием и промышленными товарами, игравшая ключевую роль в мобилизации ресурсов на военные нужды. Введённая уже в первые месяцы войны, она опиралась на опыт карточного распределения 1930-х гг.¹³ На пике распространения нормированное снабжение охватывало подавляющее большинство населения страны (кроме крестьян, которые традиционно должны были кормить себя сами). Хлебные карточки в конце 1942 г. получали около 62 млн человек, а к концу 1945 г. — 80,6 млн¹⁴. Авторы отмечают принципиальное значение нормирования как стабилизатора социально-экономической ситуации в условиях острого дефицита ресурсов. Наличие карточек, несмотря на перебои в их реальном обеспечении, позволяло государству поддерживать приоритеты развития военной экономики за счёт невоенных отраслей и социальной сферы. При этом даже относительно гарантированный минимум снабжения выступал для населения важным и понятным способом приобретения продовольствия (прежде всего хлеба), вселял надежды на стабильность государственной системы в экстремальных условиях.

Изучение этих аспектов нормирования как инструмента мобилизации не отрицает, однако, важности понимания механизмов распределения продовольствия и промышленных товаров. Голдман и Фильцер сосредоточили внимание на этом недостаточно исследованном вопросе¹⁵ и показали, что карточная система как метод централизованного управления государственными фондами существенно корректировалась низовыми практиками, выходящими за рамки формальных предписаний. В условиях дефицита ресурсов местные администраторы нередко перераспределяли карточки и обеды в заводских столовых, исходя из собственного понимания целесообразности. Дополнительные воз-

¹² Данилов В.Н. Советское государство в Великой Отечественной войне: феномен чрезвычайных органов власти, 1941–1945 гг. Саратов, 2002; Коновалов А.Б. История Кемеровской области в биографиях партийных руководителей (1943–1991). Кемерово, 2004; Gorlizki Y. Governing the interior. Extraordinary forms of rule and the regional party apparatus in the Second World War // *Cahiers du Monde Russe*. 2011. № 52. P. 321–339; Репников Д.В. Институт уполномоченных ГКО: функции и положение в системе органов государственной власти и управления СССР периода Великой Отечественной войны // *Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки*. 2008. № 11. С. 56–59; Khlevniuk O. Decentralizing dictatorship: Soviet local governance during World War II // *Russian Review*. 2018. № 77. P. 455–469; Хлевнюк О.В. Советские наркоматы и децентрализация управления экономикой в годы Великой Отечественной войны // *Российская история*. 2018. № 4. С. 58–72; Болдовский К.А. Актуальные вопросы исследований управленческих кадров Ленинграда периода обороны и блокады города // *Петербургский исторический журнал*. 2019. № 3. С. 110–116.

¹³ Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 2008.

¹⁴ Goldman W.Z., Filtzer D. *Op. cit.* P. 106.

¹⁵ Одним из важных исключений является значительная историография блокады Ленинграда: Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. Кн. 1–2. СПб., 2004; Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Кн. 1–3. СПб., 2013–2017; Ходяков М.В. Иерархия продовольственного снабжения в блокадном Ленинграде // *Российская история*. 2019. № 3. С. 163–166; и др.

можности за счёт общего котла получали партийно-советские и хозяйственные работники. На довольствие ставились те слои населения, которые по разным причинам не получали достаточных пайков и находились на грани голода. Часто такие действия делали нормирование более гибким, приспособленным к реалиям жизни. Вместе с тем грань между позитивными «перебросками» фондов и злоупотреблениями оказывалась тонкой. Широко распространились «самоснабжение» руководителей различных уровней, их достаточно щедрое полулегальное обеспечение за счёт других потребителей. Отрицательным следствием таких действий явился рост общественного недовольства. Стоит отметить, что эти вопросы, позволяющие понять характер мобилизационной системы через изучение её разных компонентов, привлекают внимание и отечественных исследователей¹⁶.

Частным случаем нарушения монополии государства на основную часть фондов продовольствия и промышленных товаров выступали многократные хищения в аппарате карточного распределения и торговле. В последние годы эта тема изучается на основе более широкого круга источников¹⁷. Многочисленные примеры свидетельствуют о значительных масштабах «чёрного рынка», хотя и не позволяют определить общие объёмы оборота похищенных ресурсов. Голдман и Фильцер показывают, что преступления в сфере распределения понижали уровень потребления основной массы рядовых граждан, усугубляли дефицит¹⁸. Этот тезис выглядит убедительным, хотя и требует дальнейшего обоснования.

Вместе с тем, даже если бы система нормированного распределения работала без сбоев и злоупотреблений, она всё равно не смогла бы обеспечить полноценный уровень потребления. К концу войны он снизился на 40% по сравнению с неблагоприятными предвоенными годами. Из этого полугодного пайка, по расчётам авторов, государство могло обеспечить около трёх четвертей необходимых калорий¹⁹. Эти данные, как и любые обобщающие оценки, не охватывают всю сложность повседневной жизни. Наиболее очевидный разрыв — между нормативным и реальным обеспечением при карточном снабжении.

Резкое ухудшение материального положения заставляло встраивать в мобилизационную систему, представленную прежде всего государственным снабжением, своеобразные инородные элементы. Вопреки идеологическим предубеждениям против частной хозяйственной деятельности, в годы войны всё более значительную роль играли личные хозяйства колхозников и огороды горожан.

¹⁶ Твердюкова Е.Д. «Немедленно отменить все незаконные формы снабжения»: обеспечение советской региональной номенклатуры товарами широкого потребления (1943–1947 гг.) // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2015. Т. 21. С. 254–271; Твердюкова Е.Д. Борьба со злоупотреблениями в сфере карточного снабжения населения в СССР. 1941–1947 гг. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 2010. Вып. 2. С. 32–41; Шалак А.В. Карточная система распределения как источник социальной напряжённости: 1941–1947 гг. (на примере Восточной Сибири) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2001. Иркутск, 2001. С. 39–49.

¹⁷ Орлов И.Б. Советская повседневность. Исторический и социологический аспекты становления. М., 2008; Пушкарёв В.С. «Чёрный рынок» в СССР в годы Великой Отечественной войны и его влияние на состояние внутреннего рынка страны // Экономический журнал. 2008. № 2. С. 212–225; Пасс А.А. Русскоязычная историография об экономической преступности в СССР в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарно-педагогические исследования. 2019. Т. 3. № 3. С. 26–45.

¹⁸ Goldman W.Z., Filtzer D. Op. cit. P. 129, 130, 143–148.

¹⁹ Ibid. P. 99, 100.

Наблюдался рост частной инициативы и в сфере производства ширпотреба и услуг, причём настолько значительный, что сразу после войны руководители финансовых органов предложили провести легализацию этого рынка с целью увеличения налоговых поступлений²⁰. Колхозные рынки, на которых продавалась или обменивалась часть продукции личных хозяйств, давали важную прибавку к калорийности среднего рациона и отчасти восполняли дефицит одежды, обуви и необходимых в быту изделий. Отмечу, что вопросы взаимодействия централизованного снабжения и свободного рынка, частной инициативы в сфере потребления представляют собой важную часть советской модели мобилизации и требуют дальнейшего исследования.

В целом ни использование различных внутренних ресурсов, ни продовольственная помощь союзников не могли в необходимой мере обеспечить страну. Главную проблему создало, прежде всего, обострение кризиса в сельском хозяйстве. Как бы ни рассматривались соответствующие вопросы – с точки зрения добровольной жертвенности усилий крестьянства или его беспощадной эксплуатации государством, – резкое падение сельскохозяйственного производства в годы войны – общепризнанный факт²¹. Как показывают многочисленные свидетельства и документы, ставшие доступными в архивах, в годы войны широкое распространение получили голод и повышенная смертность, вызванная истощением и болезнями.

Общее снижение уровня жизни существенно ограничивало возможности экономического стимулирования трудовой деятельности и воспроизводства рабочей силы. Заработная плата и условия труда и быта часто не могли удержать работников на том или ином предприятии, что потенциально повышало угрозу текучки кадров. Подобное уже наблюдалось в период довоенного индустриального скачка, сопровождавшегося голодом. В силу этого чрезвычайно широкое распространение получили внеэкономические методы как стимулирования, так и принуждения к труду, которые рассматриваются сейчас в качестве комплексного явления²².

На протяжении десятилетий основное внимание советские историки уделяли вопросам патриотических трудовых движений, социалистического соревнования и моральных стимулов, подготовки квалифицированных кадров и рабочих массовых профессий и т.д.²³ Выполненные в ярко выраженном идеологическом ключе, такие исследования оказались скомпрометированы после открытия архивов и ослабления цензурного контроля. Но это не означает, что названные проблемы утратили значение. Представляя весомую часть набора трудовых мотиваций в мобилизационной системе, они требуют дальнейшего

²⁰ *Hessler J.* A social history of Soviet trade policy, retail practices and consumption, 1917–1953. Princeton, 2004; *Чуднов И.А., Осипов В.А.* К 60-летию несостоявшейся налоговой реформы // ЭКО. 2008. № 9. С. 166–175.

²¹ *Анисков В.Т.* Крестьянство против фашизма, 1941–1945: история и психология подвига. М., 2003; *Вьлцан М.А., Кондрашин В.В.* Патриотизм крестьянства // Война и общество. 1941–1945. Кн. 2. М., 2004. С. 50–77; *Корнилов Г.Е.* Бедность как образ жизни: уральская деревня в военные и послевоенные годы (1941–1953) // Уральский исторический вестник. 2013. № 3. С. 91–98; *Андреевков С.Н., Ильиных В.А.* Сельское хозяйство Сибири в 1941–1945 гг.: динамика и организационно-производственная структура // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. № 4. С. 5–12.

²² *Сомов В.А.* Потому что была война... Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Н. Новгород, 2008.

²³ См., например: *Митрофанова А.В.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971.

изучения. Проблема, как и в других случаях, заключается в степени деформализации таких исследований, в отходе от клише и описательности. Очевидно, например, что различные виды соревнования заслуживают внимания как метод организации труда, элемент социальной организации предприятий, взаимодействия различных групп рабочих и инженеров, трудовых коллективов и администрации, социальных лифтов для молодых рабочих, заполнивших предприятия в годы войны, и т.д.²⁴ Однако понять и оценить эти явления без обращения к реальным фактам невозможно.

Открытие архивов стимулировало рост интереса к вопросам государственной мобилизации трудовых ресурсов. Являясь краеугольным камнем любой военно-мобилизационной системы, в СССР она имела уникальное значение. Как отмечают Голдман и Фильцер, «никогда подобного контроля над рабочей силой не существовало ни в Советском Союзе, ни в другой стране во времена мира или войны»²⁵. Действительно, трудовая мобилизация фактически была всеобщей, нередко охватывала даже те слои населения, которые невозможно использовать в заявленных целях на производстве. В историографии изучаются каналы привлечения и перераспределения рабочей силы и регулирования трудовых повинностей²⁶. Однако не все сюжеты исследуются равномерно. Пока лучше известны формальные предписания и общие показатели распределения рабочей силы. Хуже изучены реалии трудовых мобилизаций, их последствия.

Работа Голдман и Фильцера вносит вклад в заполнение этих пробелов. Особый интерес представляет глава о централизованном управлении трудовыми ресурсами, построенная на документах Комитета по учёту и распределению рабочей силы при СНК СССР. Сопоставление решений и результатов их реализации, изучение взаимодействия Комитета с различными ведомствами показали, что централизованные механизмы мобилизации подверглись эрозии и на завершающем этапе войны оказались в состоянии кризиса. Трудовые ресурсы страны были практически исчерпаны. Попытки удовлетворить растущие запросы промышленности за счёт крестьянского населения встречали противодействие со стороны обезлюдившей деревни и местных властей. Планы перемещения людей по отраслям и регионам значительно невыполнялись. Наблюдались нерациональные встречные обмены рабочей силой между регионами. В ответ на сбои включались стихийные неформальные регуляторы, например, договорённости о распределении кадров между ведомствами, предприятиями и регионами. «В системе трудовой мобилизации, одном из самых мощных видов оружия, закончились человеческие боеприпасы», а это вело к тому, что она становилась «всё более хаотичной»²⁷. Но, можно добавить, одновременно и более реалистичной и действенной.

²⁴ *Савицкий И.М., Романов П.Е.* Рабочие, инженеры и техники оборонной промышленности Западной Сибири – фронту (1941–1945). Новосибирск, 2014; *Романов П.Е.* Женщины и молодёжь в промышленности советского тыла (1941–1945 гг.): феномен «коротких» социальных лифтов // *Вестник Томского государственного университета.* 2016. № 412. С. 106–113.

²⁵ *Goldman W.Z., Filtzer D.* Op. cit. P. 6.

²⁶ *Земсков В.Н.* Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы Великой Отечественной войны // *Международные отношения.* 2014. № 1. С. 101–114; *Романов П.Е.* Трудовая мобильность и рынок рабочей силы в СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // *ЭКО.* 2016. № 1. С. 176–188; *Безнин М.А., Димони Т.М., Изюмова Л.В.* Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах. Вологда, 2001.

²⁷ *Goldman W.Z., Filtzer D.* Op. cit. P. 218, 222.

Важное средство консолидации трудового фронта – принятие и реализация чрезвычайного трудового законодательства²⁸. Особое внимание исследователей привлекают известные указы Президиума Верховного совета СССР от 26 июня 1940 г. и 26 декабря 1941 г., предусматривавшие уголовные наказания за опоздания и самовольный уход с предприятий. Начав с анализа этих законодательных актов и исследования судебной статистики, отражающей масштабы применения указов, историки сосредоточились на их применении. В итоге удалось выявить характерные для советской мобилизационной системы противоречия. С одной стороны, в 1941–1945 гг. по названным указам и за нарушения на транспорте вынесли около 7,7 млн приговоров²⁹. Под удар, как следствие, попала значительная часть рабочих и служащих.

С другой стороны, сфера применения указов постоянно сокращалась, на каждом уровне наблюдалось торможение. Далеко не во всех случаях нарушители дисциплины и «дезертиры с трудового фронта» привлекались к ответственности. Значительное количество возбуждённых дел отсеивалось на уровне прокуратуры, а затем прекращалось в судебном порядке. Многие подсудимые осуждались условно или по более мягким статьям. Наконец, в силу распространения практики заочного рассмотрения судебных дел, несколько сотен тысяч приговорённых не были разысканы и избежали наказания. Хозяйственные руководители в условиях острого дефицита рабочих рук, несмотря на риски, охотно принимали беглецов на работу или скрывали нарушителей от суда, нередко находя поддержку со стороны местных органов власти. В результате масштабы игнорирования «трудовых указов» оказались столь же значительны, как и масштабы их применения³⁰. В конце войны и сразу после её завершения государство провело ряд амнистий осуждённых по «трудовым» делам. Таким образом, в регулировании трудовой сферы явно обнаруживались пределы применения чрезвычайных мер.

О наличии предельных значений в ужесточении мобилизационной системы свидетельствовали также тенденции развития экономики ГУЛАГа как крайней формы применения принудительного труда. Основные элементы этой системы сохранялись с довоенного периода. По-прежнему заметную роль в качестве поставщика рабочей силы играли лагеря и колонии НКВД. Высланных в период коллективизации кулаков во время войны сменили депортированные по национальному принципу. Их широко использовали на разных работах, в частности в «трудовых колоннах»³¹. Как следствие, во время войны можно было

²⁸ Соколов А.К. Принуждение к труду в советской экономике: 1930-е – середина 1950-х гг. // ГУЛАГ: экономика принудительного труда / Отв. ред. Л.И. Бородин и др. М., 2008. С. 17–66.

²⁹ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / Сост. И.А. Зюзина. М., 2004. С. 624–625.

³⁰ Козинцев А.Я. Кампания по борьбе с «дезертирством» с предприятий военной промышленности СССР в 1941–1948 годах // Российская история. 2008. № 6. С. 101–107; Kragh M. Stalinist labour coercion during World War II: an economic approach // Europe–Asia Studies. 2011. № 63. P. 1253–1273; Панков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012; Khlevniuk O. Deserters from the labor front. The limits of coercion in the Soviet War economy // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian history. 2019. № 20. P. 481–504.

³¹ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003; Бикметов Р.С. Использование спецконтингента в экономике Кузбасса (1929–1956 гг.). Кемерово, 2009; Широков А.И. Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока СССР (1930–1950-е гг.). М., 2014; Иванова Г.М. История ГУЛАГа. 1918–1958. М., 2015; Тряхов В.Н. ГУЛАГ и война. Пермь, 2005; Bell W.T. Stalin's Gulag at War: forced labour, mass death, and Soviet victory in the Second World War.

ожидать усиление роли и масштабов этого сектора экономики. Ряд решений, принятых в первые дни войны, казалось, свидетельствовал именно в пользу этого. Прекратилось освобождение заключённых, в лагерях ужесточился режим, усиливались репрессии³². Вместе с тем быстро стало ясно, что сохранение, а тем более расширение огромной сети лагерей и колоний в чрезвычайных условиях войны уже невозможны. Во-первых, изоляция более 2 млн человек, в том числе бывших военнослужащих, противоречила потребностям восполнения потерь армии и кадров народного хозяйства. Во-вторых, обычные пороки лагерной системы в сочетании с сокращением продовольственных ресурсов вызвали всплеск смертности. Только по официальным данным в лагерях, колониях и тюрьмах умерли более 1 млн заключённых³³. Массовая смертность, ухудшение физического состояния лагерной рабочей силы резко сокращали возможности её использования. В-третьих, дальнейшее ужесточение режима противоречило интересам экономики НКВД, поскольку вело к значительным потерям при конвоировании заключённых на работах, ограничениям на занятие ими административных должностей, требующих квалификации, и т.д.

В результате мобилизация ГУЛАГа как военного ресурса фактически проводилась посредством его частичного демонтажа. Вопреки первоначальным установкам на ужесточение изоляции прошло массовое освобождение заключённых для направления в армию. Ещё более значительной оказалась «разгрузка» лагерей от инвалидов и нетрудоспособных³⁴. На свободу вышла даже часть «политических». Наконец, вынужденно нарушались режимные правила в отношении заключённых. Это находило выражение в расконвоировании, выводе за пределы зоны, разрешении занимать административные должности и т.д.³⁵ В среднем за год в лагерях, колониях и тюрьмах содержалось: в 1941 г. — 2,4 млн человек, а в 1946 г., после военных освобождений и послевоенной амнистии, — 1,4 млн³⁶. Судя по некоторым внутренним материалам НКВД, его руководство рассматривало новую ситуацию в лагерях как обоснование и предпосылку существенного изменения пенитенциарной системы в целом. Она мыслилась как компактная сеть лагерей, в которых на производстве будут заняты преимущественно работоспособные, получающие необходимое снабжение³⁷. В известной степени такие планы реанимировала смерть Сталина.

Эти и многие другие тенденции складывались в результате сложного взаимодействия центральных властей, исполнителей директив из прокуратуры

Toronto, 2018; *Кириллов В.М.* Принудительный труд в СССР: историографический аспект // Уральский исторический вестник. 2017. № 3. С. 81–90.

³² Органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны. Т. 2. Кн. 1 / Сост. В.П. Ямпольский. М., 2000. С. 36–37.

³³ Население России в XX веке. Исторические очерки. В 3 т. Т. 2. М., 2001. С. 195.

³⁴ *Alexopoulos G.* Illness and inhumanity in Stalin's Gulag. New Haven, 2017; *Nakonechnyi M.* «Factory of invalids»: mortality, disability and early release on medical grounds in GULAG, 1930–1955. Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy in History. Oxford, 2020.

³⁵ *Бородкин Л.И., Эрцц С.* Никель в Заполярье: труд заключённых Норильска // ГУЛАГ: экономика принудительного труда. С. 217–218; *Bell W.T.* Was the Gulag an archipelago? De-convoyed prisoners and porous borders in the camps of Western Siberia // *Russian Review*. 2013. Vol. 72. № 1. P. 116–141; *Varenberg A.* Gulag town, company town: forced labor and its legacy in Vorkuta. New Haven, 2014. P. 40–42; *Азаров О.* По тундре, по железной дороге... // Покаяние. Коми республиканский музеевед-журнал жертв массовых политических репрессий. Т. 2. Сыктывкар, 1999. С. 194–195.

³⁶ Население России в XX веке... Т. 2. С. 183.

³⁷ *Иванова Г.М.* История ГУЛАГа... С. 246–247.

и НКВД, хозяйственных администраторов, местных руководителей и советских граждан. Анализируя их, можно говорить о том, что во время войны более ясно обозначились пределы репрессий как элемента военно-мобилизационной системы³⁸.

Исследование отдельных элементов советской мобилизационной системы в годы войны позволяет выявить её характерные черты и направления развития. Однако не меньшее значение имеет изучение интегральных параметров: показателей экономического развития и оценок морально-политического состояния страны.

Широко известные данные свидетельствуют, что несмотря на резкое падение производства продукции базовых отраслей промышленности (топливной, металлургической, электроэнергетики) и транспорта выпуск военной продукции рос значительными темпами и превзошёл соответствующие германские показатели³⁹. Это важнейшее достижение свидетельствовало прежде всего о способности системы концентрировать ресурсы на ключевых направлениях. В последние годы историки военной промышленности изучают механизмы мобилизационной приоритетности. Исследования показывают, что преимущественное развитие ведущих отраслей происходило в результате преодоления многочисленных разрывов: между потребностями военного производства и возможностями ресурсной базы, между высокими количественными планами и качеством выпускаемой продукции и т.д.⁴⁰ Формальные и неформальные методы обеспечения предельно возможной приоритетности в условиях войны и результаты этой политики (в том числе долгосрочные) требуют дальнейшего изучения.

Не менее важный результат мобилизации и одновременно её опора — морально-политическая консолидация фронта и тыла. Характерная особенность новейшей историографии — интенсивное и в разной степени комплексное рассмотрение пропагандистских усилий государства, подавления инакомыслия, условий жизни населения и динамики массовых настроений. В изучении каждого из этих аспектов проблемы достигнуты существенные результаты. На основании новых документов прослеживается эволюция советской пропаганды и деятельность её институтов. При этом обращается внимание на возрождение ценностей традиционного патриотизма, широкое использование морального опыта дореволюционного военного прошлого и т.д.⁴¹ Значительная литература

³⁸ О пределах репрессивной политики, обозначившихся на начальном этапе войны, см.: *Budnitskii O.* The Great Terror of 1941: toward a history of Wartime Stalinist criminal justice // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian history.* 2019. Vol. 20. № 3. P. 447–480.

³⁹ Эти данные в советское время включались в многотомные издания по истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. Ранее секретные цифры ЦСУ о советском производстве были опубликованы: Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Статистический сборник. М., 1990. Сравнительный анализ показателей советского военного производства см.: *The economics of World War II: six Great Powers in international comparison* / Ed. by M. Harrison. Cambridge, 1998.

⁴⁰ *Ермолов А.Ю.* Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы: танковая промышленность. СПб., 2013; *Мухин М.Ю.* Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны; *Запарий В.В.* Танковая промышленность на Урале в 1940-е годы. Екатеринбург, 2015; *Мельников Н.Н.* Танковая промышленность СССР...; *Симонов Н.С.* О качестве советской военной продукции в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // ЭКО. 2020. № 5. С. 42–61.

⁴¹ *Brandenberger D.* National Bolshevism: Stalinist mass culture and the formation of Modern Russian national identity, 1931–1956. Cambridge (Mass.), 2002 (*Бранденбергер Д.Л.* Сталинский руссоцен-

посвящена роли религиозного фактора в мобилизации общества на отпор врагу как принципиально нового элемента политики государства в период войны. Причём данное явление исследуется как сложное взаимодействие государства, религиозных институтов и верующих, в котором каждая из сторон действовала в соответствии со своими интересами⁴². Новые источники позволяют решать проблему действенности официальной пропаганды и СМИ, недостатки которых способствовали, в частности, широкому распространению слухов⁴³.

Самый сложный объект для изучения — массовые настроения и политические установки советских граждан. Важность этой сферы жизни общества неоднократно подчёркивалась в литературе⁴⁴. Многочисленные примеры патриотизма, героизма, самопожертвования и ненависти к врагу, как в очередной раз показано в книге Голдман и Фильцера, сыграли важнейшую роль в достижении победы и обеспечении стабильности государства в чрезвычайных условиях⁴⁵. Вместе с тем картину существенно усложняют другие, не менее реальные явления: распространение коллаборационизма⁴⁶, наличие антиправительственных и пораженческих настроений, рост численности осуждённых (как по политическим статьям, так и за дезертирство). Достаточно сказать, что суды, трибуналы и внесудебные органы в 1941–1945 гг. вынесли более 16 млн приговоров, подавляющее большинство из которых пришлось на нарушения трудовых указов военного времени, воинские преступления, а также антиправительственные высказывания⁴⁷. При этом многие уклонисты от мобилизационных законов избегали преследования. Очевидно, массовые настроения и установки советских граждан отличались сложностью и многообразием. Они могли иметь ярко выраженный ситуативный характер⁴⁸, меняться под воз-

тризм. Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956 гг. М., 2017); Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / Сост. А.Я. Лившиц, И.Б. Орлов. М., 2007; *Горяева Т.М.* Политическая цензура в СССР, 1917–1991 гг. М., 2009; *Berkhoff K.C.* Motherland in danger: Soviet propaganda during World War II. Cambridge (Mass.); L., 2012; *Баландина О.А., Давыдов А.Ю.* Власть, информация и общество: их взаимосвязи в деятельности Советского Информбюро в условиях Великой Отечественной войны. СПб., 2020.

⁴² *Miner S.M.* Stalin's Holy War: religion, nationalism, and Alliance politics, 1941–1945. Chapel Hill, 2003 (*Майнер С.М.* Сталинская священная война: религия, национализм и союзническая политика, 1941–1945. М., 2010); *Одинцов М.И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М., 2014; *Рокуччи А.* Сталин и патриарх. Православная церковь и советская власть. 1917–1958. М., 2016; *Сперанский А.В.* Советская модель управления религиозным процессом в условиях Великой Отечественной войны: центр–периферийный аспект // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2019. Т. 19. № 3. С. 68–74; *Шкаровский М.В.* «Господь дарует нам победу». Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. М., 2020.

⁴³ *Пянкевич В.Л.* Люди жили слухами: неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб., 2014; *Кринко Е.Ф.* Неформальная коммуникация в закрытом обществе: слухи военного времени (1941–1945 гг.) // Новое литературное обозрение. 2009. № 12. С. 494–508.

⁴⁴ *Зима В.Ф.* Менталитет народов России в войне 1941–1945 годов. М., 2000; *Сеняевский А.С., Сеняевская Е.С.* Идеология войны и психология народа // Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 122–235.

⁴⁵ *Goldman W.Z., Filtzer D.* Op. cit. P. 294–336.

⁴⁶ *Махалова И.А.* Коллаборационизм на оккупированных советских территориях: историография последних лет // Российская история. 2019. № 3. С. 141–149.

⁴⁷ История сталинского ГУЛАГа... Т. 1. С. 608, 619.

⁴⁸ *Горинев М.М.* Будни осаждённой столицы: жизнь и настроения москвичей (1941–1942 гг.) // Отечественная история. 1996. № 3. С. 3–28; *Точенов С.В.* Волнения и забастовки на текстиль-

действием факторов личного и общественного характера. Например, по мере успехов на фронтах и осознания преступлений нацизма ослабевали пораженческие настроения, изживались иллюзии по поводу возможных антинацистских настроений и интернациональной поддержки германского рабочего класса, менялось отношение к западным союзникам и т.д.⁴⁹

Изучение таких вопросов стало возможным благодаря расширению документальной базы исследований. Наряду с традиционными источниками (пресса, отчёты о партийно-политической работе партии, комсомола, профсоюзов и т.д.) привлекаются новые комплексы материалов. Неизмеримо выросло количество доступных военных дневников и мемуаров. Широко используются интервью, собранные Комиссией по истории Великой Отечественной войны АН СССР⁵⁰. Всё активнее на основе региональных архивов вводятся в оборот обзоры настроений, составленные органами госбезопасности и партии⁵¹. При этом всё ещё ограничен доступ к информационным материалам из архивов центрального аппарата НКВД–НКГБ, которые, судя по отдельным публикациям, могли бы придать импульс изучению массовых настроений и ситуации в стране⁵².

В зависимости от использованных источников, а также (в ряде случаев) от политической мотивации, в исследованиях по проблеме массовых настроений и ценностей военного поколения видны различные акценты. Преимущественное внимание уделяется двум полюсам: активному и сознательному усвоению государственных ценностей в процессе формирования советской субъективности и антиправительственным настроениям и действиям. В целом особый интерес к этим наиболее активным социальным группам оправдан. Именно они выступали центрами притяжения и консолидации, что, в конечном счёте,

ных предприятиях Ивановской области осенью 1941 года // Отечественная история. 2004. № 3. С. 42–47.

⁴⁹ *Budnitskii O.* The Great Patriotic War and Soviet society: defeatism, 1941–1942 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian history*. 2014. Vol. 15. № 4. P. 767–798; *Голубев А.В., Поршнев О.С.* Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012; *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.

⁵⁰ Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. / Отв. ред. С.В. Журавлёв. М.: СПб., 2015. Оценка этого комплекса документов как исторического источника см.: *Романько О.В., Будницкий О.В., Сенявская Е.С., Кринко Е.Ф., Безугольный А.Ю.* Диалог о книге: «Здесь кровью полит каждый метр...». Рассказы участников освобождения Крыма. 1943–1944 гг. // *Российская история*. 2021. № 3. С. 182–214; *Budnitskii O.* A Harvard project in reverse. Materials of the Commission of the USSR Academy of Sciences of the history of the Great Patriotic War – publications and interpretations // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian history*. 2018. Vol. 19. № 1. P. 175–202.

⁵¹ *Кузьминых А.Л.* «Наверное, будет война...»: политические настроения населения Вологодской области накануне и в начале Великой Отечественной войны // *Историк и его время. Памяти профессора Виктора Борисовича Конасова*. Вологда, 2010. С. 130–139; *Ломагин Н.А.* В тисках года. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев. СПб., 2014; *Болокина Л.А.* Негативные настроения калининцев в 1941–1943 гг. // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*. 2019. № 4. С. 66–79; и др.

⁵² См., например: *Христофоров В.С.* Общественные настроения в СССР: июнь–декабрь 1941 г. // *Великая Отечественная война. 1941 год: Исследования, документы, комментарии* / Отв. ред. В.С. Христофоров. М., 2011. С. 475–478; *Христофоров В.С.* Общественные настроения в СССР: 1943 год // *Великая Отечественная война. 1943 год: Исследования, документы, комментарии* / Отв. ред. В.С. Христофоров. М., 2013.

определяло морально-политическое состояние и степень готовности к отпору врагу. Однако это не исключает необходимости исследования той значительной части населения, которая руководствовалась тактикой политически нейтрального выживания в экстремальных условиях военного времени⁵³.

Подводя итоги этому краткому обзору, важно отметить, что современные исследования позволяют гораздо полнее понять феномен советской мобилизационной системы военного периода. Её главными чертами можно считать предельный уровень развития и централизованно-стихийную самокорректировку. Изменения в системе, повышавшие её отдачу, явились результатом взаимодействия принципиальных решений руководства страны, автономных практик аппарата управления и различных ответов населения на требования государства. Подвергаясь разнонаправленным влияниям, мобилизационная система демонстрировала не только свои возможности, но и их пределы, уровень собственной эффективности и перспективы эволюции. Можно ожидать, что развитие этих исследовательских подходов внесёт важный вклад в историографию.

⁵³ Обзор этих вопросов см.: *Edele M.* «What are we fighting for?» Loyalty in the Soviet War effort, 1941–1945 // *International labor and working class history*. 2013. № 84. P. 248–268; *Edele M.* *Stalin's defectors: how Red Army soldiers became Hitler's collaborators, 1941–1945*. N.Y., 2017.

Блокадный Ленинград: новые источники и исследования (2015–2021)

Кирилл Болдовский

The Siege of Leningrad: new sources and researches (2015–2021)

Kirill Boldovski

(Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences)

DOI: 10.31857/S0869568722030104, EDN: FXDTQT

Изучение блокады Ленинграда насчитывает около 80 лет. За этот период опубликованы сотни научных работ и десятки сборников документов. Историография испытала на себе влияние практически всех событий послевоенной истории страны, когда в зависимости от политической конъюнктуры менялись оценки даже таких ключевых фактов, как количество жертв среди населения города¹. В подготовленных сотрудниками Российской национальной библиотеки библиографических справочниках приведены сведения о более чем 2 тыс. книг и статей, изданных с 2000 по 2012 г.², и о 984 публикациях за период с 2013 по первую половину 2016 г.³ Поисковая система Elibrary.ru только по запросу «блокада Ленинграда» выдаёт информацию о 808 работах, из которых 569 вышли в свет с 2015 г. За последние годы опубликованы и несколько статей, посвящённых изучению истории блокады⁴.

Интерес отечественных и зарубежных исследователей обусловлен не только масштабом события, не имеющего себе равных по трагизму и стойкости в XX в., но и уникальностью ситуации, в которой на протяжении 872 дней находился крупнейший промышленный и культурный центр СССР. Изоляция огромного конгломерата промышленных и гражданских объектов от остальной страны, жизнь в непосредственной близости от линии фронта стали необычным явлением даже по меркам Великой Отечественной войны, богатой на неожиданности.

За последние пять–шесть лет в научный оборот введено значительное количество источников о системе управления блокадного Ленинграда. Осо-

© 2022 г. К.А. Болдовский

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-19-50303/20.

¹ Кантор Ю.З. «Улицы стали проспектами мёртвых». К вопросу о смертности в Ленинграде в первое полугодие блокады (по документам Архива УФСБ по СПб и ЛО) // Петербургский исторический журнал. 2018. № 4. С. 142–151; Соболев Г.Л., Ходяков М.В. Противоборство жизни и смерти: некоторые итоги изучения истории блокады Ленинграда // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 2. С. 293–315.

² Ленинград и Ленинградская область в Великой Отечественной войне: указатель литературы за 2000–2013 гг. / Сост. Ю.В. Иванов и др. СПб., 2014. С. 1.

³ Ленинград и Ленинградская область в Великой Отечественной войне. Литература за 2013 – первую половину 2016 гг. (URL: <http://nlr.ru/res/inv/blokada/2016t.php#45>).

⁴ Соболев Г.Л. Блокада Ленинграда: постижение правды // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 72–87; Кантор Ю.З. Ленинградская блокада: историческая память и историческая политика – болевые точки пересечения // Великая Отечественная война в памяти поколений. Сборник научных трудов. СПб., 2015. С. 277–284; Соболев Г.Л., Ходяков М.В. Публикация новых документов как важный фактор дальнейшего изучения обороны и блокады Ленинграда // Новейшая история России. 2019. Т. 9. Вып. 1. С. 8–34.

бенность публикаторской активности этого периода – переход от подборок документов к комплексам источников. В 2019–2022 гг. вышли три части сборника «Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг.»⁵, включающего тексты практически всех постановлений этого периода: бюро и секретариатов ленинградских горкома и обкома ВКП(б), а также стенограммы их заседаний. Надо отметить, что именно бюро горкома выступало высшей инстанцией по вопросам производства и жизнедеятельности города. В сборниках, подготовленных сотрудниками Центрального государственного архива Санкт-Петербурга⁶, приведены стенографические записи заседаний Ленгорисполкома. Такие публикации предоставляют возможность судить о том, что сделали те или иные властные органы блокированного города, как принимались конкретные управленческие решения. Не менее важно, что они позволяют увидеть, чего эти органы не сделали. Насущной задачей является подготовка к публикации и введение в научный оборот полного комплекса постановлений и решений ещё одного руководящего регионального органа – Военного совета Ленинградского фронта, работа над которым сейчас идёт в Санкт-Петербургском институте истории РАН.

Одно из важнейших направлений изучения системы управления блокадного города – взаимодействие региональных и центральных властей по вопросам обеспечения обороны Ленинграда, функционирования его промышленности и эвакуации. За последние годы появилось несколько публикаций, проясняющих отдельные аспекты этой проблемы⁷. В конце 2019 г. вышел в свет сборник документов, подготовленный в Российском государственном архиве социально-политической истории⁸. Несмотря на критические замечания, обоснованные в адрес составителей⁹, нельзя не признать, что издание источников о действиях центра по отношению к Ленинграду – весьма важный шаг. В настоящее время, благодаря усилиям работников РГАСПИ, исследователям доступен большой массив постановлений и распоряжений ГКО и СНК СССР¹⁰. В то же

⁵ Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Сборник документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний / Отв. сост. К.А. Болдовский. В 3 ч. Ч. I. Июнь 1941 г. – март 1942 г. СПб., 2019; Ч. II. Март–декабрь 1942 г. СПб., 2020; Ч. III. Январь 1943 г. – январь 1944 г. В 2 кн. СПб., 2022.

⁶ Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета. Записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, ноябрь 1941 – декабрь 1942 гг. Сборник документов / Отв. сост. Н.Ю. Черепенина. СПб., 2017; Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета. Записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, январь 1943 – декабрь 1943 гг. Сборник документов / Отв. сост. Н.Ю. Черепенина. СПб., 2018.

⁷ Болдовский К.А., Соболев Г.Л., Ходяков М.В. «Вы просто неорганизованные люди и не чувствуете ответственности за свои действия»: из переговоров по прямому проводу между Москвой и Ленинградом в 1941–1942 гг. // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 275–292; Газиева Л.Л. «При всех золотых качествах ленинградского народа приходится всё время следить, чтобы никто не вешал нос на квинту...». Из личной переписки А.А. Жданова с И.В. Сталиным в 1941–1942 гг. // Военно-исторический журнал. 2015. № 3. С. 31–35; Ломагин Н.А. «Народному комиссару Оборону товарищу Сталину: донесения командующего Ленинградским фронтом К.Е. Ворошилова» // Новейшая история России. 2019. Т. 9. Вып. 1. С. 35–55.

⁸ Оборона Ленинграда. 1941–1945: документы и материалы / Авт.-сост. А.К. Сорокин. М., 2019.

⁹ Соболев Г.Л., Ходяков М.В. Архивный фетишизм и историографический нигилизм в одном подходе к изучению истории обороны Ленинграда // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 2. С. 529–539.

¹⁰ Подробнее см.: Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б): повестки дня заседаний, 1919–1952. Каталог. В 3 т. / Отв. ред. Г.М. Адибеков. М., 2000–2001; Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941–1945 гг. / Сост. Г.В. Горская и др. Т. 1–2. М., 2015.

время до сих пор не введены в научный оборот важнейшие документы о стабилизации обстановки в городе. Вероятно, именно из-за этого в научной литературе недостаточно исследован комплекс военных и гражданских мероприятий, принятый после решающего совещания у И.В. Сталина 17 декабря 1941 г. Более того, до сих пор остаются на периферии исследований само совещание и его роль в последующих событиях. Между тем об экстраординарном характере этого события свидетельствует то, что для присутствия на нём А.А. Жданов на один день улетел из блокированного Ленинграда в Москву (единственный его выезд из города с начала июня 1941 г. до лета 1942 г.¹¹). По результатам совещания оказались приняты несколько важных документов, о которых в настоящее время известно только по упоминаниям в других источниках¹².

Активно развивается изучение социальной истории блокады. Во многом это обусловлено возросшим интересом к источникам личного происхождения, в первую очередь дневникам и воспоминаниям. Исследованию дневников посвящён сборник «Феномен блокадного дневника»¹³, в котором наряду с текстами опубликованы и источниковедческие статьи. Группа учёных Санкт-Петербургского государственного университета выпустила сборник воспоминаний «Блокада Ленинграда глазами детей и подростков»¹⁴. Конечно, подготовка к публикации дневников требует особого внимания. В статьях А.Ю. Павловской исследуются материалы многочисленных интервью с участниками блокады (военными и гражданскими лицами), хранящиеся в фонде Ленинградского института историко-политических исследований (бывшего Института истории партии Ленинградского обкома КПСС) Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ф. 4000)¹⁵. Их сбор работники института начали ещё до снятия блокады. Эти усилия во многом напоминают работу известной «Комиссии И.И. Минца». Конечно, подготовка к публикации требует особого внимания. Это-документы специфичны, их издание должно сопровождаться профессиональными комментариями и сверкой с другими источниками.

В 2020 г. вышел в свет альбом с качественными фотокопиями многочисленных документов, обеспечивавших повседневную жизнь во время блокады: пропусков, удостоверений, карточек, талонов¹⁶. Подготовка и комментирование публикации осуществлены работниками ЦГА Санкт-Петербурга.

¹¹ *Болдовский К.А.* Ленинград в декабре 1941 года // Новейшая история России. 2019. Т. 9. Вып. 1. С. 70–82.

¹² Так, например, 17 декабря 1941 г. принято постановление СНК СССР № 336, предусматривавшее выплату зарплаты работникам предприятий Ленинграда, деятельность которых остановлена из-за перебоев с топливом и электроэнергией. Подробнее см.: Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда... Ч. 1. С. 562–564.

¹³ «Я знаю, что так писать нельзя». Феномен блокадного дневника / Сост. А.Ю. Павловская. СПб., 2022.

¹⁴ *Богомазов Н.И., Петров И.В., Пржигодская О.В., Соболев Г.Л., Тарасова Е.А., Ходяков М.В.* Блокада Ленинграда глазами детей и подростков. Социокультурный аспект. СПб., 2019.

¹⁵ *Павловская А.Ю.* Формируя память о блокаде: Ленинградский институт истории ВКП(б) в годы Великой Отечественной войны // Материалы всероссийской научной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения проф. В.В. Мавродина. СПб., 2018. С. 216–219; *Павловская А.Ю.* Блокадный архив Ленинградского отделения Института истории ВКП(б): сбор воспоминаний горожан в 1942–1944 годах и влияние исторического авангардизма // Неприкосновенный запас. 2019. № 6. С. 104–118.

¹⁶ Повседневные документы ленинградцев в годы войны и блокады 1941–1945 гг. Альбом / Отв. сост. Н.Ю. Черепенина. СПб., 2020.

Представляется весьма перспективной подготовка и реализация проектов по созданию различных тематических баз данных. Речь не только о накоплении и публикации исторических источников с помощью Интернет-ресурсов¹⁷, но и об использовании в исследовательской работе базы данных о награждённых медалью «За оборону Ленинграда»¹⁸ и об эвакуированных в период блокады¹⁹. На сегодняшний день они содержат соответственно около 205 тыс. и около 834 тыс. записей. Работа по анализу с использованием современных методов исследования крупных массивов данных может, как представляется, дать интересные результаты.

Влияние органов власти на жизнь социума было высоко на протяжении всего советского периода. В чрезвычайных условиях войны и блокады оно достигло практического максимума и логично, что ныне привлекает значительное внимание исследователей. Переход полномочий, ранее принадлежавших центральным ведомствам, к ленинградским руководителям происходил на протяжении осени 1941 г. В настоящее время неизвестно о существовании конкретного директивного документа, который определил этот переход. Скорее всего, его и не существовало. Система управления создавалась ситуационно, методом проб и ошибок. Сформировавшийся в результате стиль управления в определённой степени отражал подспудные тенденции в средних эшелонах «сталинской» системы управления. Ослабление контроля верховной власти привело к формированию устойчивой региональной структуры, изучение которой — одна из важнейших задач «блокадной» историографии. За последние годы в изучении этих вопросов сделано немало.

Следует отметить, что «блокадная» деятельность группы высших руководителей региона только недавно стала привлекать внимание исследователей. За последние годы опубликованы монография, посвящённая П.С. Попкову²⁰, и статья о Н.В. Соловьёве²¹. Таким образом, не считая А.А. Жданова, чья биография военной поры также нуждается в уточнении на основе ставших доступными источников, вне поля зрения учёных до сих пор остаются такие фигуры, как А.А. Кузнецов, который во время войны руководил всей текущей работой горкома, и Я.Ф. Капустин, координировавший работу промышленности.

Продолжаются исследования кадрового состава партийно-государственного аппарата. В первую очередь следует упомянуть проект по изучению персональных данных руководителей города²². На основании анализа сведений о более чем 1 тыс. представителей высшего и среднего уровня региональной власти участники проекта сделали ряд интересных выводов. В первую очередь — о чрезвычайной стабильности кадрового состава руководящего аппарата, нехарактерной не только для других регионов в годы войны, но и для системы управления сталинского периода в целом. В Ленинграде практически не было

¹⁷ Прожито. Личные истории в электронном корпусе дневников (URL: <https://prozhito.org>); Ленинград в осаде. Архивные документы Второй мировой войны (URL: <https://blockade.spbarchives.ru>).

¹⁸ Медаль «За оборону Ленинграда» (URL: <https://medal.spbarchives.ru>).

¹⁹ Блокада Ленинграда. Эвакуация (URL: <https://evacuation.spbarchives.ru>).

²⁰ Амосова А.А. Преданный забвению: политическая биография Петра Попкова. 1937–1950. СПб., 2014.

²¹ Brandenberger D., Amosova A., Pivovarov N. The rise and fall of a Crimean party boss: Nikolai Vasil'evich Solov'ev and the Leningrad affair // *Europe-Asia Studies*. 2019. Т. 71. № 6. С. 951–971.

²² Твердокова Е.Д. Опыт создания базы данных «Руководители блокадного Ленинграда» // Отечественные архивы. 2021. № 3. С. 15–22.

«назначенцев с Большой земли». Должности руководителей, переведённых из блокадного города (как правило, «с повышением» — для работы в центральном аппарате), замещались местными кадрами²³. Составлен «коллективный портрет» руководителей периода блокады. В подавляющем большинстве это были относительно молодые люди (от 35 до 40 лет), получившие высшее образование в первой половине 1930-х гг. и пришедшие на руководящие должности в 1938–1939 гг. Этот кадровый состав оставался в целом неизменным вплоть до чисток 1949–1951 гг. О трудностях в подборе сотрудников для руководящих организаций, связанных с «кадровым дефицитом», рассказано в статье В.А. Иванова²⁴.

Неоднократно рассматривались сюжеты, связанные с деятельностью административных и правоохранительных органов²⁵. В 2018 г. вышла коллективная монография, в которой на основе новых источников проанализирована деятельность Военного трибунала Ленинградского фронта²⁶. Данные, ставшие доступными в последнее время в федеральных и региональных архивах, дают возможность прийти к обобщающим заключениям по таким интересным проблемам, как, например, структура и причины преступности и практики руководства правоохранительными органами со стороны региональных партийных органов.

Значительное количество работ, вышедших за последние годы, посвящено как общим вопросам организации системы управления²⁷, так и деятельно-

²³ *Болдовский К.А.* «В своём кругу...»: стенограммы заседаний бюро Ленинградского горкома ВКП(б) как источник по истории блокады Ленинграда // Россия на переломе: войны, революции, реформы. XX век. Сборник статей. СПб., 2018. С. 242–254; *Болдовский К.А.* Актуальные вопросы исследований управленческих кадров Ленинграда периода обороны и блокады города // Петербургский исторический журнал. 2019. № 3. С. 110–116; *Твердюкова Е.Д.* Советский делопроизводственный канон в автобиографиях руководителей блокадного Ленинграда // Петербургский исторический журнал. 2019. № 3. С. 117–129; *Болдовский К.А.* Партийный аппарат Ленинграда как элемент управленческой структуры города периода блокады // Петербургский исторический журнал. 2020. № 3. С. 201–215; *Чистиков А.Н.* Личные дела ленинградских управленцев как источник по истории блокады // Отечественные архивы. 2021. № 3. С. 22–29; *Твердюкова Е.Д.* Управленческие кадры блокадного Ленинграда // Science SpbU-2020. Международная конференция по естественным и гуманитарным наукам. СПб., 2021. С. 1614–1615.

²⁴ *Иванов В.А.* Кадровый голод в Ленинграде летом–осенью 1942 года и его последствия // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне). Материалы международной научной конференции. В 2 ч. СПб., 2020. С. 1066–1074.

²⁵ *Иванов В.А., Иванов Д.В.* Преступный факториал блокады и антикриминальная мощь государства: историко-правовой контекст // Великая Отечественная война в памяти поколений. Сборник научных трудов. СПб., 2015. С. 141–149; *Кутузов А.В.* П.Т. Куприн — начальник особого отдела НКВД Ленинградского фронта, комиссар госбезопасности 3-го ранга // Правда и Закон. 2018. № 3. С. 13–17; *Рунасов А.И.* Ленинградский городской государственный арбитраж в годы блокады // Петербургский исторический журнал. 2019. № 3. С. 183–192; *Рунасов А.И.* Военная прокуратура блокадного Ленинграда // Ленинград. Война. Блокада. Прорыв блокады: материалы и исследование. СПб., 2019. С. 401–408.

²⁶ *Даудов А.Х., Куницевиц Ю.М., Ходяков М.В.* Военный трибунал Ленинградского фронта в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2018.

²⁷ *Болдовский К.А.* Горком ВКП(б) и система управления Ленинградом в начале Великой Отечественной войны // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 2016. Вып. 2. С. 61–73; *Болдовский К.А.* Партийный аппарат Ленинграда как элемент управленческой структуры города периода блокады // Петербургский исторический журнал. 2020. № 3. С. 201–215; *Орав В.А.* Решения Ленинградского горкома ВКП(б) и исполкома Ленгорсовета в блокадную зиму 1941/42 г.: сравнительный анализ // Отечественные архивы. 2020. № 2. С. 23–33; *Твердюкова Е.Д.* Контроль исполнения решений в системе исполнительной власти Ленинграда в годы блокады (1941–1944) // Петербургский исторический журнал. 2020. № 3. С. 177–188; *Чистиков А.Н.* Чрезвычайные органы управления Ленинградом летом 1941 г. // Петербургский исторический журнал. 2020. № 3. С. 189–200.

сти конкретных структур²⁸. Важнейшая сторона жизни города-фронта – работа промышленности. В горкоме партии ежемесячно составлялись плановые задания для оборонной, пищевой, текстильной, резинотехнической, химической отраслей, электропромышленности. Наряду с региональными структурами ведущую роль в организации работы предприятий играли такие подразделения центральных органов, как аппарат уполномоченного Госплана, Ленинградское управление государственных материальных резервов и различные сбытовые организации (например, «Главнефтьснаб»). В 2015 г. увидела свет статья С.И. Подольского²⁹, в которой описана деятельность уполномоченных Госплана в Ленинграде. «Блокадная» работа остальных структур пока ждёт своих исследователей. Вопросам деятельности промышленности и финансовых органов города посвящена монография А.В. Зотовой, в которой приведены интересные и разнообразные сведения об экономике города, хотя некоторые выводы вызывают сомнения³⁰. Проблемы становления системы управления военной промышленностью в первый период блокады рассмотрены в статьях А.М. Рябкова³¹. Вопросам работы пищевой промышленности посвящены статьи Н.А. Ломагина и О.А. Гавриловой³². Проблемы функционирования транспорта раскрыты в статьях Э.Л. Коршунова и А.И. Рупасова, П.С. Чекалёва-Демидовского, А.Н. Чистикова³³. К сожалению, практически

²⁸ Рупасов А.И. Деятельность адвокатуры в блокадном Ленинграде // Петербургский исторический журнал. 2020. № 1. С. 283–292; Рупасов А.И. Финансовые органы Ленинграда: руководящий кадровый состав (1941–1942) // Петербургский исторический журнал. 2020. № 3. С. 230–239; Твердюкова Е.Д. Ленинградский городской отдел здравоохранения и Военно-санитарное управление Ленинградского фронта: проблемы взаимодействия в 1941–1942 годах // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 4. С. 864–874.

²⁹ Подольский С.И. Трансформация управленческой вертикали в экстремальных условиях: аппарат уполномоченного Госплана СССР в блокадном Ленинграде (1941–1943) // Великая Отечественная война в памяти поколений. С. 48–55.

³⁰ Например, слова автора о том, что «с июня 1941 до мая 1945 года Ленинград не только не снижал, но и ощутил нарастающий свой сельскохозяйственный потенциал, во многом находясь на самообеспечении сельскохозяйственной продукцией, что давало возможность обеспечивать продовольствием не только горожан, но и военнослужащих Ленинградского фронта» (Зотова А.В. Экономика блокады. СПб., 2016. С. 12) противоречат известным фактам о смертности населения зимой 1941–1942 гг.

³¹ Рябков А.М. 1941 год. Промышленное производство до и после начала блокады. Цели, способы, эффективность // Битва за Ленинград 1941–1944 гг. Подвиг города-героя в Великой Отечественной войне. Материалы конференции. СПб., 2019. С. 30–38; Рябков А.М. Заседание партийно-хозяйственного актива Кировского завода 12 декабря 1941 г. // Петербургский исторический журнал. 2020. № 4. С. 174–193; Рябков А.М. Особенности работы ленинградских предприятий народного комиссариата боеприпасов в 1941 году // Технологос. 2020. № 3. С. 22–46; Рябков А.М. Авиационное производство в Ленинграде в 1941 году – от апогея до коллапса // Великая Победа в реалиях современной эпохи: историческая память и национальная безопасность. Сборник научных статей. Екатеринбург, 2020. С. 49–57.

³² Гаврилова О.А. «Пиво же им выдаётся потому, что в известной степени является продуктом питания»: о производстве и потреблении пива в блокадном Ленинграде // Петербургский исторический журнал. 2017. № 2. С. 60–81; Ломагин Н.А. Кругом вода, а рыбы нет: к вопросу об обеспечении Ленинграда местными ресурсами в период блокады, 1941–1944 гг. // Петербургский исторический журнал. 2021. № 2. С. 101–129.

³³ Коршунов Э.Л., Рупасов А.И. До выхода ленинградского троллейбуса на лёд Ладоги оставались считанные дни // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни: материалы и исследования. СПб., 2018. С. 102–118; Чекалёв-Демидовский П.С. Газогенераторный транспорт как попытка решения проблемы топливного обеспечения блокадного Ленинграда // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 4. С. 868–879; Чекалёв-Демидовский П.С. Автобусные колонны на ледовой трассе:

вне поля зрения исследователей остаются такие важные для города и фронта сферы, как текстильная и лёгкая промышленность, предприятия которых работали практически постоянно.

Важнейшим для исследования жизни блокированного города является вопрос о поступлении и распределении ресурсов. В поле зрения исследователей по большей части находятся проблемы, связанные с продовольствием. Это закономерно, поскольку именно снабжение им касалось непосредственно и сразу не только жителей, но и военнослужащих Ленинградского фронта и Балтийского флота. Однако остродефицитными оказались также уголь, нефть, бензин, моторное масло и электроэнергия. Как следует из документов, в критические периоды бензин, например, распределялся по организациям и предприятиям с точностью до 0,5 кг. Организация работ по доставке и распределению энергоресурсов требует самого тщательного изучения.

Что же касается продовольствия, то в деле изучения его поставок, производства в региональных масштабах и механизмов распределения сделано уже немало. В статье Г.Л. Соболева и М.В. Ходякова детально разобраны история Продовольственной комиссии Военного совета Ленинградского фронта – чрезвычайного органа, созданного в январе 1942 г. во время наибольших продовольственных трудностей. Эта комиссия стала одним из главных инструментов «продовольственной диктатуры» ленинградских властей, которые ориентировались «на поддержку тех социальных и профессиональных групп населения, от которых зависела судьба осаждённого города»³⁴. Вопросам распределения продовольствия и функционирования карточной системы посвящены публикации О.А. Гавриловой и М.В. Ходякова³⁵, которые исследовали чрезвычайно сложную, многоуровневую систему снабжения различных категорий ленинградцев.

В последнее время, после введения в научный оборот новых массивов источников, стал актуальным и вопрос рабочей силы. Её интенсивное использование в самых разных объёмах и формах позволило в краткие сроки осуществить масштабные мероприятия: строительство оборонительных сооружений, очистку города весной 1942 г., интенсивные торфо- и лесозаготовки. Предстоит исследовать то, как проводились трудовые мобилизации, отношение к ним населения, методы распределения рабочих между предприятиями.

Вопросы работы органов здравоохранения, социальных служб, торговли и общественного питания находятся на стыке изучения власти и общества. От

эвакуация населения Ленинграда зимой 1941–1942 г. // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2019. № 4. С. 61–71; *Чистиков А.Н.* Возобновление трамвайного движения в блокированном Ленинграде: партийно-советские решения и их реализация // Петербургский исторический журнал. 2019. № 3. С. 224–249.

³⁴ *Соболев Г.Л., Ходяков М.В.* Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 г. // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 17.

³⁵ *Гаврилова О.А.* «Блокадные банкеты»: к истории нормированного снабжения Ленинграда в 1942 г. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2015. № 21. С. 415–420; *Гаврилова О.А., Ходяков М.В.* Эволюция карточной системы в блокадном Ленинграде // Journal of Tsinghua University. 2015. № 1. С. 140–144 (на кит. яз.); *Гаврилова О.А., Ходяков М.В.* Изготовление продовольственных карточек в блокадном Ленинграде. 1941–1943 гг. // Новейшая история России. 2016. № 2. С. 44–67; *Ходяков М.В.* «Литерный откорм процветает баснословно»: продовольственные привилегии в блокированном Ленинграде. 1941–1943 гг. // Государство, общество, личность в истории России (XVIII–XX вв.). Сборник научных трудов к 80-летию со дня рождения В.С. Извозика. СПб., 2018. С. 209–216; *Ходяков М.В.* Иерархия продовольственного снабжения в блокадном Ленинграде // Российская история. 2019. № 3. С. 163–166.

работы этих организаций и предприятий зависело качество повседневной жизни, а иногда и выживание горожан. Наиболее содержательные статьи и документальные публикации по этим темам принадлежат перу О.А. Гавриловой и Е.Д. Твердюковой³⁶. А.В. Кутузов проанализировал организацию противоэпидемических мероприятий³⁷. В статьях В.Л. Пянкевича рассмотрены проблемы столкновения интересов властей и населения по вопросам функционирования рыночной и коммерческой торговли³⁸. В статье А.Н. Фёдорова на примере Кировского завода в Челябинске показано, как опыт организации продовольственного распределения, выработанный в условиях голодающего Ленинграда, применялся в других регионах страны³⁹.

В чрезвычайных условиях блокады пришло осознание необходимости новых практик как в сфере повседневной жизни, так и в области управления. Власть, активно использовавшая методы «продовольственной диктатуры» в области распределения, столкнулась с необходимостью развития и поощрения различных инициатив «снизу»: создания подсобных хозяйств на предприятиях, поощрения индивидуального огородничества, смягчения репрессий по отношению к частной торговле на рынках и т.п. Эти меры оказались вынужденными, но без них обеспечить существование жителей уже не получалось. Население в свою очередь пришло к осознанию того, что выживание требует личных усилий, и что рассчитывать исключительно на помощь властей уже не приходится. Изучению этих политико-экономических и социологических проблем посвящено несколько научных работ. Среди них следует отметить известную монографию Н.А. Ломагина, которая в 2019 г. была переиздана уже в третий раз⁴⁰. В статьях этого же автора, написанных в том числе в соавторстве с американским учёным Дж. Хассом, исследуются вопросы политики властей в отношении организации снабжения города. Авторы обоснованно ставят вопросы о пределах действия «продовольственной диктатуры», о неспособности региональных властей обеспечить выживание региона исключительно за счёт государства, вынуждавшей идти на частичное признание частной инициативы⁴¹.

³⁶ *Твердюкова Е.Д.* «Наши магазины имеют блокадный вид»: документы о практике снабжения промтоварами населения Ленинграда (1943–1947 гг.) // *Война и блокада. Сборник памяти В.М. Ковальчука.* СПб., 2016. С. 321–358; *Гаврилова О.А.* Организация общественного питания в блокадном Ленинграде. По материалам трестов столовых // *Битва за Ленинград...* С. 155–160.

³⁷ *Кутузов А.В.* Профилактика эпидемий в блокадном Ленинграде: «Особенно жуткую картину в этот период представляли собой эвакуопункты...» // *Ленинградская битва в Великой Отечественной войне. Материалы всероссийской научной конференции, посвящённой 75-летию Победы в Великой Отечественной войне.* СПб., 2020. С. 247–251.

³⁸ *Пянкевич В.Л.* Власть и рынок в блокадном Ленинграде // *Российская история.* 2017. № 6. С. 52–66; *Пянкевич В.Л.* «Успех только будет при открытии коммерческих магазинов»: горожане, власть и государственная коммерческая торговля в блокадном Ленинграде // *Петербургский исторический журнал.* 2020. № 3. С. 216–229.

³⁹ *Фёдоров А.Н.* Блокадный опыт в тылу: борьба с голодом на Кировском заводе в Челябинске в 1943 г. // *Битва за Ленинград...* С. 39–46.

⁴⁰ *Ломагин Н.А.* В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев. Изд. 3, испр. СПб., 2019.

⁴¹ *Ломагин Н.А.* Учёт и контроль — основа социализма: размышления о внутренних причинах голода в Ленинграде осенью и зимой 1941–42 гг. // *Петербургский исторический журнал.* 2019. № 3. С. 155–182; *Ломагин Н.А., Хасс Д.К.* Making peace with War: adaptation and the Soviet political economy in the blockade of Leningrad // *Новейшая история России.* 2020. Т. 10. Вып. 1. С. 53–69.

Продолжаются исследования различных аспектов эвакуации населения. В статье В.Л. Пянкевича и А.Н. Чистикова рассмотрен малоизвестный эпизод первого периода блокады — эвакуация жителей по льду Ладожского озера, ещё до начала движения по военно-автомобильной дороге № 101 («Дороге жизни») ⁴². В 2019 г. вышел сборник «Побратимы» ⁴³, собравший статьи исследователей из 27 регионов, в которых размещали эвакуированных ленинградцев. Уникальность издания обусловлена не только широкими территориальными рамками, но и полнотой исследований, основанных прежде всего на источниках из региональных архивов.

Традиционное направление исследований — изучение влияния военных действий на жизнь города. Следует отметить проект многотомной серии «Ленинград. Война. Блокада», в рамках которой подготовлено пять сборников ⁴⁴, посвящённых разным периодам. Каждый включает документальные публикации из фондов Центрального архива Министерства обороны РФ. В статьях А.М. Рябкова анализируются данные о бомбёжках и артиллерийских обстрелах ⁴⁵. На основе тщательно изученных источников автор сделал обоснованные выводы о содержащихся в отчётах искажениях.

Представляется перспективным изучение архивных источников германской армии и спецслужб. Так, в публикации П.А. Гаврилова и В.А. Мосунова ⁴⁶ приведён отчёт немецкой разведгруппы, которая в феврале—марте 1942 г. провела более 10 дней в осаждённом городе. Подобные документы интересны не только для анализа сведений, известных противнику, но и с точки зрения наблюдений за повседневной жизнью города глазами неприятеля.

В исследованиях социальной истории блокады явно выражена тенденция перехода от описания свидетельств о настроениях населения из дневников, воспоминаний, информационных сводок и «писем во власть», к обобщающим исследованиям. Учёные анализируют причины и последствия реакций «блокадного социума» и отдельных его групп на вызовы чрезвычайных обстоятельств и катастрофической обстановки.

Наиболее известной научной работой последнего десятилетия стала монография ныне покойного С.В. Ярова ⁴⁷. В недавно вышедшей и пока ещё не переведённой на русский язык книге Дж. Хасс продолжил исследования

⁴² Пянкевич В.Л., Чистиков А.Н. Пешком по озеру: эвакуация населения из Ленинграда в конце ноября — начале декабря 1941 г. // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 1. С. 56—69.

⁴³ Побратимы. Регионам, принявшим жителей блокадного Ленинграда, посвящается / Отв. ред. Ю.З. Кантор. М., 2019.

⁴⁴ Ленинград. Война. Блокада. Город-фронт: материалы и исследования / Сост. П.В. Игнатьев. Изд. 2, испр. и доп. СПб., 2019; Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни: материалы и исследования / Сост. П.В. Игнатьев и др. Изд. 2, испр. и доп. СПб., 2019; Ленинград. Война. Блокада. Прорыв блокады: материалы и исследования / Сост. П.В. Игнатьев и др. СПб., 2019; Ленинград. Война. Блокада. Снятие осады: материалы и исследования / Сост. П.В. Игнатьев и др. СПб., 2020; Ленинград. Война. Блокада. Победные залпы: материалы и исследования / Сост. П.В. Игнатьев и др. СПб., 2020.

⁴⁵ Рябков А.М. Артиллерийские обстрелы и бомбардировки Ленинграда. 1943 г. По материалам Центрального государственного архива Санкт-Петербурга // Ленинград. Война. Блокада. Прорыв блокады... С. 409—426; Рябков А.М. О количестве снарядов, выпущенных вражеской артиллерией по Ленинграду в годы Великой Отечественной войны // Петербургский исторический журнал. 2019. № 3. С. 211—223.

⁴⁶ Гаврилов П.А., Мосунов В.А. Немецкая агентура в блокадном Ленинграде. Об одном донесении марта 1942 г. // Петербургский исторический журнал. 2018. № 2. С. 197—208.

⁴⁷ Яров С.В. Блокадная этика: представления о морали в Ленинграде в 1941—1942 гг. СПб., 2011.

в этом направлении⁴⁸. На основе официальных источников (партийных сводок, донесений органов внутренних дел, отчётов предприятий и учреждений) и эго-документов (дневников, воспоминаний, материалов устной истории) о жизни в условиях блокады он постарался выявить основные механизмы адаптации рядовых ленинградцев и представителей власти к нечеловеческим условиям. В монографии В.Л. Пянкевича исследуется важная проблема реакций населения в условиях острого информационного дефицита, особенно характерного для первого периода блокады⁴⁹. Отсутствие ясных официальных данных способствовало возникновению слухов, анализ которых интересен для изучения не только блокадного периода, но и советского общества в целом. В других работах этого автора исследуются реакции населения на различные внешние факторы⁵⁰. Интересны выводы о том, как менялось отношение к привычным и чаще всего малозаметным вещам, например, к звукам и тишине.

В монографии американской исследовательницы А. Пери рассказывается о чувствах блокадников, нашедших отражение на страницах их дневников⁵¹. Важная часть книги – наблюдения за тем, как жители описывали свои переживания, не только не имевшие аналогов в довоенной жизни, но и труднообразимые с позиций мирного существования. По мнению автора, в условиях гуманитарной катастрофы люди пытались сохранить собственную идентичность, используя привычный советский язык и навыки, выработанные в довоенный период.

Продолжается изучение памяти о блокаде, проблем её музейной и выставочной репрезентации. В статьях И.А. Карпенко и А.Ю. Павловской разбираются исторические аспекты политики памяти⁵² и связанные с ней современные проблемы⁵³. Д. Бранденбергер описал изменения государственной политики

⁴⁸ *Hass J.K.* Wartime suffering and survival. The human condition under siege in the blockade of Leningrad, 1941–1944. Oxford, 2021.

⁴⁹ *Пянкевич В.Л.* «Люди жили слухами». Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб., 2014.

⁵⁰ *Piankevich V.L.* The family under siege: Leningrad, 1941–44 // *Russian Review*. Vol. 75. № 1 (January 2016). С. 107–137; *Пянкевич В.Л.* Немцы в представлениях военного времени и памяти блокадников // Блокадные нарративы. Сборник статей. М., 2017. С. 253–273; *Пянкевич В.Л.* Частная реклама в блокадном Ленинграде // Россия и мир в конце XIX – первой половине XX в. Сборник к 85-летию Б.В. Ананьича. СПб., 2017. С. 378–391; *Пянкевич В.Л.* «Симфония войны». Звуки и тишина блокадного Ленинграда в восприятии горожан // Петербургский исторический журнал. 2019. № 3. С. 130–154; *Пянкевич В.Л.* «Это бедствие, пожалуй, хуже бомбёжки»: пожары блокадного Ленинграда в восприятии ленинградцев // Вопросы истории. 2020. № 12. С. 50–59.

⁵¹ *Peri A.* The war within: diaries from the siege of Leningrad. Cambridge (Mass.), 2017.

⁵² *Карпенко И.А.* «Они становятся вечным символом торжества...». Парки Победы в послевоенном Ленинграде // Сады и парки. Энциклопедия стиля. Сборник научных статей XXV Царско-сельской научной конференции. Ч. 1. СПб., 2019. С. 345–357; *Карпенко И.А.* Первый День Победы в Ленинграде и эволюция праздника в послевоенные годы // Петербургский исторический журнал. 2020. № 3. С. 240–253; *Карпенко И.А.* Война в музейных выставках 1944–1950 гг. Создание музейной экспозиции на примере материалов Музея обороны Ленинграда и музея «Свирская победа» // Беларусь и Германия. История и современность. Материалы международной научной конференции. Вып. 19. Минск, 2021. С. 172–179.

⁵³ *Павловская А.Ю.* Память о блокаде, символы и пространственные метафоры: архитектурный конкурс и дискуссия о создании Музейно-выставочного комплекса «Оборона и блокада Ленинграда» // Символические аспекты политики памяти. СПб., 2021.

в отношении памяти о событиях блокады в период «позднего сталинизма»⁵⁴. В работах А.А. Амосовой анализируются вопросы восстановления памяти о руководителях блокадного Ленинграда, ставших жертвами чисток 1949–1951 гг.⁵⁵

Всё вышесказанное даёт основание считать, что исследования, основанные как на известных, так и на недавно введённых в научный оборот источниках, активно развиваются. Представляется, что в последнее время ощущается необходимость перехода от изучения пусть интересных, но частных сюжетов к подготовке обобщающих работ по истории ленинградской блокады в целом и по отдельным крупным её направлениям: анализу системы власти и управления, вопросам взаимоотношений и взаимовлияния социума и власти, и др. Наиболее впечатляющим на сегодняшний день примером обобщающего научного труда является трёхтомная монография почётного профессора СПбГУ Г.Л. Соболева⁵⁶. Эта фундаментальная работа, подготовленная на основе разнообразной и обширной источниковой базы, получила заслуженно высокую оценку⁵⁷. В ней проанализированы основные аспекты блокадной эпопеи: военные действия, политика властей, работа промышленности и городского хозяйства, снабжение региона, повседневная жизнь блокадников. К сожалению, она остаётся единственным за последнее время примером комплексной научной работы по изучаемой теме. Между тем активное выявление новых источников диктует необходимость подготовки новых обобщающих исследований. Позволю себе выразить надежду на то, что их появление — дело не столь далёкого будущего.

⁵⁴ *Бранденбергер Д.* «Репрессированная» память? Кампания против ленинградской трактовки блокады в сталинском СССР, 1949–1952 гг. (на примере Музея обороны Ленинграда) // Новейшая история России. 2016. № 3. С. 175–186.

⁵⁵ *Амосова А.А.* К вопросу о восстановлении памяти о руководстве блокадного Ленинграда // Забвению не подлежит. Статьи. Воспоминания. Документы. СПб., 2016. С. 134–142; *Амосова А.А.* Историческая память о руководстве блокадного Ленинграда и формы её презентации в музейном пространстве // Ленинградская победа и судьбы её творцов в 1950-е годы. Материалы научно-практической конференции, посвящённой 75-й годовщине полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады и 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. СПб., 2019. С. 47–50.

⁵⁶ *Соболев Г.Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. В 3 кн. Кн. 1. Июнь 1941 – май 1942. СПб., 2013; Кн. 2. Июнь 1942 – январь 1943. СПб., 2015; Кн. 3: январь 1943 – январь 1944. СПб., 2017.

⁵⁷ См., например: Диалог о книге // Российская история. 2019. № 3. С. 150–169.

Советские добровольческие формирования в Великой Отечественной войне: историография вопроса

Тимофей Медведев

Soviet volunteer formations in the Great Patriotic War: historiography of the issue

Timofey Medvedev

(HSE University, Moscow Russia;

Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences)

DOI: 10.31857/S0869568722030116, EDN: FXEFJH

История Второй мировой/Великой Отечественной войны в настоящее время занимает центральное место в современной российской исторической науке. Однако изучаются в первую очередь боевые действия регулярных военных формирований. Тематике же, связанной с иррегулярными частями (ополченческими дивизиями и истребительными батальонами НКВД СССР), посвящено ограниченное число работ, при этом зачастую написанных под влиянием советской идеологической конъюнктуры. Зарубежные авторы лишь упоминали о них на страницах исследований общего характера. В данной статье я анализирую историографию добровольческих подразделений периода войны. Значение данного вопроса растёт (прежде всего в отечественной историографии) по мере постепенного открытия архивных фондов, а также в связи с тем, что Великая Отечественная война в последние десятилетия стала центральным элементом формируемого российским государством образа прошлого.

Анализ историографии необходим в первую очередь для того, чтобы выявить перспективные и нуждающиеся в дополнительной проработке темы, предложить дальнейшие направления исследования. В рамках сложившихся историографических традиций работы, относящиеся к обозначенной тематике, я разделил на две группы. Первая – публикации, в которых центральное место занимают дивизии народного ополчения (ДНО) Москвы и Ленинграда, а также обобщающие работы на эту тему. При этом важно отметить, что в данный момент изучаются практически только два названных выше города. За рамками внимания остаются процессы формирования и применения ополчений, созданных, в частности, в Белоруссии и на Украине. Вторая группа – работы, где исследуются истребительные батальоны НКВД как отдельный вид иррегулярных подразделений. Здесь выделяются исследования как посвящённые данным подразделениям в целом, так и батальонам, оперировавшим на территории конкретных областей Советского Союза. Массив работ по истории дивизий народного ополчения, сформированных в крупных городах СССР в начале войны, обширен, и подробное его изучение не представляется возможным. Обозначу основные этапы развития историографии.

© 2022 г. Т.Д. Медведев

Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

Начальный этап охватывает непосредственно период войны, а также послевоенное десятилетие (до середины 1950-х гг.). В это время выходили различного рода брошюры и статьи, авторы которых повторяли штампы того периода (о важнейшем вкладе И.В. Сталина в дело достижения победы и т.д.), замалчивали военные неудачи и большие потери, понесённые ополченческими частями¹. Следует отметить публикации, центральной темой которых выступали процессы формирования ополченческих дивизий в начальный период войны. Для них столь же характерны обозначенные выше недостатки, однако на их страницах упоминаются и изучаются не только московские и ленинградские ДНО, но и аналогичные подразделения других городов страны. Кроме того, невозможность работы с архивами вынуждала историков активно пользоваться мемуарами, прибегать к интервьюированию участников событий, что расширяло источниковую базу исследований.

«Генеральная линия», заключавшаяся в сугубо «положительно-героическом» подходе к изучению военной истории, прослеживалась и далее. Однако в конце 1950-х – 1960-х гг. в связи с корректировкой политической и идеологической повестки произошёл частичный отход от догматической концепции истории войны в сторону критико-аналитической². В качестве наиболее показательных выделю публикации А.Д. Колесника³, который качественно для своего времени и возможностей изучил историю боевой деятельности ополченческих частей, а также исследовал историю московского ополчения⁴. Последнее выполнено по всем канонам советской историографии: ополчение показано чрезвычайно эффективной структурой, сыгравшей едва ли не ключевую роль в обороне Москвы, а об уничтожении ДНО в Вяземском котле говорится лишь вскользь. Однако ценно то, что в научный оборот введены новые данные. Авторы провели серьёзную работу с обширным комплексом мемуаров бывших бойцов и командиров ополчения. Им удалось воссоздать боевой путь московских ДНО, избежав крайностей и тенденциозности повествования.

После «архивной революции» 1990-х гг. в отечественной историографии появились исследования, основанные на массиве новых источников, насыщенных фактологически⁵. Представляется возможным выделить две группы

¹ См., например: *Миц И.И.* Великая Отечественная война Советского Союза. М., 1947; *Куртонин Я.Д.* Московские большевики в борьбе за создание народного ополчения в период Великой Отечественной войны, июль–сентябрь 1941 г. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1951; *Вольский С.А.* Партийно-политическая работа Одесской партийной организации в дни героической обороны города от фашистских захватчиков (август–октябрь 1941 г.). Киев, 1961. С. 90–98.

² См., например: *Синицын А.Д.* Из истории создания добровольческих частей и соединений Советской Армии // Военно-исторический журнал. 1973. № 1. С. 11–18; *Белов К.А.* К вопросу о численности Московского народного ополчения (1941 – январь 1942 г.) // Исторический архив. 1961. № 3. С. 249–251; *Кирсанов Н.А.* Партийные мобилизации на фронт в годы Великой Отечественной войны. М., 1972; *Кирсанов Н.А.* По зову Родины (Добровольческие военизированные формирования Красной армии в период Великой Отечественной войны). М., 1974; *Горов В.Я.* И поднялся народ. М., 1977; Москва – фронту. 1941–1945. Сборник документов и материалов / Отв. ред. С.М. Кляцкин. М., 1966.

³ *Колесник А.Д.* Народное ополчение городов-героев. М., 1974; *Колесник А.Д.* Ополченческие формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. М., 1988.

⁴ *Алешенко Н.М., Буков К.И., Колесник А.Д., Синицын А.М.* Московское народное ополчение: краткий исторический очерк. М., 1969.

⁵ *Добров П.В., Колесник А.Д., Куманёв Г.А., Пашков Я.Э.* Народное ополчение защищает Родину. М., 1990; *Добров П.В.* Народное ополчение в годы Великой Отечественной войны. Донецк, 1996; *Протасов Ю.С.* Добровольческие формирования в структуре НКВД в годы Великой Отечественной

работ. Первая — обобщающие монографии и статьи. В целом для подобных публикаций характерна обеспеченность архивным материалом, зачастую хороший уровень аналитики. Такие исследования позволяют взглянуть на проблему формирования и применения ДНО комплексно, оценить систему и эффективность проводимых мероприятий по их созданию, выявить сходства и различия. К сожалению, именно обобщающих исследований пока ещё достаточно мало, чаще всего авторы публикаций «привязывают» их к определённому региону или изучают боевой путь конкретных ДНО.

Вторая и в настоящий момент наиболее многочисленная группа — работы, главное внимание в которых уделено истории московского и ленинградского ополчений. Это монографии И.А. Слухая, В.И. Кармова, В.В. Климанова, диссертация С.А. Разина и др. В них использован новый архивный материал, описаны механизмы формирования дивизий московского народного ополчения, содержится большое количество ценной информации о боевых операциях с их участием. Авторы отошли от советских шаблонов (прежде всего утверждений о сугубо добровольческом способе комплектования ДНО) в сторону более объективных и подкреплённых документами оценок. Однако встречаются и недостатки — например, утверждения о том, что московское ополчение сыграло едва ли не ключевую роль в обороне города. В целом можно констатировать, что появившиеся в последние несколько десятилетий работы обозначили перспективные направления исследований, введя в научный оборот серьёзный массив документов. В то же время они далеко не исчерпали исследовательский потенциал темы.

Некоторые исследования (например, диссертация Разина, монография Климанова) посвящены отдельным дивизиям, принявшим участие в боевых действиях в начальный период битвы за Москву. Их авторы на основе документов центральных архивов, а также источников личного происхождения воссоздали краткий боевой путь подразделений, разгромленных в Вяземском «котле», неизменно отмечая их роль в срыве германского наступления. Историки смогли выявить общие тенденции, характерные для быстрого формирования дивизий, обозначить сложности и проблемы, которые повлекли за собой форсированное создание новых частей силами партийных органов Москвы и Московского военного округа.

войны 1941–1945 гг. (на материалах Центрально-Чернозёмного региона). Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1999; *Гордон А.Е.* Московское народное ополчение 1941 года глазами участника // Отечественная история. 2001. № 3. С. 158–163; *Киторага Т.Г.* Народное ополчение Москвы 1941 г.: история создания // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2005. № 5. С. 37–53; *Климанов В.В.* Собой заслонили Москву: подвиг 17-й стрелковой дивизии народного ополчения. М., 2005; *Комаров Д.Е.* Народное ополчение на Смоленской земле // Военно-исторический журнал. 2005. № 4. С. 31–35; *Дубаренко К.Д., Терентьев В.О.* 3-я Ленинградская дивизия народного ополчения — 49-я стрелковая дивизия РККА: историческая хроника боевого пути, тактический обзор боевых действий. СПб., 2011; *Слухай И.А.* Московское народное ополчение в годы Великой Отечественной войны. М., 2013; *Кильдюшов О.В.* «Ботаники» в шинелях: учёные в рядах народного ополчения в годы Великой Отечественной войны // Живая история. 2015. № 4. С. 42–47; *Шевченко А.И.* Дивизия ЛАНО: история 2-й дивизии Ленинградской армии народного ополчения. СПб., 2015; *Каримов В.И.* Они отстояли Москву: летопись народного ополчения Москвы. М., 2016; *Кириллов А.А.* Дивизия героев: от Москвы до Эльбы: боевой путь 21-й дивизии народного ополчения Москвы. Петрозаводск, 2016; *Усик Б.Г.* Народное ополчение Сталинграда. Волгоград, 2016; *Бирюков В.К.* Добровольцы-москвичи на защите Отечества. 3-я Московская коммунистическая стрелковая дивизия в годы Великой Отечественной войны. М., 2017; *Разин С.А.* Московское народное ополчение в годы Великой Отечественной войны: на примере 13-й Ростокинской дивизии. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2017.

О причинах, побудивших руководство страны начать формирование дивизий народного ополчения и о процессе их создания, пишет О.В. Будницкий. Историк выдвинул принципиально новый для отечественной историографии тезис о том, что спешное формирование ДНО стало спонтанной реакцией на неожиданно быстрое падение Минска и следствием недоверия Сталина к армейскому командованию после сокрушительных поражений в приграничных сражениях. При этом никаких подготовительных мероприятий не проводилось — по сути, это был «экспромт» высшего руководства страны⁶.

Курский историк Г.Д. Пилишвили изучил вопросы, касающиеся непосредственно боевых операций, проведённых силами московского ополчения⁷. Несмотря на обширную источниковую базу, автор, как кажется, подошёл к её анализу без должной критики. В то же время его публикации позволяют получить информацию о малоизученных добровольческих формированиях, например, Воронежском и Курском⁸.

Отдельно необходимо отметить исследования, посвящённые самому феномену добровольчества⁹. В этих работах среди прочего изучен процесс создания ополченческих дивизий. При этом они представляют собой редкие публикации, в которых «советское добровольчество» вписано в общую историю данного явления, в том числе посредством изучения процессов, происходивших в тот же период времени по другую сторону линии фронта.

Сведения о формировании и комплектовании некоторых ДНО содержатся в публикациях, посвящённых истории московских предприятий¹⁰. Однако, написанные ещё в советское время, они идеологически перегружены и имеют характер скорее очерков, нежели научных трудов. Информация о численном составе, вооружении и боевых действиях, в которых участвовало московское ополчение, представлены в обстоятельной монографии военного историка Л.Н. Лопуховского¹¹. Его работа написана с опорой на советские и германские документы, содержит важные сведения о потерях обеих сторон. Статья Лопуховского включена в сборник докладов межрегиональной конференции, посвященной боям под Вязьмой в октябре 1941 г.¹²

⁶ Будницкий О.В. Московское народное ополчение: причины и особенности создания // Российская история. 2020. № 3. С. 3–21.

⁷ Пилишвили Г.Д. Война народная. Ополчение: 75-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой посвящается. Курск, 2017.

⁸ Пилишвили Г.Д. Пропагандистская работа органов власти и её эффективность в деле привлечения населения в ряды народного ополчения на территории Воронежской, Курской и Тамбовской областей летом 1941 г. // Личность, общество, власть: прошлое и современность. 2018. С. 171–177; Пилишвили Г.Д. Формирование, обучение и вооружение народного ополчения Воронежской области в 1941–1943 гг. // Клио: журнал для учёных. 2019. № 7. С. 127–134; Пилишвили Г.Д. Народное ополчение Центрального Черноземья России на защите областных центров (осень 1941 – лето 1942) // Курский край. 2006. № 15. С. 33–36.

⁹ Дробязко С.И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. № 6. С. 60–75; Тончу Е.А. Российское добровольчество. М., 2011.

¹⁰ Грозовский М.Л., Зурин М.В. Ударный «Калибр». М., 1982; На труд и на подвиг. Страницы истории Мытищинского машиностроительного завода / Сост. А.А. Порошин, Н.И. Фельман. М., 1976.

¹¹ Лопуховский Л.Н. Вяземская катастрофа 1941 года. М., 2017.

¹² Московские дивизии народного ополчения в Вяземской оборонительной операции октября 1941 г. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Вязьма, 10–11 октября 2016 г. Вязьма, 2016.

Отличительная черта современности – появление работ из разряда «народной историографии», т.е. написанных не профессиональными историками, а родственниками очевидцев военных событий или энтузиастами. Зачастую подобные работы складываются на основе материалов исторических форумов в сети Интернет, где в общем доступе представлены документы из различных архивов (в том числе семейных), обсуждаются спорные вопросы, в некоторых случаях пользователи даже составляют аннотации к выкладываемым источникам. Так появились несколько работ¹³, которые, несмотря на очевидные недостатки (связанные прежде всего с отсутствием у их авторов необходимого для написания научного исследования специального образования), весьма интересны и позволяют ввести в оборот ранее недоступные материалы, в первую очередь воспоминания, письма и фотографии. На площадках Интернет-форумов ведётся важная работа по составлению полных списков состава ДНО. Данный феномен, безусловно, требует специального анализа, но наличие подобной историографии говорит об интересе российского общества к народному ополчению и о запросе на его дальнейшее изучение.

Нельзя не отметить и сборники документов, в которых представлен значительный комплекс материалов по истории ДНО. Среди них – фундаментные публикации советского периода¹⁴, а также более современные¹⁵, в том числе составленные с привлечением документов центральных и региональных архивов.

В зарубежной историографии иррегулярные формирования изучались редко, лишь упоминались в общих работах по истории войны¹⁶. Выявлена только одна специализированная статья, авторы которой кратко проследили боевой путь московских ДНО, оценив их эффективность как невысокую¹⁷.

Переходя к анализу историографии истребительных частей НКВД, отмечу, что разграничение между ними и ополченческими соединениями необходимо по комплексу причин: из-за различного институционального подчинения этих формирований, разности поставленных перед ними задач, способов комплектования, численности. К сожалению, в работах отечественных историков они

¹³ Подвиг народного ополчения Петушинского района в битве за Москву. 1941–2011: к 70-летию Битвы за Москву / Под ред. А.В. Гаврилова. Владимир, 2011; *Тарасов П.Г.* 99 дней жизни 13-й Ростокинской дивизии народного ополчения Москвы: воспоминания военного комиссара дивизии. Формирование. Обучение. Гибель дивизии. М., 2016; *Ровенский Г.В., Фёдоров-Чеберакко М.М.* Книга судеб 600 бойцов Щёлковского батальона народного ополчения. Подольск; Фрязино; Щёлково, 2016; *Горидько М.И.* Воскресенское ополчение: о земляках-бойцах дивизий народного ополчения Великой Отечественной войны. М., 2017; Ростокинская дивизия: воспоминания, письма, биографии / Сост. Г.В. Никулина и др. М., 2019.

¹⁴ Народное ополчение Москвы. Воспоминания бывших бойцов и командиров народного ополчения / Ред. Г.Д. Костомаров. М., 1961; Москва – фронту...; Ополчение на защите Москвы. Документы и материалы о формировании и боевых действиях Московского народного ополчения в июле 1941 – январе 1942 г. / Сост. Л.С. Беляева, В.И. Бушков, И.И. Кудрявцев. М., 1978.

¹⁵ Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы / Сост. К.И. Буков, М.М. Горин, А.Н. Пономарёв. М., 1995; Москва прифронтовая, 1941–1942. Архивные документы и материалы / Сост. М.М. Горин, В.Н. Пархачёв, А.Н. Пономарёв. М., 2001; Наркомат финансов СССР в годы Великой Отечественной войны. 4-я дивизия народного ополчения г. Москвы: боевой путь в документах. М., 2020; Наркомат финансов СССР в годы Великой Отечественной войны. 4-я дивизия народного ополчения г. Москвы: боевой путь в воспоминаниях, дневниках, интервью. М., 2020.

¹⁶ *Bрейтвейт Р.* Москва, 1941. М., 2006; *Гланц Д.* Блокада Ленинграда. 1941–1944. М., 2009; *Nagorski A.* The greatest battle: the fight for Moscow, 1941–42. L., 2008.

¹⁷ *Levesque J.* Moscow 1941: The rise and fall of the Soviet People's Militia (Narodnoe opolchenie) // *The civilianization of War: the changing civil–military divide, 1914–2014.* Cambridge, 2018. P. 64–80.

часто стоят «в одном ряду», что, безусловно, является ошибкой. Специальное изучение процессов формирования и деятельности истребительных батальонов имеет самостоятельное значение. Эти соединения просуществовали на протяжении всей войны — их формирование началось в июне 1941 г., а прекратили они существование только в 1945 г. (хотя в отдельных регионах, например, на Западной Украине, действовали и после окончания войны).

Говоря о работах, касающихся истребительных батальонов, нужно прежде всего отметить их ограниченность. Среди публикаций, изданных до 1991 г., выделю труды Б.Б. Панченко, Ф.Г. Банникова, С.В. Биленко и др.¹⁸ Несмотря на наличие общепринятых суждений о чрезвычайной эффективности и исключительно добровольной основе их комплектования, эти исследования имеют чёткую структуру, обоснованные (хоть и выдержанные в рамках соответствующих установок) выводы, основанные на данных из вводимых в научный оборот документов. Это своего рода максимум, которого советский исследователь Великой Отечественной войны мог достичь в работе над данной проблематикой.

«Архивная революция» породила интересный казус — история ополченческих формирований как бы заслонила собой изучение истребительных батальонов. Поэтому в современной историографии число комплексных и обобщающих исследований о них весьма мало. К таковым относятся написанные ещё в советский период монографии С.В. Биленко, автор которых вынужден был опираться на периодическую печать военного времени и мемуарную литературу. Эти работы не лишены характерных штампов, однако достаточно насыщены фактологически и, что важно, на их страницах находят отражение такие малоизученные вопросы, как применение истребительных батальонов для борьбы с бандеровским подпольем на Западной Украине, особенности несения данными частями службы в условиях глубокого советского тыла.

Выявлены и более современные обобщающие статьи¹⁹, а также диссертация К.В. Яценко²⁰, где анализируется боевая работа всех иррегулярных соединений, созданных на территории СССР в период войны (особое внимание обращено на Центрально-Чернозёмный регион). В отдельной её главе проанализирован процесс формирования и деятельности истребительных батальонов региона с обобщением общесоюзного опыта. В названных работах прослеживается определённая (и достаточно позитивная) эволюция — авторы отходят от

¹⁸ *Панченко Б.Б.* Истребительный батальон. Сталинград, 1943; *Начкебия Ш.С.* Краткие сведения об истребительных батальонах Абхазии // Труды Абхазского института языка, литературы и истории. Сухуми, 1959. С. 63–73; *Банников Ф.Г.* Истребительные батальоны НКВД СССР в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Учебное пособие. М., 1968; *Биленко С.В.* Истребительные батальоны в Великой Отечественной войне. М., 1969; *Минасян Э.Г.* Истребительные батальоны Абхазии в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Сухуми, 1980; *Биленко С.В.* На охране тыла страны. Истребительные батальоны и полки в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1988; *Хвичия П.С.* Истребительные батальоны МВД СССР в период Великой Отечественной войны. Учебное пособие. Тбилиси, 1989.

¹⁹ *Петров М.Н.* Истребительные батальоны НКВД // Новгородский архивный вестник. 1999. № 1. С. 93–108; *Никулина В.Е.* Истребительные батальоны в Великой Отечественной войне: формирование и деятельность // Российская история: проблемы, мнения, оценки. Учёные записки. Вып. 3. Пятигорск, 2004. С. 181–188.

²⁰ *Яценко К.В.* Военно-организаторская деятельность государственных и политических структур областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003.

советской парадигмы, в центре которой стояло описание боевых операций на фронте и в тылу противника, и больше внимания уделяют их работе в другом тылу – советском. С этой точки зрения интерес представляет статья С.А. Овчинникова²¹, где приводится статистика по задержанным бойцами истребительных батальонов «нарушителям общественного порядка, германским диверсантам и фашистским пособникам». Однако ценность статьи снижает отсутствие ссылок на не раз упоминаемые в тексте «архивные источники».

Особенностью отечественной историографии вопроса является её «регионализация»²². Исследователи чаще всего «привязывают» свои работы к конкретному региону (и соответствующим местным архивам), при этом не проводя каких-либо обобщений. Чаще всего главная задача подобных публикаций – воссоздание истории формирования и боевого пути подразделений конкретного города или области. Интересно, что позиция авторов, пишущих о разных регионах, во многом схожа – тяга к героизации военнослужащих изучаемых формирований. Это компенсируется тем, что в оборот вводится большое количество архивных материалов.

Среди подобных публикаций выделяются исследования Г.Д. Пилюшвили, основная тема которых – деятельность истребительных батальонов Центрально-Чернозёмного региона²³. На базе кандидатской диссертации автором написана

²¹ Овчинников С.А. Истребительные батальоны в годы Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке. 2003 год. Власть и органы государственной безопасности. М., 2004. С. 148–158.

²² Яценко К.В. Истребительные батальоны накануне и в период битвы на Курской дуге // Истоки: историко-краеведческий сборник статей о Белгородчине. Белгород, 1994. С. 95–102; Никулина Е.В. Истребительные батальоны Ставрополя и Кубани в годы Великой Отечественной войны. Дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2003; Шолин В.В. Истребительные батальоны НКВД – чрезвычайные военизированные формирования в условиях военного времени. СПб., 2005; Шолин В.В. Истребительные батальоны НКВД в период битвы за Ленинград и Карелию (1941–1944 гг.). СПб., 2006; Точенков С.В. Создание истребительных батальонов на территории Ивановской области на начальном этапе Великой Отечественной войны // Государство, общество, церковь в истории России XX века. Материалы IX международной научной конференции. Иваново, 10–11 февраля 2010 г. Ч. 2. Иваново, 2010. С. 705–710; Трегубова М.С. Деятельность истребительных батальонов НКВД во время Великой Отечественной войны в Сталинграде // Материалы научной сессии, г. Волгоград, 26–30 апреля 2010 г. Вып. 2. Философские, социальные и исторические науки. Волгоград, 2010. С. 330–334; Гриднев В.П. Истребительные батальоны в истории Ленинградской битвы // Вестник Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России. 2012. № 4. С. 109–112; Пенькова Ю.А. Истребительные батальоны Заполярья и их вклад в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Вестник архивиста. 2012. № 3. С. 187–194; Власова Н.Н. Участие бойцов истребительных батальонов и подразделений МПВО в обороне Петрозаводска // Петрозаводск – город воинской славы. Сборник статей и материалов 1-го научно-практического семинара, посвящённого 75-летию героической обороны Петрозаводска. Петрозаводск, 2016. С. 29–33; Сафонов К.М., Грачёв С.И. Истребительные батальоны в Саратовской области в годы Великой Отечественной войны: организация и деятельность // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 5. С. 53–59; Гриднев В.П. Защищая Ленинград (1941–1944 гг.) // Управленческое консультирование. 2019. № 9. С. 95–104.

²³ Пилюшвили Г.Д. Оперативно-служебная деятельность истребительных батальонов Курской области в 1942 году // Труды Курского областного научного краеведческого общества. Т. 1. Ч. 2. Курск, 2004. С. 61–66; Пилюшвили Г.Д. Воссоздание истребительных батальонов Курской области в 1943 г. // Курский край. 2006. № 9–10. С. 21–24; Пилюшвили Г.Д. Истребительные батальоны Курской области в 1942 году (февраль–сентябрь) // Курский край. 2006. № 17–18. С. 4–6; Пилюшвили Г.Д. Служебная и боевая деятельность истребительных батальонов накануне и в период Курской битвы // Актуальные проблемы регионоведения. Труды 3-й международной научной конференции. Ч. 2. Курск, 2008. С. 47–51.

монография²⁴ об их участии в боевых действиях и мероприятиях по охране тыла. Историк беспристрастно и комплексно изучил данные формирования, особое внимание уделив институциональным вопросам, проблеме комплектования и боевой учёбы. В монографии нашла отражение и местная специфика: практически все батальоны участвовали в боях с нацистами. Всё это делает её одной из наиболее качественных на данный момент работ по истории изучаемых подразделений.

Анализ историографии показал, что избранная тематика, несмотря на наличие массива исследований, изучена далеко не полностью. Исследователи пришли к выводу о важности роли ДНО Москвы и Ленинграда в срыве германских планов по захвату главных городов Советского Союза. Истребительные батальоны НКВД оцениваются как стабилизировавшие советский тыл, а также сыгравшие важную роль на фронте и в тылу. Подчёркиваются чрезвычайно быстрое формирование ополчения и его неготовность к ведению боевых действий, что стало одной из причин практически полного его уничтожения в Вяземском «котле» и др. Для исследований характерно превалирование «военной истории» (проблемы «боевого пути») над анализом мобилизационных практик и методов, использованных при создании иррегулярных подразделений. Следовательно, необходимо уделить внимание вопросам, связанным со способами их комплектования, выяснить степень «добровольчества». В современных публикациях данная проблема поднимается, однако она не исчерпана.

Также перспективным видится анализ деятельности ополчений, созданных вне Москвы и Ленинграда, в частности Гомельского полка народного ополчения, Каменец-Подольской ополченческой дивизии и др., об истории которых в настоящий момент известно крайне мало. Наконец, важно обобщить имеющиеся данные и провести исследование, основным вопросом которого стала бы эффективность и даже необходимость создания таких частей. Появление такого рода исследований явилось бы заметной вехой в историографии и важным шагом в изучении мобилизационных процессов в Советском Союзе военного периода.

²⁴ Пилишвили Г.Д. Боевая деятельность истребительных батальонов в Центрально-Чернозёмном регионе РСФСР (1941–1945 гг.). Курск, 2007.

Из истории Великой Отечественной войны

Планы Красной армии в документах разведывательных структур Германии перед операцией «Цитадель»

Валерий Замулин

The plans of the Red Army in the documents of German intelligence agencies before Operation Citadel

Valeriy Zamulin
(SouthWest State University, Kusrk, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722030128, EDN: FXFBTK

Участие разведывательных структур Германии в планировании операции «Цитадель» является одной из наиболее крупных проблем истории Курской битвы, которые до настоящего времени не были всесторонне изучены отечественными исследователями. Как известно, при ведении войны разведка была и остаётся важнейшим инструментом военно-политического руководства любой страны, а её органы в вооружённых силах относятся к ключевым подразделениям и формируются во всех основных штабах и управлениях действующей армии. Разумеется, и в Третьем рейхе использование данных разведки признавалось обязательным при разработке боевой операции любого масштаба, в том числе и «Цитадели».

Опубликованные недавно документы немецких войск, а также Центрального и Воронежского фронтов, действовавших под Курском, и Степного военного округа (СтепВО) свидетельствуют о том, что уже в конце апреля 1943 г. даже командование одной из ударных группировок Вермахта в районе Курской дуги считало условия для проведения крупного наступления неблагоприятными¹. А к концу первой декады мая 1943 г. численность и состояние советских войск оказались там таковы, что достичь целей, поставленных в плане «Цитадели», стало невозможно². Тем не менее решение о проведении операции отменено не было, что обернулось для Вермахта неудачей, имевшей значительные последствия. Так, группа армий (ГА) «Юг», самое сильное из двух объединений, участвовавших в наступлении, после 12 суток тяжелейших боёв в южной части Курской дуги, продвинувшись лишь на 35 км (из запланированных 145), в ночь на 17 июля была вынуждена начать отвод сил из района Прохоровки на исходные позиции³, а уже 22 сентября Воронежский фронт, отбросив противника на 400 км, вышел к Днепру.

Советские военные историки отмечали, что одним из факторов, повлиявших на попытку осуществить столь авантюрный план, каковым являлась «Цитадель», могли служить слишком оптимистичные донесения германской разведки о состоянии и потенциале Красной армии в районе Курска. Г.А. Колтунов

© 2022 г. В.Н. Замулин

¹ Замулин В.Н. Документ, отсрочивший битву под Курском // Военно-исторический журнал. 2018. № 7. С. 34–36.

² Замулин В.Н. Курская битва. Сражение, изменившее ход истории. М., 2017. С. 132–150.

³ Замулин В.Н. Прохоровка – неизвестное сражение великой войны. М., 2005. С. 596.

и Б.Г. Соловьёв даже приводили несколько цитат из докладов ключевого центра обработки и анализа развединформации штаба Сухопутных войск Германии (ОКХ) – 12-го отдела «Иностранные армии – Восток» за март и апрель 1943 г.⁴ Однако эти небольшие выдержки давались без чёткого указания на источник, что существенно затрудняет их интерпретацию. К тому же не следует забывать, что подготовка операции заняла более трёх месяцев, а её начало переносилось не менее четырёх раз. Поэтому по фрагментам двух–трёх докладов, составленных на начальном этапе планирования, нельзя судить о качестве развединформации, поступавшей с апреля по июнь. Тем более они не позволяют проследить в динамике мнения руководства разведки о целесообразности реализации «Цитадели» и возможностях Вермахта решить поставленную перед ним задачу с учётом сил, которыми располагала Красная армия.

Для изучения данной проблематики у отечественных историков долго отсутствовал необходимый материал. Хотя основная часть документов Вермахта за 1943 г. с начала 1960-х гг. находилась в открытом доступе в Федеральном архиве ФРГ (*Bundesarchiv*), их использование советскими учёными в условия холодной войны было почти невозможно, поскольку считалось, что это может нежелательным образом повлиять на оценку значения нашей победы и достижений Красной армии. Исключение делалось лишь для некоторых источников, отражавших планирование германским командованием неуспешных стратегических операций или свидетельствовавших о захватнических планах рейха и военных преступлениях его войск на оккупированных территориях. Неудивительно, что с начала 1970-х гг. активная работа по анализу важнейших аспектов истории Великой Отечественной войны в СССР практически прекратилась. При этом утверждалось, что они якобы уже изучены⁵, и основное внимание следует уделить созданию фундаментальной истории Второй мировой войны в целом.

В 1990–2000-е гг. знания российских исследователей о германской разведке расширялись в основном с помощью Национального управления архивов США (*NARA*), где можно было относительно недорого заказать фотоплёнки с трофейными материалами. Это и сегодня наиболее простой и доступный способ знакомства с делопроизводством войск Вермахта от дивизии до группы армий. Однако в *NARA* отсняты лишь документы низовых подразделений разведслужбы 1Ц (преимущественно на уровне дивизия–армия), тогда как донесения агентурной сети Абвера, военных атташе, а тем более доклады обобщающего характера, которые готовились офицерами ОКХ для высшего командования и лично А. Гитлера, хранятся в различных делах Федерального архива ФРГ.

В 2013 г. Д.Ю. Хохлов, опираясь на не введённые ранее в научный оборот материалы из архива ФСБ России, впервые в нашей стране рассмотрел структуру, личный состав, способы получения информации и ежедневную деятельность сотрудников отдела ОКХ «Иностранные армии – Восток». Но результаты их работы в период планирования и подготовки наступления на Курск при этом не анализировались⁶. Таким образом, за весь послевоенный период в отечественной историографии не появилось ни одного исследования, посвящённого действиям разведструктур Германии по обеспечению верховного командования Вермахта сведениями о Красной армии при подготовке летней кампании 1943 г.

⁴ Колтунов Г.А., Соловьёв Б.Г. Курская битва. М., 1970. С. 44.

⁵ Замулин В.Н. Курская битва. 70 лет мифов и легенд. М., 2016. С. 55.

⁶ Хохлов Д.Ю. Отдел «Иностранные армии – Восток» ОКХ // Великая Отечественная война. 1943 г. Исследования, документы, комментарии / Под ред. В.С. Христофорова. М., 2013. С. 200–201.

Между тем в 2019 г. во Фрайбургском отделении Федерального архива ФРГ удалось обнаружить два дела (RH. 2/1979 и RH. 2/2585) с несколькими докладами 12-го отдела, представленными руководством и штаба ОКХ, и рейха, в том числе и в связи с планированием «Цитадели». Особую ценность им придаёт то, что они относятся к наиболее сложным периодам разработки операции – начальному (вторая половина апреля – первые числа мая 1943 г.), когда и в ОКХ, и в Ставке Гитлера активно обсуждалась целесообразность её проведения, и завершающему (за несколько суток до перехода войск в наступление)⁷.

К весне 1943 г. Германия имела несколько мощных разведывательных структур с разветвлённой сетью резидентур, агентов, разведшкол и т.д., подчинявшихся разным ведомствам. Самыми крупными из действовавших против Красной армии являлись военная разведка Абвер, войсковая разведка и контрразведка (от дивизии и выше) на Восточном фронте (Служба 1Ц) и 6-е управление Главного управления имперской безопасности (РСХА). Наиболее важная и проверенная информация направлялась ими в 12-й отдел штаба ОКХ, который в это время уже почти год возглавлял полковник Р. Гелен (1902–1977). Позднее он вспоминал: «1 апреля 1942 г. я был назначен начальником 12-го отдела Генерального штаба – отдела “Иностранные армии Востока”, то есть того подразделения, которое занималось изучением положения дел нашего главного противника – Советского Союза. Назначение было произведено в связи с тем, что начальник Генерального штаба генерал-полковник [Ф.] Гальдер счёл целесообразным заменить руководителя отдела ещё до начала запланированного наступления немецких войск в направлении Волги и Кавказа. Выбор его пал на меня, по-видимому, потому, что я с конца 1939 года до начала октября 1940 года был его порученцем, а позднее, вплоть до моего назначения на новую должность, служил в оперативном управлении и принимал участие в разработке предстоящей операции... В силу своих новых обязанностей мне пришлось возглавить и службу “1Ц” всего Восточного фронта»⁸. Следовательно, в руках Гелена была сконцентрирована основная информация о военном и экономическом потенциале СССР и его вооружённых силах, как в целом, так и на отдельных участках фронта, поступающая из спецслужб рейха, штабов воздушных флотов и радиотехнических подразделений, находившихся непосредственно в боевых соединениях на Востоке. Поэтому его отдел стал главным источником сведений и аналитических докладов, которыми пользовались руководство ОКХ и Гитлер при планировании летней кампании 1943 г. и, в частности, «Цитадели».

Назначение Гелена оказалось удачным решением. Полковник не только имел хорошую профессиональную подготовку и военный опыт, но и обладал острым умом, широким кругозором и большими организаторскими способностями. Он был человеком дальновидным, отличавшимся целеустремлённостью, преданностью своему делу и вместе с тем крайней осторожностью. Эти качества позволяли ему не только успешно решать стоявшие перед ним задачи, но и оставаться на своём посту практически до конца войны, хотя его доклады руководству о возможностях Красной армии порою шли вразрез с мнением фюрера. После разгрома Германии он сумел сохранить значительный массив ценных данных об

⁷ Часть этого материала опубликована: *Замулин В.Н.* «Надо рассчитывать на намерение русских удерживать район Курска». Из доклада отдела «Иностранные армии – Восток» штаба главного командования сухопутных войск Германии. 1943 г. // Исторический архив. 2021. № 5(170). С. 40–52.

⁸ *Гелен Р.* Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии. 1942–1971. М., 1999. С. 10.

СССР и агентурной сети, заинтересовать ими разведку США и с её помощью создать в ФРГ новую структуру — «Организацию Гелена», преобразованную затем в Федеральную разведывательную службу Германии (BND), которая под его руководством стала одной из наиболее сильных и эффективных разведок мира.

12-й отдел, по сути, являлся не разведывательным, а аналитическим центром штаба ОКХ, в котором проводилась глубокая обработка информации, собранной военными атташе, Люфтваффе, Службой 1Ц, агентурой Абвера и РСХА. В итоге командование Сухопутных войск получало доклады по определённой тематике и направлениям. В них отобранные разведанные «сплавлялись» в отдельные блоки и уже из них складывалась картина событий по всему фронту и на различных его участках. Кроме того, отдел пытался выявлять признаки подготовки в СССР оперативных и стратегических резервов и делать прогнозы о принятых в Москве важнейших военных решениях. У Гелена работали сильные аналитики и офицеры с большим практическим опытом, их заключения отличались объективностью и весьма точными представлениями о дальнейшем развитии событий и вероятных шагах советской стороны. «В мирное время, — писал позднее Гелен, — наш отдел должен был, взаимодействуя с другими службами Генштаба, составлять по возможности максимально полную картину военного и военно-промышленного потенциала, а также состояния вооружённых сил восточноевропейских государств. Вместе с тем руководство должно было располагать информацией и о том, с какими географическими, природными и метеорологическими условиями ему придётся считаться. Эта информация передавалась и в войска. Особое значение придавалось получению данных о боевом духе войск предполагаемого противника, которые закладывались в основу, как мы сказали бы сегодня, психо-политического анализа. Сведения, которыми мы располагали о советских солдатах ещё в мирное время, были полностью подтверждены в первый же год восточной кампании. Предсказанные твёрдость и выносливость русского солдата, его нетребовательность и невзыскательность в отношении материальных условий позволяли Красной армии вести боевые действия даже в случаях, когда сражение было уже проиграно. Подтвердилось и предположение, что кадровый состав командного звена хорошо подготовлен в идеологическом плане, чего нельзя сказать о большинстве командиров, призванных из резерва. В случае серьёзных поражений, которые потерпят Советы, мы не без оснований прогнозировали рост числа перебежчиков»⁹.

Проработка замысла летней кампании 1943 г. в Ставке Гитлера (и по его поручению в ОКХ) началась в конце января 1943 г., но только через месяц у него появилось понимание того, где и какими силами он хотел бы и мог провести первую в этом году крупную операцию на Востоке. В конце весны идея развернуть масштабное наступление в районе Курской дуги, как была названа территория западнее Курска, занятая Красной армией в феврале 1943 г., буквально витала в воздухе. Первым её изложил 8 марта в докладе Гитлеру командующий ГА «Юг» фельдмаршал Э. фон Манштейн. Учитывая дефицит сил, сложное положение войск ГА «Центр» и ожидавшуюся в ближайшие недели распутицу, он предлагал ограничиться рассечением Курской дуги на две части ударами с запада и с юга, сходящимися в районе Курска. Но Гитлер этот вариант не принял, поскольку считал, что после катастрофы под Сталинградом ему необходима успешная операция более крупного масштаба.

⁹ Там же. С. 14–15.

Такой вариант через три дня представил на совещании в штабе командующего ГА «Центр» фельдмаршала Г. фон Клюге в Смоленске командующий 2-й танковой армией (ТА) генерал-полковник Р. Шмидт. Суть его заключалась в том, чтобы срезать весь Курский выступ встречными ударами войск ГА «Юг» из района Белгорода и ГА «Центр» — южнее Орла¹⁰. Гитлер сразу же оценил это предложение и уже 13 марта подписал оперативный приказ № 5, в котором говорилось: «Следует ожидать, что русские после окончания зимы и весенней распутицы, создав запасы материальных средств и пополнив частично свои соединения людьми, возобновят наступление. Поэтому наша задача состоит в том, чтобы по возможности упредить их в наступлении в отдельных местах с целью навязать им, хотя бы на одном из участков фронта, свою волю, как это в настоящее время уже имеет место на фронте ГА «Юг». На остальных участках фронта задача сводится к обескровливанию наступающего противника. Здесь мы заблаговременно должны создать особенно прочную оборону путём применения тяжёлого оружия, совершенствования позиций в инженерном отношении, установки на необходимых участках минных заграждений, оборудования тыловых опорных позиций, создания подвижных резервов и т.д. Подготовку к этому следует начать немедленно на фронтах всех групп армий. Она должна включать в себя в первую очередь пополнение личным составом и техникой соединений, предназначенных для наступательных действий, предоставление им отдыха и повышение уровня их боевой подготовки, а также максимальное усиление и укрепление участков фронта, где предполагаются чисто оборонительные действия с нашей стороны. Поскольку в этом году период распутицы закончится раньше, чем обычно, то важно не упустить ни одного дня для подготовки и особенно продуманно спланировать очерёдность работ»¹¹.

Разрабатывать единый план операции для обеих групп армий изначально не планировалось. Штаб каждой из них должен был продумать собственные действия самостоятельно, учитывая особенности местности, состояние войск и данные своей оперативной и тактической разведки, а также 1-го и 4-го воздушных флотов. Согласование же основных параметров обоих планов (задачи войск ударных группировок, боевое построение и т.д.) и их увязка между собой возлагались на штаб ОКХ. В этой «технологической цепочке» отдел Гелена решал две очень важные задачи: обеспечивал руководство ОКХ уточнённой (перепроверенной) развединформацией о положении дел на отдельных участках фронта в районе Курской дуги и составлял аналитические доклады для формирования общего (стратегического) взгляда на положение по всему советско-германскому фронту (протяжённость которого достигла тогда 2 100 км) и в глубине СССР.

При этом планирование кампании осложнялось тем, что, несмотря на острый дефицит ресурсов, Гитлер ещё до начала «Цитадели» намеревался провести в апреле в полосу ГА «Юг» частную наступательную операцию с целью нанести максимальный урон Юго-Западному фронту (одновременно рассматривалось два её варианта — «Ястреб» и «Пантера») ¹². Большая часть генералитета, опасаясь распыления с трудом собираемых сил, необходимых для удара на Курск, выступала против этого, но фюрер настаивал, и штабам ОКХ, ГА «Юг»

¹⁰ Замулин В.Н. Курск-43. Как готовилась битва «титанов». Кн. 1. М., 2018. С. 228–230.

¹¹ Курская битва / Под ред. И.В. Паротькина. М., 1970. С. 505.

¹² Замулин В.Н. Курск-43... Кн. 1. С. 253–260.

и её армий приходилось вести активную работу сразу по двум операциям и в то же время готовить войска и оборону.

Вместе с тем на протяжении всего периода подготовки «Цитадели», и особенно на начальном этапе, когда после зимних боёв соединения в районе Курской дуги были существенно обескровлены, Берлин каждый день ожидал мощного наступления Красной армии и вынужден был считаться с растущей угрозой высадки англо-американских войск в Европе. Поэтому с середины апреля до начала июля информация, поступавшая из 12-го отдела, была очень важна и востребованна. Причём, реагируя на донесения Абвера, подчинённые Гелена анализировали не только ситуацию на Курской дуге, но и возможность нанесения Москвой удара по Финляндии или Прибалтике¹³. Судя по документам, обнаруженным в Федеральном архиве ФРГ, отдел представлял свои доклады, касавшиеся «Цитадели», не по заранее утверждённому графику, а, вероятно, по запросу руководства штаба ОКХ. Как правило, это делалось в наиболее важные или напряжённые моменты планирования операции или перед обсуждением в присутствии Гитлера её ключевых аспектов. Иногда сам Гелен мог представить свои соображения о том, что считал особенно значимым, но это случалось редко.

15 апреля Гитлер подписал оперативный приказ № 6. В нём впервые конкретизировались цели и задачи обеих групп армий и воздушных флотов, привлекавшихся для реализации операции «Цитадель», отмечались факторы, которые следовало учитывать при её проведении, а также устанавливались примерные сроки начала сосредоточения сил (28 апреля) и удара (3 мая)¹⁴. Именно с этого момента развернулась основная фаза подготовки наступления на Курск, которое началось 5 июля.

Ответственным за действия на севере Курской дуги Гитлер назначил не Клюге, а командующего 9-й армией (А) генерал-полковника В. Моделя, что ещё больше обострило его и без того сложные личные отношения с фельдмаршалом. Между тем войска Моделя в ходе зимних боёв оказались более обескровлены и измотаны, чем соединения Манштейна, и требовали большего пополнения как людьми, так и тяжёлым вооружением. Однако обещанные ОКХ маршевые батальоны и эшелоны с бронетехникой к середине апреля в 9А так и не прибыли, а дата начала сосредоточения ударной группировки, поставленная в приказе № 6, приближалась. Неоднократные обращения Моделя в Смоленск ситуацию не изменили, так как резервов у Клюге не имелось и получить их можно было только из Берлина. Неисполнение обещания о восстановлении сил, трения между фельдмаршалом и генерал-полковником, а также невнятная позиция ОКХ по большинству насущных вопросов и продолжавшееся «метание» Гитлера, не знавшего, проводить или нет «Цитадель», довели ситуацию до крайнего обострения. Модель, не видя иного выхода, 17 апреля даже заявил о готовности отказаться от командования армией, ссылаясь на то, что в таких условиях операция принесёт лишь неоправданные жертвы, а отвечать будет один он¹⁵.

Генерал-полковник К. Цейтцлер, сменивший осенью 1942 г. Гальдера на посту начальника штаба ОКХ, в то время оставался горячим сторонником «Цитадели» и считал, что её замысел следует воплотить как можно быстрее. При этом он прекрасно знал о тяжёлом положении 9А и опасался, что Модель, с его

¹³ Bundesarchiv – Militärarchiv (далее – BA–MA). RH. 2/2585. S. 29–31.

¹⁴ Курская битва. С. 521, 522.

¹⁵ National Archives and Records Administration (NARA USA). T. 312. R. 317. F. 7886043.

взрывным характером, сумеет достучаться до Гитлера, устроив скандал, который закончится отказом от намеченного окружения советских войск ударами от Белгорода и Орла на Курск. К тому же сразу после подписания приказа № 6 фюрер вновь заинтересовался предложенной Манштейном идеей «облегчённого» наступления, т.е. рассечения Курской дуги ударом с запада (из полосы 2А) и с юга. Цейтцлер был категорически против подобного изменения плана, обоснованно опасаясь, что в этом случае результаты окажутся далёкими от ожидавшихся.

Для того чтобы при обсуждении с Гитлером окончательного варианта операции опереться на весомые доводы, Цейтцлер приказал Гелену доложить имеющиеся сведения и мнение разведки о том, «будет ли Красная армия удерживать Курский выступ в случае начала немецкого наступления?» и «готовится ли Москва сама нанести удар в районе Курска?». 19 апреля сотрудники 12-го отдела подготовили доклад «Вероятное поведение противника перед группами армий “Юг” и “Центр”». Основываясь на данных всех разведорганов Германии, они утверждали: «Надо рассчитывать на намерения русских удерживать район Курска при попытке немцев провести операцию на окружение. Сообщения Абвера о вероятном запланированном оставлении района западнее Курска не соответствуют действительности... По донесениям Абвера, которые подтверждаются другими разведанными, надо рассчитывать на сохранение за линией фронта большой резервной группы в узком районе у Курска, перемещение части которой в северо-западном направлении, т.е. к южному крылу 2-й танковой армии, пока не подтверждается (т.е. удар советских войск из Курской дуги по правому флангу ГА “Центр” ещё не просматривался. — В.З.). Большие силы также предполагаются в районах: около и восточнее Мирополье, Короча—Волоконовка—Новый Оскол, Изюм—Старобельск, а также в тыловых районах: около и южнее Валуйки, около Воронежа (?), Ливны—Елец. Эти резервные группы, которые пока предназначены для отражения контрудара в случае немецкого наступления, тем не менее, дают возможность русским провести серьёзные удары по северному крылу группы армий “Юг” с далеко идущими целями. Они могут или при длительной задержке немецкого наступления выступить против немецких сосредоточений, или при раннем начале немецких операций — участвовать в контрударе»¹⁶.

Разумеется, Гелен не мог знать о том, что 12 апреля в Москве состоялось совещание верховного главнокомандующего И.В. Сталина со своим заместителем маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым, начальником Генерального штаба маршалом Советского Союза А.М. Василевским и начальником Главного оперативного управления Генерального штаба генерал-полковником А.И. Антоновым, на котором было принято решение перейти к преднамеренной обороне, в том числе в районе Курской дуги, подготовив здесь прочный многополосный рубеж для отражения возможного немецкого наступления. Перед этим Ставка верховного главнокомандования (ВГК) уже поставила задачу создать крупные стратегические резервы и для обороны, и для намечавшегося летнего наступления, в ходе которого предполагалось к концу года освободить всю оккупированную территорию СССР. 6 апреля Сталин подписал директиву о формировании Резервного фронта и размещении его полевого управления в районе Воронежа¹⁷. Через некоторое время его переименовали в Степной военной округ. В нём

¹⁶ Замулин В.Н. «Надо рассчитывать на намерение русских удерживать район Курска»... С. 44–45.

¹⁷ ЦАМО РФ, ф. 148а, оп. 3763, д. 139, л. 181.

концентрировалась основная часть стратегических резервов Ставки ВГК, в том числе новое для Красной армии крупное формирование — 5-я гвардейская (гв.) танковая армия однородного состава под командованием генерал-лейтенанта П.А. Ротмистрова. Её начали создавать с конца февраля 1943 г. в районе Воронежа, и уже в апреле она была обнаружена немецкой радиоразведкой. Впервые в сражение её ввели у станции Прохоровка 12 июля. Характерно, что армии и корпуса, передававшиеся округу, сосредотачивались именно в тех районах, которые указывались в докладе Гелена. Таким образом, его сотрудники в целом верно ответили на поставленные перед ними вопросы: Москва собирается оборонять Курский выступ, а после отражения удара перейдёт в наступление и для этого в тылу уже формирует крупные резервы. Причём данный вывод был сделан через неделю после того, как в самой Ставке ВГК окончательно определились с этим планом действий. И в дальнейшем (например, в начале мая) отдел обоснованно настаивал на том, что Красная армия с большим размахом и успехом укрепляет свои позиции в районе Курска. Это означало, что реализовать план «Цитадель» будет крайне сложно и затратно, так как придётся вести очень тяжёлые бои, прорывая хорошо подготовленные рубежи обороны.

Впрочем, Гелен в этом докладе продемонстрировал не только точность в оценке намерений советской стороны, но и дипломатичность. Отмеченное им стремление обороняющихся удержать Курскую дугу не противоречило взглядам группы генералов во главе с Цейтцлером, которые рассчитывали на то, что упорная защита советскими войсками своих позиций поможет Вермахту окружить, а затем и уничтожить значительные силы Красной армии. И следовательно, если операцию необходимо проводить, то это надо делать как можно быстрее, т.е. согласно приказу Гитлера — в начале мая. Однако в докладе подтверждалось и мнение противников наступления на Курск — штаба Верхового командования Вермахта (ОКВ) во главе с генералом А. Йодлем и главной инспекции бронетанковых войск, которой руководил генерал Г. Гудериан. В частности, в нём указывалось, что Москва ожидает немецкий удар в районе Курска и готовится к его отражению. И это не могло не усиливать сомнения в его целесообразности.

Нельзя не отметить, что такая оперативность и точность в оценках лишь на первый взгляд свидетельствовала о большой работе германской разведки на опережение, о наличии у неё в тылу советских войск (в полосе 250—300 км от линии соприкосновения) достаточно широкой сети агентов, работавших в разных сферах, прежде всего на железной дороге, а также об эффективности усилий лётчиков и радистов. Между тем конкретные донесения, приводившиеся составителями доклада для подтверждения своих мнений, выглядели совсем необидительно и зачастую не соответствовали действительности. Можно только удивляться, как на их основе аналитики отдела могли делать верные выводы по столь крупным проблемам.

Так, 3 апреля «из общих ненадёжных источников» поступило «сообщение из коммунистических кругов»: «До открытия второго фронта англо-саксами Советский Союз переходит к обороне. За русским фронтом группируются два больших резерва: в районе Москвы и за линией южного участка фронта, Воронеж—Тамбов. Очень низкая боеспособность необученных, плохо оснащённых частей, в основном выздоровевшие раненые, настроение подавленное. Для этой группы обеспечение идёт из Восточной Азии через Куйбышев. Потери в живой силе и технике зимой намного больше, чем до этого считалось». Другой «в общем ненадёжный источник» информировал о том, какова «оценка положения против-

ника в русском штабе»: «Немцы начнут наступление на южном участке фронта намного раньше, чем в прошлом году, чтобы максимально использовать лето и осень. В соответствии с оценкой русского штаба, его силы на южном участке недостаточны для отражения большого наступления. Очень много разговоров о техническом обеспечении армии и открытии второго фронта. Русские склоняются к тому, чтобы, в свете критической ситуации на южном фронте, отказаться от наступления на северном. Провал союзников при захвате Туниса задерживает также действия на Балканах». 16 апреля стал известен «отчёт русского штаба о положении противника»: «У Балаклеи, до 100 км за немецкой линией обороны, наблюдаются серьёзные перемещения частей. Факт, что немецкая авиация уже несколько дней прикрывает железнодорожные пути у Балаклеи, говорит о том, что немецкое командование на фронте в 150 км шириной, с основным направлением у Балаклеи, проводит особую подготовку к началу немецкого весеннего наступления». На следующий день поступило «донесение военного атташе (возможно ненадёжный источник)», узнавшего «из двух независимых источников»: «Сталин сосредотачивает две больших группы резервов — одну у Москвы, другую в районе Воронежа, Самары и Саратова. Сосредоточение московского резерва закончено. Это около 40–50 дивизий хороших сил. Данный резерв был изначально намечен для наступления на Балтике и против Финляндии. План, однако, был оставлен из опасений большого немецкого наступления через Харьков. Теперь оба резерва намечены для отражения немецкого наступления». Наконец, «надёжный агент» утверждал: «Сталин назначил на 23 апреля совещание всех командующих фронтами и командующих армиями в Москве. Вопросы, намеченные к обсуждению: 1) Признаки немецкого наступления. 2) Улучшение взаимодействия различных родов войск. 3) Настроения в частях. 4) Техническое и механизированное обеспечение частей»¹⁸.

Фактически «надёжный агент» дезинформировал: 23 апреля столь масштабного совещания в Москве не проводилось. Да и никогда ранее Ставка ВГК не практиковала таких собраний. При подготовке наступления собирали только тех командующих армиями и фронтами, кому предстояло принять участие в той или иной конкретной операции (обычно это делалось за 3–5 недель до её начала, в зависимости от намеченных сроков и обстановки, в которой она планировалась). В некоторых случаях задачи ставились каждому генералу по отдельности лично командующим фронтом или представителем Ставки ВГК без каких-либо совещаний. Трудно поверить, будто разведка страны, два года воевавшей с СССР, этого не знала. Поэтому создаётся впечатление, что Гелен, прилагая к докладу подобные донесения, хотел не столько подтвердить ими сделанные выводы, сколько наглядно продемонстрировать Цейтцлеру, с каким низкосортным материалом приходится работать, выполняя поставленную задачу.

Так или иначе, неверные сведения поступали по каналам Абвера на протяжении всего периода подготовки и реализации «Цитадели». Например, 5 июля 103-я команда Абвера при штабе ГА «Центр» представила донесение, согласно которому 18 июня «надёжный агент доложил», ссылаясь на радиоперехват «переговоров между Куйбышевым и Тбилиси», о возвращении Сталина 17 июня в Москву после «краткосрочной поездки в Воронеж»¹⁹. 9 июля та же структура извещала о том, будто 7 июля «маршал Жуков и маршал Василевский со своими

¹⁸ Замулин В.Н. «Надо рассчитывать на намерение русских удерживать район Курска»... С. 51–52.

¹⁹ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 797, л. 16.

штабами на 2-х тяжёлых бомбардировщиках прибыли в Валуйки»²⁰. Оба сообщения считались достоверными и попали в разведсводку штаба ГА, хотя известно, что Сталин в 1943 г. Воронеж не посещал и район Москвы в июне не покидал. А маршалы с 4 июля находились в войсках, оборонявших Курскую дугу: Жуков — на Центральном фронте, Василевский — на Воронежском²¹. Причём прибыли они сразу на аэродромы, находившиеся вблизи их командных пунктов, и в Валуйках (в полосе Юго-Западного фронта) 7 июля оказаться не могли.

8 июля «надёжный агент» («Олаф») передал в 103-ю команду, что накануне «из Воронежа в район Старый Оскол—Скородное (50 км юго-зап[аднее] г. Старый Оскол) отправили эшелон с 140 танками (большей частью тяжёлыми), из них 50 американских, далее много противотанковых и зенитных пушек»²². Кроме того, в район г. Тим (65 км юго-восточнее Курска) 8 июля якобы подтянули одну «мотомеханизированную ударную армию», вероятно, под номером 4, в составе которой находились четыре танковых, механизированных и кавалерийских корпуса и две стрелковые дивизии. В этот день из района Воронежа мимо Старого Оскола к Прохоровке действительно двигалась 5 гв. ТА, но не по железной дороге, а своим ходом. К тому же она насчитывала не 140, а более 700 танков и самоходных артиллерийских установок²³. А 4-й мотомеханизированной армии на тот момент в Красной армии вообще не существовало: имелась 4ГА, но она была сосредоточена в Московском военном округе, и перебрасывать её в район Тима Ставка ВГК не планировала (да и кавалерийские корпуса в ней отсутствовали)²⁴.

Чем же объяснялась правильность оценок, сделанных сотрудниками Гелена в докладе? Ключевым фактором качественной работы отдела «Иностранные армии — Восток» являлся высокий уровень профессионализма его аналитического подразделения, а также информированность о положении в действующей армии. Отдел был укомплектован аналитиками и разведчиками с военным образованием, кадровыми офицерами, имевшими опыт службы в строевых частях и штабах крупных соединений, хорошо понимавшими специфику ведения боевых действий и даже участвовавшими в них. Вместе с тем они широко использовали информацию и выводы иных подразделений штаба ОКХ (и прежде всего — оперативного управления), сопоставляя их с данными разведки.

Второй документ, представленный 12-м отделом руководству ОКХ 19 апреля, был назван «Относительно донесений о планах по большой оборонительной компании Советского Союза на лето 1943 года. Тезисы к докладу». В этой форме излагался ответ на вопрос: «Есть ли у Кремля возможности и планы перейти в масштабное наступление или он будет ожидать открытия второго фронта в Европе?». Тем самым речь шла о стратегических замыслах Москвы, которые, очевидно, не могли не влиять на решение о целесообразности и сроках проведения операции «Цитадель».

В тезисах комментировались донесения германского военного атташе в Стокгольме (об отчёте шведского военного атташе в Лондоне и о беседе с финским атташе полковником Стевенсом) и сообщение агента Абвера «Стекс» «из комму-

²⁰ Там же, д. 790, л. 29.

²¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. М., 1990. С. 43.

²² ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 790, л. 15.

²³ Подробнее см.: Замулин В.Н. Прохоровка — неизвестное сражение великой войны. С. 218—226.

²⁴ На первом, оборонительном, этапе Курской битвы кавалерия советской стороной не использовалась вовсе.

нистических кругов». Все три источника сходились в том, что Советский Союз в 1943 г. решил перейти к обороне, собираясь отразить ожидаемое им немецкое наступление и подготовить большие резервы для того, чтобы после открытия Второго фронта осуществить решительный рывок на Украину и в Белоруссию. Отдел Гелена с этим выводом не согласился, оценив намерения Москвы более объективно: «1. Нынешняя картина распределения сил не соответствует позиции оборонительного ведения войны. Из распределения и перегруппировки русских сил вырисовывается возможность проведения в нескольких ключевых направлениях наступательных операций большого масштаба. Однако она не связывает русское руководство окончательным решением и оставляет им на лето все возможности. ... 3. Мы придерживаемся предыдущей оценки русских общих планов на лето 1943 года, в соответствии с которыми руководство Красной армии планирует большие операции с далеко идущими планами. Подготовка им проведена таким образом, что Красной армией собран большой оперативный резерв, который оставляет открытым вопрос о проведении тех или иных операций. Не ясным остаются возможности некоторых решений, особенно время проведения, территориальное распределение сил в операции, мероприятия союзников, оценка немецких планов русским командованием. Кроме того, погодные условия, которые очень влияют на решения русского руководства»²⁵.

И в этом документе анализ намерений советской стороны опирался на данные о сосредоточении в тылу оперативных и стратегических резервов, которые сотрудники 12-го отдела рассматривали как ударные группировки, подготовленные для масштабных наступательных действий. Таким образом, определяющую роль при оценке и прогнозировании играли правила и критерии оперативного искусства, а не домыслы и слухи, почерпнутые агентами спецслужб в военно-дипломатических кругах.

К примеру, германский военный атташе в Стокгольме узнал «из источника Абвера», что «отчёт шведского военного атташе в Лондоне в шведский Генеральный штаб» содержит информацию, согласно которой «британский военный наблюдатель имел встречу со Сталиным. Он в нетрезвом состоянии рассказывал о дальнейших планах ведения войны»: «Летом Советская армия будет использовать тактику отступления. В связи с таким манёвром боями будут связаны очень немногие её части. Противник Советов может опять захватить значительные территории. Советы не страшатся того, что немцы займут свои прошлогодние позиции и даже продвинутся дальше вглубь. Следующая зима будет зимой советского наступления. Советские армии очень скоро будут на границе с Германией. Лето будет использоваться для усиления технического обеспечения советской армии. Утерянные оборонные предприятия снова восстановлены на недостижимых для противника территориях. Массовое производство возобновляется этим летом. Танковый завод у Куйбышева один может дать столько танков, сколько нужно Советской армии. Пока танковые заводы ещё не заработали на полную мощность, поскольку ещё есть сложности с поставками необходимого сырья, но организационные ошибки будут очень скоро устранены. Он (Сталин) сможет выдержать ещё не один год войны. Сможет ли это Англия — это большой вопрос. Самым важным, однако, остаётся то, что в союзе против Германии есть кто-то, кто может удержаться и нанести немцам решающий удар»²⁶.

²⁵ Замулин В.Н. «Надо рассчитывать на намерение русских удерживать район Курска»... С. 45–46.

²⁶ Там же. С. 46.

В этот небольшой текст была вложена огромная по значимости стратегическая информация, которой, разумеется, ни один глава государства не стал бы делиться в частной беседе даже со своими маршалами, не говоря уже о каком-то представителе («наблюдателе») союзников. И создатели данной дезинформации прекрасно это понимали, поэтому и попытались в первых же строках объяснить причину странных откровений верховного главнокомандующего. Впрочем, то, что они не имели ничего общего с реальными планами Кремля, весной 1943 г. прекрасно понимали и в штабе ОКХ. Ведь к середине апреля на Дону уже находились несколько сотен тысяч бойцов и десятки тысяч единиц тяжёлого вооружения и техники Резервного фронта. Каждый день туда прибывали новые железнодорожные составы. В других местах, в оперативной глубине советских фронтов, также формировались большие группировки войск для летнего наступления. Не замечать эти силы месяцами специальные подразделения Вермахта, Абвера и Люфтваффе просто не могли. Поэтому немудрено, что сотрудники Гелена все такие сообщения воспринимали как недостоверные.

Вторым «периодом высокого напряжения» при подготовке «Цитадели» для 12-го отдела стал рубеж апреля и мая. Не добившись от Клюге необходимого пополнения 9А, Модель 24 апреля направил в ОКХ письмо, которое просил доложить Гитлеру. В нём он вполне объективно очертил плачевное положение дел своих войск перед намеченной операцией и указал на большие изменения, произошедшие за месяц на том участке, где его армия планировала нанести главный удар. Он сообщал, что войска Центрального фронта с большой скоростью укрепляют в инженерном отношении свои позиции, и приводил данные о подходе туда крупных резервов. К письму прилагались фотографии полосы обороны, сделанные самолётом-разведчиком. Подводя итог, генерал-полковник просил Гитлера, если наступление по-прежнему крайне важно, до середины мая обеспечить 9А всем, что было обещано ранее, и отвести для прорыва рубежей Центрального фронта не сутки, как планировалось, а двое. При невозможности быстро усилить армию операцию следовало отменить или отложить до тех пор, пока войска не получат всё необходимое. В противном случае рассчитывать на успех не стоило²⁷.

Письмо произвело на Гитлера большое впечатление как своим содержанием, так и тем, что его написал именно Модель, которого он высоко ценил. Через два дня фюрер приказал приостановить подготовку к наступлению на Курск и вызвать 4 мая на совещание в Мюнхен командующих и начальников штабов групп армий «Центр», «Юг», 9А и ОКХ. В связи с этим отдел Гелена получил распоряжение представить Цейтцлеру доклад о выявленных Моделем проблемах «Цитадели» и прежде всего — о существенном укреплении полосы обороны Центрального фронта и о наличии крупных советских резервов перед южным крылом ГА «Центр» (полоса 2ТА).

3 мая Гелен доложил: «Как и в предыдущих оценках уже указывалось, командование Красной армии начало подготовку к большой наступательной операции перед северным крылом группы армий “Юг” в направлении Днепра, но решение ещё окончательно не принято и в связи с этим до решения и вплоть до назначения даты начала наступления у русских собирается достаточный оперативный резерв, расположение которого пока не ясно. Пополнение крупных (особенно подвижных) частей в районе Купянск—Старобельск—Валуйки

²⁷ Замулин В. Н. Документ, отсрочивший битву под Курском. С. 30–36.

и Короча—Волоконовка—Новый Оскол, а также около Курска и Ливны—Елец в качестве вероятных резервных групп фронта пока уверенно не обнаружено. Местами в районе западнее Белгорода и, вероятно, в районе Изюм—Балаклея, похоже, противник из глубины подтягивает новые силы. Далее непонятно расположение 5-й танковой армии (до сих пор фиксировалась в районе у Острогожска), уже 4 дня полное отсутствие радиосвязи. По некоторым новым, частично непроверенным данным, не исключено, что противник распознал немецкие планы наступления и в своих общих планах, в первую очередь, наметил перейти к обороне. Так можно оценить некоторые его известные нам формы распределения сил. Такое развитие обстановки возможно, хотя ещё не подтверждено данными, может говорить как о том, что русские готовятся к отражению большого немецкого наступления с далеко продвинутыми вглубь целями, так и о подготовке собственного наступления. Это также может говорить о том, что противник для уменьшения потерь сначала подождёт наступления немецких войск, постоянно усиливая оборону, а перейдёт в контрнаступление, перебросив из тыловых районов резерв для его успешного исхода. Возможно, целью русского командования будет использование операции на восточном театре боевых действий для подталкивания союзников к началу наступления с запада, которое задерживается из-за боёв в Тунисе. Идущее с середины марта пополнение оттянутых глубоко в тыл частей продолжается и повышает их боеготовность. Кроме этого, по многочисленным донесениям, противник постоянно формирует в тылу новые части и запасные силы перед северным крылом группы армий “Юг” и южным крылом группы армий “Центр”. Надо рассчитывать на постоянное увеличение вражеских частей и сил и уже сейчас высокую оборонительную способность русских частей против немецкого наступления. Оборона перед южным фронтом 2-й танковой армии в связи с уже принятыми с их стороны мерами может достигать очень высокого уровня»²⁸.

Таким образом, отдел по-прежнему, как и 19 апреля, констатировал: советское командование продолжает активно укреплять оборону Курской дуги и накапливать крупные резервы в нескольких местах. Вместе с тем подчинённые Гелена чётко отразили неоднозначность плана Москвы на весенне-летний период. Действительно, на совещании у Сталина 12 апреля подробно обсуждалось лишь то, как ситуация под Курском будет меняться до завершения распутицы, т.е. примерно до начала мая, и все принятые тогда решения и отданные приказы говорили об обороне. Поэтому командующие Воронежским (генерал армии Н.Ф. Ватутин) и Центральным (генерал армии К.К. Рокоссовский) фронтами, согласовав с Генеральным штабом первые варианты планов единой для их войск Курской оборонительной операции, по очереди, 25 и 28 апреля, представили их на рассмотрение в Ставку ВГК, где они были одобрены²⁹. Но при обсуждении этих документов в Кремле генералы получили приказ: если немцы слишком долго станут тянуть с началом активных действий, то оба фронта ударят первыми. Поэтому они должны были готовиться отразить атаку противника к 10 мая или наступать не позднее 1 июня³⁰. В это же время военным советам Западного, Брянского и Юго-Западного фронтов

²⁸ Замулин В.Н. «Надо рассчитывать на намерение русских удерживать район Курска»... С. 49–50.

²⁹ Замулин В.Н. Курск-43... Кн. 2. М., 2019. С. 318.

³⁰ ЦАМО РФ, ф. 16-А, оп. 321, д. 138 (без нумерации листов).

поручили приступить к разработке замысла наступления своих войск, которое предполагалось начать или в заключительной фазе Курской оборонительной операции, или сразу после её завершения, т.е. когда армии Ватутина и Рокоссовского двинутся вперёд.

Подготовка масштабного наступления это не только разработка его плана фронтовыми и армейскими штабами — главным, самым сложным и затратным во всех отношениях, является формирование ударных группировок, т.е. перевод резервов из состояния отдыха или обороны в режим готовности атаковать (в том числе переброска сил и вооружения в определённые районы). Кроме того, это ещё и большая работа, связанная с обеспечением эффективности артиллерийского огня (определение целей, подвоз боеприпасов и т.д.), проведение многочисленных рекогносцировок, мероприятий по маскировке и т.д. И чтобы выявить и подтвердить фактами свои выводы о том, собираются ли войска Красной армии обороняться или наступать, требовались серьёзные агентурные возможности или высокое мастерство аналитиков, которые могли бы по косвенным или очень скромным (кратким, разрозненным) данным точно определить замысел противника. Поэтому доклад 3 мая интересен не только высказанными в нём оценками, но и тем, что он отражает степень информированности германской разведки и хотя бы в общих чертах — её агентурные возможности в этом районе.

Предположительный тон документа, который сразу же обращает на себя внимание, свидетельствует не столько о сложности и масштабе задачи, сколько о явной нехватке данных у его авторов. По-видимому, за минувшие две недели отдел не получил новых значимых донесений, убедительно подтверждавших сделанные ранее предположения, а они, как отмечалось в первых строках текста, не изменились и, следовательно, опирались на прежние сведения, лишь немного дополненные в последние недели апреля, и то из ненадёжных источников. Похоже, и этот доклад базировался не на фактах, добытых разведчиками, а на стандартной военной логике, которую аналитики отдела Гелена применили для прогнозирования возможных шагов командования Красной армии в условиях апреля 1943 г.

В приложении к докладу, как обычно, приводилось несколько сообщений, показавшихся авторам наиболее убедительными. Так, 27 апреля «надёжный агент» указывал: «В Валуйки прибыли неполные стрелковые дивизии, одна танковая бригада, два танковых батальона и два артиллерийских полка из Саратова. С танковых заводов в Казани и Горьком каждый день выходят танки, моторы и танковое вооружение и поступают на фронтовой участок Купянск—Курск—Орёл». На следующий день «до сих пор не проверенный агент (условно надёжный)» передал, что «Советы ожидают скорого немецкого большого наступления в районе Харьков—Курск. Обеспечение войск на этом участке особенно недостаточно. В Воронеж постоянно поступают новообученные группы солдат». 30 апреля от «помощника командира роты 248-й стрелковой бригады» стало известно, «что с севера и юга есть опасность окружения, и в связи с этим свои танки русские собрали у Белгорода и Орла». Наконец, 1 мая появилась информация, будто «советское командование собрало две танковых дивизии, одну моторизованную дивизию, пять танковых бригад, три кавалерийских дивизии и много тяжёлой и лёгкой артиллерии в качестве усиления фронтового участка Харьков—Юг—Белгород для предотвращения немецких операций на этом участке. Все имеющиеся пехотные и танковые части... в районе Волги

перемещаются в район между Доном и Донцом. Резервы авиации находятся в боевой готовности»³¹.

Однако танковые и моторизованные дивизии в Красной армии расформировали ещё во второй половине 1941 г., и в районе Курской дуги весной 1943 г. их быть не могло. Эта деталь явно свидетельствовала не в пользу агента. Более ценными являлись известия из 248-й стрелковой бригады, находившейся тогда на Центральном фронте. Но в Красной армии в то время штатной должности «помощник командира роты» не было, соответствующие обязанности мог исполнять старшина роты или заместитель её командира (лейтенант или старший лейтенант). В Вермахте же командир пехотной роты имел несколько помощников в звании унтер-офицеров. Вероятно, в Службе 1Ц свой источник в 248-й бригаде назвали по аналогии. Только мог ли старшина или даже младший офицер знать о распределении советским командованием стратегических резервов? Очевидно, нет, и едва ли это не понимали высокопоставленные офицеры разведки. Тогда зачем же это включалось в доклад и даже не отмечалось как не вызывающее доверия? Видимо, ничего иного у отдела просто не было, и его сотрудникам приходилось представлять руководство ОКХ в том числе и данные сомнительного качества, если только их источник себя не скомпрометировал.

Тем не менее в целом на первом этапе планирования наступления на Курск (в апреле и начале мая 1943 г.), несмотря на низкое качество информации, поступавшей из разведструктур, доклады отдела «Иностранные армии – Восток» отличались объективностью в оценках и точностью прогнозов. Поэтому нет оснований считать, будто германская разведка (в широком смысле слова) допустила тогда ошибку или занимала слишком оптимистичную и оторванную от реалий позицию.

Но как эти доклады использовались руководством ОКХ, а возможно, и самим Гитлером, инициатором операции, имели ли они существенное влияние на разработку «Цитадели»? Судить об этом, не располагая всеми докладами, переданными отделом Гелена в течение весны и начала лета, а также всеми материалами планирования операции, составленными ОКХ на протяжении трёх месяцев её подготовки, довольно затруднительно. И всё же имеющиеся документы дают основание для предварительных размышлений.

Цели и задачи наступления, предложенного Манштейном 8 марта, носили сугубо военный характер (как собственно и выдвинутый Шмидтом план «больших клещей» под Курском). Два мощных удара в центр и южную часть Курской дуги предполагалось нанести по войскам Воронежского фронта, которые до этого три месяца не выходили из тяжёлых боёв, были обескровлены и имели минимум тяжёлого вооружения и техники. Именно их ослабленное состояние фельдмаршал считал залогом успеха. План операции «Цитадель» готовился в совершенно иных условиях, и при его разработке Гитлер игнорировал факторы, важные для действующей армии. В середине апреля войска Рокоссовского и Ватутина уже заняли оборонительные рубежи и начали их укреплять, командующие привели свои соединения в порядок, получали из тыла пополнения и вооружение, быстро разворачивался ремонт техники. К тому же Москва ещё до подписания Гитлером приказа № 6 узнала от своей разведки о намерении немцев перейти в наступление в районе Курска сразу после распутицы, что способствовало своевременной организации обороны на опасных направлениях.

³¹ Замулин В.Н. «Надо рассчитывать на намерение русских удерживать район Курска»... С. 50–51.

И высокопоставленные генералы, посвящённые в замысел «Цитадели», и Гитлер к 4 мая, перед началом совещания в Мюнхене, уже понимали, что надо готовиться к прорыву хорошо оборудованных позиций, на которых находятся соединения, в значительной мере успевшие восстановить свои силы после зимы. Из-за этого дату перехода в наступление сдвинули с 3 мая на 12 июня, а затем переносили ещё несколько раз. Однако фюрер так и не отказался от желания нанести удар именно по тем районам Курской дуги, которые были определены в апреле. Между тем с конца апреля и вплоть до 5 июля, благодаря кадрам аэрофотосъёмки, систематически поступавшим в ОКХ, он имел возможность наблюдать за высокой динамикой и большим масштабом оборонительных работ на Центральном и Воронежском фронтах. 10 мая фельдмаршал В. Кейтель недвусмысленно объяснил Гудериану: «Это наступление нужно нам по политическим причинам»³². Сказано это было в присутствии Гитлера, который никак не отреагировал на данные слова, т.е. фактически согласился с ними. Таким образом, «Цитадель» изначально имела не военный, а политический характер, хотя, безусловно, для Берлина успех Вермахта был необходим.

В этих условиях информация о противнике, обобщавшаяся отделом Гелена для руководства ОКХ, имела важное значение. Она помогала формировать достаточно объективную картину событий по всему советско-германскому фронту, оценивать потенциальные возможности Красной армии и её группировок на отдельных его участках, а также прогнозировать наиболее вероятные решения Москвы. Однако, поскольку Гитлер решал в первую очередь политические задачи, без учёта военных реалий, доклады 12-го отдела не могли влиять на ключевые решения, какие бы данные и соображения он ни представлял. Как отмечал позднее генерал К. фон Типпельскирх, некоторое время служивший в штабе ОКХ, «Гитлер бесцеремонно отвергал результаты обработки разведанных в Генеральном штабе Сухопутных войск, считая, что они преувеличивают силы противника и без всякого основания сгущают краски»³³.

После войны Гелен писал: «Я использовал любую возможность, чтобы предупредить командование об опасности проведения крупномасштабного наступления под Курском. Когда же стало очевидным, что высшее немецкое руководство (Гитлер) не собирается отказываться от операции “Цитадель” — широких наступательных действий в районе Курска, я 3 июля 1943 г. подготовил доклад “Оценка предполагаемых действий противника при проведении операции «Цитадель»”»³⁴. Далее в своей книге он полностью привёл этот документ, сохранившийся в Федеральном архиве ФРГ³⁵. В докладе излагались оба варианта, которые Красная армия на деле осуществит затем под Курском. Правда, в документе отдела они рассматривались как самостоятельные, тогда как в реальности представляли собой части единого замысла Москвы. Первый из них (по мнению Гелена, наименее вероятный) предполагал, что советское командование сосредоточит все свои усилия на отражении атак Вермахта, но только в операционной

³² Гудериан Г. Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939–1945. М., 2009. С. 240. Характерно, что командир 7-й танковой дивизии ГА «Юг» генерал-майор В. фон Хюнерсдорф, готовясь к наступлению, утверждал, что «будущая операция нарушает основные правила руководства войсками» и в кругу своих офицеров называл её не иначе как «идиотской» (Кросс Р. Операция «Цитадель». Смоленск, 2006. С. 133).

³³ Типпельскирх К., фон. История Второй мировой войны. Крушение. М., 2018. С. 102.

³⁴ Гелен Р. Указ. соч. С. 90–92.

³⁵ ВА–МА. RH. 2/2585.

зоне «Цитадели», стягивая туда резервы и с участков соседних фронтов. Вторым вариантом допускал, что одновременно с оборонительными боями (против групп армий «Центр» и «Юг») Москва начнёт готовить силы для перехода в общее наступление в районе Орла и в направлении нижнего течения Днепра. Кроме того, Гелен ожидал активизации союзников СССР в Средиземноморье. «Поэтому, вполне вероятно, — полагал он, — вскоре после начала нашего наступления начнутся сильные вражеские отвлекающие удары и контратаки на всех участках ГА «Юг» и «Центр» и будет проводиться подготовка к их наступлению... Учитывая оценку противника, следует считаться с возможностью его наступательных действий с целью охвата 6-й армии и 1-й танковой армии — в направлении на Донбасс, а также с ударом из района Купянска в направлении Харькова, чтобы глубоко вклиниться во фланг наступающих немецких войск»³⁶.

Качество анализа в данном случае, как и в предыдущих докладах отдела, удивительно. Действительно, на первом этапе Курской битвы Ставка ВГК сосредоточит свои основные усилия лишь на сдерживании группировок Моделя и Манштейна, привлекая для этого с Юго-Западного фронта и Степного военного округа танковые соединения, а затем и несколько армий. И одновременно, ещё в ходе оборонительных боёв, начнётся давно запланированное наступление — 12 июля, как и указывал Гелен, в районе Орловской дуги, а 3 августа и в направлении нижнего течения Днепра (операции «Кутузов» и «Полководец Румянцев»). Не ошиблись сотрудники отдела «Иностранные армии — Восток» и с местом нанесения ударов в полосе ГА «Юг»: уже 17 июля войска Юго-Западного фронта неудачно атаковали южнее Купянска (в районе Изюма и Барвенково) 1ТА, а соединения Южного фронта приступили к проведению Миусской наступательной операции против 6-й полевой и 1-й танковой армий. 13 августа оба эти фронта развернули Донбасскую операцию. Таким образом, 12-й отдел примерно за полтора месяца точно предсказал действия советской стороны у Курской дуги и на примыкающих к ней рубежах. Однако этот прогноз не совпадал с надеждами Гитлера и заметного влияния на крупные решения не оказал.

Завершая в книге рассказ о «Цитадели», Гелен процитировал последний перед её началом доклад отдела, направленный 4 июля: «Исходя из общего военного положения, проведение операции «Цитадель» в настоящее время ничем не обосновано и не оправдано. Для любой успешной операции предпосылками служат два неперемennых условия: превосходство в силах и момент внезапности. Обе эти предпосылки реально существовали в начале разработки операции. Сейчас же оценка противника свидетельствует: нет ни той, ни другой. Русские ожидают наше наступление в указанном районе уже в течение нескольких недель. С присущей им энергией они не только произвели необходимые инженерные работы по созданию многополосных позиций, но и сосредоточили там соответствующие силы и средства, достаточные для того, чтобы отразить наше наступление. Таким образом, маловероятно, что наш удар будет иметь необходимую пробивную силу. Учитывая количество имеющихся в распоряжении русских резервов, нельзя ожидать, что операция «Цитадель» перемелет их и противник не сможет в нужный момент приступить к исполнению своих запланированных намерений. Немецкая же сторона, принимая во внимание общее военное положение (обострение обстановки на Средиземном море!), будет лишена столь необходимых резервов, так как они будут уже задействованы и израсходованы.

³⁶ ВА—МА. РН. 2/2585. С. 45.

Считаю запланированную операцию “Цитадель” ошибкой, за которую потом придётся серьёзно расплачиваться»³⁷. С данным утверждением Гелена трудно не согласиться. Впрочем, в то время о проблемах, изначально не позволявших рассчитывать на успех, говорили уже все противники наступления, посвящённые в процесс его подготовки.

Сложнее всего, пожалуй, по сохранившимся документам установить, как германские спецслужбы оценивали численность советских резервов, накопленных к началу июльских боёв или хотя бы на каком-то этапе подготовки операции. В определённой мере составить об этом представление помогает документ «Оценка советских танковых сил в известных танковых частях на 21 апреля 1943 года и предполагаемый запас танков противника до 1 мая 1943 г.»³⁸. В нём собран довольно большой статистический материал о численности танковых тактических соединений перед всеми четырьмя немецкими группами армий, действовавшими тогда на советско-германском фронте. Например, в нём утверждалось, что на 21 апреля перед войсками Вермахта от Ленинграда до Кавказа (кроме Карельского фронта) советское командование будто бы расположило 164 танковых бригады, 87 танковых полков, 30 отдельных танковых батальонов, в которых якобы насчитывалось 4300 танков (т.е. на 7400 меньше, чем полагалось по штату³⁹). В действительности же в составе 11 фронтов и 7-й отдельной армии, удерживавших оборону перед группами армий «Север», «Центр», «Юг» и «А», на 1 мая находилось 96 танковых бригад (в том числе 58 отдельных и 33 – в составе танковых и механизированных корпусов), 74 танковых полка и 26 отдельных танковых батальонов. Следовательно, данные отдела Гелена по численности бригад были завышены на 68 соединений (58,5%), по полкам занижены на 13 частей (8,5%), а по батальонам – на 4 подразделения (8,7%)⁴⁰.

«Кроме этого, – отмечалось в докладе, – можно сделать вывод, что до 1 мая 1943 г. в процессе постоянного производства и использования запасов на фронт прибудет ещё 1900 боеспособных танков, из которых 1500 танков (три четверти, вероятно) пойдут в качестве пополнения и одна четверть, 400 танков, будут распределены по новым формированиям»⁴¹. Трудно сказать, какой источник передал германской разведке столь значительные цифры бронетехники, поступление которой будто бы ожидалось в течение ближайших десяти суток, и откуда стало известно о её дальнейшем предназначении. Согласно директиве Государственного комитета обороны СССР № 3107сс от 1 апреля 1943 г., все танковые заводы СССР в течение месяца, по плану, должны были выпустить 2205 танков всех типов, включая 1630 Т-34 и КВ⁴² (остальные – Т-70, Т-80). И в немецкой, и в советской оборонной промышленности учёт выпущенной техники вёлся по дням, неделям, месяцам и т.д. Следовательно, до 21 апре-

³⁷ Гелен Р. Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии 1942–1971. М., 1999. С. 92–93.

³⁸ ВА–МА. РН. 2/2585.

³⁹ Замулин В.Н. «Надо рассчитывать на намерение русских удерживать район Курска»... С. 48–49.

⁴⁰ Военно-научное управление Генерального штаба. Боевой состав Советской Армии. Ч. 3. М., 1972. С. 79–102. К сожалению, пока нет возможности сравнить все указанные в докладе цифры с советскими данными.

⁴¹ ВА–МА. РН. 2/2585. С. 38.

⁴² Великая Отечественная. Государственный комитет обороны. Т. 3. Кн. 1. М., 2017. С. 179.

ля в войска уже должно было поступить какое-то количество боевых машин, и можно предположить, не меньше чем ожидалось в последнюю декаду. Однако очевидно, что эти цифры существенно завышены. В апреле 1943 г., когда только закончилась зимняя кампания, в ходе которой советские подвижные соединения играли ключевую роль, но и несли каждый день большие потери, отдельные корпуса со штатом около 200 танков выводились в тыл, располагая лишь 10–15 боевыми машинами. Поэтому советское командование всю выпускающуюся технику направляло в действующую армию, оставляя в резерве не более нескольких сотен танков. Следовательно, доклад не создавал объективного представления ни о мощи бронетанковых войск 11 советских фронтов, ни о реальных возможностях промышленности СССР. Тем не менее именно этими данными оперировали генералы ОКХ при планировании «Цитадели». Неудивительно, что Гитлер считал их необоснованными и не принимал в расчёт.

В лучшую сторону, хотя и не существенно, отличались сведения о количестве танковых и механизированных корпусов (тк и мк), находящихся в резерве Ставки ВГК. Разведка обеих сторон с особым вниманием относилась к выявлению наличия на том или ином участке фронта крупных подвижных соединений (танковых, моторизованных, механизированных корпусов, дивизий, бригад), мест их сосредоточения, номеров, численности и т.д. Более того, к середине 1943 г. и советские кавалерийские корпуса, несмотря на свою уязвимость, по-прежнему рассматривались германским командованием как существенная сила, обладавшая высокой манёвренностью и боевыми возможностями. Поэтому их перемещение пристально отслеживалось Абвером.

Подобное отношение отразилось и в документе «Общая оценка противника перед группой армий “Юг” на 13.7.1943 г.», который был подготовлен в отделе Гелена сразу же после масштабного столкновения 5-й гв. ТА с двумя немецкими танковыми корпусами у Прохоровки. В нём, в частности, говорилось: «На фронте наступления группы армий противник, после первого удара и прорыва первой и второй линии обороны, пытается остановить наше наступление, используя у армейской группы “Кемпф” свои прифронтовые резервы (69-я армия), а у 4ТА — бросая вперёд атакующие оперативные резервы (1-ю танковую армию в составе 3-го механизированного, 6-го и 31-го танковых корпусов и ещё два танковых корпуса — 2-й гвардейский и 5-й гвардейский). При этом надо отметить, что противник снова и снова пытается атаковать наше ударное остриё фронтально и значительно меньше атакует его с флангов. В тяжёлых боях противнику не удаётся предотвратить прорыв, и армейская группа “Кемпф” уничтожает его дивизии, а у 4ТА его атакующие по очереди оперативные соединения уже сильно потрёпаны. После подтягивания стрелковых и танковых частей из глубины, противник 12.7 перешёл в контрнаступление. В то время как он перед армейской группой “Кемпф” атаковал в основном пехотными частями и отдельными самостоятельными танковыми частями на фронте шириной в 20 км, против 4ТА было предпринято концентрическое наступление свежих танковых частей (10, 18 и 29 тк), в основном, во фланги, а пехотой — фронтально. Эта попытка провалилась с большими потерями для противника, особенно в танках. Поскольку противник перед 4ТА бросил в бой минимум 2–3 танковых армии (1-ю, 5-ю гвардейскую и 3-ю танковую) с 8 танковыми корпусами и одним механизированным корпусом, в глубине у него остался лишь очень ограниченный оперативный резерв (4 гв. мк, 3 гв. тк, 1-й и 6-й гвардейские кавалерийские корпуса, возможно 11 тк и, если он вос-

становлен, 4 гв. тк). Остальные части ему придётся перебрасывать с других фронтов. Таким образом, противнику, всеми уже брошенными оперативными соединениями, не удалось достичь успеха»⁴³.

Авторы доклада перечислили все подвижные соединения, введённые в бой командованием Воронежского фронта и Ставкой ВГК за первые восемь суток Курской битвы, за исключением 5 гв. мк. Столь высокая точность объяснялась объективными данными, полученными от пленных и из документов, собранных у убитых на поле боя. Подтверждением тому служит отсутствие в докладе упоминания о 5 гв. мк, который в то время тоже входил в состав 5 гв. ТА⁴⁴ и участвовал в боях 12 июля, но в тот день ни один его военнослужащий в плен не попал, а тела погибших остались на территории, занятой советскими войсками⁴⁵. Поэтому о его появлении в полосе наступления ГА «Юг» немцам стало известно чуть позже.

А вот утверждение, будто, несмотря на введение в бой больших сил, советское командование на юге Курской дуги не достигло успеха и «в глубине у него остался лишь очень ограниченный оперативный резерв», абсолютно не соответствовало действительности. Именно 13 июля, когда Геленом был подписан доклад, Гитлер вызвал в Ставку Клюге и Манштейна и объявил им о свёртывании «Цитадели». Едва ли это можно объяснить чем-то, кроме успешных действий Красной армии. При этом помимо четырёх перечисленных в докладе подвижных соединений, которые, по мнению сотрудников 12-го отдела, точно или предположительно, пока не участвовали в сражении и могли быть переброшены в район Курской дуги (4 гв. мк, 3 гв. тк, 4 гв. тк и 11 тк), в СтепВО имелись также 1-й, 2-й, 3-й гвардейские механизированные корпуса и 5-й гв. мк, уже подошедший на Воронежский фронт, располагавшие в общей сложности более чем 800 танками. А в прямом подчинении Ставки ВГК были ещё 5 мк и 25 тк (более 320 танков). Кроме того, в распоряжении командующего СтепВО находились не два кавалерийских корпуса, как утверждалось в докладе (1 гв. и 6 гв.), а три (3 гв., 5 гв. и 7 гв.) и ещё два (2 гв. и 6 гв.) — в подчинении Ставки ВГК⁴⁶. Следовательно, в момент начала свёртывания «Цитадели» Красная армия могла использовать в районе Курской дуги не 6, а 11 крупных подвижных соединений: 5 кавалерийских, 6 танковых и механизированных корпусов с более чем 1120 танками (помимо нескольких общевойсковых армий). Потери, понесённые ею в оборонительных боях под Курском, оказались значительными, но они не смогли сорвать её летнюю кампанию, к чему так стремились в Берлине. Впоследствии Манштейн откровенно признал: «Мы, конечно, не ожидали от советской стороны таких больших организаторских способностей, которые она проявила в этом деле (формировании резервов. — В.З.), а также при развёртывании своей военной промышленности. Мы встретили поистине гидру, у которой на месте одной отрубленной головы выросли две новые»⁴⁷.

⁴³ ВА—МА. РН 2/2585. С. 64—65.

⁴⁴ Замулин В.Н. Оборонительные бои советских сухопутных войск на южном фланге Курской дуги: обоянское и прохоровское направления (5–16 июля 1943 г.). Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2009. С. 208.

⁴⁵ Замулин В.Н. Танковое побоище. Правда о «величайшем танковом сражении». М., 2010. С. 509—510.

⁴⁶ Военно-научное управление Генерального штаба. Боевой состав Советской Армии. Ч. 3. С. 175—179.

⁴⁷ Манштейн Э., фон. Утерянные победы. М., 2016. С. 504.

Причина существенной разницы в точности докладов отдела «Иностранные армии — Восток», относившихся к вопросам стратегического планирования и боевого потенциала Красной армии, заключалась прежде всего в высокой эффективности действий её командования, а также фронтовых и армейских органов контрразведки «Смерш», сумевших обеспечить скрытность сосредоточения свежих сил и не допустить к ним вражескую агентуру. Так, уже к началу мая Абвер и Люфтваффе зафиксировали между Доном и линией Орёл—Курск—Купянск большую группировку резервных войск, включая и 5 гв. ТА. Однако им не удалось раскрыть всю систему формировавшихся стратегических резервов и места их дислокации. Бессильными в этой ситуации оказались и аналитики Гелена. Не имея необходимой информации о планах противника, они, опираясь на личные знания, основы оперативного искусства и опыт предыдущих лет войны с СССР, могли дать верный прогноз о решениях и действиях советского командования, но при определении численности и состава войск наличие точных данных являлось условием критически важным. Добыть же сведения подобного рода агентурным путём и с помощью технических средств (радио и авиаразведки) становилось всё сложнее. Как писал руководитель разведки РСХА В. Шелленберг, «необозримые просторы России позволяли нашим агентам месяцами колесить по стране, не обнаруживая себя. Но, в конце концов, большинство из них всё же попали в руки НКВД»⁴⁸.

В целом же отдел «Иностранные армии — Восток» ОКХ в период планирования и подготовки операции «Цитадель» не раз верно указывал, что советское командование рассматривает удар Вермахта в районе Курской дуги как очень вероятный и активно готовится к его отражению. Его сотрудники не сомневались в намерении Ставки ВГК во что бы то ни стало удержать занятые позиции, а затем использовать их как удобный плацдарм для крупномасштабного наступления на Орёл и Левобережную Украину. В документах, представленных Геленом руководству штаба ОКХ, раскрывались и основные инструменты достижения этих целей: укрепление обороны Курской дуги и накопление стратегических резервов. При этом довольно точно обозначались районы их сосредоточения. Вместе с тем, учитывая положение 12-го отдела в структуре стратегического планирования и ограниченные возможности по сбору сведений о потенциале Советского Союза (в частности, отсутствие информированных источников в военно-политических кругах СССР и слабость агентурной сети в оперативном тылу фронтов), он не смог представить объективный анализ численного и боевого состава действующих войск Красной армии, а также количества резервов, собранных Ставкой ВГК весной и в первый месяц лета 1943 г. Приводившиеся им цифры являлись сильно завышенными.

Таким образом, при более взвешенном и менее политизированном подходе руководства Германии к планированию летней кампании Вермахта доклады Гелена могли бы заметно скорректировать задачи войск и характер боевых действий.

⁴⁸ Шелленберг В. В паутине СД. М., 2021. С. 277.

Эвакуация населения из прифронтовой полосы на территории Калининской области в 1942 г.

Любовь Болокина

Evacuation from the front zone in the Kalinin region during 1942

Lyubov Bolokina

(Tver State Technical University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956872203013X, EDN: FXGUSP

В отечественной историографии немного работ о массовых отселениях советских граждан из прифронтовой полосы в пределах собственного региона, происходивших в 1942–1944 гг. Приводятся лишь отдельные сведения, связанные с механизмами принятия решений и установлением прифронтовой зоны на различных участках фронта¹. В монографии Д.Е. Комарова присутствует краткий обзор подобных отселений на территории Смоленской обл., сопровождающийся замечанием о пользе дальнейшего изучения темы². Учёными из Курска проанализированы проблемы, возникшие в регионе при перемещении жителей из районов предполагаемых боевых действий летом–осенью 1943 г., показана реакция населения, выявлены причины нарушения сроков эвакуации³.

Данная статья посвящена исследованию процесса перемещения гражданского населения из прифронтовых районов, входивших на тот момент в состав Калининской обл. (ныне Тверская). В фокусе внимания – организация переселений, взаимодействие военных и гражданских властей, настроения и поведение жителей, устройство эвакуируемых в принимающих районах. Некоторые проблемы, выявившиеся при вывозе и размещении граждан на новых местах жительства, затрагивались мной в предыдущих публикациях⁴, поэтому здесь им уделено меньшее внимание.

Массовые переселения жителей региона из прифронтовой полосы происходили в июле и октябре–ноябре 1942 г., хотя в ряде районов имели место уже в июне, а некоторые ограничения для граждан существовали и ранее. Так, согласно постановлению Военного совета Калининского фронта от 24 мая

© 2022 г. Л.А. Болокина

¹ *Мозохин О.Б.* Эвакуация населения, объектов промышленности и культурных ценностей из прифронтовой зоны в годы Великой Отечественной войны // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. № 1. С. 33.

² *Комаров Д.Е.* Смоленская область в огне Великой Отечественной войны: война, народ, победа. Смоленск, 2015. С. 306–308.

³ *Афанасьева Ю.А.* Процессы перемещения гражданского населения в период Великой Отечественной войны: на примере Курской области. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2002. С. 21; *Байрамов Р.С., Коровин В.В.* Проблемы эвакуации населения из прифронтовой полосы накануне Курской битвы (по материалам Центрального фронта) // Истоки и уроки Великой Победы. Сборник научных статей. Курск, 2020. С. 27–33.

⁴ *Болокина Л.А.* О проблемах эвакуации населения Калининской области в 1941–1942 гг. // Человек и общество в условиях войн и революций. Материалы всероссийской научной конференции. Самара, 2016. С. 250–256; *Болокина Л.А.* Адаптация женщин Калининской области, эвакуированных из прифронтовой полосы в 1942 г., к новой повседневности // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего. Материалы международной научной конференции. Калининград, 2019. С. 355–358.

запрещалось передвижение гражданского населения в 50-километровой прифронтовой полосе из одного населённого пункта в другой без специального разрешения от председателя сельского совета или главы колхоза, а при наличии документа позволялось только с 5:00 до 21:00. Выдача разрешений могла производиться только в случае действительной необходимости под ответственность руководителей. Подлежали выселению лица, не являвшиеся постоянными жителями и не имевшие ближайших родственников в селениях прифронтовой зоны, для чего следовало учесть коренное население⁵.

В соответствии с постановлением Военсовета фронта от 1 июля суженный состав исполкома Калининского областного совета принял 4 июля решение об эвакуации всего гражданского населения ряда районов из 20-километровой прифронтовой полосы в восточные районы области. Список населённых пунктов, входивших в отселяемую зону, устанавливали исполкомы райсоветов совместно с представителями командования армий и дивизий фронта. Размещение эвакуированных должно было происходить согласно плану. Например, переселенцев из Кировского и Оленинского районов принимали жители Бежецкого, а Нелидовского и Великолукского – Краснохолмского районов. Предполагались следующие маршруты движения: жители Погорельского, Зубцовского, Старицкого, Ржевского, Луковниковского районов направлялись через Старицу, посёлок Емельяново и Калининский эвакуопункт для дальнейшей отправки водным путём; из Кировского, Молодотудского, Оленинского и Нелидовского – на станции Бологое и Сонково через посёлок Селижарово (по железной дороге); из Куньинского, Великолукского, Плоскошского, Локнянского, Холмского – в Бологое и Сонково через Торопец.

Исполкомы райсоветов обязывались в первую очередь обеспечить отправку колхозников с детьми на имевшихся колхозных лошадях. Однако из-за недостатка лошадей облисполком обратился к командованию фронта с просьбой дать указания воинским частям, чтобы они забирали население из зоны эвакуации с попутными машинами во всех перечисленных направлениях, а также предоставляли порожние вагоны. Гражданам рекомендовалось наряду с необходимым личным имуществом и запасом продовольствия забирать и отгонять по пути следования скот, числившийся в их личном пользовании. Для отгона колхозных стад следовало организовать гурты, поручив обязанности гонщиков «добросовестным» колхозникам. При невозможности этого исполкомы райсоветов и контора «Заготскот» должны были принимать животных от колхозников под гарантийные обязательства. Остававшееся имущество эвакуируемых колхозников предлагалось скупать облпотребсоюзу и облупотребсоюзу. Кроме того, облисполком просил фронтное командование всячески содействовать сохранению домов, сельхозинвентаря и другого имущества, которое не могло быть вывезено, если его использование не вызвано потребностями фронта.

Подготовкой эвакуопунктов, организацией медицинского обследования переселенцев и их последующей отправкой к местам жительства занимался заведующий областным отделом по хозяйственному устройству эвакуированного населения. Для оказания организационной помощи райсоветам и горсоветам в прифронтовые районы командировались 10 уполномоченных облисполкома. Предусматривалось снабжение граждан продовольствием по пути следования не ниже установленных норм, с этой целью выделялось дополнительно

⁵ Государственный архив Тверской области (далее – ГА ТО), ф. Р-2043, оп. 18, д. 13, л. 443.

250 т хлеба. Председатели исполкомов районов, принимавших эвакуированных, должны были обеспечить своевременное расселение людей. Эвакуацию следовало начать немедленно при получении решения облисполкома и закончить не позднее 20 июля⁶.

Вслед за решением облисполкома 8 июля вышел приказ по областному отделу здравоохранения, очертивший ряд мер по недопущению ухудшения санитарно-эпидемиологической обстановки. Так, находившиеся в карантине семьи переселялись только в пределах своего или соседнего районов, с обязательным сообщением заведующему райотделом здравоохранения и медработникам об их статусе (извещать следовало двумя способами — эвакуируемой семье на руки давалась справка, а почтой высылалось извещение о необходимости изоляции и дальнейшего наблюдения за этими гражданами). При отправке населения эшелонами или пароходами выделялись сопровождающие их медработники, обеспеченные медикаментами и бактериофагами. На местах сбора, остановок, пересадок на железнодорожных станциях и пристанях организовывалось круглосуточное дежурство медработников, регулярно проверялось санитарное состояние вагонов и пароходов. Дети ясельного возраста обеспечивались остужённой кипячёной водой и питанием из молочных кухонь. Прибывшие проходили обязательную тщательную санобработку, не допускалось их расселение в колхозах и семьях, где имелись инфекционные заболевания. Ответственность за проведение перечисленных мероприятий возлагалась на заведующих райздравотделами, в том числе по пути следования эвакуируемых⁷.

Следующая волна переселений в Калининской обл. началась осенью. После ряда постановлений и приказов командования Западного, Северо-Западного, Калининского фронтов и отдельных армий облисполком принял 8 и 16 октября решения об эвакуации гражданского населения из 20-километровой прифронтовой полосы (в Зубцовском, Ржевском, Старицком, Погорельском районах), а 17 октября — о выселении граждан уже из 25-километровой зоны (в Великолукском, Кировском, Куньинском, Локнянском, Луковниковском, Молодотудском, Нелидовском, Октябрьском, Плоскошском, Холмском районах). Завершить эвакуацию предполагалось не позднее 25 октября; в последующих решениях указывался срок 1 ноября⁸.

В отличие от летней эвакуации, жителей из прифронтовой зоны планировалось переселять в соседние районы либо на территорию восточных сельсоветов того же района, однако на практике происходило и иначе. Иногда в селения прибывали граждане и своего, и соседнего районов. При этом пункты приёма эвакуированных должны были назначить совместно главы исполкомов обоих районов. Кроме того, они обязаны были организовать в зоне эвакуации обмолот зерна и выполнение обязательств перед государством по всем видам сельскохозяйственных продуктов, засыпку фондов и сдачу их государству под сохранные расписки. В их ведении находилась также сдача хлеба и другой продукции, оставленной колхозникам на трудодни, под акт-квитанцию — с тем, чтобы в местах расселения это продовольствие работники могли получить для личного пользования из органов Наркоммата заготовок. В октябрьских решениях ответственными за проведение в пунктах прибытия необходимых противо-

⁶ Там же, д. 12, л. 70, 71, 74.

⁷ Там же, ф. Р-2319, оп. 2, д. 16, л. 10, 10 об.

⁸ Там же, ф. Р-2043, оп. 18, д. 14, л. 187, 207, 210, 215.

эпидемических мероприятий и обеспечение медпомощи прибывшим назывались глава облотдела здравоохранения и председатели райисполкомов.

Со стороны властей области эвакуационным процессом руководили заместитель председателя облисполкома К.Н. Гришин и секретарь обкома П.С. Воронцов. В 31-й армии общий контроль за ходом выселения возлагался на члена Военного совета бригадного комиссара П.М. Лахтарина, в 29-й армии – на заместителя командующего войсками по тылу В.Ф. Конькова, а непосредственное выполнение решения – на командиров и комиссаров дивизий в пределах их разграничительной линии⁹.

При получении распоряжений об отселении на местах, как правило, проводились совместные заседания райкомов и райисполкомов, на которых принимались решения об организации переездов и проходили инструктивные совещания с районным активом. Бригады или отдельные представители из района выезжали в сельсоветы и колхозы, собирали сельский актив, объясняли необходимость переселения и непосредственно занимались эвакуацией. Местами эта работа проводилась чётко. Например, в Нелидовском районе «абсолютно всех работников ответственных и технических» командировали в колхозы для оформления сдачи продукции и ценностей представителям воинских частей, хотя указания о проведении эвакуации там получили со значительным опозданием, от прибывшего из областного центра уполномоченного¹⁰.

Судя по документам, наиболее успешно эвакуация прошла в Осташковском районе. Там, по сведениям уполномоченного из области, была проведена серьёзная предварительная работа: в каждый сельсовет направились сотрудники райкома и райисполкома, чтобы разъяснить причины переселения, в том числе жителям тех населённых пунктов, куда приезжали земляки. Эвакуированные расселялись в пределах своего района, переезжали «полными хозяйственными единицами во главе с сельсоветом, медпунктами, школами, правлениями колхозов» и продолжали хозяйственную деятельность на новом месте. Членов конкретного колхоза размещали в одном селении, не допуская разбросанности. Для переездов мобилизовали 500 лошадей, 1 катер, 1 пароход, 4 баржи и 18 лодок. Вывезли часть колхозного скота, а также лён с 200 из 454 га общих посевов «для обработки на новом временном месте жительства». По словам главы райсовета, было достигнуто полное взаимопонимание с военными¹¹.

В других же районах (например, Кировском) собрания состоялись далеко не во всех сельсоветах и колхозах¹². По мнению уполномоченного С.Г. Орнацкого, председатель Ржевского райисполкома пустил эвакуацию на самотёк, не включился в работу. Вместо 17 октября отселения в районе начались 25 октября по указанию военных, так как, согласно объяснениям, решение облисполкома на месте получили поздно (проверить это утверждение тогда не удалось). Слабая организационная работа отмечалась в Дурневском сельсовете, где допустили приёмку хлеба, картофеля, сена через райсоюз по частным распискам; райсоюз, в свою очередь, сдал принятую продукцию воинским частям по одному чековому требованию, тем самым лишив колхозников возможности быстро

⁹ Там же, л. 189, 208, 210.

¹⁰ Тверской центр документации новейшей истории (далее – ТЦДНИ), ф. 147, оп. 3, д. 343, л. 2, 24.

¹¹ ГА ТО, ф. Р-2043, оп. 18, д. 19, л. 57, 92.

¹² ТЦДНИ, ф. 147, оп. 3, д. 343, л. 29 об.

получить продукцию на новом месте¹³. В пути оказалось, что переезжавшие из Ржевского в Луковниковский район люди направлялись без указаний, в какой именно сельсовет или населённый пункт они должны прибыть¹⁴.

Непростая ситуация возникла в Великолукском районе, где жителей нужно было перевезти на расстояние в 70–75 км, и подводы находились бы в пути несколько дней. Военные же требовали как можно скорее очистить территорию от гражданского населения. В итоге людей расселили в ближайших населённых пунктах с намерением позднее завершить эвакуацию, которая получилась поэтапной¹⁵.

Трудноразрешимой проблемой стала транспортная. Имевшейся в зоне отселения тягловой силы для вывоза населения не хватало. По сообщению Воронцова и Гришина, в просьбе о помощи, адресованной заместителю командующего фронтом по тылу, было отказано по причине отсутствия бензина. Чтобы не допустить затягивания процесса, организаторы эвакуации приняли решение о мобилизации гужевого транспорта из соседних районов (из Торопецкого в Великолукский, из Октябрьского в Нелидовский и др.). Однако этих ресурсов также не хватало, и на местах обращались к командирам воинских частей, а часть граждан выводилась из прифронтовой зоны без участия транспортных средств¹⁶. В Плоскошском районе для вывоза людей и имущества использовали 450 собственных лошадей, 120 подвод из Серёжинского района, 200 лошадей и 20 автомашин военных частей. Более 1 тыс. колхозников переносили нехитрый скарб на себе, в ряде мест использовали коров. Несмотря на то что в районе насчитывалось 800 лошадей, значительная часть животных оказалась ослабленной и не годилась для эвакуации, к тому же не хватало повозок. Помимо местных жителей перемещались 350 семей из Локнянского и Холмского районов, находившихся в тот момент на территории Плоскошского¹⁷. В Холмском районе задействовали 1 546 местных подвод, 877 — из Серёжинского района, 1 794 подводы и 127 автомашин воинских частей. В среднем на одну семью приходилось две подводы, что позволяло перевезти и часть вещей. Но даже здесь 470 хозяйств переносили имущество вручную. В Нелидовском районе отселение производилось главным образом на транспорте воинских частей, по железной дороге и на лошадях своего района. Встречавший эвакуируемых Ленинский район смог выделить 75 лошадей, но до места дошла только небольшая их часть, остальных пришлось вернуть с полдороги по причине слабости¹⁸. Дефицит транспорта стал главной причиной того, что переселенцы скапливались на железнодорожных станциях и в пунктах сбора. В первые дни ноября в прифронтовых районах их количество доходило до 100 семей на пункт, а в восточных, куда прибывали двигавшиеся через Москву эшелоны и где люди ждали санобработки и расселения, имелись случаи скопления от 800 до 1 тыс. человек¹⁹.

По-разному складывалась ситуация со сдачей сельскохозяйственной продукции. Колхозники Холмского района передали воинским частям под сохранные расписки 2 200 ц зерна, 2 922 ц картофеля, 2 392 ц сена. В счёт обязатель-

¹³ ГА ТО, ф. Р-2043, оп. 18, д. 19, л. 86.

¹⁴ ТЦДНИ, ф. 147, оп. 3, д. 343, л. 29.

¹⁵ ГА ТО, ф. Р-2043, оп. 18, д. 19, л. 91.

¹⁶ ТЦДНИ, ф. 147, оп. 3, д. 530, л. 104, 104 об.

¹⁷ Там же, д. 343, л. 26, 26 об.

¹⁸ Там же, л. 3, 25.

¹⁹ Там же, л. 1.

ных поставок точно по плану к 1 ноября сдали 50 т картофеля и 81 т зерновых из плановых 135 т. Наибольшее количество зерна армии сдали хозяйства Молодотудского района — 4 676 ц. Необмолоченные зерновые также передавались воинским частям, которые сами занимались уборкой урожая в пределах прифронтной полосы. Так, в Ржевском районе оставили 750 га необмолоченных хлебов, которые попали к военным по предварительно установленной урожайности, а после обмолота — по фактическому выходу зерна²⁰. В Великолукском районе командиры сначала вовсе отказались принимать сельхозпродукцию, мотивируя это занятостью по эвакуации, и только 4 ноября приступили к приёму, но требовали взвешивания и обмера. Для этого пришлось разрывать ямы и бурты с картофелем, что не способствовало дальнейшей сохранности клубней²¹. Причиной задержки со сдачей продукции воинским частям в Плоскошском районе стали заготовительные организации, не успевавшие принимать продукцию и оформлять документы вовремя. Также интендантства отдельных частей отказывали в приёме сена и картофеля²². Руководившие эвакуационным процессом признавали, что сдача продукции «проходит крайне неудовлетворительно», и медленные темпы приёмки со стороны военных организаций вынудили представителей областного руководства дважды обратиться к ним с просьбой об ускорении приёма²³.

Случалось и так, что из-за дефицита времени, кадров, а возможно, по иным обстоятельствам, военнотружачие забирали необходимые им ресурсы без всякого оформления и учёта. О фактах расхищения колхозного сена военными сообщал секретарь Нелидовского райкома, отметивший, что сторожа и охрана становились в лучшем случае простыми свидетелями происходившего²⁴. В деревнях Погорельского района бойцы разбирали общественные постройки и дома на топливо, без оформления увозили фураж²⁵. Очевидно, что серьёзным образом нарушались интересы колхозов, ведь обязательства перед государством и перед работниками с глав хозяйств никто не снимал, а в будущем предстояло восстанавливать разрушенное. Попытки районных руководителей прекратить самовольное растаскивание имущества не встретили у командиров понимания.

Осенью ситуация осложнялась тем, что на территорию области поступало население из соседних регионов. 19 октября председатель Погорельского райисполкома сообщал в облисполком о прибытии не только жителей соседнего Зубцовского района, но и граждан Сычёвского и Кармановского районов Смоленской обл., которые «самотёком прибывают в район с попутным военным транспортом, средств существования не имеют», а передвигаться далее не могут из-за отсутствия транспорта. В результате дети-сироты, престарелые, больные находились в тяжёлом положении, проводя по несколько дней под открытым небом, что создавало «нездоровое настроение и недовольство». Автор записки просил повлиять на смоленских руководителей и дать прямые указания Зубцовскому исполкому о пресечении потока переселенцев, разместить которых невозможно, ведь Погорельский район оставался прифронтным, и оттуда также вывозили часть населения. Облисполком действительно

²⁰ Там же, д. 530, л. 104; д. 343, л. 4, 29.

²¹ ГА ТО, ф. Р-2043, оп. 18, д. 19, л. 91.

²² ТЦДНИ, ф. 147, оп. 3, д. 343, л. 26.

²³ Там же, д. 530, л. 104.

²⁴ Там же, д. 343, л. 2.

²⁵ Там же, д. 4, л. 148, 149.

обратился к главам названных райисполкомов с просьбой принять меры по упорядочению эвакуации земляков²⁶. 27 октября председатель Калининского облисполкома А.П. Староторжский информировал местные органы власти о решении Военсовета фронта разместить население из освобождённых северо-западных районов Смоленской обл. (более 2 тыс. семей) в Каменском, Новоторжском и Пеновском районах области. 30 октября поступило распоряжение СНК РСФСР, обязавшее облисполком принять и разместить в пределах области 8 тыс. человек из Бельского, Велижского, Ильинского, Пречистенского, Слободского и Усвятского районов Смоленской обл. Кроме того, в Осташковском и Пеновском районах требовалось временно разместить 8–9 тыс. семей эвакуированных из Ленинградской обл. с целью сбора и дальнейшей отправки на территорию Ярославской и других областей²⁷.

Исходя из имеющихся данных, за время осенней эвакуации 1942 г. на территории области удалось переселить свыше 100 тыс. граждан. Наибольшее количество перемещалось в Зубцовском и Великолукском районах – соответственно 19 910 и 17 529 человек. В зоне действия Калининского фронта работы в основном завершились 5 ноября, в зонах Западного и Северо-Западного фронтов – 15 ноября. Таким образом, в намеченные сроки переселение закончить не получилось, задержка составила не менее двух недель. Маршруты эвакуации также менялись. Например, колхозники из Зубцовского района в конечном итоге разместились не только в собственных тыловых сельсоветах и примыкающих районах, но и в восточных Краснохолмском, Овинищенском, Сонковском, а всего в 12 районах²⁸.

По мере продвижения советских войск вставал вопрос о возвращении гражданского населения. 28 декабря в ответ на обращения председателей райисполкомов в прифронтовые районы поступили разъяснения Староторжского о том, что им с помощью командования армий, находящихся на территории конкретного района, следует вновь установить границу прифронтовой полосы. Населённые пункты, оставшиеся за пределами новой зоны (25 км), могли заселяться ранее проживавшими там гражданами только с разрешения военных властей и облисполкома. Ещё до прибытия населения следовало восстановить сеть лечебных учреждений, оборудовать в каждом колхозе общественную баню и дезинфекционную камеру простейшего типа. После обязательного медосмотра и санобработки за вернувшимися гражданами устанавливалось медицинское наблюдение в течение 25 дней²⁹.

Важнейшим фактором успешного проведения эвакуации являлось конструктивное взаимодействие военных и гражданских властей, достичь которого удавалось не всегда. Переписка между их представителями содержит регулярные просьбы отдать те или иные приказы и распоряжения, при этом авторы часто ссылались на различные недоработки другой стороны. В основном речь шла о транспортных средствах, приёме сельхозпродукции, уточнении границ прифронтовой полосы.

9 июля заместитель командующего войсками по тылу фронта напоминал Староторжскому об установленных СНК правилах приёма скота от населения прифронтовой зоны, согласно которым в первую очередь животных следова-

²⁶ ГА ТО, ф. Р-2043, оп. 18, д. 19, л. 45, 47.

²⁷ Там же, л. 50, 51, 76 об.

²⁸ Там же, л. 77, 91; ТЦДНИ, ф. 147, оп. 3, д. 530, л. 104; д. 1225, л. 1.

²⁹ ГА ТО, ф. Р-2043, оп. 18, д. 19, л. 62.

ло сдать армейским частям, а излишек (сверх 8–10-дневной их потребности) отгонять в тыловые районы по указанию военного командования. Проверка установила, что в Высоковском и Старицком районах скот угонялся без учёта потребностей войск, и автор письма просил направить местным властям соответствующие указания³⁰.

Командиры армии и руководители органов власти и позднее не раз обменивались упрёками. 24 июля начальник штаба фронта обратился к Староторжскому с просьбой принять немедленные меры к отселению граждан из прифронтовой полосы и привлечь к ответственности председателя Куньинского райисполкома за бездеятельность. Он утверждал, что постановление Военсовета фронта об эвакуации в районе не выполняется, выселенное войсками население скапливается на дорогах, при этом райисполком бездействует, а представителей облисполкома нет³¹.

Через четыре дня последовал развёрнутый ответ, в котором Староторжский привёл примеры того, как сами военные не содействовали эвакуации. По его мнению, воинские части, разместившиеся в Локнянском, Октябрьском, Плоскошском, Холмском, а особенно в Куньинском и Великолукском районах, не оказывали местным органам необходимой помощи в процессе отселения: отвозили жителей только до границы расположения своей части или до края 20-километровой зоны, при этом свободно пропускали тех, кто возвращался обратно. Более того, вывезенное с большим трудом на лошадях из Куньинского района к станции Назимово население военнослужащие сами же отвезли обратно на автомашинах. Автор отметил, что, в отличие от командующих 29–31 армиями, армейское командование в Куньинском и Великолукском районах передоверило дело эвакуации второстепенным работникам, а начальник штаба 3-й ударной армии прямо заявил заместителю председателя облисполкома, что это не их дело, пусть проводят отселения сами. Стремясь наладить взаимодействие с военными, Староторжский подчеркнул, что облисполком дал строгое указание райисполкомам об очищении прифронтовой полосы и потребовал отчёта о выполнении. Одновременно он просил отдать военным частям и соединениям приказ о немедленной организации всяческой помощи местным органам, особенно в выделении транспортных средств, и призвал работать согласованно³².

Проявления «местничества» со стороны воинских частей, заинтересованных в эвакуации гражданского населения прежде всего за пределы своей дислокации, перечислил в докладной записке от 7 августа уполномоченный облисполкома В.С. Левицкий. При переселении жителей Великолукского района на территорию Куньинского военнослужащие оставляли их на территории 20-километровой зоны. Однажды представители 24-й стрелковой дивизии перевезли людей и высадили их на границе тыловой линии в с. Харитоново. Тут же начальник штаба одной из частей обратил внимание райисполкома на недопустимость скопления переезжавших в этом селе и предложил немедленно освободить его³³.

Военные отмечали отсутствие необходимого руководства со стороны местных органов власти и во время осеннего переселения. Так, 17 октября в облисполком сообщалось о том, что эвакуация жителей из прифронтовой

³⁰ Там же, л. 6.

³¹ Там же, л. 17.

³² Там же, л. 18.

³³ Там же, л. 22.

полосы Зубцовского, Ржевского, Старицкого районов проходит неорганизованно, население движется самостоятельно, скапливается на станции Старица, санитарно-пропускном пункте в Кореничено, а представителей райисполкомов на местах нет. Через два дня в районы ушли указания о немедленной отправке представителей в конкретные населённые пункты, о необходимости личного руководства главами райисполкомов процессом отправки граждан, а также о выделении Старицким райисполкомом 200 подвод сроком на два дня в распоряжение Зубцовского райсовета для нужд эвакуации³⁴. Староторжский обратился к заместителю командующего по тылу Западного фронта с просьбой отдать распоряжение командованию 29-й армии об оказании помощи автогужевым транспортом в деле переселения жителей Зубцовского района в Старицкий согласно постановлению Военсовета армии, и уточнил, что Зубцовский район совершенно не имеет лошадей, отчего эвакуация затягивается³⁵.

В постановлении Военсовета Калининского фронта от 5 ноября говорилось о том, что к 3 ноября из прифронтовой зоны выселено 50–60% населения, а значит, директива Ставки Верховного главнокомандования (ВГК) не выполнена. Причиной таких явлений, как задержки при размещении эвакуированных, скопления граждан на границах зоны, возвращения в родные места и попытки расселиться в лесах, называлась недостаточная мобилизованность советских и партийных организаций. Указывалось на слабость руководства со стороны Калининского облсовета и стремление отдельных представителей органов власти оправдать бездеятельность ссылками на нехватку транспортных средств и иными объективными причинами. Облисполкому предлагалось немедленно навести порядок в деле расселения граждан и полностью закончить эвакуацию к 8 ноября³⁶.

Продолжались и попытки совместными усилиями найти оптимальные решения. 11 октября Луковниковский райисполком просил командование 29-й армии помочь с транспортом для доставки переселенцев из Ржевского района до конечных пунктов их размещения ввиду отсутствия тягловой силы на местах и с учётом наступающего похолодания. Вероятно, просьбу направили и в другие подразделения, и 22 октября член Военсовета 30-й армии бригадный комиссар В.В. Мочалов информировал Староторжского, что состояние дорог и армейских коммуникаций не позволяет использовать для вывоза населения армейский транспорт. В то же время, отметив возможность эвакуации по железной дороге в Высоковский район, он предложил изменить маршрут эвакуации и дать указания руководителям этого района о приёме переселенцев. Судя по резолюции на документе, надлежащие распоряжения были даны в течение суток³⁷. Однако выселение граждан данной территории шло медленно, и заместитель председателя облисполкома П.Г. Грачёв 31 октября отправил телеграмму заместителю командующего войсками по тылу Калининского фронта с просьбой дать приказ 39-й армии предоставить для вывоза людей как попутные машины, так и специальные. Одновременно с этим он обязал Луковниковский райисполком предоставить ржевителям 500 подвод для вывозки эвакуируемых³⁸.

³⁴ Там же, д. 14, л. 217–219.

³⁵ Там же, д. 19, л. 40.

³⁶ Там же, л. 108.

³⁷ Там же, л. 48, 55.

³⁸ Там же, л. 53.

По свидетельству направленного для организации отселений заведующего облищепромом А.Г. Громова, в Молодотудском районе военные части не подключались к ним до конца октября, а некоторые представители командного состава вообще сомневались в их необходимости, считая это «творчеством местных властей», и добавляли, что население им не мешает. Пассивность военных вынудила Громова вместе с секретарём райкома обратиться к начальнику штаба 186-й стрелковой дивизии и заместителю комдива по тылу с просьбой о помощи с эвакуацией. После телефонных переговоров командования дивизии с командирами частей положение улучшилось, а с приездом в район 1 ноября члена Военсовета 39-й армии «все вопросы были решены положительно»³⁹. Ситуации, когда вмешательство вышестоящих командиров оказывалось результативным, отражены и в других документах.

Не раз возникали вопросы по поводу границы прифронтовой полосы. Так, руководители Куньинского района указали, что тыловая линия, проходившая по юго-западной части района, удалена от передовых частей Красной армии на 45–50 км. После обращения представителей области к командующему 3-й ударной армией линию установили окончательно, и можно предположить, что определённое число жителей таким образом избежало переселения⁴⁰.

Случалось, что решения гражданских и военных властей противоречили друг другу. Приведённые выше слова о том, что население не мешает военным, а спешить с отъездом не следует, звучали не раз уже после выхода распоряжений исполкомов о начале переселений. Более того, представители воинских частей могли назвать уполномоченных по эвакуации паникёрами и даже требовать объяснений, почему распространяется паника (так произошло в некоторых деревнях Зубцовского района⁴¹). Заместитель главы облисполкома Гришин, будучи в Куньинском районе, дал устные указания о создании бригад из колхозников для производства обмолота зерновых и уборки льна в прифронтовой полосе, тогда как командиры воинских частей не разрешали этого делать. Одновременно они отказывались принимать у населения необмолоченный хлеб. В создавшейся ситуации секретарь райкома обратилась за разъяснениями к другому представителю областных властей — Воронцову⁴². В Ржевском районе представители подразделений 39-й армии отдавали разные приказы: в то время как некоторые пытались оставить колхозников для окончания молотбы и обработки льна, другие этого не допускали⁴³.

Зафиксировано немало случаев, когда отдельные командиры без разрешения командования фронта или армии незаконно выдавали жителям справки от воинских частей, оставляя их в прифронтовой зоне под различными предлогами (например, в роли прачек, работников пекарни). Одну из таких справок выдал начальник санитарной части, направив пять колхозников на работы по ремонту саней и скрепив документ личной печатью с оттиском «врач Сергей Иосифович Клеванный»⁴⁴. Подобные действия военных наблюдались в Зубцовском, Великолукском районах, а также в Плоскошском, где капитан 54-й бригады запретил вывозить две семьи и заявил, что посадит тех, кто будет

³⁹ Там же, л. 87, 87 об.

⁴⁰ Там же, л. 19.

⁴¹ ТЦДНИ, ф. 147, оп. 3, д. 1225, л. 1 об.

⁴² ГА ТО, ф. Р-2043, оп. 18, д. 19, л. 96.

⁴³ ТЦДНИ, ф. 147, оп. 3, д. 343, л. 29.

⁴⁴ ГА ТО, ф. Р-2043, оп. 18, д. 19, л. 87 об.

их эвакуировать, после чего «это разнеслось по сельсовету и явилось тормозом эвакуации»⁴⁵. Местные руководители подчёркивали, что люди, которых оставляли в зоне отселения, не всегда проверялись на предмет полного доверия. Распространённость подобных ситуаций вынудила председателя облисполкома направить главам райисполкомов разъяснения, что действия командиров войсковых частей и соединений, требующих посылки гражданского населения на работы в прифронтовую зону, включая работы обслуживающего характера, являются нарушением приказов Ставки и командования фронтов. Он напомнил, что любые работы там должны выполняться личным составом воинских частей, а если командиры будут настаивать на своих требованиях, руководители с мест обязаны немедленно ставить в известность областное руководство «на предмет доведения этих незаконных требований до сведения Ставки ВГК и командования фронтов»⁴⁶.

Безответственное отношение отдельных военнослужащих к выполнению приказов приводило к скоплениям переселенцев на границах прифронтовой полосы и у линий дислокаций военных частей. Например, значительное число граждан, прежде всего из приграничного Зубцовского района, осело в сельсоветах Старицкого района из-за того, что красноармейцы не доставляли их к конечным пунктам расселения, а колхозы не имели для этого тягловой силы. Так, в Старицком районе надлежало разместить 3 тыс. эвакуированных, однако реально в октябре и ноябре туда прибыли 6 358 человек, которые в результате проживали в условиях «крайнего переуплотнения»⁴⁷. На территории Плоскошского района отмечались случаи, когда водители останавливали автомашины на половине пути и высаживали переселенцев, не доставив их до места назначения, после чего они возвращались в родные дома. Руководители района вместе с уполномоченным из обкома даже предложили сформировать посты из заградотрядов, которые бы препятствовали проникновению жителей в пределы прифронтовой полосы⁴⁸. Напомню, что в постановлениях военных властей говорилось об организации военными комиссарами дивизий и политорганов широкой партийно-политической работы по разъяснению целей установления прифронтовой полосы и эвакуации населения среди бойцов и местных жителей⁴⁹. Приведённые примеры показывают, что эти решения не всегда выполнялись или выполнялись неудовлетворительно.

Действия бойцов и роль командиров в процессе эвакуации различались даже в пределах одного района, о чём свидетельствует информация, предоставленная в обком секретарём Зубцовского райкома. Он сообщал, что части 29-й и 30-й армий, располагавшиеся на территории Брычевского, Пищалинского, Рублёвского сельсоветов, почти не оказывали помощи. Как следствие, жители за неимением транспортных средств эвакуировались пешим порядком, на плотах и лодках по Волге. В Асужновском сельсовете военные предоставляли лишь попутный транспорт — автомашины и подводы, уже загруженные до предела. Воинские части, находившиеся на территории Коротовского и Карамзинского сельсоветов, «несерьёзно» подошли к эвакуации и отправляли колхозников с попутным транспортом только до станции Погорелое Городище, где скопи-

⁴⁵ ТЦДНИ, ф. 147, оп. 3, д. 343, л. 26 об.

⁴⁶ ГА ТО, ф. Р-2043, оп. 18, д. 19, л. 60.

⁴⁷ Там же, д. 24, л. 22.

⁴⁸ ТЦДНИ, ф. 147, оп. 3, д. 343, л. 26 об.

⁴⁹ ГА ТО, ф. Р-2043, оп. 18, д. 14, л. 189.

лось большое количество людей. Жители райцентра в первые дни подвозились и высаживались у деревни Алексино и находились там по трое суток. Напротив, большую помощь в деле эвакуации оказали части 31-й армии, которые предоставили около 200 железнодорожных вагонов, что позволило колхозникам Авангардовского, Белогуровского, Бубновского и ряда других сельсоветов взять с собой не только запас хлеба, продовольствия и предметов домашнего обихода, но и личный скот⁵⁰.

Положительную оценку заслужили командиры располагавшихся в Нелидовском районе частей (в том числе 93-й стрелковой дивизии), которые «выделили группы политработников, сами командиры и их заместители помогали в организации отселения»⁵¹. А вот жители деревни Борисово Ржевского района столкнулись с совершенно иным отношением со стороны старшего лейтенанта Зыряннова, который предложил гражданам покинуть дома, в ответ же на их требование предоставить транспорт ответил, что его дело освободить населённый пункт, и ему безразлично, где потом будут находиться люди. В результате 70 семей колхозников вырыли землянки недалеко от деревни и остались жить там⁵².

Реакция населения на известия о предстоящем отъезде оказывалась неоднозначной, нередко отрицательной. Летом констатировались факты организованных выступлений женщин, настроенных против эвакуации, в деревнях Локнянского и Плоскошского районов. Жительница деревни Никулино в письме на фронт рассказывала, что до приказа об эвакуации в Сонковский район односельчане жили спокойно, трудились, но потом началась «война» с не желавшими уезжать женщинами, которых насильно заставляли покидать родные дома, «открылся второй фронт в тылу Плоскошского района. На голод и смерть никто не едет, умирать, говорят, будем дома». Одной из причин подобного поведения стали рассказы проезжавших мимо раненых военнослужащих о голоде и отсутствии жилья в тех местах, куда отправляют людей из прифронтовой полосы, а также о случаях гибели беженцев и эвакуированных в вагонах, подвергшихся бомбёжкам. Услышав об этом, около 500 колхозниц из разных хозяйств собрались с кольями и камнями в руках и не пропустили подводы для эвакуации, отталкивая бойцов и даже отняв у одного из них автомат⁵³.

В других местах организаторы эвакуации также сталкивались с отказами уезжать. Они обуславливались прежде всего нежеланием оставлять созревающий урожай и отправляться в путь с небольшим запасом вещей и продуктов, опасениями голода на новых местах. Жители деревни Шурково Куньинского района на общем колхозном собрании категорически отказались эвакуироваться, сославшись на отсутствие хлеба. В деревне Литвиниха Великолукского района жена фронтовика призывала других «красноармеек» собраться в сарай и никуда не уходить без хлеба с малыми детьми, в деревне Обухово на границе Холмского и Плоскошского районов некоторые сопротивлявшиеся переселению угрожали топорами военнослужащим, местами жители уходили в леса, захватив с собой продовольствие. В письмах родным на передовую женщины из названных районов жаловались на недостаток транспорта и необходимость идти пешком, упоминали, что пока одних «гонят на выселку», имевшие «блат с председателем» остаются дома, и это вызывает недовольство, укрепляет стремление остаться.

⁵⁰ ТЦДНИ, ф. 147, оп. 3, д. 1225, л. 1.

⁵¹ Там же, д. 343, л. 25.

⁵² Там же, д. 351, л. 193.

⁵³ Там же, д. 345, л. 94, 95.

Жительница деревни Самохвалово описывала обстановку так: «Сейчас с народом идёт борьба, люди не едут, пока не отправили никого, но нажимают здорово, будем упираться. Будем всё равно умирать. Что наши мужья и братья завоевали, свои хотят загубить»⁵⁴. Видимо, автор письма противопоставила усилия красноармейцев, сумевших очистить от врага часть территории области, принесших населению освобождение от оккупантов и возможность жить и работать в родных местах, действиям организаторов эвакуации, заставлявших людей бросать хозяйство и двигаться навстречу страданиям и возможной смерти.

Староторжский признавал, что эвакуация в Куньинском и Торопецком районах проходила с исключительными трудностями, объясняя это тем, что население данной местности меньше испытало немецкие зверства и нередко оказывало сопротивление выезду⁵⁵. Руководители органов власти на местах сообщали в областной центр о «хорошем», «здоровом» настроении граждан в период осеннего отселения, о «серьёзном» отношении к эвакуации и понимании того, что это «нужное государственное дело». Можно предположить, что они избегали показа полной картины происшедшего, так как после подобных отчётов зачастую следовали уточнения, из которых ясно, что некоторое противодействие всё же присутствовало: «В отдельных случаях приходилось применять и разъяснительные меры, и меры принудительного переселения»⁵⁶.

Так, в Великолукском районе военным трибуналом рассматривались 12 случаев саботажа. В Зубцовском районе «по отдельным местам население туго поднималось из своих насиженных мест, были некоторые нездоровые настроения, нежелание выезжать и сопротивление главным образом со стороны престарелых семей», а в деревне Юркино уже после эвакуации населения остался и проживал в землянке председатель колхоза. За сопротивление отъезду два человека были преданы суду⁵⁷. Глава колхоза из деревни Тишнево Пыжовского сельсовета Молодотудского района категорически отказался уезжать. Как выяснилось, он надеялся сохранить 200 пудов хлеба, приобретённых незаконным путём. Дочь председателя колхоза из деревни Сосновка Азановского сельсовета того же района заявила представителям штаба 39-й армии и районных властей: «Мы, вся деревня, никуда не пойдём для того чтобы ехать, дайте нам приказ за личной подписью Сталина, если вы такого приказа не покажете и не дадите, тогда вы проводите вредительские работы и вы вредители»⁵⁸.

Упорное сопротивление оказали жители некоторых селений Нелидовского района. Для эвакуации людей из деревни Высокое пришлось привлечь военнослужащих, даже «прибегнуть к силе», после чего населённый пункт опустел. При этом отдельные колхозники скрылись, оставив дома детей⁵⁹. Негативные настроения среди эвакуированных иногда возникали при виде действий военнослужащих, которые, не дожидаясь отъезда хозяев, взламывали замки и забирали из домов и квартир оставшееся имущество. Подобные факты отмечались в Зубцовском, Погорельском, Ржевском районах⁶⁰. В случаях, когда

⁵⁴ Там же, л. 151, 151 об.

⁵⁵ ГА ТО, ф. Р-2043, оп. 18, д. 19, л. 18.

⁵⁶ Там же, л. 87 об., 93 об.; ТЦДНИ, ф. 147, оп. 3, д. 343, л. 1, 4, 26; ф. 148, оп. 3, д. 61, л. 19а об.

⁵⁷ ГА ТО, ф. Р-2043, оп. 18, д. 19, л. 77, 91 об.; ТЦДНИ, ф. 147, оп. 3, д. 1225, л. 1 об.

⁵⁸ ГА ТО, ф. Р-2043, оп. 18, д. 19, л. 87 об.

⁵⁹ ТЦДНИ, ф. 147, оп. 3, д. 343, л. 24.

⁶⁰ Там же, д. 4, л. 148; д. 351, л. 130, 193 об.

переселенцы проживали сравнительно недалеко от родных домов, они нередко возвращались за вещами⁶¹. Подобное, по сведениям областного управления НКВД, массово наблюдалось на территории Куньинского района⁶². Видимо, наибольшее число самовольно вернувшихся оказалось в Великолукском районе, что вызвало принятие облисполкомом 19 марта 1943 г. дополнения к решению от 17 октября 1942 г. об эвакуации 6 тыс. граждан из района на территорию Брусовского, Ленинского, Максатихинского, Пеновского и Удомельского районов⁶³.

Несмотря на усилия руководителей, в местах приёма переселенцев не всегда получалось разместить людей оперативно, предоставив сносные жилищные условия. Некоторым эвакуированным приходилось ожидать расселения на станциях, в помещениях сельсоветов и просто под открытым небом. Но и в последующие месяцы нередко наблюдалось «скученное проживание». Например, в Старицком районе к марту 1943 г. 265 семей жили в переуплотнённых домах. Особенно напряжённая ситуация сложилась в Роднянском сельсовете, где размещались 409 семей эвакуированных и 225 семей коренных жителей, а 134 семьи требовалось вывезти в другие сельсоветы, а также в Лешковском сельсовете, где находились 406 семей приезжих и 193 семьи коренных жителей, а расселить нужно было 104 семейства. К весне общее число эвакуированных в районе достигало 7 141 человека. Из 3 582 граждан, способных к работе, трудоустроили 1 716 человек, в том числе 1 435 – в колхозах, 281 – в организациях и на предприятиях; 1 866 человек оставались нетрудоустроенными из-за отсутствия одежды и обуви, инфекционных заболеваний. По отзыву председателя райисполкома, очень мешало то, что приехавшие считали себя временными жителями и поэтому не стремились выходить на работу⁶⁴. Вопрос о трудоустройстве таковых оставался актуальным и в других районах⁶⁵.

Следующей проблемой стал дефицит продовольствия. Не всем удавалось захватить с собой значительный запас провизии, на местах же случались перемены в снабжении. Далеко не везде переселенцы могли своевременно получить продукты взамен тех, что сдали воинским частям; задержки с выдачей происходили из-за неправильно оформленных расписок и актов на сдачу продукции и по другим причинам. В Максатихинском районе эвакуированная М.И. Ершова жаловалась, что не получает обещанных продуктов за выработанные в колхозе трудодни, в Сонковском районе на просьбу переселенцев выдать хлеб авансом в счёт трудодней глава колхоза «Новый путь» поблагодарил их за работу, заметив, что дать ещё нечего и вообще они могут «разъезжаться». В более тяжёлом положении оказывались граждане, которые прибывали осенью и не успевали до конца года заработать значительное количество трудодней к новому месту, что позволило бы им рассчитывать на существенную добавку к rationу. Нарастание проблем и трудности с их решением приводили к росту недовольства. Беды переселенцев и настроения в их среде отражают слова К.П. Горчаковой, матери четырёх детей, эвакуированной из Зубцова в деревню Спасское Погорельского района: «Нас эвакуировали сюда из прифронтовой полосы на верную гибель, ибо хлеба хотя и дают по 300 г, но часто бывает, что магазин по несколько дней

⁶¹ Там же, д. 1225, л. 1 об.

⁶² ГА ТО, ф. Р-2043, оп. 18, д. 24, л. 29, 30.

⁶³ Там же, д. 25, л. 30.

⁶⁴ Там же, д. 24, л. 20–21.

⁶⁵ ТЦДНИ, ф. 147, оп. 3, д. 351, л. 198; д. 1152, л. 61.

закрыт и приходится голодать. В колхозе на работу не берут, говорят, что им самим делать нечего, и [мы] уже дожились до того, что все вещи, которые привезли с собой, распродали, а дальше жить не на что»⁶⁶.

На моральное состояние эвакуированных влияла реакция местных жителей, которая, в свою очередь, могла вызываться опасениями распространения инфекционных заболеваний, резким ухудшением жилищных условий, осложнением продовольственной ситуации, связанными с приездом переселенцев. В изученных мной документах упоминания о неприязненном отношении со стороны местного населения встречаются редко; в Осташковском районе зафиксировано два случая, когда колхозники отказались пускать в свои дома семьи эвакуированных. Большинство приехавших граждан встречало понимание и сочувствие земляков. Намного чаще в источниках можно прочесть о чувстве обиды на местных управленцев, их чёрствость и грубость. По мнению части переселенцев, главы районов, сельсоветов и колхозов не помогали им, и прежде всего эти упреки объяснялись недостаточным продовольственным снабжением. Оказавшиеся в крайне тяжёлых жизненных обстоятельствах люди направляли жалобы и просьбы о помощи в вышестоящие органы власти, делились переживаниями в письмах родным на передовую. 3 января 1943 г. заместитель председателя СНК СССР Р.С. Землячка обратила внимание властей Калининской обл. на то, что в ряде поселений отмечаются скученность населения, необеспеченность переселенцев жильём, продовольствием, медицинским и бытовым обслуживанием, проявления «нетерпимого бездушия» со стороны местных руководящих работников. Она приказала принять срочные меры по улучшению положения эвакуированных и строго наказать виновных. Особо оговаривалась необходимость проведения профилактических мероприятий по предотвращению распространения сыпного тифа. Отмечу, что в условиях недостатка материальных и кадровых ресурсов выполнить весь комплекс мер в отношении санитарно-эпидемиологического благополучия и обеспечения качественного медицинского обслуживания граждан не удалось. Вспышки заболеваний сыпным тифом, спровоцированные приездом переселенцев, среди которых оказалось много инфицированных, отмечались, например, в Кесовогорском и других районах⁶⁷. После получения указаний из правительства, в районы тут же были командированы работники областных отделов хозяйственного устройства эвакуированного населения и здравоохранения, а результаты проверки рассматривались и обсуждались⁶⁸.

Начальник УНКВД по области Д.С. Токарев 28 января в докладной записке сообщал секретарю обкома И.П. Бойцову о недочётах в деле трудоустройства и снабжения эвакуированных, наличии негативных настроений. Военный прокурор войск НКВД Калининского фронта указывал на факты отказов в получении продуктов, сданных воинским частям из урожая 1942 г., гражданам, выселенным в Сережинский и Плоскошский районы⁶⁹. В феврале партийные секретари упомянутых в документах районов получили от имени Бойцова указания, обязывавшие их принять меры по изменению к лучшему материального положения эвакуированных⁷⁰.

⁶⁶ Там же, д. 1152, л. 61–62.

⁶⁷ Там же, д. 351, л. 197 об.

⁶⁸ ГА ТО, ф. Р-2043, оп. 18, д. 24, л. 11–13.

⁶⁹ Там же, л. 23.

⁷⁰ ТЦДНИ, ф. 147, оп. 3, д. 1190, л. 43–49.

30 апреля облисполком принял решение «О мероприятиях по трудоустройству населения прифронтовых районов», обязавшее глав исполкомов ряда западных районов и Великолукского горсовета отобрать из числа эвакуированных, проживавших в указанных районах, 5 тыс. рабочих, которые в порядке мобилизации будут направлены в трудовые коллективы предприятий, по большей части на объекты местной промышленности. Позаботиться об обеспечении рабочих семей жильём, участками под огороды, местами в детских учреждениях, обучении тех, кто не имел специальности, должны были также главы советов и областные руководители промышленных отделов. Утверждением списков мобилизованных по районам и их отправкой занимался областной отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения. Местом сбора рабочих с семьями назначили Торопецкий эвакуопункт. Кроме того, из оставшихся нетрудоустроенными граждан не менее 100 семей предполагалось отправить в рыболовецкие колхозы Архангельской обл. и 5 тыс. семей разместить в других районах Калининской обл. Максимальное количество (1 500 семей) планировалось перевезти в Лихославльский район, по 500 семей принимали Бологовский, Вышневолоцкий, Новоторжский. Но при выполнении решения возникали сложности. Так, из Нелидовского района сообщили, что все прибывшие туда трудоустроены, и отселять их нет надобности, так как рабочие руки нужны на месте, а возвращение эвакуированных в 1942 г. коренных жителей всё ещё не разрешено. К 25 июня 1943 г. из 1 700 рабочих, которые должны были поступить в распоряжение облместпрома, перевезли только 457 человек⁷¹. Таким образом, проблема трудоустройства требовала внимания, взвешенного подхода и различных методов её разрешения с учётом специфики районов.

Изучение архивных документов показывает, что ход эвакуации гражданского населения из прифронтовых районов Калининской обл. летом и осенью 1942 г. не всегда соответствовал решениям, принятым облисполкомом и командованием фронтов и армий. Организаторы переселений столкнулись с отказами некоторых жителей покидать родные места, дефицитом транспортных средств, неразработанностью и недоступностью отдельных маршрутов, потоком беженцев из соседних областей, неготовностью части районов принять значительно превышающее планы количество людей и обеспечить им удовлетворительные условия жизни. Взаимодействие между военными и гражданскими властями в ходе эвакуации складывалось по-разному, совместные усилия при решении конкретных вопросов переплетались со стремлением следовать прежде всего собственным интересам. В ряде случаев действия военнослужащих приводили к появлению дополнительных проблем при вывозе и размещении граждан. Роль направленных на места уполномоченных обкома и облисполкома оказывалась конструктивной. В некоторых районах эвакуация началась только после их появления, в части населённых пунктов они её ускоряли, нередко выступали посредниками при обращении к военачальникам. Тем не менее, несмотря на все трудности, эвакуация с территорий, находившихся под прямой угрозой оккупации, состоялась.

⁷¹ ГА ТО, ф. Р-2043, оп. 18, д. 26, л. 354–354 об., 362, 364.

**Нарушения трудовой дисциплины
в годы Великой Отечественной войны:
причины, правоприменение и динамика
(на материалах городов Владимирской области)**

Илья Тряхов

**Labor discipline violations during the Great Patriotic War:
reasons, law application and dynamics
(based on materials of the cities of the Vladimir region)**

Ilya Tryahov

(Vladimir State University, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722030141, EDN: FXLAVU

В годы Великой Отечественной войны уклад жизни советских людей изменился кардинальным образом, даже учитывая то, что в довоенные годы страна уже находилась в состоянии, близком к мобилизационному. Стремительное наступление Вермахта и катастрофические неудачи на фронте заставляли советское руководство принимать радикальные меры, в том числе в тылу, и они не всегда оказывались продуманными. Среди прочего незадолго до войны и во время неё было ужесточено трудовое законодательство. Новые указы, изданные в июне 1940 г. и декабре 1941 г., фактически выводили ряд нарушений дисциплины на предприятиях за границы действия Кодекса законов о труде 1922 г. и переводили их в сферу административного и даже уголовного права. С этого времени покинуть место работы можно было только с согласия руководства, а самовольный уход приравнивался к дезертирству на фронте. Опоздания и прогулы карались серьёзным штрафом на длительный срок. Государство стремилось мобилизовать все имеющиеся ресурсы для военных нужд, поэтому эти жёсткие меры оказались оправданными в глазах современников и последующих поколений.

Однако современный этап развития исторической науки ставит новые вопросы, решение которых возможно на основе разработки материалов региональных архивов. Первый вопрос – как выглядела правоприменительная практика указов 1940 и 1941 гг. на местах, имела ли она свою специфику и соответствовала ли Уголовно-процессуальному кодексу. Второй вопрос касается причин, заставлявших граждан (в основном рабочих) нарушать трудовую дисциплину. В связи с этим стоит выяснить, стремились ли местные партийные и хозяйственные руководители избавиться от истинных причин нарушений или искали отговорки. Третий вопрос – о динамике нарушений, причём не только по годам войны, но и по отраслям экономики. Мои попытки выявить такую динамику на примере г. Коврова – индустриального центра Владимирской обл. – не увенчались успехом. В то же время предшествующие исследования позволили выдвинуть предположение, что уровень нарушений зависел от таких факторов, как размер предприятия и его стратегическая важность;

условия жизни и работы персонала; отношение руководства к подчинённым; возрастной состав рабочих и постоянные места их проживания.

В советской историографии данной проблематике уделялось незначительное внимание, так как признание фактов неоднозначного поведения немалой части рабочих и служащих в годы войны противоречило общей концепции всенародной борьбы с фашизмом. Исследователи писали в первую очередь о трудовом подвиге рабочих, в то время как цена этого подвига и условия его совершения глубоко не изучались¹. Это касалось как работ общесоюзного характера, так и трудов по отдельным регионам и отраслям. На примере г. Владимира это хорошо видно в исследовании А.С. Бланка, который рассказал о достижениях заводов и трудящихся в перевыполнении планов и рационализаторстве, а также акцентировал внимание на суровых условиях военного времени, в которых рабочие являли примеры самоотверженного труда. Жёсткие законы же автор обошёл стороной². Выявление масштабных нарушений трудовой дисциплины могло подорвать традиционное восприятие деятельности тыла. Идеологическая машина, а вслед за ней и историческая наука считали, что рабочие имели внутреннюю мотивацию для самоотверженного труда. Многие жители СССР по своему опыту знали о суровости трудового законодательства военных лет. Рассказы родственников, переживших то время, оказывались важным источником информации. Однако системной научной работы не велось.

Различные аспекты трудовой деятельности населения в военные годы разрабатываются в отечественной исторической науке со времён перестройки, когда началось рассекречивание архивных фондов. Исследуются условия жизни рабочих и служащих, мотивация их труда³ и девиантного поведения⁴, анализируются причины и масштабы дезертирства мобилизованных граждан с предприятий⁵. Отдельные работы посвящены реконструкции социального портрета

¹ *Зинич М.С.* Трудовой подвиг рабочего класса в 1941–1945 гг. (по материалам отраслей машиностроения). М., 1984; *Аникин А.С.* Трудовой подвиг рабочих Владимирской и Ивановской областей в годы Великой Отечественной войны: очерки, эссе. Владимир, 1969; *Володарский Л.М.* Советский тыл в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1985. № 7. С. 14–34.

² *Бланк А.С.* Владимир: краткий очерк истории города. Владимир, 1954. С. 66–67.

³ *Загвоздкин Г.Г.* Цена Победы. Социальная политика военных лет. Киров, 1990; *Тогоева С.И.* Факторы влияния на мотивацию труда (на материалах Тверского вагоностроительного завода в 1941–1951 гг.) // Экономическая история. Обзорение. Вып. 8. М., 2002. С. 39–56; *Шалак А.В.* Система мотивации в системе распределения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12. № 2. С. 20–40; *Романов П.Е.* Трудовые стимулы рабочих оборонных предприятий Сибири в годы Великой Отечественной войны (на примере комбината «Сибметаллстрой») // Историко-экономические исследования. 2014. Т. 15. № 2. С. 309–332.

⁴ *Сомов В.А.* По закону военного времени. Очерки истории трудовой политики СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Н. Новгород, 2001; *Романов П.Е.* Рабочая молодёжь оборонных предприятий в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009.

⁵ *Сомов В.А.* Труд и долг: материально-бытовые аспекты трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Волго-Вятского региона) // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12. № 2. С. 5–19; *Кладов В.Ю.* Дезертирство с оборонных предприятий Пензенской области в 1942–1944 гг. // Альманах современной науки и образования. 2015. № 10. С. 55–59; *Желаева С.Г.* Рабочая молодёжь в годы Великой Отечественной войны (на материалах Республики Бурятия) // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 7. С. 24–29; *Земсков В.Н.* Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы Великой Отечественной войны // Международные отношения. 2014. № 1. С. 104–114.

нарушителей⁶. Изучаются социально-бытовые проблемы, которые чаще всего и являлись главной причиной различных нарушений⁷. Особое внимание привлекает изучение методов стимулирования работников с целью минимизации нарушений⁸. Учёные стремятся понять значение факторов принуждения в деле мобилизации тружеников тыла⁹. Исследования в данном направлении ведутся не только по разным регионам РСФСР, но и по союзным республикам, находившимся в тылу¹⁰. Особую роль сыграли труды В.Н. Земскова, который по итогам кропотливой работы с архивными документами опубликовал статистику судебных преследований¹¹ по указам от 26 июня 1940 г. и 26 декабря 1941 г., а также по ст. 193-7 п. «г» УК РСФСР¹². Выявленные данные позволяют понять масштабы действия этих нормативных актов, и оценить количество людей, так или иначе ими затронутых.

Нередко изучаемый вопрос рассматривается в рамках сталинской репрессивной политики¹³. Трудовая политика военных лет представляется органическим её продолжением, элементом целостной эпохи сталинизма, который не следует выделять в отдельный период¹⁴. Однако здесь необходим исторический контекст. Жёсткие трудовые законы вводились большевиками ещё в годы Гражданской войны. Кроме того, проблема дисциплины на производстве неизбежно связана с мотивацией труда. Ужесточение законодательства имело своей важнейшей целью мотивировать рабочих и служащих к ударному труду. Принуждение, которое уже использовалось по отношению к части населения в предшествующие десятилетия, казалось советскому руководству естественным способом добиться цели¹⁵.

⁶ Белоногов Ю.Г., Мазука А.А. Нарушители трудовой дисциплины на Краснокамском целлюлозно-бумажном комбинате в 1940–1946 годы: эволюция социологического портрета // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2017. № 1. С. 106–112; № 3. С. 42–51; Чуриков А.В. Трудовые отношения на эвакуированных предприятиях тяжёлой промышленности в Челябинской области (1941–1946 гг.) // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2011. № 3. С. 125–129.

⁷ Скрипник А.Н. Социально-бытовые аспекты проблем трудовой дисциплины на советских оборонных предприятиях в 1941–1945 гг. // Genesis: исторические исследования. 2017. № 9. С. 142–158.

⁸ Скрипник А.Н. Методы стимулирования трудовой дисциплины на советских оборонных предприятиях в 1941–1945 гг. // Экономическая история. 2019. Т. 15. № 1. С. 91–102.

⁹ Сомов В.А. Привлечение к труду и трудовая дисциплина в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: по материалам Горьковской области. Дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород. 1998.

¹⁰ Мухаммадиев И.С., Мухаммадиева Д. Привлечение к труду и борьба с нарушениями трудовой дисциплины в Таджикистане в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Чёрные дыры в российском законодательстве. 2015. № 2. С. 25–30.

¹¹ Земсков В.Н. Указ. соч.

¹² О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. М., 1945. С. 141–142; Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. // Там же. С. 247–248.

¹³ Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. М., 1989; Медведев Р.А. О Сталине и сталинизме. М., 1990.

¹⁴ Ганцимоллер Й. Сталинизм Ленинград. Город в стратегических расчётах агрессоров и защитников. 1941–1944 / Пер. с нем. А.Л. Уткина. М., 2019; Шубин А.В. 10 мифов советской страны. М., 2006.

¹⁵ Наиболее подробный анализ законодательства в изучаемой сфере см.: Пищулина С.Ю. Регулирование норм трудового права чрезвычайными органами власти в первый период Великой

Современная историография содержит широкий спектр работ по тематике данной статьи, но не исчерпывает её. Неизученными остаются многие регионы Советского Союза, что не позволяет создать обобщающее исследование по трудовой политике и трудовым отношениям в годы Великой Отечественной войны. Также не в полной мере исследованы причины и динамика нарушений трудовой дисциплины, особенности исполнения нормативных актов в этой сфере. В данной статье я попытаюсь выявить причины девиантного с точки зрения закона поведения трудящихся, реакцию на это структур власти и динамику нарушений на примере отдельно взятого региона СССР.

При анализе поставленных проблем следует учитывать масштабные изменения в половозрастном составе рабочей силы – как в целом по стране, так и во Владимирском регионе. По данным Д.И. Пономарёва, «к 1944 году по сравнению с довоенным 1940 годом в 4 раза выросло на предприятиях число работающей молодёжи до 20-летнего возраста, её отряд в промышленности составлял 112 тыс. человек – почти 75% от общего количества рабочих»¹⁶. Увеличилось и количество женщин, занятых в производственной сфере, но конкретных цифр по региону в настоящий момент не имеется. Это обусловлено в том числе тем, что область оказалась выделена из состава Ивановской лишь в 1944 г. В последующие полгода в её состав вошли несколько районов Горьковской и Московской областей, что дополнительно усложняет сопоставление данных разных архивов.

Представление об условиях, в которых существовали работники, проживавшие в общежитиях, формировалось на основе докладных записок посещавших их проверяющих, жалоб граждан в партийные и советские инстанции по этому поводу. Такие жалобы, а также нарушения трудовой дисциплины нередко обсуждались на пленумах и заседаниях бюро горкомов. Хорошо сохранившаяся документация (до сих пор, увы, рассекреченная не полностью) донесла до нас обширный массив сведений о повседневности тех лет. Частично реконструировать её можно и по воспоминаниям.

Повседневная жизнь и быт рабочих и служащих были очень непростыми. В первую очередь это касалось молодёжи, мобилизованной на предприятия, а также на строительство тракторного завода во Владимире, которое началось в 1943 г. В источниках отмечается, что привлечённые к строительству ВТЗ немецкие военнопленные работали хуже, чем мобилизованные девушки, при этом условия жизни этих работниц были плохими¹⁷. В протоколе заседания Александровского горкома указано, что руководство одного из заводов сняло комнату для шести молодых рабочих, которая находилась в антисанитарном состоянии: не отапливалась, в ней отсутствовали койки и даже стулья, а постельные принадлежности за полгода ни разу не менялись. В течение нескольких месяцев после начала войны в паровозном депо четверо учеников слонялись без дела, так как для них не было работы¹⁸. Редко отапливалось общежитие хрустального завода (г. Гусь-Хрустальный), где жили бывшие воспитанники

Отечественной войны (на примере Сталинградской области) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. 2013. № 1. С. 26–35.

¹⁶ Пономарёв Д.И. Владимирский край в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война и современность. Материалы научно-практической конференции, посвящённой 50-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Владимир, 1995. С. 66.

¹⁷ Государственный архив Владимирской области (далее – ГА ВО), ф. П-830, оп. 1, д. 7, л. 27.

¹⁸ Там же, ф. П-119, оп. 3, д. 96, л. 146.

школы фабрично-заводского ученичества. Из-за этого им приходилось ложиться на койки в верхней одежде, а двое детдомовцев вообще ночевали в цехах предприятий под верстаками¹⁹. Но не лучшим было и отношение к «старым» кадрам, хотя квалифицированных работников осталось лишь восемь человек. Отмечался большой разрыв в зарплате старых и молодых мастеров. Директор Шапиро характеризовался как бездушный человек²⁰. Снижали производительность труда и другие бытовые заботы. В протоколе III городской партийной конференции (июль 1944 г.) отмечалось, что после смены, которая заканчивалась в 3 часа ночи, работницы фабрики «Красный Профинтерн» ехали за дровами²¹.

В Муроме плохие условия отмечались в цехе № 2 завода им. Компартии Франции: отсутствовали умывальник и кипятилок, уборные содержались не в порядке. По мнению проверяющих, именно неудовлетворительными бытовыми условиями и объяснялся рост прогулов²². Часть мобилизованных рабочих жила прямо на заводе «Станкопатрон». Койки стояли без досок, а некоторые и без матрацев, не имелось даже вешалок. Кроме того, кровати не были закреплены за конкретными работниками. Проверка выяснила, что рабочие не мылись в бане по полтора месяца, распространялась завшивленность²³. Похожая ситуация наблюдалась и на стрелочном заводе, где рабочие (бывшие детдомовцы) жили в недостроенном доме и спали на двухъярусных нарах на грязных матрацах, без всякого белья²⁴. Плохое выполнение производственных норм и обусловленные этим низкие зарплаты и небольшие пайки объяснялись малым вниманием, которое уделялось молодым работникам со стороны начальников цехов и участков. Секретарь Муромского горкома на одном из пленумов отмечал: «Они больше наблюдают и ждут, когда станочник освоит свою операцию»²⁵.

Схожие бытовые условия и питание рабочих-одиночек отмечались и в Коврове²⁶. Помимо этого обращалось внимание, что некоторые общежития с момента их открытия никто из хозяйственного, комсомольского и профсоюзного руководства не посещал²⁷. В общежитии текстильной фабрики им. Абельмана не было сушилок, поэтому одежду и обувь жителям приходилось сушить около печей жилой комнаты, а картофель варить в умывальнике, на зиму отсутствовали дрова²⁸. Многие рабочие нуждались в обуви и одежде, но фабрика не всегда вовремя их обеспечивала²⁹. Неудивительно, что на этом предприятии оказалось больше всего работников, нарушавших трудовую дисциплину и дезертировавших. Далёким от идеала оставалось состояние завода им. Киркижа: сырость, грязь, захламлённость, отсутствие в умывальниках горячей воды, рост заболеваемости в полтора раза по сравнению с довоенным уровнем, невыдача по три-четыре месяца спецмыла и спецжиров рабочим, необеспеченность их

¹⁹ Там же, ф. П-118, оп. 63, д. 38, л. 46.

²⁰ Там же, оп. 1, д. 170, л. 23.

²¹ Там же, л. 9.

²² Там же, ф. П-495, оп. 1, д. 96, л. 19.

²³ Там же, оп. 5, д. 12, л. 117 об.

²⁴ Там же, л. 168.

²⁵ Там же, оп. 1, д. 81, л. 7.

²⁶ Там же, ф. П-116, оп. 63, д. 30, л. 34; ф. П-100, оп. 56, д. 75, л. 4.

²⁷ Там же, ф. П-116, оп. 63, д. 32, л. 183.

²⁸ Там же, л. 109.

²⁹ Там же, оп. 1, д. 121, л. 4.

одеждой³⁰. Кроме того, рабочая молодёжь долгое время питалась только один раз в день, в отличие от «старых» работников. Директор завода Фомин не предпринимал никаких действий вплоть до того момента, пока горком не вменил ему это в обязанность³¹.

Отношение заводских администраций к рабочим различалось, но случаев равнодушия или грубости источниками зафиксировано немало. Партийный инструктор из Коврова писал в горком о разнообразных ситуациях, когда заводские администраторы вели себя по отношению к рядовым рабочим не только незаконно, но и не по-человечески. Так, фрезеровщица завода им. Киркижа Линючева просила начальника цеха отпустить её домой в Вязниковский район к больной матери, приурочив отъезд к выходному дню с последующей отработкой в выходной. Не получив разрешения, она самовольно не вышла на работу и была осуждена на пять месяцев исправительно-трудовых работ с вычетом 25% зарплаты. В другом цехе этого завода у сверловщицы-стахановки Бабашовой в сентябре 1942 г. возникла необходимость отъезда на родину за тёплой одеждой. На поданную при поддержке председателя профкома Миронова просьбу об отпуске на один день она получила от начальника цеха Самойлова отказ. Женщина страдала болезнью рук от укулов стружкой и уехала на родину, получив освобождение по болезни. По возвращении её перевели на фрезерный станок. Вмешательство Миронова и секретаря ВЛКСМ Свиридова не помогло. Более того, заместитель начальника цеха Солнцев заявил, что если Бабашова ещё раз заболит, то будет переведена в уборщицы. Партийному инструктору заявили, что перевод вызван производственной необходимостью, с чем тот не согласился и в отчёте заключил, что это сделано из мести³². Заместитель начальника цеха № 4 того же завода Ухоботнов хотел отдать под суд работницу Макарову, перевыполнявшую производственные нормы, за уход на перевязку в здравпункт, заявив: «Раз ей надоело есть 800 грамм хлеба, пусть кушает 600 грамм»³³. Начальник цеха № 25 Калягин направлял не имевших обуви девушек в лес на заготовку дров, а при отказах от поездки оформлял дела в суд. В 1942 г. имели место систематические задержки заработной платы, что вызывало у рабочих недовольство и нежелание выполнять распоряжения администрации³⁴.

Такая повседневная жизнь была характерна не только для мобилизованных местных. Сложность организации для них сносных условий размещения и работы можно объяснить массовым и быстрым наплывом в города населения в довоенные годы, с началом индустриализации. Но в похожей ситуации оказывались и мобилизованные, прибывшие на предприятия из других регионов СССР. Так, в марте 1943 г. на один из заводов Коврова направили группу таджиков из Сталинабада — 327 человек. Их разместили в общежитии, но условия проживания оставляли желать лучшего. Партийный инструктор, проверявший помещение, где они жили, пришёл к выводу, что оно больше похоже на конюшню. Кроме того, с мобилизованными не вели разъяснительной работы о том, как себя вести. В результате они забирались на нары в обуви и верхней одежде, на тумбочках около коек чистили картошку и готовили обед. У них не имелось второго комплекта белья, и они не могли отдать в стирку имеющуюся

³⁰ Там же, д. 44, л. 204.

³¹ Там же, л. 135.

³² Там же, д. 129, л. 16.

³³ Там же, оп. 63, д. 36, л. 69 об.

³⁴ Там же, оп. 1, д. 93, л. 2 об.

одежду. Даже питание было организовано нерационально. Людям выдавали продукты по жировым карточкам один раз на 24 рабочих дня, а в остальные дни они оставались без горячего. Разумеется, не учитывались и их пищевые традиции, в результате чего некоторые отказывались от обедов, где присутствовали блюда из свинины. Это приводило к истощению за короткий период. Были зафиксированы и другие моменты, говорившие о полном отсутствии организационной и культурно-массовой работы³⁵.

На языке эпохи невнимание ответственных работников к нуждам рабочих называлось «бездушным отношением» и «грубым искажением дисциплинарной практики». Директора Владимирского хлебокомбината Крылова уволили с работы за нетактичность и беспробудное пьянство³⁶. Тем же отличались руководящие лица на торфяных разработках около Гусь-Хрустального³⁷. Кольчугинский горком требовал от прокуратуры разобраться с руководителями, которые не в состоянии обеспечить правильный распорядок и длительность рабочего дня³⁸. Произвол начальствующего состава, скудость питания и затяжной рабочий день, по воспоминаниям современников, приводили к тому, что некоторые работники дезертировали с заводов, стремясь уйти в действующую армию, так как там лучше кормят³⁹.

И в целом уже тогда многим было ясно, что нарушения дисциплины напрямую связаны с неустроенностью повседневной жизни. Городской прокурор Владимира Бутримович на одном из заседаний горкома рассказывал следующее: «Я приведу пример бездушного отношения к рабочим на тракторном заводе. Недавно там сбежало 10 человек рабочих, они были задержаны, и когда стали выяснять причины, оказывается, вместо того, чтобы им дать возможность нормально работать, их гоняли с места на место, то в совхоз, то в город Горький, а зарплату им не платили. Кроме того, у них нет ни обуви, ни одежды»⁴⁰. При этом следует заметить, что строительство тракторного завода являлось «ударной стройкой». В конце 1944 г. на совещании обкома отмечалось, что во время стройки так и не организовали помещение, где люди могли бы погреться, и во время работы строители вынуждены большую часть времени проводить у печей и костров⁴¹.

Таким образом, сложнейшие жилищные и бытовые условия значительной части рабочих — обыденное явление военных лет. Причём не обнаружено зависимости между таким состоянием дел и стратегической важностью предприятия, принадлежностью к той или иной отрасли промышленности. Всё это нашло отражение в отчётах проверяющих⁴². Руководители горкомов и прокуратура по мере возможности реагировали, достаточно быстро поняв, что именно улучшение жизненных условий могло повысить производительность труда. Од-

³⁵ Там же, д. 129, л. 28–29 об.

³⁶ Там же, ф. П-100, оп. 56, д. 60, л. 81; д. 61, д. 15.

³⁷ Там же, ф. П-118, оп. 1, д. 167, л. 20.

³⁸ Там же, ф. П-503, оп. 4, д. 29, л. 10.

³⁹ Путь к Победе. Ковров в 1941–1945. Сборник материалов о Великой Отечественной войне / Сост. Н.Е. Комарова, О.А. Монахова. Ковров, 2005. С. 50; Победители. Воспоминания участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла. М., 2010. С. 286; Поиск. Никто не забыт, ничто не забыто. Воспоминания владимирцев — участников Великой Отечественной войны. Владимир, 2011. С. 580.

⁴⁰ ГА ВО, ф. П-100, оп. 56, д. 75, л. 4.

⁴¹ Там же, ф. П-830, оп. 1, д. 7, л. 27.

⁴² Там же, ф. П-116, оп. 1, д. 121, л. 10–10 об., 16.

нако привести положение дел в удовлетворительное состояние удалось далеко не везде. Руководство предприятий, занятое в первую очередь выполнением производственного плана, нечасто обращало внимание на бытовые нужды трудящихся и прочие «второстепенные вопросы» (справедливости ради следует сказать, что их возможности в этой сфере были ограничены). Усугубляли ситуацию травмы, получаемые во время работы из-за ненадлежащего исполнения правил техники безопасности.

Всё вышеперечисленное приводило к нарушениям трудовой дисциплины. Изучение этой сферы имеет большое значение в исследовании повседневности сталинизма. Анализ правоприменительной практики оттеняет общепринятое представление о жестокости режима и суровости его методов. Выясняется, что обыденными явлениями были отступления от буквы закона, случаи как излишней репрессивности, так и отсутствия реакции на систематические нарушения. Всё это приводило к конфликтам между ответственными за поддержание дисциплины и партийными инстанциями. Причём даже в рамках отдельно взятого города всё зависело от разных факторов и отличалось от предприятия к предприятию, поэтому вряд ли в этом вопросе возможно найти единую тенденцию. Судя по доступным официальным данным (нередко отрывочным), на мелких предприятиях дисциплина была выше и имела в основном положительную динамику, т.е. количество нарушений снижалось. Это можно объяснить как размерами, позволявшими отслеживать поведение работников, так и сомнительной статистикой – в таких мастерских и артелях куда проще скрыть нарушения. Впрочем, они не могут сильно повлиять на общую динамику нарушений, так как подавляющее большинство рабочих трудились на крупных фабриках и заводах. К тому же на многих небольших предприятиях рабочие часто появлялись в нетрезвом виде, пререкались с руководством, несвоевременно начинали работу и отказывались от неё. Всё это служило причиной жалоб руководителей артелей и фабрик в городские комитеты партии⁴³.

При анализе вынесенных судебных решений необходимо иметь в виду несколько специфических факторов. Во-первых, сами условия военного времени, усиливавшие суровость приговоров. Во-вторых, как уже отмечалось, этот период – продолжение и неотъемлемая часть сталинской эпохи со всеми её юридическими и правоприменительными особенностями и недостатками (в особенности традицией вынесения жёстких приговоров). В-третьих, невысокий уровень правовой грамотности не только обвиняемых, но и их руководителей, направлявших дела в суд, и самих судей, далеко не всегда способных вынести справедливое и честное решение.

Так, на X Владимирской городской партийной конференции в июле 1942 г. отмечалось, что сроки рассмотрения дел регулярно нарушались и задерживались на 10–15 дней. Прокуроры мало занимались профилактикой правонарушений⁴⁴. В 1944–1945 гг. ситуация немного улучшилась, в большинстве случаев судьи стали укладываться в отведённые законом сроки, хотя отдельные нарушения оставались. Отменённые приговоры составляли 1,76% от общего числа. В то же время партийцы критиковали работу среди населения по разъяснению советской законности⁴⁵.

⁴³ Там же, д. 93, л. 2.

⁴⁴ Там же, ф. П-100, оп. 56, д. 50, л. 76.

⁴⁵ Там же, ф. П-118, оп. 1, д. 82, л. 69.

Регулярно становились предметом обсуждения случаи неправомерного привлечения к ответственности за нарушение трудовой дисциплины. В протоколе одного из заседаний Ковровского горкома отмечалось, что «начальники цехов не считаются с достоинством рабочего в производстве и не учитывают, при каких условиях нарушил указ и на всех прогульщиков передают дело в суд. Считают, что дело суда — разберётся в каждом отдельном случае нарушения»⁴⁶. Следствием этого стала перегруженность судей, которые из-за этого зачастую не успевали выносить решения в отведённый законом срок⁴⁷. Описывался случай, когда рабочего Н.Ф. Моисеева, эвакуированного из Ленинграда, привлекли по указу от 26 декабря 1941 г., хотя ему не в чем было ходить на работу. Его обращения к начальнику цеха Завьялову не возымели действия — тот его попросту выгнал из кабинета. Стахановца А.Е. Пичугина администрация завода преследовала за прогул, случившийся из-за опоздания поезда и неразберихи с объявлениями отправления на станции, рядом с которой жил рабочий (суд Пичугина оправдал, а дело прекратил)⁴⁸. Опоздания поездов происходили и в других городах области, что прямо отражалось на трудовой дисциплине. Горкомы требовали от железнодорожников придерживаться расписания, но в условиях военного времени этот вопрос решить так и не смогли⁴⁹.

Горком Гусь-Хрустального в большом количестве прогулов обвинил руководство специализировавшейся на производстве текстиля и стекла фабрики «Красный Профинтерн»: начальников цехов и отделов, главного инженера Тейковцева и директора Кузьмина. В апреле—мае 1942 г. они давали необоснованные отпуска на 10—15 дней руководителям цехов и служащим для поездки за продуктами, семенами и под предлогом «похорон снохи, увезти детей на родину» и т.д.⁵⁰ Рабочих с такого же рода просьбами не отпускали, а с их прогулами предпочитали бороться только административным путём. За невыход на работу в тот же день вручали повестку в суд. В протоколе заседания горкома отмечалось: «Руководители фабрики часто попадают в конфузное положение — дело на работницу передали в суд, а она лежит в больнице»⁵¹.

Работницу Владимирского тракторного завода Чигринову арестовали за дезертирство. Расследование выяснило, что она трудилась в транспортном цехе, но по документации отдела кадров числилась в литейном, хотя не работала там ни дня. Бухгалтер Владимирского промкомбината Филимонов якобы прогулял, но по свидетельским показаниям ему разрешили отпуск, и суд его оправдал⁵². Работницу Вязниковской фабрики «Парижская коммуна» Федотову сначала осудили за прогулы, но потом директор фабрики и юрисконсульт прислали запрос о прекращении дела, так как выяснилось, что она находилась на больничном. Похожая ситуация — с рабочим Блохиным. Руководители горкома посчитали, что передачей такого рода непроверенных материалов в прокуратуру партийные и хозяйственные организации показывают отсутствие реальной борьбы с нарушениями⁵³.

⁴⁶ Там же, ф. П-116, оп. 1, д. 130, л. 4.

⁴⁷ Там же, ф. П-119, оп. 3, д. 96, л. 146.

⁴⁸ Там же, ф. П-116, оп. 1, д. 130, л. 4.

⁴⁹ Там же, ф. П-495, оп. 1, д. 96, л. 64.

⁵⁰ Там же, ф. П-118, оп. 1, д. 82, л. 69.

⁵¹ Там же, оп. 63, д. 12, л. 3.

⁵² Там же, ф. П-100, оп. 56, д. 50, л. 76.

⁵³ Там же, д. 75, л. 4—4 об.

Нарушения трудовой дисциплины превратились в системные даже на стратегически важных предприятиях. На заводе им. Киркижа имелись цеха, где трудовая дисциплина нарушалась 15–20 работниками ежедневно. Директор Фомин жаловался на городских врачей, которые якобы выдавали им бумаги с диагнозом «алкоголизм». По его словам, на заводе много симулянтов. На пленуме Ковровского горкома он отметил: «Когда рабочему надо освободиться дня на три, он напивается солёной воды или наносит себе членовредительство»⁵⁴. На неправомерные выдачи больничных листов жаловались и директора других заводов города⁵⁵.

Рассматривались разные способы улучшения трудовой дисциплины. В Гусь-Хрустальном предлагали женить молодого токаря, чтобы он заботился о семье и выполнял нормы выработки⁵⁶. Выдвигалась идея популяризировать имена лучших работников, для чего следовало использовать стенную печать⁵⁷ и активно вести воспитательную работу⁵⁸. На III городской партконференции (1945) рекомендовалось обсуждать случаи дезертирства рабочих на собраниях и проводить товарищеские суды⁵⁹. Ставилась задача борьбы за дисциплину среди коммунистов, поскольку их нарушения негативно сказывались на настроениях беспартийных⁶⁰.

Отмечалось стремление хозяйственников нивелировать жёсткость норм законодательства. Так, директора фабрики «Красный луч» Кузнецова сняли с работы и осудили за то, что он не оформлял материалы на дезертиров и брал их на свой завод⁶¹. В иных случаях заведение дел передавалось второстепенным руководящим работникам, из-за чего они не доводились до суда⁶². В документах Вязниковского горкома отмечалось отсутствие точного учёта судебных решений⁶³. Подверглась критике народный судья г. Вязники Сухова, не привлекая к ответственности ни одного руководителя за несвоевременное и неправильное оформление актов на нарушителей трудовой дисциплины⁶⁴. Немалое количество дезертировавших с предприятий смогли скрыться и не были осуждены⁶⁵.

Количество нарушений не сократилось и по окончании войны с Германией. Более того, летом 1945 г. число самовольных уходов трудящихся с предприятий выросло. Партийные и хозяйственные инстанции объясняли это тем, что многие мобилизованные полагали: раз война закончилась и происходит демобилизация армии, а их с работы не увольняют, то всё равно можно оставить производство. По закону это по-прежнему считалось дезертирством и пресле-

⁵⁴ Там же, ф. П-116, оп. 63, д. 28, л. 17, 19.

⁵⁵ Там же, ф. П-118, оп. 1, д. 170, л. 17.

⁵⁶ Там же, оп. 63, д. 12, л. 4.

⁵⁷ Там же, д. 28, л. 32.

⁵⁸ Там же, оп. 1, д. 124, л. 130. На одном из заседаний горкома Гусь-Хрустального отмечалось, что «факты нарушений дисциплины не обсуждаются среди рабочего коллектива, общественные суды не работают, стенная печать не бичует лодырей, рвачей, дезорганизаторов производства» (Там же, ф. П-495, оп. 1, д. 125, л. 36; ф. П-100, оп. 56, д. 60, л. 81 об.; ф. П-118, оп. 1, д. 170, л. 4; ф. П-791, оп. 63, д. 18, л. 10).

⁵⁹ Там же, ф. П-495, оп. 5, д. 139, л. 94; оп. 1, д. 149, л. 8.

⁶⁰ Там же, ф. П-118, оп. 1, д. 82, л. 10.

⁶¹ Там же, ф. П-495, оп. 5, д. 139, л. 94; ф. П-118, оп. 1, д. 82, л. 10.

⁶² Там же, ф. П-118, оп. 1, д. 167, л. 20.

⁶³ Там же, ф. П-791, оп. 63, д. 18, л. 10.

⁶⁴ Там же, д. 12, л. 56.

⁶⁵ Там же, ф. П-118, оп. 1, д. 96, л. 5.

довалось, тем более что 29 июля 1944 г. вышло постановление СНК СССР о своевременном розыске дезертиров производства. Однако органы правопорядка неоднократно подвергались критике за плохое исполнение этого нормативного акта. На основании указа президиума Верховного совета СССР от 7 июля 1945 г. об амнистии⁶⁶ все дела были прекращены. Возможно, этим объясняется то, что во втором полугодии количество нарушений так и не отменённых «военных» законов о труде увеличилось ещё больше.

Согласно имеющейся статистике, в целом по СССР количество нарушений трудовой дисциплины в 1940–1945 гг. имело тенденцию к снижению. Нарушители составляли чуть больше половины от общего количества осуждённых, но если в 1940 г. их было 2,09 млн человек (61,5%), то к 1945 г. стало 1,18 млн (46,5%)⁶⁷. Жёсткость указов 1940 и 1941 гг. ослабил чрезвычайный масштаб проблемы, так что 30 декабря 1944 г. Верховный совет СССР выпустил постановление «О предоставлении амнистии лицам, самовольно ушедшим с предприятий военной промышленности и добровольно вернувшимся на эти предприятия».

При анализе документов горкомов общей динамики во Владимирском регионе выявить не удалось. По-видимому, количественные показатели нарушений зависели в первую очередь от местных обстоятельств — условий жизни, быта и работы труженников тыла в конкретном городе, а часто ещё и на конкретном предприятии. Отчёты последних прямо указывали, что основная масса нарушений падала на молодых людей в возрасте до 20 лет, с небольшим стажем работы⁶⁸.

Это подтверждается следующими данными. В Гусь-Хрустальном с фабрики «Красный Профинтерн» во втором полугодии 1941 г. самовольно ушли почти 300 человек, а прочих нарушений дисциплины стало больше на 517 в сравнении с первым полугодием⁶⁹. Среди прогульщиков в подавляющем большинстве случаев числилась молодёжь⁷⁰. Осенью многих перевели на строительство оборонительных сооружений, но организовали его из рук вон плохо. Руководство предприятия не знало, на каких именно позициях находятся многие работники⁷¹. По другим предприятиям города данные ещё более отрывочны, но при этом показательны. На заводе № 802 за 9 месяцев 1942 г. отмечено 34 прогула и 24 опоздания; были и повторно осуждённые — 8 человек⁷². В 1943 г. ситуация не улучшилась: за 11 месяцев зафиксировано 169 нарушений, причём 157 из них пришлись на молодёжь 1927 г.р. и моложе⁷³. Данные отчёта о работе промышленности и транспорта зафиксировали в 1942 г. 4 242 случая нарушений, а за 1943 г. — 1 835. По отдельным предприятиям динамика не всегда совпадала с общегородскими показателями⁷⁴.

Отмечалась высокая текучка кадров. С начала войны до 15 октября 1942 г. на «Красный Профинтерн» прибыли 1 186 человек, а убыли 1 336. От общего

⁶⁶ Там же, ф. П-116, оп. 1, д. 162, л. 20 об.

⁶⁷ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / Сост. И.А. Зюзина. М., 2004. С. 611.

⁶⁸ ГА ВО, ф. П-495, оп. 1, д. 102, л. 8 об.

⁶⁹ Там же, ф. П-118, оп. 1, д. 86, л. 17.

⁷⁰ Там же, л. 46.

⁷¹ Там же, д. 96, л. 4.

⁷² Там же, д. 87, л. 33.

⁷³ Там же, д. 125, л. 204.

⁷⁴ Там же, д. 163, л. 37.

числа рабочих (3 306) новые составляли 25%. Похожая ситуация наблюдалась и на заводе № 802: за 16 военных месяцев пришёл 341 человек из общего числа в 546 рабочих (62%). На хрустальном заводе за тот же период приняли 448 человек, а уволили 1 038. Были предприятия, где контингент работников обновился на 100%⁷⁵. При этом новых сотрудников предстояло обучить. Инструктор горкома Рудницкий на городской партконференции 15–16 июля 1944 г. отметил, что текучесть приводит к затруднениям с рабочей силой. С завода № 802 ушли более 4 тыс. рабочих, в том числе до 3 тыс. самовольно покинули производство в течение 1944 г. с предприятия ушли ещё 297 человек⁷⁶, из них 43 – самовольно⁷⁷. Чуть лучше оказалась ситуация на «Красном Профинтерне»: там за второе полугодие 1944 г. дезертировали 185 человек, кроме того отмечено 130 прогулов, немало было и хищений⁷⁸.

Причину дезертирств оратор видел в плохом бытовом устройстве работников. Кроме того, негативно сказывалось и использование рабочих не по специальности. Рудницкий сетовал, что случаи дезертирства плохо изучаются руководством предприятий. Вся их роль сводится к подписанию приказа о нарушителях. Также допускается грубость к малолетним. Инструктор упомянул о том, что мастер-коммунист цеха завода № 802 избил мальчика на производстве, а горком, разбирая этот эпизод, не принял к нему никаких мер. Надо отметить, что к лету 1944 г. состав горкома сильно изменился, ряд ответственных работников «вышли из доверия» и были сняты с постов. Новому составу бюро горкома нужно вести борьбу с примиренчеством, считал инструктор⁷⁹.

В самом Владими́ре с 1943 г. шла «ударная» стройка тракторного завода. В течение первого же года здесь за нарушение трудовой дисциплины осудили 1 500 человек⁸⁰. К маю 1944 г. количество нарушений возросло до 2 тыс. Причём выяснилось, что 10–12% нарушителей – подростки до 18 лет⁸¹. Александров являлся важным транспортным узлом, но и здесь отмечались эпизоды плохой организации труда, в связи с чем партийные документы констатировали увеличение к концу 1942 г. прогулов на заводах города⁸². Ковровский завод им. Киркижа выступал одним из главных производителей стрелкового оружия для армии, где трудились выдающиеся конструкторы во главе с В.А. Дегтярёвым. Но даже здесь вопрос дисциплины стоял очень остро. В 1942 г. каждый месяц фиксировалось не менее 500 случаев нарушений. Причём 8% из них совершил начальствующий состав⁸³. Ежемесячная проверка документации прокуратурой в 1945 г. установила, что на заводе небрежно вели табели, отметки об отсутствующих часто оказывались неверными. Материалы в суды и прокуратуру направлялись с запозданием. Самовольные отлучки и дезертирство с предприятий также не исчезли. В первом полугодии 1945 г. в прокуратуру поступило 411 дел, из них 361 – по заводу им. Киркижа и 50 – по фабрике

⁷⁵ Там же, д. 140, л. 20–20 об., 24.

⁷⁶ Там же, д. 170, л. 26.

⁷⁷ Там же, д. 178, л. 47 об.

⁷⁸ Там же, д. 211, л. 16.

⁷⁹ Там же, д. 170, л. 4, 22.

⁸⁰ Там же, ф. П-100, оп. 56, д. 75, л. 4.

⁸¹ Там же, д. 76, л. 5 об.

⁸² Там же, ф. П-119, оп. 3, д. 96, л. 146.

⁸³ Там же, ф. П-116, оп. 63, д. 36, л. 72.

им. Абельмана. Выяснилось, что 128 дел возбуждены неправильно, и их пришлось прекратить⁸⁴.

С началом войны возросло число нарушений в Муроме⁸⁵, в том числе прогулов — в три раза⁸⁶. Только за второе полугодие 1941 г. в армию ушли 2 449 человек, а приняты на предприятие 5 092 рабочих, из них 1 992 женщины⁸⁷. На фабрике «Красный прядильщик» с июня по ноябрь обозначился резкий рост нарушений со стороны работников, затем (в декабре 1941 — феврале 1942 г.) нарушений не отмечалось, после чего снова последовал резкий рост с пиком в июне⁸⁸. За 1943 г. с заводов дезертировали 938 человек⁸⁹. В материалах III городской партконференции констатировалась большая текучесть рабочей силы. Всего с 1940 по 1945 г. с предприятий ушли 7 740 человек, хотя наблюдалось некоторое сокращение потока: если в 1943 г. дезертировали 1 042 человека, то в 1944 г. — 646⁹⁰.

Определённой тенденции по количеству нарушений трудовой дисциплины на предприятиях Владимирского региона выявить не удалось. По всей видимости, гипотеза об отсутствии или очень слабой прямой связи фронтовой обстановки и нарушений подтверждается, по крайней мере источники позволяют предположить именно это. Лишь в первые полгода можно выявить тенденцию к увеличению нарушений с последующим некоторым снижением в 1942 г. Перехват стратегической инициативы не оказал ощутимого положительного влияния на сокращение их количества. Больше того, в этом отношении для многих предприятий 1943 г. оказался более благоприятным, чем следующий — успешный в военном плане.

Динамика зависела от социально-бытовых и жилищных условий, а также от деятельности в этой сфере руководства завода или фабрики. В его обязанности входило разбирательство с причинами нарушений, но имеющиеся данные говорят, что руководители лишь отдельных предприятий увязывали повседневную жизнь и дисциплинированный труд сотрудников и стремились добиться улучшений. Значительно большее количество администраторов предпочитало бороться с нарушениями не профилактической работой, а простой передачей дел в прокуратуру, тем более что никакой ответственности за это руководящие работники не несли. Более того, будучи хозяевами положения, они нередко допускали вольную трактовку законодательства и даже прямые его нарушения.

Как следствие, трудящимся было непросто добиться справедливости. Едва ли не единственной инстанцией, где несправедливо осуждённые могли попытаться счастья, являлись местные партийные комитеты. Именно их сотрудники пытались разобраться в правильности исполнения указов 1940 и 1941 гг., на почве чего нередко возникали конфликты с хозяйственниками, которых они считали виновными в беспорядках. Директоров заводов, начальников цехов и мастеров производственных участков критиковали за нежелание интересоваться бытовыми нуждами рабочих, проживавших в общежитиях⁹¹. Профсою-

⁸⁴ Там же, д. 162, л. 20 об.

⁸⁵ Там же, ф. П-495, оп. 1, д. 102, л. 8.

⁸⁶ Там же, д. 96, л. 20.

⁸⁷ Там же, л. 12.

⁸⁸ Там же, д. 125, л. 35.

⁸⁹ Там же, оп. 5, д. 12, л. 166.

⁹⁰ Там же, д. 139, л. 94.

⁹¹ Там же, ф. П-119, оп. 3, д. 96, л. 146.

зы тоже нередко игнорировали эту важнейшую сферу⁹². В то же время нельзя сказать, что вмешательство структур ВКП(б) было массовым явлением. Да и предлагавшиеся партийцами меры не отличались эффективностью. Архивные материалы показывают, что бороться с нарушениями они рекомендовали в первую очередь при помощи массовой агитационной (политической и воспитательной) работы с трудящимися, особенно с молодёжью. Воздействие же административными методами должно было выступать крайней мерой.

Проблема слабой дисциплины имела глубокие социальные корни. Значительное число рабочих составляли подростки, на которых и приходилась основная доля нарушений. Они имели низкую квалификацию и не обладали опытом работы, уклад фабрично-заводской жизни был для них непривычным. Это накладывалось на никуда не годные условия проживания и тяжёлый труд, маленькую зарплату, которую на некоторых предприятиях ещё и задерживали. Ответная реакция оказалась предсказуемой — прогулы, опоздания и самовольные уходы («дезертирство»). Власти же не смогли ни побороть эту проблему репрессивными методами, ни что-то кардинально изменить.

⁹² Там же, ф. П-118, оп. 63, д. 38, л. 46.

Владимир Калиновский, Екатерина Самыловская

Во главе российского славянского движения*

Vladimir Kalinovskiy

(Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia),

Ekaterina Samylovskaya

(Saint Petersburg Mining University, Russia)

At the head of the Russian Slavic movement

DOI: 10.31857/S0869568722030153, EDN: FXLGCM

Роль Православной Российской Церкви и отдельных её представителей в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. до недавнего времени оставалась практически неизученной. Теперь этот пробел в значительной мере восполнен благодаря монографии Л.В. Мельниковой, систематически осветившей патриотическую деятельность духовенства в 1812 и 1853–1856 гг.¹ По словам исследовательницы, «Церковь в той или иной форме принимала активное участие во всех проводимых государством военных столкновениях, а церковные вопросы занимали важное место в ряду причин, вызвавших начало военных конфликтов». Вместе с тем именно «православная вера традиционно являлась основой национальных особенностей ратного служения» (с. 20), и церковная иерархия «практически вынуждена была давать моральную санкцию на такое страшное событие, как война». Как пишет Мельникова, «Церковь объясняла народу смысл, цели и характер войн, поддерживала в русском обществе чувство национального единства, нередко осознавая и позиционируя военные конфлик-

ты как религиозно-цивилизационное противостояние православной России и иноконфессиональных государств» (с. 34). Так, «ярко выраженную духовно-религиозную составляющую» имело противоборство 1812 г. И тогда Церковь указывала на «освободительный, священный характер войны и проводила мысль, что России Богом предназначено остановить кровавый путь Наполеона, спасти от него Россию и освободить Европу» (с. 34). Не менее острым «религиозно-цивилизационным противостоянием России и Западной Европы стала и Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг., начавшаяся из-за спора о святых местах Палестины» (с. 34–35). Поэтому «неудивительно, что и Русско-турецкая война 1877–1878 гг., вызванная новым обострением Восточного вопроса, была воспринята Русской Церковью и российским обществом как священная борьба за освобождение славян Балканского полуострова от турецкого исламского ига» (с. 35).

Корни её исследовательница ищет в последствиях «неудачной для России Крымской войны 1853–1856 гг.».

* Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М.: Воевода; Кучково поле, 2020. 397 с.

Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-78-10044 «Крым в поисках национального и конфессионального согласия (1783–1920 гг.)», выполняемого в Санкт-Петербургском государственном университете.

С конца 1850-х гг., когда империя «искала пути для восстановления своих позиций на Балканах и Ближнем Востоке», её дипломаты столкнулись с настойчивым стремлением болгарских архиереев Константинопольского патриархата добиться автокефалии. Это ставило представителей России в крайне двусмысленное положение. В основу её традиционной политики «были положены опора на Константинопольский патриархат и принцип единства православия на Востоке». Но последовательное её проведение не только неминуемо оттолкнуло бы болгар от Петербурга, но и способствовало бы распространению среди них униатства и активизации католических миссионеров. И во всяком случае «дальнейшее развитие греко-болгарской распри и возможное разделение Церкви привели бы к ослаблению не только двух православных народов, проживавших в исламском государстве, но и к снижению влияния России в регионе» (с. 41–44).

При этом «как российский МИД, так и обе противоборствующие стороны» пытались найти опору в Святейшем Синоде. Однако его члены, не исключая и наиболее влиятельного из них — митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова), высказывались предельно осторожно и уклончиво, опасаясь «охлаждения отношений» с Фанаром и призывая оппонентов к сближению и компромиссу (с. 46–49). Святитель Филарет надеялся, что удастся ограничиться, по его выражению, «разделением без разрыва» (созданием Болгарской митрополии, глава которой назначался бы константинопольским патриархом), но на Балканах это никого не устраивало. В 1870 г., не сумев договориться с греками, болгары по рекомендации русского посла Н.П. Игнатьева получили фирман об учреждении Болгар-

ского экзархата от султана. Патриарх Григорий VI готов был вынести рассмотрение данной проблемы на Вселенский собор, но в Петербурге его признали сугубо внутренним делом одной из поместных церквей. Когда же Константинопольский собор 1872 г., на который съехались все патриархи, объявил о схизме и отлучил экзарха от Церкви, в Святейшем Синоде, со свойственной ему осторожностью, предпочли отмолчаться. И всё же избежать осложнений не удалось. В Иерусалиме низложили Кирилла II, отказавшегося подписать соборное постановление. В Антиохии, наоборот, Синод признал подпись своего патриарха выражением его личного мнения и не стал сообщать верующим о новом расколе. Со своей стороны, Александр II, недовольный случившимся, наложил секвестр на имущества патриарших монастырей в Бессарабии. Вскоре обострились трения между русскими и греческими насельниками на Афоне...

Опираясь на широкий круг публикаций и документы АВПРИ, Мельникова прослеживает действия церковной и светской дипломатии, анализирует взгляды иерархов и публицистов (с. 36–68). «Движение болгарского народа за национальную автокефальную Церковь (выход из Константинопольского патриархата)» исследовательница считает, «по сути, началом борьбы за политическое освобождение Болгарии» (с. 36). Характерно, однако, что на этом этапе турки при сочувствии русских «освобождали» болгар от греков. Вместе с тем «развитие греко-болгарской церковной распри вызвало в российском обществе рост панславистских настроений, пик которых пришёлся на время Восточного кризиса середины 1870-х гг. и стал одной из причин, в значительной степени повлиявших на решение российского императора

Александра II объявить войну Османской империи» (с. 36–37).

К «славянскому движению», охватившему Россию с осени 1875 г. и нараставшему до конца 1876 г., духовенство отнеслось с явным энтузиазмом. Как показано в третьей главе книги, в храмах собирались пожертвования для «потерпевших от восстания» герцеговинцев, а затем и болгар, произносились вдохновенные проповеди и зачитывались эмоциональные воззвания сербского и черногорского митрополитов, служились молебны и панихиды. «Церковный вестник» — официальный печатный орган Святейшего Синода — подробно освещал работу славянских комитетов в Москве и Петербурге (с. 71–93). Архиепископ Донской и Новочеркасский Платон (Городецкий) и вообще лично возглавил местный отдел Славянского комитета, отправивший с 5 сентября по 12 октября 1876 г. на Балканы пять партий добровольцев (всего 299 человек) (с. 87). «Русское общество и Церковь, — пишет Мельникова, — самостоятельно и очень активно поддерживали национально-освободительную борьбу южнославянских народов, что порой вызывало недовольство государственной власти, но при этом оказывало на неё довольно сильное давление» (с. 93). В октябре 1876 г. казанскому архиепископу Антонию (Амфитеатрову) по просьбе губернатора даже пришлось запретить священникам собирать деньги для славян «вне церкви» и рассуждать с крестьянами о происходившем в Турции «на базарах, площадях, улицах и тому подобных местах», поскольку это вызывало раздражение и угрозы со стороны мусульман (с. 92).

Объявление войны 12 апреля 1877 г. пастыри встретили с ликованием. Архиереи в России и Молдавии приветствовали и благословляли царя и его войско (с. 101–105). Кон-

стантинопольский патриарх и новый болгарский экзарх (сменивший своего предшественника, низложенного 17 апреля) призывали свою паству усердно молиться о победе султана (с. 120–124). В книге Мельниковой подробно раскрыто освещение борьбы на Балканах в церковной печати, описан самоотверженный труд сестёр милосердия и Общества попечения о раненых и больных воинах (Красного Креста) (с. 126–167), говорится об организации благотворительности в монастырях (с. 168–192) и об испытаниях, выпавших на долю русских иноков на Афоне, оставленных в своей обители лишь благодаря заступничеству патриарха Иоакима II (с. 193–198). Особое внимание уделено положению военного духовенства (с. 200–211), тяжёлым условиям его служения во время кампании и отражению походной жизни в записках полковых священников (с. 212–253). Отдельные разделы посвящены краткому подведению итогов войны (с. 267–276) и увековечиванию её событий в церковных памятниках — часовнях и храмах (с. 276–303). Своёобразным результатом освобождения Болгарии стало и разъяснение Святейшим Синодом своего отношения к греко-болгарскому расколу. Патриарх Иоаким III под влиянием своего окружения неоднократно жаловался кн. А.Б. Лобанову-Ростовскому, с весны 1878 г. представлявшему Россию в Константинополе, на сослужение русских иереев со схизматиками. В ответ на это Святейший Синод направил ему в 1879 г. послание, проект которого был составлен архиепископом Макарием (Булгаковым), близким к обер-прокурору гр. Д.А. Толстому. В нём впервые официально заявлялось о том, что в Петербурге считают решения собора 1872 г. принятыми неканонически и не имеющими обязательной силы. Тем не менее демон-

стративного сослужения с иерархами экзархата в России по-прежнему избегали (даже во время посещения ими Москвы и Петербурга) (с. 254–265).

Труд Л.В. Мельниковой вносит значительный вклад в отечественную историографию и, несомненно, привлечёт внимание исследователей церковной, военной и социальной истории пореформенной России.

Примечание

¹ Мельникова Л.В. Русская православная церковь в Отечественной войне 1812 года. М., 2002; Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг. М., 2012. Эти работы легли в основу докторской диссертации, защищённой в 2020 г. в Учёном совете при Институте российской истории РАН: Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь и войны Российской империи в XIX веке. Дис ... д-ра ист. наук. М., 2020.

Анастасия Дунаева

Anastasia Dunaeva

(The Elizabeth-and-Sergius Enlightenment Society, Moscow, Russia)

Рец. на: R.G. Robbins. Overtaken by the Night. One Russian's Journey through Peace, War, Revolution, & Terror. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2017. 564 p.*

DOI: 10.31857/S0869568722030165, EDN: FXSBKB

В новой книге американский профессор Р. Роббинс подробно анализирует биографию государственного деятеля Российской империи начала XX в. Владимира Фёдоровича Джунковского (1865–1938). В исследовании, состоящем из шести частей, пролога и заключения, описываются его происхождение и детство, обучение в Пажеском корпусе, служба в лейб-гвардии Преображенском полку и в качестве адъютанта московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича, деятельность на постах московского губернатора (1905–1913), товарища министра внутренних дел и командира Отдельного корпуса жандармов (1913–1915), служба на командных постах в действующей армии в период Первой мировой войны, советский период и трагический конец – ночной расстрел на Бутовском полигоне НКВД в 1938 г. Именно гибель героя, обстоятельства

которой отразились в заглавии книги, открывает повествование обо всех перипетиях его судьбы.

Рецензируемая монография органично связана с двумя фундаментальными трудами Роббинса о голоде 1891–1892 гг. и о русских губернаторах конца XIX – начала XX в.¹ Мемуары Джунковского автор начал изучать ещё в 1981 г., и перед нами итог десятилетий его научной работы. Исследователь использовал материалы ГА РФ, ОР РГБ, РГАСПИ, РГВИА, Государственного центрального театрального музея им. Бахрушина, а также документы Бахметьевского архива Колумбийского университета и архива Гуверовского института. Особенно хочется отметить прекрасный иллюстративный материал. В книгу вошли фотографии представителей династии Романовых из коллекции Гуверовского института, а также уникальный графический

* Роббинс Р.Г. Исчезнувший в ночи. Путешествие русского человека сквозь мир, войну, революцию и террор. Питтсбург: Изд-во Питтсбургского университета, 2017. 564 с.

портрет Джунковского, выполненный М.М. Осоргиным в 1929 г.

Строго следуя источникам, Роббинс стремился рассказать историю «свидетеля эпохи» и «активного участника тревожных и бурных событий» не только коллегам, но и широкому американскому читателю. Задача важная, но непростая, поскольку имя Джунковского пока ещё мало известно не только в США, но и в России. Он не был на первых ролях в определении вектора развития страны, но его карьера «позволяет увидеть изнутри, как менялся стиль и характер российского управления в последние годы старого режима, какая борьба разворачивалась между реформаторами и силами, блокирующими реформы» (р. IX).

Автор уделяет особое внимание традициям семьи Джунковских. Предки Владимира Фёдоровича со стороны отца были священниками, что отразилось и в девизе рода «Deo et proximo» («Богу и ближнему»). Родившись в семье генерал-лейтенанта, Джунковский окончил элитный Пажеский корпус, что предполагало карьеру на государственном поприще. Решающее значение имела для него служба в качестве адъютанта московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича. В 1892 г. он был направлен в Саратовскую губ. в качестве уполномоченного комитета вел. кн. Елизаветы Фёдоровны для ликвидации последствий голода. Помощь голодающим позволила ему извлечь первые практические уроки, которые пригодились в будущем. С его точки зрения, личное участие должно было идти рука об руку с рациональным, прямым и несентиментальным подходом к нуждам низших классов (р. 33).

Настоящей школой государственного управления стала для Джунковского работа в качестве товарища председателя Московского столично-

го попечительства о народной трезвости — ещё одно поручение, данное ему Сергеем Александровичем в 1901 г. Именно здесь у Владимира Фёдоровича сформировалось «настоящее понимание рабочего класса и его нужд» (р. 73). Эта работа сделала его «своим» человеком в структурах московского государственного и общественного управления, подготовила к постам вице-губернатора и губернатора.

Роббинс подчёркивает, что карьера Джунковского была нестандартной, но вовсе не уникальной. «Карьерный рост Джунковского, — пишет исследователь, — привёл его в высшие эшелоны власти так называемой “служащей интеллигенции”, в круг элитной бюрократии, разделявшей в основном культурные и моральные ценности интеллигенции, но посвятившей себя служению государству» (р. 486–487). Джунковский с огромным уважением относился к личности П.А. Столыпина и его программе, тоже считая Государственную думу «необходимым инструментом для достижения цели — создания великой России» (р. 160). Автор полагает, что среди всех государственных управленцев высокого уровня именно губернаторы после 1905 г. напрямую сталкивались с политизацией российского управления и всё более сложным плюрализмом русской жизни (р. 486).

Особое внимание в книге уделяется аграрной реформе в Московской губ. Джунковский много времени проводил в разъездах, находился в центре общественной жизни, успешно выстраивал отношения с земством, предпринимателями, интеллигенцией. По мнению Роббинса, Владимир Фёдорович по своим личным и профессиональным качествам был администратором «стольпинского призыва»: «Его энергия, внимание к деталям, искренняя вовлечённость во все аспекты работы губернатора поражала современ-

ников. Его желание непосредственно находиться на месте события вызывает ассоциации с американцами – Теодором Рузвельтом и Фиорелло Ла Гуардия» (р. 143).

Воспитанный в традиции преданности монарху и находившийся в непосредственной близости к императору, Джунковский никогда не разделял крайне правые взгляды и не пользовался симпатией правых кругов, которые зачастую обвиняли его в «игре в либерализм». По этому поводу Роббинс замечает: «Как большевики, так и члены Союза русского народа отрицали увеличивающееся разнообразие, плюрализм общественной жизни с сильным коммерческим и буржуазным подтекстом – естественным следствием Великих реформ 1860-х годов. Джунковский, однако, принимал этот новый мир, если не во всём, то в главном, принимал перспективы перемен и главенство закона. Он демонстрировал “либеральный консерватизм” (в противоположность консервативному либерализму) как в разрешении политических баталий в Московской губернии, так и в своём ответе на политику премьер-министра П.А. Столыпина» (р. 158). Автор полагает, что противники Владимира Фёдоровича путали стиль его деятельности с её смыслом. Обладая либеральными качествами, необходимыми в новой политической реальности, он сохранял преданность династии, был доверенным лицом монарха и настоящим «хозяйном губернии».

Карьерный этап Джунковского, связанный с должностью товарища министра внутренних дел и командира Отдельного корпуса жандармов, Роббинс не считает принципиально отличным от других (что необычно для историографии). Он подчёркивает, что «политизированный подход», берущий начало в губернаторском опыте Джунковского, лежал в основе его

реформаторских усилий в отношении Департамента полиции и Корпуса жандармов: «Руководствуясь моральными соображениями, стремясь к экономии² и эффективности, Джунковский не хотел фундаментально изменить работу этих институтов. Он в основном заботился об изменении имиджа спецслужб и о том впечатлении, которое они производят на общественное мнение» (р. 487).

Автор соглашается со своим американским коллегой Дж. Дейли, который считал Джунковского моралистом³. Концепции морали и чести, сформированные семейной традицией, религиозным воспитанием повлияли на образцы, которые предложил Владимир Фёдорович в своём первом приказе по Корпусу жандармов, призывая «осушать слёзы несчастных», беречь честь мундира, помнить о принадлежности жандармов к русской армии.

Роббинс считает, что конфликтные отношения между Джунковским и представителями охранных отделений иллюстрировали сложность модернизационных процессов в поздней императорской России. Охранка, по его мнению, «не совпадала с социальными и политическими тенденциями, особенно с теми из них, которые после 1905 г. усиливали важность политики и значение общественного мнения. Джунковский же, со своей стороны, несмотря на казалось бы “устаревшую” апелляцию к чести и порядочности, более соответствовал вызовам времени, инстинктивно чувствуя важность репутации спецслужб и публичных отношений» (р. 486–487). Заметим, что данное утверждение автора об охране весьма спорно и, возможно, требует пояснений. Думается, что конфликт Джунковского с ней имел под собой более конкретные профессиональные и личные основания⁴.

Вместе с тем следует возразить Роббинсу в главном – реформа по-

лиции, по замыслу Джунковского, отнюдь не ограничивалась заботой об общественном мнении. Он предполагал отстранить чинов Корпуса жандармов от политического розыска, заниматься которым, по его мнению, должны юристы. «Прежде всего мне надо было, конечно, отобрать от жандармского корпуса все политические дела, — заявил Джунковский в Чрезвычайной следственной комиссии 2 июня 2017 г., — я хотел превратить жандармский корпус в боевую единицу и обставить его как жандармскую полицию на железных дорогах, ввиду того, что железные дороги играют весьма важную роль в стратегическом отношении, а потому для сохранения порядка в смысле военном необходимо иметь там орган чисто военный»⁵. Этот план Джунковского требовал серьёзной подготовительной работы и остался нереализованным.

Другой важный аспект реформы полиции — назначение губернатора руководителем полицейской структуры, объединяющей общую и жандармскую полицию в губернии. За это решение выступал Джунковский, и оно было одобрено комиссией Государственной думы по обсуждению законопроекта о полицейской реформе, который, однако, так и не стал действующим законом.

Джунковский настоятельно рекомендовал начальникам губернских жандармских управлений работать в тесном единении с начальниками губерний. Возникающие противоречия в дальнейшем могли иметь печальные последствия для карьеры начальника ГЖУ вплоть до увольнения. «К сожалению, мне не удалось выполнить все мои намерения, за краткостью времени, которое я провёл на этих постах и вследствие начавшейся войны. Успел только провести частичные реформы, не требовавшие проведения их в законодательном порядке, значи-

тельно сократить расходы по Департаменту полиции», — писал Владимир Фёдорович Ф.Э. Дзержинскому, находясь в Бутырской тюрьме в 1918 г.⁶

Намерение Джунковского представляется интересным и в свете последних исторических изысканий. Историк Л.В. Ульянова отмечает, что и после Манифеста 17 октября 1905 г. «политический сыск остался внутренне противоречивой совокупностью ведомств и подразделений, которые имели различное подчинение и чины которых продолжали воспринимать окружающее пространство в разных и зачастую взаимоисключающих мировоззренческих и идейных категориях»⁷. Таким образом, предложенная реформа гипотетически могла изменить ситуацию в политической полиции, способствовать созданию единого идеологического пространства, опирающегося на правовые нормы.

Наиболее драматичный советский период жизни Джунковского — пенсионера (более 20 лет) также оказался связанным со спецслужбами. Бывший царский генерал провёл около трёх лет в смоленской и московской ЧК, в Бутырской и Таганской тюрьмах. Он был освобождён в ноябре 1921 г., позже давал консультации по техническим профессиональным вопросам высшим чинам ОГПУ—НКВД.

В процессе общения с профессором Роббинсом у нас возникла дискуссия по поводу возможного участия Джунковского в разработке операции «Трест»⁸. В результате автор отказался от своей версии, заявив в книге, что это участие «не доказано» (р. 445). Исследователь выдвигает интересное предположение о том, почему версия об участии Джунковского в «Тресте» стала распространяться в российской научно-популярной литературе. Поскольку во время заключения Джунковский писал подробные письма Дзержинскому, то нельзя исклю-

чить, что во время допросов он мог рассказывать, например, о зубатовском эксперименте, напоминающем методы «Треста» и, возможно, послужившим основанием для построения легенды. Кроме того, «придворные историки», по мнению Роббинса, могли использовать имя Джунковского для создания более почётной (берущей начало в царской России) родословной современных спецслужб (р. 445). Вместе с тем следует подчеркнуть, что на данный момент не выявлены источники, подтверждающие личные контакты Джунковского с Дзержинским и консультации, якобы данные Владимиром Фёдоровичем во время первого заключения.

В течение всего повествования Роббинс видит в своём герое не только администратора эпохи модерна, но и православного христианина, что особенно проявлялось в критические моменты, связанные с риском для жизни. Его вера ещё более окрепла в советский период, когда он продолжал исповедовать православие, создавал свои многотомные воспоминания — «энциклопедию поздней императорской России».

Автор справедливо считает, что мемуары Джунковского свидетельствуют о его серьёзном интересе к истории: «Он был знаком с работами выдающегося русского историка Николая Карамзина, а, будучи адъютантом великого князя Сергея Александровича, слушал лекции другого великого учёного — Василия Ключевского, который был частым гостем в генерал-губернаторском доме» (р. 183).

Роббинс предположил, что при написании мемуаров Джунковский, страстный театрал, выбрал для себя роль Пимена, монаха-летописца в трагедии Пушкина «Борис Годунов» (р. 453). Царская тема, действительно, красной нитью проходит через его мемуары. Джунковский называ-

ет Николая II царём-мучеником, он скрупулёзно запечатлел последние имперские торжества, проводимые при его непосредственном руководстве: 100-летие Отечественной войны 1812 г. и 300-летие династии Романовых. Исследователь очень вдумчиво описывает его взаимоотношения с великокняжеской четой, избегая сплетен и мифологем. Представляется, что в свете последних исследований о Сергее Александровиче автор излишне категоричен, обвиняя великого князя в антисемитизме⁹.

Заключение книги возвращает читателя к первой главе, где речь шла о гибели главного героя, для которого «слова апостола Павла, замученного тираном Нероном, могли стать его мыслями, которые давали ему не только ощущение спокойствия, но и чувство торжества» (р. 485). Имя Владимира Фёдоровича можно найти в списке установленных жертв политического террора, расстрелянных на Бутовском полигоне. Благодаря профессионализму и литературному таланту Роббинса, история жизни Джунковского, несомненно, вызовет чувство сопереживания, восхищения личным мужеством, высоким профессионализмом, благородством русского государственного деятеля и православного христианина, заставит не раз совершить вместе с ним «путешествие порядочного человека сквозь бурные и непорядочные времена» (р. 489).

Примечания

¹ *Robbins R. Famine in Russia 1891–1892. N.Y., 1975; Robbins R. The Tsar's Viceroy: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca, 1987.*

² Процесс слияния жандармских управлений и охранных отделений начался в связи с революционным спадом ещё до вступления Джунковского в должность. Финансовые сокращения были естественным следствием этого процесса, а не целью реформы.

³ *Daly J.W.* A Moralist Running the Police Apparatus // *The Watchful State: Security Police and Opposition in Russia, 1906–1917.* DeKalb, 2004. P. 136–158.

⁴ Об отношениях Джунковского и представителей охранных структур см. подробнее: *Дунаева А.Ю.* Реформы полиции в России начала XX века и Владимир Фёдорович Джунковский. М., 2012. С. 214–229.

⁵ Падение царского режима. Стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной комиссии Временного правительства. Т. 5. Л., 1925. С. 69.

⁶ ГА РФ, ф. Р-10035, д. П-53985, л. 134.

⁷ *Ульянова Л.В.* Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи. 1880–1905. СПб., 2020. С. 319–320.

⁸ *Robbins R.* Was Vladimir Dzhunkovskii the Father of the «Trust»? A Quest for the Plausible // *Journal of Modern Russian History and Historiography.* 2008. № 1. P. 113–143; *Дунаева А.Ю.* «За Господом Крестоносцем нельзя идти без креста...». Владимир Джунковский в советской России // *Родина.* 2010. № 3. С. 105–109.

⁹ Д.М. Софьин аргументированно утверждает, что «законодательные акты о выселении евреев готовились помимо великого князя и независимо от его назначения в Москву» (*Софьин Д.М.* Великий князь Сергей Александрович: путь русского консерватора. М., 2016. С. 96). О его взаимоотношениях с И.И. Леви-таном см.: *Вяткин В.В.* Великий князь Сергей Александрович и изобразительное искусство // *Художник.* 2011. № 1. С. 30–35.

Илья Стрекалов

Рец. на: Стачечное движение в России в годы Первой мировой войны. Июль 1914 г. – февраль 1917 г. Хроника / Авт.-сост. Г.Г. Касаров. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 832 с.

Ilya Strekalov
(*Moscow, Russia*)

Rec. ad op.: Stachechnoye dvizheniye v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny. Iyul' 1914 g. – fevral' 1917 g. Khronika. Moscow, Saint Petersburg, 2019

DOI: 10.31857/S0869568722030177, EDN: FXUEQZ

Рабочее движение конца XIX – начала XX в. является предметом специальных исследований в отечественной и зарубежной исторической науке. Данная проблематика сохраняет актуальность, поскольку позволяет глубже понять социальные корни революционных процессов в нашей стране. Протестное движение представителей пролетариата, имевшее место в дореволюционный период, ярче всего проявило себя в ходе событий 1917 г. и тем самым показало свою важную роль в становлении принципиально новых общественно-политических реалий.

Особый интерес в этой связи вызывают публикации, связанные со стачечным движением рабочих.

Рассматриваемая работа, автором-составителем которой является д.и.н. Г.Г. Касаров, выполнена в рамках проекта «Рабочий протест в России в годы Первой мировой войны (июль 1914 г. – февраль 1917 г.): статистический анализ стачечного движения». Структурно публикация поделена на несколько частей: вступительная статья, основная часть – хроника движения по годам (1914, 1915, 1916, 1917), списки использованных источников и литературы, а также свод таблиц, представляющих динамику стачек в рассматриваемый период. Завершают издание указатели географических названий и предприятий.

Во вступительной статье автор касается вопроса истории публикаций,

связанных с хроникой стачечного движения. Обзор отличается скрупулёзностью и позволяет уяснить ценность рассматриваемого издания. При этом важно учитывать, что публикация Касарова неразрывно связана с проектом «Хроника рабочего движения в России (1895–1917 гг.)», начатым в 1980-х гг. сотрудниками Института истории СССР АН СССР и Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР). В решении Главного архивного управления при Совете министров СССР и Института истории СССР от 2 июля 1985 г. сказано, что это издание необходимо для того, чтобы «с максимальной полнотой учесть все факты классовой борьбы российского пролетариата и деятельности его партийных, профессиональных и других массовых организаций»¹. В редакционную коллегию этого проекта вошли наиболее авторитетные историки рабочего движения, в том числе Ю.И. Кирьянов и И.М. Пушкарёва. Была разработана отдельная инструкция для описания каждой стачки. Работа шла не только в центральных научных и архивных учреждениях, но и в союзных республиках.

Однако уже в 1988 г. организаторы обратили внимание, что координация работы ведётся достаточно слабо, а само составление «Хроники» предусматривает долговременный анализ множества рассредоточенных источников². Параллельно с анализом стачечного движения в рамках методических указаний и принципов, разработанных авторами «Хроники», Касаров принял составление хроники стачек, имевших место в период от Первой мировой войны до Февральской революции. Он использовал не только опубликованные данные, но и документы 29 архивов, статистические сведения почерпнул из делопроизводственных актов (к ним относятся материалы Департамента полиции МВД, судебных

органов, фабричной инспекции, промышленных предприятий). Описание каждой стачки оказалось достаточно ёмким: дата, место, завод (предприятие), количество бастующих, основные требования, характер стачки, источник информации о ней. Лишь в некоторых случаях требования рабочих указывались подробно (приводились конкретные цифры по увеличению зарплаты, зачёту сверхурочных работ; в некоторых случаях — словесные обороты в виде цитат, например, «за стачку чтобы никто не пострадал»³).

Однако после распада СССР работа над «Хроникой» почти сошла на нет. Объяснялось это причинами как объективными (исчезновение союзных научных и архивных структур, координировавших процесс работы в республиках), так и субъективными (смена вектора проблематики в исследованиях, посвящённых России начала XX в.). В 1994 г., в ходе проведения XIII конференции составителей «Хроники», Кирьянов перечислил следующие негативные тенденции: организационная разобщённость исследователей, причастных к разработке проекта; слабое финансирование (вынужденная необходимость привлечения иностранных инвесторов); тенденциозность публикаций советского периода⁴. Последующие годы, несмотря на различные публикации статистических данных о стачечном движении в 1895 — феврале 1917 гг.⁵, показали, что главная цель — создание единой полноценной хроники рабочего движения — достигнута не была. Среди всех форм рабочего движения остаются наиболее изученными только стачки рабочих, однако и они на долгое время выпали из поля зрения исследователей.

Рассмотрение нового издания «Хроники» показывает, что данная проблематика и сейчас сохраняет актуальность. Касаров провёл большую ра-

боту по уточнению, детализации, проверке статистических данных о стачках рабочих, которая потребовала много времени. Автор обратил внимание на то, что сведения о стачках «в историографии, очевидно, занижены»: многие из них не отразились в официальной статистике полицейских и иных учреждений, иные в силу революционных событий 1917 г. не попали в центральные учреждения и остались на местах. Кроме того, несомненным достоинством нового издания «Хроники» её составитель видит то, что использованы «практически все опубликованные и архивные материалы, мемуарная литература и научные издания» (с. 7). Если в 1989 г. Касаров указывал, что привлечены материалы 29 архивов, то теперь их число увеличилось до 37. Существенно дополнены данные по 1914 г. и по январю—февралю 1917 г. В соответствии с этим серьёзным образом уточнены сведения по общему количеству стачек за каждый рассматриваемый год: за 1914 г. (19 июля — 31 декабря) оно увеличилось с 183 до 248, за 1915 г. — с 1 946 до 2 191, за 1916 г. — с 2 306 до 2 876, за 1917 г. (1 января — 28 февраля) — с 751 до 834. Общее число стачек по обновлённым данным составляет не 5 186, а 6 143, а участие в них приняли не 3 424 617, а 3 900 732 человек. Эти данные отражают существенный вклад Касарова в выявление динамики стачечного движения в России.

Обращаясь к самим данным о стачках, приведённым и систематизированным в порядке хронологии (по годам), составитель следовал методическому подходу, выработанному авторами проекта ещё в 1980-е гг. Требования рабочих охарактеризованы кратко, в редких случаях указываются конкретные положения. Представляется, что в ряде случаев это оправдано. Например, когда речь идёт о стачках 9 января 1916 г., они

характеризуются так: «стачка в память о событиях 9 января 1905 г.» (с. 282—283, 640—641); когда речь идёт о похоронах лица, в той или иной степени имеющего значение для рабочего или революционного движения — «стачка в связи с похоронами депутата II Государственной думы социал-демократа В.Б. Ломтатидзе» (с. 256); когда стачка проведена в память о расстреле рабочих на Ленских приисках в 1912 г. — «стачка в память о событиях 4 апреля 1912 г. на Лене» (с. 360).

Но в других случаях, когда речь идёт о значительных волнениях рабочих, как, например, имевшие место в сентябре 1915 г. на заводах Петрограда, вероятно, имело смысл хотя бы вкратце указать, что тогда при поддержке большевиков вырабатывался лозунг создания Совета рабочих депутатов, поднимался вопрос организации рабочих на борьбу с правительством. Для стачечного движения эти данные уникальны, они наглядно демонстрируют накал борьбы за права и интересы. В «Хронике» же применительно к ним указывается лишь, что «выдвигались политические требования» (с. 198—199). Впрочем, этот недостаток сполна компенсируется тем, что автором-составителем даны ссылки на общие или специальные исследования, из которых можно подробнее узнать о характере требований (с. 195).

Касаров, где это возможно, обращает внимание и на итоги стачек. Если обычно речь идёт о том, насколько были удовлетворены экономические требования (повышена ли зарплата, освобождены ли арестованные рабочие и проч.), то в ряде случаев он (видимо, руководствуясь целью показать реакцию властей на движение, выявить смысл, который они ему придавали) отмечает результаты с точки зрения не только удовлетворения требования, но и дальнейшей судьбы

участников стачки. Так, в информации о стачке в Туле в конце января – начале февраля 1916 г. указано, что за участие в ней 350 человек призваны в армию, 60 – арестованы и высланы из города; 1 500 рабочих после увольнения обратно на завод не приняты «как нежелательный элемент», остальные приняты под угрозой военно-полевого суда в случае повторения (с. 299). Иногда описание гораздо более кратко. Например, в сведениях о стачке 19 апреля 1916 г. в Твери указано, что «шестеро организаторов стачки были уволены» (с. 374).

В целом, изучая как приведённые по единому методическому и хронологическому принципу сведения, так и их источники, становится понятно, насколько велико значение проделанной работы. Подтверждает это и список архивных источников и литературы, где указаны не только федеральные и региональные российские, но и центральные архивы бывших республик СССР: Центральный государственный архив Республики Казахстан, Государственный исторический архив Украины, Национальный исторический архив Белоруссии (с. 721–722). Издание позволяет проследить динамику движения буквально по месяцам каждого года войны, а также получить информацию не только об общем количестве стачек и их участников, но и количестве политических или экономических стачек в отдельности (Приложение № 2, с. 748–780).

Важность работы Г.Г. Касарова очевидна. Автору удалось существенно уточнить данные о движении периода Первой мировой войны, ввести в научный оборот большое количество архивных и иных данных, тем самым фактически исчерпав комплекс источников по данному вопросу. Обновлённые же данные показывают массовый характер стачек рабочих в годы войны, нарастание социальных проти-

воречий накануне 1917 г. и, как результат, революционные события, в которых немаловажную роль сыграли представители пролетариата. Остаётся лишь надеяться, что в будущем исследователи завершат эту работу в масштабах всей России начала XX в. Как отмечала в 1999 г. в докладе на заседании Учёного совета ИРИ РАН Пушкарёва, важно изучать хронику рабочего движения России в целом в контексте «новой рабочей истории» (микроистории), «чтобы представить и социальный облик участников борьбы, уровень их психологической готовности добиваться выполнения своих требований»⁶.

Примечания

¹ Решение коллегии Главного архивного управления при Совете Министров СССР и дирекции Института истории СССР АН СССР «О подготовке “Хроники рабочего движения в России (1895–1917 гг.)”» // Организационные и методические принципы подготовки «Хроники рабочего движения в России. 1895 – февраль 1917 гг.». М., 1986. С. 3.

² От редакции // Рабочее движение в России 1895–1904 гг. Сборник статей и материалов для «Хроники рабочего движения в России в 1895 – феврале 1917 гг.». М., 1988. С. 4–5.

³ См., например: Касаров Г.Г. Стачки в России в 1914 – феврале 1917 г. Хроника. Вып. 1. М., 1989. С. 36–37, 80, 81.

⁴ Кирьянов Ю.И. О работе над «Хроникой» рабочего движения в России в 1895–1917 гг. // Хроника рабочего движения в России в 1895–1917 гг. (Тезисы докладов и сообщений конференции составителей «Хроники»). Пенза, 1994. С. 1–6.

⁵ См., например: Хроника рабочего движения в России. Апрель–декабрь 1912 г. / Сост. В.П. Желтова. В 2 ч. М., 1995; Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника. Вып. I. 1895 год. М., 1992; Вып. II. 1896 год. М.; СПб., 1993; Вып. III. 1897 год. М.; СПб., 1995; Вып. IV. 1898 год. М.; СПб., 1997; Вып. V. 1899 год. М., 1998; Вып. VI. 1900 год. М., 1999; Вып. VII. 1901 год. СПб., 2000; и др.

⁶ Пушкарёва И.М. Перспективы изучения рабочего движения в России в свете новых концепций // Труды Института российской истории РАН. 2002. № 3. С. 88.

Олег Айрапетов

Первая биография А.А. Поливанова*

Oleg Airapetov

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

The first biography of A.A. Polivanov

DOI: 10.31857/S0869568722030189, EDN: FYDGML

В конце 2020 г. Е.В. Бей, ранее опубликовавший биографию В.А. Сухомлинова¹, выпустил работу, посвящённую его весьма двусмысленному сотруднику (и даже товарищу по должности), вполне искреннему недоброжелателю и, наконец, преемнику на посту военного министра — генералу А.А. Поливанову. О Сухомлинове исследователь писал в несколько апологетической манере, изображая своего героя «историческим человеком» (сразу почему-то вспоминается персонаж русской классики, который также «был в некотором отношении исторический человек»), прошедшим «достойный» путь от юнкера до генерал-адъютанта². Однако, хотя Сухомлинов, разумеется, не был германским или австрийским шпионом, его репутацию ещё до Первой мировой войны разрушили скандалы, связанные с разводом Е.В. Бутович, ставшей супругой Владимира Александровича³. Тем не менее далеко не все историки «вытирали ноги об опального генерала»⁴.

Поливанов воспринимается Беем как «генерал от политики», являвшийся, впрочем, «незаурядной личностью» (с. 5). Его характеристика занимает примерно треть книги (с. 5–156) и разделена на 17 глав, не считая введения и заключения. Но данный текст играет скорее роль своеобразного монографического вступления к публикации мемуаров Алексея Андреевича

«Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. — 15 марта 1916 г.)» (с. 161–558). Ранее они были известны преимущественно по изданной А.М. Зайончковским в 1924 г. черновой рукописи 1916 г.⁵ Именно этим текстом весьма активно пользовались историки. Теперь же напечатан более поздний вариант, составленный Поливановым для Л.М. Клячко (Львова) с февраля по май 1919 г. и сохранившийся в РГАЛИ. По сравнению с черновиком, он в каких-то местах сокращён, в других, напротив, дополнен и уточнён, причём «практически каждое предложение подверглось стилистической переработке» (с. 165–166). Текст сопровождают обстоятельное предисловие («Несколько слов о рукописи»), освещающее в том числе и судьбу генеральского архива (с. 160–169), а также 19 документальных приложений, среди которых фотографии, выписки из воспоминаний, копии различных документов, связанных с Поливановым (с. 559–589). Но, к сожалению, столь важный источник остался без комментариев и указателей. В предисловии приводится лишь несколько наиболее существенных разночтений между редакциями 1916 и 1919 гг. (с. 166–168), хотя они могли бы стать предметом самостоятельного источниковедческого исследования.

Почти все биографии крупных военных деятелей начала XX в. начина-

* Бей Е.В. Военный министр А.А. Поливанов — «генерал от политики». А.А. Поливанов. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. — 15 марта 1916 г.). М.: Exerccitus, 2020. 592 с.

ются одинаково — с рассказа о том, как они хорошо учились и мужественно прошли через огонь русско-турецкой войны. Поливанов не стал исключением. Бей умело погружает читателя в атмосферу действий русской гвардии на Балканах, воевавшей бесстрашно и очень часто несшей бессмысленные потери, как, например, под Горным Дубняком (с. 11–20)⁶. Но если Сухомлинов избежал ранений, М.В. Алексеева только царапнула вражеская пуля под Плевной, то Поливанову не повезло — он был тяжело ранен при штурме турецкого редута. После выздоровления молодой офицер продолжил учёбу, окончив сперва Николаевскую инженерную академию, а затем и Николаевскую академию Генерального штаба. Ему довелось застать её в «драгомировский» период, оценка которого Беем представляется всё же несколько завышенной. В частности, нет оснований утверждать, будто ни до, ни после не было так много желающих поступить в Академию (с. 23–26).

Действительно, в конце 1870-х гг. престиж и востребованность корпорации офицеров Генерального штаба резко возросли. В 1878 г. на вступительные экзамены явился 121 офицер, из них зачислили 79, в 1879 г. — уже 101 из 147, 1880 г. — 125 из 215, 1881 г. — 87 из 181, 1882 г. — 112 из 174⁷. Однако уже в 1881 г. было решено сократить ежегодный набор до 70 человек⁸, и к концу «драгомировского» периода наметилось уменьшение числа обучающихся. Так, в 1887 г. в младший класс принял 72 офицера (из них двоих, болгарской службы, сверх штата)⁹. В 1893 г. положение об Академии опять изменили, увеличив приём и повысив требования к поступающим и учащимся¹⁰. В результате в 1900 г. в неё зачислили 150 офицеров (включая пятерых болгарской службы), в очень неблагоприятном

1905 г. — 165 (в том числе десять болгарской службы)¹¹. Перед Первой мировой войной вновь наметился спад: в 1911 г. набрали всего 108 «академиков» — меньше, чем в 1882 г.¹² Но ещё большей проблемой академического образования того времени являлась его оторванность от жизни¹³. Один из французских наблюдателей писал про Академию после русско-японской войны: «Занятая мыслью обучить своих питомцев всей энциклопедии военных наук, она не научила их здраво разбираться и анализировать факторы войны»¹⁴.

Бей отмечает, что Поливанов окончил Академию по первому разряду (с. 27), но не поясняет, какие именно преимущества это давало. Таких выпускников повышали до штабс-капитана гвардии и майора армии включительно, причём чин, полученный за успехи в науках, не являлся препятствием для получения других наград, причисление же к Генеральному штабу проводилось по старшинству в баллах¹⁵. Способствовало карьере и преподавание в Пажеском корпусе (с. 28), готовившем детей заслуженных родителей для службы в гвардии. Внештатные сотрудники, а Поливанов читал лишь курс военной администрации, допускались туда «только в виде исключения», и это характеризует лектора не меньше, чем его «либерализм», запомнившийся А.А. Игнатьеву (с. 28).

Реформы Д.А. Милютина открыли дорогу бюрократизации армии: успешнее и быстрее теперь в ней продвигались те, кто занимал кабинеты в Военном министерстве. Сказывалось отсутствие Генерального штаба как институционализованного независимого центра планирования и управления, а также системы последовательного чередования офицерами служб в строю и на штабных должностях. Поливанов, как и многие высокопоставленные генералы, непосредствен-

но командовал только ротой и то всего девять или десять (если верить по-служному списку¹⁶) месяцев (с. 25).

Из 155 полных генералов, числившихся в списках в начале 1913 г., 128 имели опыт военных действий (включая поход в Венгрию в 1849 г., Крымскую войну и действия против польских мятежников в 1863 г.). 62 из них имели опыт командования ротой, батареей или эскадром (некоторые даже меньше, чем Поливанов — до одного месяца), 37 — батальоном или дивизионом, 60 — полком, 57 — бригадой, 62 — дивизией, 43 — корпусом, 4 — армией и 2 — группой армий в Маньчжурии¹⁷. При этом абсолютное меньшинство прошло весь путь от роты до дивизии и тем более — до корпуса включительно. На уровне генерал-лейтенантов и генерал-майоров эта закономерность прослеживалась не менее отчётливо. Штабы давали больше возможностей. После двух лет работы в штабе Киевского военного округа Поливанов в 1890 г. вернулся в Главный штаб и уже не покидал его, постоянно поднимаясь в чинах по ступенькам управленческого аппарата (с. 29–30).

Первоначально он оказался в Военно-учёном комитете, обязанности которого заключались в «направлении учёной деятельности Генерального штаба и Корпуса военных топографов по всем отраслям, составляющим их специальность, а равно в развитии военного образования в армии»¹⁸. Возглавлял его начальник Главного штаба, и тем самым в 1890–1897 гг. полковник Поливанов находился в прямом подчинении у генерал-адъютанта Н.Н. Обручева (с. 29–30). Позднее Алексей Андреевич называл его своим учителем и, вероятно, имел для этого основания¹⁹. Чем же занимался тогда Военно-учёный комитет? В 1890 г. в нём вели переписку, связанную с командировками офицеров

за границу и по России, со строительством новых шоссе и железных дорог. Тогда же его чины организовали две экспедиции в район Тибета и Гиндукуша, издали шесть сборников и приняли участие в подготовке девяти исследований, преимущественно военно-исторических²⁰. В 1891 г. приоритетное внимание уделялось вооружению западных границ империи (в 1885–1890 гг. в целом закончились фортификационные работы в Варшаве, Новогеоргиевске, Ковне, Осовце, Дубненской крепости на Правобережной Украине²¹). В 1892 г. исследовались австрийские укрепления в Восточной Галиции (Лемберг, Ярослав, Радымно), было выпущено квартирное расписание германской и австрийской армий²². В 1893 г. появился перевод французской брошюры «Германская армия в бою»²³. В 1894 г. Комитет напечатал «Очерк устройства продовольствования русской армии на Придунайском театре в кампании 1853–1854 и 1877 гг.» Поливанова. В том же году им направлялись офицеры в штаб-квартиры японской и китайской армий, в Маньчжурию и Персию²⁴. В 1895 г. среди прочего была составлена карта распределения армянского населения в Азиатской Турции²⁵, в 1896–1897 гг. подробно освещалось положение Персии, Туркестана и Абиссинии. Не была забыта даже грамматика хинди²⁶. Вместе с тем продолжалась публикация трудов по военной истории, обзоры западных и азиатских границ России, пограничных территорий и вооружённых сил Австро-Венгрии и Германии.

В военном деле тогда намечались колоссальные перемены — проходили масштабные манёвры²⁷, создавалась полевая тяжёлая артиллерия, в 1888 г. сформировались восемь мортирных батарей, вооружённых 6-дюймовым орудием системы Энгельгардта, в 1889 г. их свели в два полка²⁸; в 1891 г. была

принята на вооружение знаменитая трёхлинейка²⁹, началось производство патронов к ней из бездымного пороха³⁰, в русской армии появились первые пять пулемётных рот (по восемь «Максимов» в каждой)³¹. Но какую же роль играл в Комитете собственно Поливанов? К сожалению, в книге об этом ничего не сказано.

С 1899 г. Алексей Андреевич находился в «тихой пристани» редакции «Русского инвалида» и «Военного сборника». Расцвет этих печатных органов Бей связывает именно с редакторством Поливанова, однако аргументы, приведённые для обоснования подобного вывода (например, появление иллюстраций), слишком шатки (с. 31). И всё же им явно были довольны: в 1900 г. он стал генерал-майором, вскоре занял пост начальника Главного штаба, а в 1906 г. царь произвёл его в генерал-лейтенанты и назначил помощником военного министра³². Глава ведомства генерал А.Ф. Редигер не питал к нему особых симпатий, но впоследствии признавал: «Мне нужен был человек знающий, умный и требовательный, а этим условиям Поливанов вполне удовлетворял»³³. В новой должности, особенно при налаживании контактов с Думой, в полной мере раскрылась и оказалась востребованной его страсть к интригам и всякого рода комбинациям (с. 33–34). Эти способности поощрялись и званием генерала от инфантерии (1911), и орденами Св. Владимира 2-й степени (1909) и Белого Орла (1912), пока попытка дискредитации Сухомлинова, возглавлявшего министерство с 1909 г., не привела к «опале» Поливанова, перемещённого в 1912 г. в Государственный совет (с. 34–35).

Бей слишком кратко упоминает об этом эпизоде, в котором впервые отчётливо проявилась связь Гучкова и Поливанова, и сразу же переносит читателя в 1915 г. (с. 35–37), когда

вследствие не прекращавшейся все эти годы сложнейшей политической игры с участием Ставки, думских лидеров и части правительства Поливанов, в свою очередь, заменил Сухомлинова. В каком-то смысле это стало не просто столкновением двух враждовавших группировок (хотя личные счёты, конечно, присутствовали), но и борьбой за пересмотр концепции управления тылом армии. В результате резко возросло значение диалога с Думой, хотя в депутатской среде и в окружении императора его понимали по-разному. И летом 1915 г. это уже ни у кого не вызывало сомнений.

Парадоксально, но человек, сделавший карьеру в стенах Военного министерства, стал символом профессионализма (любопытно, что при этом адъютанты нового министра и сверхштатные генералы переводились в резерв 6-й армии, оборонявшей Петроград, дабы «принять участие к службе среди войск», не покидая кабинета (с. 44)) и противопоставлялся «некомпетентной бюрократии». Вместе с тем Поливанов изо всех сил старался лавировать, подыгрывая набиравшей силу оппозиции. Он не решился предложить императору назначить Гучкова помощником министра, но продолжал тесно сотрудничать с оппозиционным политиком, которого Николай II считал своим личным врагом (с. 44). Так, им постоянно увеличивались кредиты и авансы, отпущавшиеся военно-промышленным комитетам. А львиная доля этих средств распределялась Центральным военно-промышленным комитетом (ЦВПК), который возглавлял Гучков.

Бей достаточно объективно анализирует действия Поливанова, которые нередко не давали ожидаемого эффекта, как в случае с мобилизацией младших возрастов ратников ополчения 2-го разряда (с. 53). Подготовка прибывавших на фронт подкреплений

постоянно падала. Кадровых офицеров, унтер-офицеров и солдат довоенных призывов, способных поднять её уровень, не хватало. К тому же офицеры военного времени часто не желали поддерживать «старый режим»³⁴. Поэтому утверждение автора, будто «министру удалось разрешить один из острых вопросов укрепления армии» (с. 55), звучит неубедительно. Разумеется, во время войны избежать снижения качества обучения невозможно. Но в книге ничего не говорится о том, насколько вообще Поливанов понимал болезненность данной проблемы.

Не лучше обстояло дело и со снабжением. Министр охотно сотрудничал с думцами, работа Особых совещаний не останавливалась, и в ней, как справедливо отмечает автор, всё сильнее ощущался политический крен, который задавали Милюков и Гучков. Однако эффективность этой деятельности оказалась крайне низкой³⁵, и её критика Беем вполне оправдана (с. 57–74). По его словам, наладить снабжение удалось лишь «частично» (с. 74). Между тем в этой «частичности» (1% выполненных заказов) выразились организаторские и деловые способности союзников Поливанова — руководителей Земгора и ЦВПК, и она во многом объясняет причину их стремительного провала после прихода к власти в марте 1917 г.

Особенно удачно освещена автором «братолюбовская история» — афера с «изобретением» некоего А.А. Братолюбова, который, пользуясь своими связями, запрашивал финансирование производства своей «всесжигающей жидкости» (с. 89–99). В сущности, он пытался сделать то же, что и Гучков — получать деньги, обещая поставить нечто полезное для армии. И не исключено, что если бы он изначально обратился не к вел. кн. Михаилу Александровичу, а, например, к Родзянко, то и пресса,

и политически ангажированные современники писали бы о его предприятии совсем иначе. Без сомнения, Бей прав, связывая отставку Поливанова с переломом в отношении к военно-промышленным комитетам. Но этот шаг был неизбежен, поскольку ЦВПК брал предоплату за заказы, выполнение которых он не мог обеспечить (с. 101). Получалось, как признаёт автор, что правительство само финансировало оппозицию, причём в ущерб реальному удовлетворению потребностей войск.

Послефевральский период деятельности Поливанова назван в книге «новым карьерным витком в его службе» (с. 104). Теперь уже Алексей Андреевич выступил в роли помощника Гучкова. Похоже, генерал был вполне современным политиком и с лёгкостью согласился возглавить комиссию по демократизации армии, призванную расправляться с неугодными командирами старшего звена. Неудивительно, что результаты её работы оказались плачевными. Обстоятельства лишь усиливали разрушительные последствия действий демагогов. Сам же Поливанов «просто плыл по течению» (с. 106–116). Впрочем, это «плавание» вскоре обернулось его полной дискредитацией. После отставки Гучкова он стал никому не нужен и оказался «на обочине власти» (с. 127). Горечь потерь несколько смягчала, видимо, только возможность выступить свидетелем обвинения на судебном процессе против Сухомлинова (с. 128).

В конце июля 1918 г. Поливанова арестовали, но уже 2 октября освободили и даже назначили пенсию. Отставной генерал занимался переводами, постепенно порвал все старые связи и в апреле 1919 г. устроился редактором отдела в Главную военную редакцию Генерального штаба (с. 135). 28 мая последовало «новое

задержание», продлившееся восемь месяцев. Любопытно, что сам Поливанов ожидал «очевидного нового ареста» с конца 1918 г. (с. 135). И объяснялось это не только обстановкой «красного террора», но и реалиями Гражданской войны. Не стоит забывать, что из 120 командующих армиями и фронтами на сторону «белых» перешли 8 (почти 7%). Это не так уж и мало, если учесть, что речь идёт о высшем командном составе, имевшем доступ к сверхсекретной информации. На более низком уровне в 1918–1919 гг. случаи измены военных специалистов в РККА «происходили регулярно и порой приводили к неудачам на фронте»³⁶.

Тем не менее с февраля 1920 г. Поливанов уже официально числился в Красной армии членом военно-учебной редакции, а позднее и Военно-законодательного совещания при РВС. 25 сентября Алексей Андреевич скоропостижно скончался в Риге, будучи главным военным экспертом российско-украинской делегации на переговорах о мире с Польшей. Обстоятельства его кончины и похорон в книге посвящён отдельный раздел (с. 147–155).

Е.В. Бей создал удачный биографический очерк о весьма неоднозначной фигуре. Возможно, это начало большого исследования, которое со временем разовьётся в солидную монографию.

Примечания

¹ Бей Е.В. Военный министр генерал В.А. Сухомлинов: жизнь и деятельность. М., 2016.

² Там же. С. 5.

³ Подробнее см.: Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В. Роковая женщина военного министра: генерал Сухомлинов и Екатерина Бутович. СПб., 2020. См. также: Айрапетов О.Р. Он был хуже, чем хотел, но лучше, чем о нём думали // Российская история. 2022. № 1. С. 202–209.

⁴ Бей Е.В. Военный министр генерал В.А. Сухомлинов... С. 6.

⁵ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916. Т. 1. М., 1924.

⁶ Подробнее о проблемах, вскрывшихся на Балканах, см.: Айрапетов О.Р. Испытание войной: реформы и вооружённые силы России и Турции в 1860–1870-е гг. // Российская история. 2016. № 6. С. 15–27.

⁷ Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882. С. 317, 319.

⁸ Всеподданнейший отчёт о действиях Военного министерства за 1890 год. СПб., 1892. С. 89.

⁹ Всеподданнейший отчёт о действиях Военного министерства за 1887 год. СПб., 1889. С. 29.

¹⁰ Русское военное обозрение // Военный сборник. 1894. № 2. С. 173, 176.

¹¹ Всеподданнейший отчёт о действиях Военного министерства за 1900 год. СПб., 1902. С. 29; Всеподданнейший отчёт о действиях Военного министерства за 1905 год. СПб., 1907. С. 41.

¹² Всеподданнейший отчёт о действиях Военного министерства за 1911 год. СПб., 1913. С. 52.

¹³ Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий (1881–1903). М., 1973. С. 321.

¹⁴ Французская пресса о русской армии // Сборник Главного управления Генерального штаба. 1909. Вып. 8. Отд. III. С. 49.

¹⁵ Свод военных постановлений. Изд. 1869 года. СПб., 1870. Кн. 15. Ст. 61, 63, 54 С. 14–15.

¹⁶ Список генералам по старшинству. Составлен по 1 января 1913 года. СПб., 1913. С. 119.

¹⁷ Там же. С. 2–140.

¹⁸ Свод военных постановлений. Изд. 2 (по 1 января 1893 года). СПб., 1894. Ч. 1. Кн. 1. Ст. 156. С. 34.

¹⁹ Айрапетов О.Р. Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830–1904). Портрет на фоне эпохи. М., 2017. С. 9.

²⁰ Всеподданнейший отчёт о действиях Военного министерства за 1890 год. С. 22–23.

²¹ Всеподданнейший отчёт о действиях Военного министерства за 1891 год. СПб., 1893. С. 23; Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III (1881–1894). СПб., 1903. С. 182.

²² Всеподданнейший отчёт о действиях Военного министерства за 1892 год. СПб., 1894. С. 23–24.

²³ Всеподданнейший отчёт о действиях Военного министерства за 1893 год. СПб., 1895. С. 20.

²⁴ Всеподданнейший отчёт о действиях Военного министерства за 1894 год. СПб., 1896. С. 23–24.

²⁵ Всеподданнейший отчёт о действиях Военного министерства за 1895 год. СПб., 1897. С. 22.

²⁶ Всеподданнейший отчёт о действиях Военного министерства за 1896 год. СПб., 1898. С. 22; Всеподданнейший отчёт о действиях Военного министерства за 1897 год. СПб., 1899. С. 23–24.

²⁷ Подробнее см.: *Айрапетов О.Р.* Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев... С. 385–390, 400–402.

²⁸ Приказ по Главному Артиллерийскому управлению № 225 22 сентября 1889 г. // Алфавитный указатель приказов по военному ведомству и циркуляров Главного штаба за 1889 год. СПб., 1890. С. 453.

²⁹ Приказ по Главному Артиллерийскому управлению № 3124 11 мая 1891 г. // Алфавитный указатель приказов по военному ведомству и циркуляров Главного штаба за 1891 год. СПб., 1892. С. 185.

³⁰ Всеподданнейший отчёт... за 1891 год. С. 51–52.

³¹ История отечественной артиллерии. Т. 2. Кн. 5. М.; Л., 1970. С. 25.

³² Список генералам по старшинству. Составлен по 1 января 1913 года. С. 119.

³³ *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. М., 1999. С. 422.

³⁴ *Gourko B.* Memoires and impressions of war and revolution in Russia. 1914–1917. L., 1918. P. 110; *Knox A.* With the Russian army 1914–1917. Vol. 2. L., 1921. P. 389; *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 1946. С. 154; *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1973. С. 21.

³⁵ Об этом также см.: *Айрапетов О.Р.* В.В. Поликарпов. Русская военно-промышленная политика. 1914–1917. Государственные задачи и частные интересы. 2015 // История. Научное обозрение OSTKRAFT. М., 2018. № 2. С. 57–61.

³⁶ *Ганин А.В.* Измена командармов. Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. М., 2020. С. 15, 775.

Андрей Минаков

Российская революция и армия: продолжение разговора*

Andrey Minakov

(Moscow Pedagogical State University, Russia)

The Russian Revolution and the Russian Army: Continuing the Conversation

DOI: 10.31857/S0869568722030190, EDN: FYDNZX

Рязанские историки И.Н. Гребенкин и А.С. Романика написали книгу с интригующим названием «Революционная Россия и военный вопрос». Действительно, сопоставление этих понятий привлекательно для историков, пытающихся разобраться в общественно-политических процессах в государстве, где «военный фактор» всегда был неотъемлемой частью системных кризисов власти. Особую

важность данная формулировка приобрела в середине XIX – начале XX в., когда русская армия как один из ключевых институтов самодержавия переживала заметную трансформацию. В книге охарактеризовано отношение российской оппозиции социалистического направления к военному вопросу, упомянуты её попытки вовлечь армию в антиправительственную деятельность. Это действительно важно

* *Гребенкин И.Н., Романика А.С.* Революционная Россия и военный вопрос: от Севастополя до Цусимы. М.: АИРО-XXI, 2021. 228 с. (Серия «АИРО – монография»).

для реконструкции политической атмосферы и динамики социальных процессов в предреволюционной России.

Первые разделы книги посвящены взглядам на армию А.И. Герцена и Н.П. Огарёва, а также наследника их идей, крупнейшего теоретика отечественного утопического социализма Н.Г. Чернышевского. Авторы отмечают герценовский идеализм, заключавшийся в попытке развенчания среди военных образа «добротного царя». Будучи противниками насилия в решении общественных конфликтов, Герцен и Огарёв скептически оценивали возможность отказа от войн как средства разрешения международных проблем (с. 58–59). Чернышевский поместил в центр своей теории социальную справедливость. По его мнению, офицерская среда недостаточно просвещена для восприятия революционных идей. Возглавив официальный печатный орган военного ведомства — «Военный сборник», он постарался отчасти перенести свои идеи на практическую почву. Ему удалось привлечь к деятельности революционных кружков нескольких офицеров, в том числе и будущих лидеров польского освободительного движения С.И. Сераковского и В.-К. Калиновского. Однако начавшаяся эпоха Великих реформ изменила характер социалистического движения.

Поворотной вехой стали преобразования в военной сфере под руководством Д.А. Милютин, яркого представителя либерально настроенной бюрократии. В стане социалистической оппозиции, наоборот, не хватало лидеров, особенно после эмиграции и ссылки Герцена, Огарёва и Чернышевского. При этом, вместе с организационным и техническим обновлением армии, менялся и её социокультурный облик. За счёт модернизации системы военного образования дворянское офицерство стал размывать разночин-

ный элемент. Однако между офицерским корпусом и солдатскими массами сохранялся жёсткий социальный барьер, особенности которого могли варьироваться только в зависимости от полковых традиций. В этой связи стоит согласиться с Гребенкиным и Романовой, что невосприимчивость социалистических теорий переустройства страны была обусловлена в том числе чрезвычайной неоднородностью военной среды (с. 155).

Авторы отмечают живой отклик военных на либерализацию общественной жизни в 1860–1870-х гг. Приводя в пример Н.Н. Обручева, они пишут, что в России появился «новый тип передового офицера, разделявшего многие гуманистические и либерально-демократические воззрения в военном вопросе» (с. 95). Однако оппозиционные взгляды легко могли поставить крест на карьере офицера. Знакомство Обручева с социалистами (если таковое и имело место) не меняло его принципов и, по мнению О.Р. Айрапетова, носило апокрифичный характер¹. Действительно, среди образованной части офицерства того времени прослеживался интерес к альтернативным идеям политического обновления страны. Например, будущий герой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. И.В. Гурко с большим энтузиазмом проводил разъяснительную работу по крестьянской реформе в Самарской губ., за что даже удостоился комплимента с крайне левого фланга. Это стало сильным контрастом на фоне совпавшей по времени кровавой расправы над крестьянами села Бездна Казанской губ. «Стало можно без убийств успокаивать умы и убеждать не одними пулями»², — отмечал «Колокол». Впрочем, последующая служба Гурко, как и Обручева, была образцом верности присяге.

Не стоит вслед за авторами книги преувеличивать значение связей ге-

нералов с народниками (с. 151–152). К примеру, М.Д. Скобелев был яркой харизматичной личностью своего времени, которая вызывала неподдельный общественный интерес как справа, так и слева. Однако его политические взгляды имели яркую антигерманскую окраску. Подавляющая часть офицеров, а особенно генералитет, несомненно, оставалась на монархических позициях.

Существенной преградой революционной агитации были полковые офицерские собрания, однако их роль и влияние в книге не раскрыты. Между тем эти авторитетные организации жёстко контролировали служебные и внеслужебные взаимоотношения. Молодые офицеры, попадавшие с одобрения собрания в конкретный полк, очень дорожили принадлежностью к этой, своего рода, «касте». Потеряв доверие собрания и скомпрометировав себя политически, оставаться в полку было невозможно.

Особый интерес представляет раздел книги, посвящённый взглядам на военные вопросы идеологов российского народничества. Народники развивали мысли Герцена и Огарёва, пытаясь «разбудить» в солдатах «социалистические инстинкты». Но военная корпорация не воспринимала их радикализм, этому мешали «царистские» настроения в солдатской среде. Попадая туда, агитаторы разночинной интеллигенции встречали то же, что и во время «хождения в народ» — патриархальную ментальность, низкую политическую грамотность, страх перед начальством и переменами (с. 182–183).

Заключительные разделы книги посвящены взглядам на армию радикальных социалистических партий. Эсеры безуспешно попытались расширить за счёт военных свою социальную базу, зачисляли их в ряды противников и совершали на них по-

кушения. При этом авторы не совсем правы, говоря, что террор отпугивал «даже демократически настроенных военных» (с. 194). На самом деле романтика революционной борьбы привлекала и представителей офицерства, которые стремились попасть в Боевую организацию эсеров. К примеру, в 1902 г. одно из несостоявшихся покушений на К.П. Победоносцева, а потом и на В.К. Плеве должен был совершить слушатель Михайловской артиллерийской академии поручик Е.К. Григорьев. Он долгое время распространял в Академии агитационные материалы, надеясь на более ответственное поручение³.

Социал-демократы рассматривали военный вопрос сквозь призму классово-теоретической теории, относя солдатские массы, как рабочих и крестьян, к представителям эксплуатируемого народа, и надеялись на их поддержку. Они мечтали и о «собственной» военной структуре. Не случайно в одной из ключевых ленинских работ говорилось: «Как только позволят наличные силы, мы непременно должны обратить самое серьёзное внимание на пропаганду и агитацию среди солдат и офицеров, на создание “военных организаций”, входящих в нашу партию»⁴. Авторы показали, что полемика о характере борьбы в годы Первой русской революции усилила идейное размежевание большевиков и меньшевиков (с. 218–225).

В этой связи интересны рассуждения Гребенкина и Романики о моральном настрое действующей армии во время русско-японской войны. Опираясь на свидетельства некоторых современников, они пишут об отсутствии мотивации, слабой дисциплине, неуверенности и подавленном настроении. Всё это, по мнению авторов книги, стало катализатором по-

следующих выступлений военных во время революции 1905 г. (с. 236–242). Однако в то время встречались и другие мнения. Например, германский военный наблюдатель барон Э. фон Теттау отмечал, что после поражения у Тюренчена в апреле 1904 г. русская армия «не производила впечатления разбитого войска. Здесь впервые было замечено то, что впоследствии наблюдалось часто, а именно, что русский солдат скоро справляется с впечатлениями и влиянием поражений: он обладает способностью быстро оправляться от понесённого удара. Через неделю после потерянного сражения всё шло своим порядком, точно ничего не случилось»⁵. С ним согласился другой мемуарист, командир 11-го Псковского пехотного полка М.В. Грулёв: «Не прошло и несколько дней на новом месте расположения, как армия наша после отступления от Ляояна быстро оправилась... главным образом морально: она быстро забыла только что пережитое отступление от Ляояна и сама себе не поверила бы, что пережила катастрофу»⁶. Солдаты возвращались с фронта психологически раскрепощёнными, с пониженным порогом страха перед моральными барьерами. Без учёта этих факторов невозможно оценить степень воздействия революционной агитации на готовность бывших фронтовиков к радикальным действиям.

Представленная книга, несомненно, побуждает к новым размышлениям о месте армии в общественно-политической жизни предреволюционной России. Авторы показали, что для революционеров военные были очень неудобным партнёром. Ни агрессивная агитация, ни попытки вербовки среди солдат и офицеров, ни отдельные успешные попытки организовать вооружённые бунты не приближали левый лагерь к реальному контролю

над главным столпом имперской государственности. Отсутствие успехов в этом направлении левая оппозиция сублимировала в обесценивание военного фактора в существовании государства. Как верно отметили авторы рецензируемой монографии, «для наиболее радикальной части противников самодержавия военный престиж страны не представлял ценности и рассматривался в качестве допустимой цены за внутренние преобразования» (с. 119). Не случайно излюбленной антитезой левых движений по отношению к официальной идеологии было поражение.

В то же время военные круги оставались важнейшим звеном правительственной политики. С наступлением эпохи Великих реформ именно кадровое офицерство поддерживало курс на обновление страны. Для самодержавия армия являлась действенным репрессивным рычагом. Практика постоянного привлечения регулярных войск к подавлению антиправительственных выступлений стала яркой иллюстрацией политического портрета позднеимперской России⁷. Фактическая роль армии отчасти отражала деформацию имперской управленческой модели, неспособность власти держать под контролем внутривнутриполитическую ситуацию в стране.

Нужно отметить, что верхняя хронологическая граница книги обрывает её стержневую линию, заставляя читателя интуитивно разглядывать заявленную проблематику уже в контурах Первой мировой войны. Очевидно, что обстоятельный и объективный разговор о военном факторе следует вести с учётом всего комплекса реформ, всех войн и революций, приведших Россию в начале XX столетия к драматичным трансформациям государственного порядка и общественных отношений.

Примечания

¹ Айрапетов О.Р. Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев. СПб., 1998. С. 78–86.

² «Колокол», газета А.И. Герцена и Н.П. Огарёва: Вольная русская типография. 1857–1867. Лондон–Женева: [В 11 вып.] Факсимильное изд. Вып. 4. М., 1962. С. 852.

³ Степанов Ю.Г. Ober-прокурор под прицелом // Освободительное движение в России. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 19. Саратов, 2001. С. 56.

⁴ Ленин В.И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения // Ленин В.И. ПСС. Т. 6. М., 1979. С. 129.

⁵ Теттау Э. Восемнадцать месяцев в Маньчжурии с русскими войсками. СПб., 1907. С. 115.

⁶ Грулёв М.В. В Штабах и на полях Дальнего Востока. Воспоминания офицера Генерального штаба и командира полка о русско-японской войне. Ч. 2. СПб., 1909. С. 3.

⁷ Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. М., 1973. С. 33–35.

Андрей Ганин

Фундаментальный труд о становлении Добровольческой армии*

Andrey Ganin

(Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Fundamental work on the formation of the Volunteer Army

DOI: 10.31857/S0869568722030207, EDN: FYEBQS

Исследование доктора исторических наук, профессора Института истории Санкт-Петербургского государственного университета А.С. Пученкова «Первый год Добровольческой армии. От возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооружённых сил на Юге России» представляет собой результат многолетних изысканий учёного, являющегося признанным специалистом по этой теме, автором нескольких монографий¹ и множества статей в ведущих рецензируемых изданиях.

К сожалению, необходимо признать, что история Белого движения на Юге России, особенно в 1917–1918 гг., отражена в сравнительно небольшом количестве документов, причём основной их массив был вывезен в эмиграцию и хранится в зарубежных архивах (тогда как на Востоке

России делопроизводство, как правило, доставалось Красной армии в качестве трофея). Поэтому исследователям зачастую приходится опираться на крайне субъективные воспоминания участников тех событий, писавших про героев без страха и упрёка, предателей-союзников, злодеев-большевиков, потопивших страну в крови, и т.д. И способность преодолеть предвзятость подобных оценок становится своего рода проверкой квалификации историков.

В то же время какие-то сюжеты известные на сегодня источники не позволяют раскрыть в принципе. К примеру, практически отсутствуют сколько-нибудь полные статистические данные о социальном составе и численности белых в различные периоды времени. Нет точных данных даже о количестве офицеров,

* Пученков А.С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооружённых сил на Юге России (ноябрь 1917 – декабрь 1918 года). СПб.: Владимир Даль, 2021. 813 с.

служивших в Добровольческой армии и Вооружённых силах на Юге России (ВСЮР), что создаёт почву для различных идеологизированных спекуляций. Неудивительно, что комплексного исследования военно-политической истории белого Юга до сих пор не существовало. Но теперь эту лагуну можно считать отчасти заполненной.

Источниковая база книги Пученкова не может не впечатлять. Им впервые вводится в научный оборот большой объём материалов из 30 российских и зарубежных архивов. Собирая их, автор объехал многие региональные хранилища России и Украины, где удалось разыскать ценнейшие тексты, которыми мало кто интересовался. К их числу относятся, в частности, неизвестные ранее мемуары генерала Я.А. Слещёва-Крымского о Гражданской войне в 1918 г., обнаруженные Пученковым в фондах Центра документации новейшей истории Ростовской области. Кроме того, в книге, разумеется, широко использованы и публикации разных лет.

В монографии изложена целостная авторская концепция развития структур Белого движения на Юге России от первых организаций добровольцев до объединения разрозненных антибольшевистских военных формирований в единые ВСЮР зимой 1918/19 г. Исследование Пученкова глубоко фактографично, а его объём превышает 800 страниц. Книга разделена на четыре главы: «Зарождение Белого движения на Юге России», «Первый Кубанский “Ледяной” поход Добровольческой армии», «Добровольческая армия в 1918 г.: от гибели генерала Корнилова до создания Вооружённых Сил на Юге России», «Разгром Красных сил на Северном Кавказе и создание Особого совещания». Каждая глава состоит из обширных тематических очерков. Разумеется, многие описываемые в них

события хорошо известны, однако столь детально они в историографии ещё не рассматривались.

Пученков анализирует особенности антибольшевистского лагеря и те сложности, которые возникали в процессе становления Белого движения, а также причины его неудач на Юге России. Автор справедливо полагает, что они в значительной мере объяснялись недооценкой противника, размытостью идеологии, зависимостью от позиции казачества, столкновением великодержавной политики добровольческого командования с казачьим регионализмом и сепаратизмом, не говоря уже о различных национальных движениях. Кроме того, сказывался окраинный и военный характер сопротивления большевикам (с. 781–784). Вместе с тем к концу первого года своего существования Добровольческая армия фактически олицетворяла антибольшевистский лагерь (с. 62) со всеми его достоинствами и недостатками.

Пученков видит в Белом движении наиболее реальную политическую альтернативу советскому пути развития и полагает, что для миллионов людей оно было даже более приемлемо. Однако результат Гражданской войны, по сути, зависел не от выбора и предпочтений тех или иных социальных групп, а от военно-политической эффективности противоборствующих сторон и их способности лучше использовать имевшиеся ресурсы (включая человеческие) и подчинить своей воле большую часть населения. Пожалуй, именно, оценка эффективности действий различных сил является одной из приоритетных задач при изучении Гражданской войны в России. Крайне важным следует признать и то, что, по наблюдениям автора, борьба с большевиками на начальном её этапе воспринималась добровольцами как продолжение Первой мировой войны

и противостояние пособникам Германии (с. 147).

Исследователь сознательно сосредоточился именно на возникновении Добровольческой армии, не погружаясь в историю иных сил, которые позднее вошли в состав ВСЮР, например, казачьих формирований Дона, Кубани и Терека. Они предстают как внешние по отношению к добровольцам. Впрочем, говоря о феномене Белого движения, автор рассматривает его в целом, не ограничиваясь отдельными элементами.

Перед читателями разворачивается широкая панорама военной и политической жизни белого Юга. При этом раскрываются взгляды генералов М.В. Алексеева и Л.Г. Корнилова, показана их выдающаяся роль в организации Добровольческой армии. По мнению Пученкова, если бы не смерть, Алексеев мог бы оказаться более эффективным «верховным правителем», чем адмирал А.В. Колчак (с. 497). Подробно характеризуются и другие лидеры белых – А.И. Деникин, С.Л. Марков, М.Г. Дроздовский, П.Н. Краснов. Учитываются порою весьма непростые отношения между ними. Много внимания уделено участию в формировании антибольшевистского лагеря на Юге России представителей политических партий, казачества, горцев, союзников, выявляются существовавшие между ними противоречия и объясняется, почему в конце 1917 г. выбор Дона в качестве базы для армии являлся единственно удачным, а летом 1918 г. её командование выбрало кубанское, а не царицынское направление (с. 569–574). Тщательно реконструируется деятельность тайных организаций белых, в частности, «Азбуки», и административных структур, создававшихся при Добровольческой армии (Донской гражданский совет, Особое совещание и т.п.). Не забыты

и трудности, связанные с финансированием войск.

Стараясь включить в книгу максимум известных ему свидетельств, Пученков приводит обширные фрагменты из мемуаров и документов, песен и литературных произведений. Это, конечно, погружает читателя в контекст эпохи (это поясняется на с. 61–62), но в ряде случаев затрудняет понимание авторского замысла. Вместе с тем, поскольку монография долго готовилась к печати, некоторые источники (в том числе воспоминания Д.Б. Бологовского, М.А. Иностранцева, С.М. Трухачёва, Б.А. Энгельгардта) оказались уже опубликованы, однако автор цитирует их по архивным делам, не упоминая новейших изданий.

Заметная симпатия автора к деятелям Добровольческой армии особенно чувствуется при описании тёмных сторон истории белых формирований. Так, почти не упоминается о терроре, практиковавшемся ими на Юге России, нет ни данных о его масштабах, ни напрашивающегося сопоставления с репрессиями красных. Хочется надеяться, что автор ещё обратится к этим сюжетам в своих дальнейших исследованиях.

В книге встречаются и спорные утверждения, провоцирующие заинтересованных читателей на дискуссию. В частности, вряд ли можно согласиться с тем, что победитель в Гражданской войне выявился лишь к ноябрю 1920 г. (с. 5). В действительности исход борьбы стал ясен ещё на рубеже 1919–1920 гг., когда РККА разгромила своих противников как на ключевых (Южный и Восточный), так и на второстепенных фронтах (на Севере и Северо-Западе).

Так или иначе, труд А.С. Пученкова имеет большое значение для отечественной и зарубежной науки и будет способствовать дальнейшему изучению и новому осмыслению истории Граж-

данской войны. Наблюдения и выводы автора взвешенны, глубоко фундированы и отличаются научной новизной. Эта работа, безусловно, будет интересна как специалистам, так и широкому кругу читателей. Можно лишь пожелать Александру Сергеевичу подготовить аналогичный труд о судьбе Белого движения на Юге России в 1919–1920 гг.

Примечание

¹ Пученков А. С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013; Пученков А. С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.). Изд. 2. М., 2016; Пученков А. С., Калиновский В. В. Духовный форпост России: Православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах. СПб., 2020.

* * *

Владимир Лобанов

Последнее дело генерала М. В. Алексева*

Vladimir Lobanov

(North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg)

The last deed of General M. V. Alekseev

DOI: 10.31857/S0869568722030219, EDN: FYHRBU

В своей новой книге А. С. Пученков анализирует начальный период развития антибольшевистского движения на Дону, Кубани, Черноморье, Ставрополье и Тереке, сбалансированно разбирая связанные с ним военные и политические события 1917–1918 гг. В центре его внимания – Добровольческая армия, которая первоначально не контролировала какой-либо территории. Она обрела её только в ходе второго Кубанского похода, захватив «неказачьи» Черноморье и Ставрополье. Ранее это была своего рода армия-государство. Талантливо и ярко в литературном отношении представлены Пученковым портреты её вождей – М. В. Алексева, Л. Г. Корнилова, А. И. Деникина, М. Г. Дроздовского, С. Л. Маркова, И. П. Романовского, главкома красных на Северном Кавказе И. Л. Сорокина, ставшего жертвой самосуда со

стороны командира Таманской армии И. Т. Высланко.

Советские историки если и не игнорировали Белое движение на Юге России вовсе, то писали о нём довольно кратко, схематично и сухо, в основном доказывая его обречённость в контексте поведения различных социальных слоёв и классов¹. Со второй половины 1980-х гг., когда открылись ранее засекреченные архивные фонды и появились новые публикации², изучение белых режимов, в том числе и действовавших на Юге России, заметно оживилось. В научной среде начались продолжающиеся и в настоящее время дискуссии о причинах, характере и итогах Гражданской войны, о её этапах и подлинных мотивах, которыми руководствовались её участники, об их социальном составе, о намерениях и возможностях иностранных держав и прежде всего Антанты, о том,

* Пученков А. С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооружённых сил на Юге России (ноябрь 1917 – декабрь 1918 года). СПб.: Владимир Даль, 2021. 813 с.

что обусловило победу большевиков и поражение их противников. Монографии³ и статьи⁴ Пученкова внесли в эти споры существенный вклад. Теперь же он подвёл итог своих более чем 20-летних исследований.

В первой главе автор освещает события, предшествовавшие началу Гражданской войны. В условиях распада государства и армии генерал М.В. Алексеев, по его собственным словам, воспринимал создававшуюся им офицерскую организацию и выросшую из неё Добровольческую армию как «последнее дело на земле». При этом 60-летний генерал возлагал особые надежды на Дон и поддержку казачества, которое считалось наиболее консервативной, воинственной и сравнительно зажиточной частью русского общества, способной противостоять большевизации страны. Ожидалось, что на Дон съедутся все приверженцы возрождения России, и именно отсюда оно и начнётся (с. 80). Однако распропагандированное казачество Области Войска Донского, самовольно покидавшее фронт, не желало сражаться за продолжение мировой войны. В лучшем случае казаки соблюдали нейтралитет, и лишь небольшая их часть примкнула к первым подразделениям добровольцев. Атаману А.М. Каледину приходилось балансировать между местными левыми, с которыми он не мог не считаться, и генералами М.В. Алексеевым и Л.Г. Корниловым, открыто призывавшими расправиться с красными и установить военную диктатуру. Решив, что борьба проиграна, Каледин застрелился, а Добровольческой армии вскоре пришлось покинуть негостеприимный Дон и двинуться на Кубань. При этом, как совершенно верно констатировал автор, на рубеже 1917–1918 гг. важна была не столько численность Добровольческой армии, сколько сам факт её существования —

наличие в стране вооружённой силы, бросившей вызов Совнаркому. Поэтому Пученков не склонен однозначно характеризовать этот период как неудачный для добровольцев, сумевших какое-то время использовать возможности Дона в своих интересах (с. 310).

Во второй главе подробно анализируется легендарный Ледяной поход, а также то положение, в котором белые оказались в феврале–апреле 1918 г. Из Ростова они отступали в полном окружении, без тыла и союзников, стараясь, по выражению Алексеева, «зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы» (с. 314). Между тем среди постоянных боёв, каждый из которых мог закончиться полным разгромом армии и уничтожением всего движения в зародыше, выяснилось, что Екатеринодар захвачен большевиками, а кубанский атаман А.П. Филимонов и его сторонники исчезли. Лишь два небольших отряда присоединились к офицерским частям, решившимся всё же пойти на штурм столицы области. Однако после гибели Корнилова, не только командовавшего белогвардейцами, но и являвшегося лидером и символом их движения, объединявшим различные течения в нём, новому командующему генералу А.И. Деникину пришлось неимоверными усилиями спасать армию, уводя её из-под удара красных, имевших значительное превосходство. Избежать окончательного краха тогда удалось прежде всего благодаря начавшемуся на Дону «сплоху», приведшему к падению советской власти в регионе (с. 445–446), а также соединению с отрядом русских добровольцев Румынского фронта под командованием полковника М.Г. Дроздовского (с. 449). По сути, Деникин, воспользовавшись ошибками противника, явно недооценивавшего угрозу, исходившую с Северного Кавказа (с. 478), оказался победителем, а Ледя-

ной поход стал своего рода *победоносным поражением*. Неудивительно, что Добровольческая армия постепенно превращалась из «корниловоцентричной» (с. 757) в «деникиноцентричную».

Третья глава посвящена периоду от окончания первого до начала второго Кубанского похода. В ней показаны политические позиции Добровольческой армии и взаимоотношения её командования с казачеством и немецкими оккупационными властями на Дону весной 1918 г. Алексееву и Деникину, не раз декларировавшим верность союзникам и намерение вести войну с Берлином до победного конца, приходилось считаться и с близостью германских гарнизонов, и с тем, что новый донской атаман генерал П.Н. Краснов, понимая всю сложность ситуации, пошёл на тактический союз с немцами.

Напряжённое взаимодействие Деникина и Краснова в 1918 г. и конфликт общерусского и регионального начал в антибольшевистском лагере блистательно раскрыты в монографии. Антон Иванович, олицетворявший центростремительные тенденции и располагавший довольно скудными воинскими силами, требовал подчинения от Краснова, волею судеб ставшего главой небольшого, но формально независимого государственного образования, по сути, приютившего белогвардейцев. Между тем Пётр Николаевич, не видевший в добровольцах «спасителей» России и отдававший приоритет местным интересам, предпочитал вести себя как гостеприимный хозяин, имея на то свои основания. Нельзя не согласиться с автором в том, что возникшая вследствие этого взаимная неприязнь крайне отрицательно сказалась на борьбе с большевизмом во второй половине 1918 г., а регионализм казачества стал одной из причин поражения Белого движения на юге России. Вместе с тем

крайне спорным представляется тезис о том, что «непредрешение» способствовало расширению и сплочению рядов противников советской власти (с. 617). Конечно, они знали, против чего сражались, но отсутствие ясного понимания конечных целей борьбы ослабляло все их формирования, в том числе и Добровольческую армию.

Политика Алексеева и Деникина с начала второго Кубанского похода до создания Вооружённых сил Юга России в конце 1918 г. исследована в четвёртой главе. Первоначально существовала возможность начать наступление не на Кубань, а на Царицын с последующим захватом Нижнего Поволжья, что позволило бы соединиться с частями, подчинявшимися Комучу, и объединить силы антибольшевистского движения на юге и востоке страны. Однако Деникин обещал кубанцам, которые составляли 60% его армии, освободить их область в ближайшее время. Кроме того, ему явно не хотелось сблизиться с теми, кто прямо продолжал политику правительства А.Ф. Керенского, только уже в поволжском масштабе. Кубанское казачество представлялось вождям добровольцев более консервативным и надёжным элементом продолжавшейся борьбы, чем эсеро-меньшевистский Комуч. К тому же сражения на Кубани, Черноморье, Ставрополье и Тереке в июне—декабре 1918 г. носили крайне ожесточённый характер и требовали напряжения всех имевшихся у белых сил. После освобождения Екатеринодара в августе 1918 г. было решено создать Особое совещание при Главнокомандующем Добровольческой армией (с. 736), игравшее роль правительства и политического центра при военной диктатуре Деникина. Первоначальный проект учреждения нового органа составил В.В. Шульгин (с. 738—740).

К концу 1918 г. сложились условия и для объединения Добровольческой и Донской армий. На этом, в частности, настаивали союзники, грозившие в случае отказа прекратить снабжение белогвардейцев оружием и боеприпасами. Требовали они и замены Краснова, скомпрометировавшего себя сотрудничеством с немцами. Между тем к июню 1918 г., на момент начала второго Кубанского похода, красные пользовались на Северном Кавказе явным преимуществом: под контролем белых и донцов оставалась только часть Области Войска Донского, а их войска многократно уступали противостоявшей им огромной Северо-Кавказской армии. Добровольцев на Дону поддерживали только казаки, с запада находились украинцы и немцы, красные же могли рассчитывать на центральную власть РСФСР, посылавшую, хоть и в недостаточном объёме, подкрепления и вооружение. Только полная неразбериха в местном большевистском военном и политическом руководстве (с. 768) и череда казачьих восстаний на Дону, Кубани и Тереке весной—летом 1918 г. качественно изменили ситуацию в крае, дав Деникину возможность постепенно его захватить.

Таким образом, ставка, сделанная в своё время Алексеевым на казачество и Антанту, оказалась верной,

позволив маленькому офицерскому отряду превратиться в грозную антисоветскую силу (с. 779–780).

Примечания

¹ *Спирин Л.М.* Классы и партии в Гражданской войне в России (1917–1920 гг.). М., 1968; *Ермолин А.П.* Революция и казачество (1917–1920 гг.). М., 1982.

² См., в частности: *Федюк В.П.* Белые. Антибольшевистское движение на юге России, 1917–1918 гг. М., 1996; *Цветков В.Ж.* Белые армии Юга России. 1917–1920 гг. (комплектование, социальный состав Добровольческой армии Вооружённых сил Юга России, Русской армии). Кн. 1. М., 2000; *Ганин А.В.* Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018; *Гажуев Р.Г.* Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. М., 2012.

³ *Пученков А.С.* Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013; *Пученков А.С.* Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.). Изд. 2. М., 2016; *Пученков А.С., Калиновский В.В.* Духовный форпост России: Православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах. СПб., 2020.

⁴ *Пученков А.С.* Врангелевский Крым: К постановке проблемы // Омские социально-гуманитарные чтения – 2021. Материалы XIV международной научно-практической конференции. Омск, 2021. С. 15–19; *Пученков А.С.* «Колокольчики», «юденьки» и «врангелевки» // Вопросы истории. 2020. № 10–4. С. 282–287; *Пученков А.С.* Южнорусское белое движение и Польша в годы Гражданской войны (1919–1920 гг.) // Вопросы истории. 2020. № 3. С. 53–66.

Андрей Кострюков

Рец. на: И.В. Петров. Меж двух зол. Православное духовенство на временно оккупированной территории РСФСР в 1941–1944 гг. М.: Посев, 2021. 744 с., ил.

Andrey Kostryukov

(Saint Tikhon Orthodox University, Moscow, Russia)

Rec. ad op.: I.V. Petrov. Mezh dvukh zol. Pravoslavnoye dukhovenstvo na vremennno okkupirovannoy territorii RSFSR v 1941–1944 gg. Moscow, 2021

DOI: 10.31857/S0869568722030220, EDN: FYIOAU

Положение православной Церкви на территориях, оккупированных Германией и её союзниками в годы Второй мировой войны, в настоящее время вызывает у исследователей особый интерес. В 2021 г. историография пополнилась ещё одним серьёзным трудом – книгой кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института истории Санкт-Петербургского государственного университета И.В. Петрова, автора монографий «Православная Балтия: период войн, репрессий и международных противоречий» (СПб., 2016) и «У последней черты. Конфессии Ленинграда в 1941–1953 гг.: борьба за выживание и признание властью» (М., 2020). Вопросы, рассматриваемые им в новой работе, не столь просты, как это кажется на первый взгляд. При поверхностном подходе у стороннего человека может сложиться примитивная схема, в которой церковная жизнь в условиях оккупации сводится к «партизанским батюшкам» (а среди них, как известно, встречались и агенты НКВД¹) или к «коллорационизму». При беспристрастном же изучении источников всё оказывается гораздо сложнее.

Между тем многие архивные фонды, в том числе и региональные, до сих пор закрыты. И это лучше всего «говорит о нежелании государства и общества ответить перед самими собой

на вопрос о том, что происходило под оккупацией» (с. 5). Что же касается публикации сборников документов, то в последнее время она производится со странной выборкой и с пристрастными комментариями. Иногда они выглядят так, будто задачей их составителей являлось «оправдание деятельности советских карательных служб и сталинского руководства по отношению к реальным и мнимым врагам» (с. 5). Тем не менее Петров старался максимально охватить доступные материалы, хранящиеся в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Крыма, Белгородской, Брянской, Волгоградской, Воронежской, Калужской, Курской, Новгородской, Орловской, Псковской, Ростовской и Смоленской областей, Краснодарского и Ставропольского краёв, а также Белоруссии, Латвии, Литвы, Эстонии, Финляндии и ФРГ. Кроме того, он широко использовал периодическую печать, выходившую на оккупированных территориях. Источниковая база исследования и историография темы подробно характеризуются автором в первой главе монографии.

В книге рассматривается место Церкви в планах нацистских ведомств, выявляются пути возрождения духовной жизни и решения канонических проблем в обстановке войны, характеризуются отношения верующих с оккупационными властями, участие священников и прихожан в их кам-

паниях, раскрываются особенности советской и германской пропаганды в религиозной сфере и т.д. Так, отмечаются изменения в конфессиональной политике Третьего рейха: если в начале своего правления А. Гитлер мог подолгу беседовать с настоятелем католического монастыря, то впоследствии нацистское руководство дистанцировалось от религиозных структур и не допускало священнослужителей на свои мероприятия. А М. Борман даже проводил эксперимент по созданию «безрелигиозной области» в Познани (с. 143). В целом же с верующими в Германии обращались достаточно осторожно и старались не доводить их до взрыва.

Учитывается исследователем и предвоенное состояние православных епархий на территории РСФСР, а также специфика ситуации в других регионах Советского Союза, попавших в немецкие рейхскомиссариаты. Петров прослеживает судьбу открытых приходов, описывает советскую карательную политику после изгнания оккупантов и т.д. Таким образом, его работа и географически, и хронологически значительно шире тех рамок, которые указаны в названии.

Вторая глава посвящена положению приходов в Советском Союзе и особенно в регионах, присоединённых к нему в 1939–1940 гг. Автор приводит весьма интересные сведения о проблемах, возникавших в Прибалтике, Бессарабии, на западе Белоруссии и Украины. Храмы, до сентября 1939 г. находившиеся в ведении Польской Церкви, заново освящались представителями Московской патриархии как осквернённые, от клира требовалось покаяние в «расколе» (с. 181, 183). Всё это, естественно, вызывало негодование у местного населения. Одновременно шли аресты, от которых прежде всего страдали патриотически настроенные русские люди, ещё не-

давно ратовавшие за скорейшее вхождение в состав СССР (с. 195–196, 211).

В третьей главе говорится об обстоятельствах, возникших после начала Великой Отечественной войны (в том числе в Латвии и Эстонии, общинам которых Константинополь предоставил автономию), — о политике немцев в отношении православного духовенства в 1941–1942 гг., о начале возрождения приходской жизни на оккупированных территориях, о позиции обновленцев, остававшихся враждебными Русской Церкви. Здесь же рассказывается о Псковской миссии, целью которой являлось как возрождение православия, так и противодействие посягательству на каноническую юрисдикцию Московского патриархата со стороны автономных прибалтийских церквей. Попытки болгарских и румынских иерархов оказать помощь приходам и епархиям, оказавшимся под немецкой оккупацией, освещены в четвёртой главе (с. 337–348). В отдельном её разделе очерчена деятельность священников и монахов Финляндской Православной Церкви в Восточной Карелии и на Валааме, занятых финскими войсками (с. 348–355). Характерно, что Русскую Зарубежную Церковь (РПЦЗ), сочувствовавшую идее восстановления сильной и независимой государственной власти в России, нацисты в контролировавшиеся ими районы не допускали и относились к ней с большим недоверием (с. 293–337).

Пятая глава монографии выразительно названа «Коллаборация и Резистанс: самый сложный вопрос Церкви и общества». Петров признаёт, что священники, занимавшиеся своими прямыми обязанностями — богослужением и проповедью, не могли полностью избежать контактов и того или иного сотрудничества с захватчиками, однако «в большинстве своём вынужденные обязанности пастыри выпол-

няли без инициативы и редко давали немцам какую-нибудь необычную информацию» (с. 376). Священнослужители сами находились под наблюдением германских спецслужб и были весьма осторожны. Большинство же приписанных им позднее злодеяний объяснялось предвзятыми наветами, партийной пропагандой или самооговорами, сделанными под давлением НКВД.

Шестая глава повествует о происходившем в Крыму, где, по мнению исследователя, наиболее жёстко столкнулись самые разные церковные круги, отстаивавшие свои интересы. Там действовали украинские автономисты, автокефалисты, обновленцы, румынское военное духовенство и др. Кроме того, упорно распространялись слухи о передаче именно этого региона в юрисдикцию РПЦЗ. В седьмой главе речь идёт о жизни православных приходов в оккупированных областях России с середины 1942 до середины 1943 г. Любопытно, что на некоторые из них претендовали белорусские и украинские структуры. В восьмой главе подробно анализируется роль Псковской православной миссии, которая, как убедительно доказывает историк, отнюдь не являлась «филиалом немецкой разведки». Более того, её глава — митрополит Сергей (Воскресенский) — оставался единственным архиереем, кто прямо и безбоязненно заявлял о единстве с митрополитом (с 1943 г. патриархом) Сергием (Страгородским). В целом, как констатирует автор, без Псковской миссии не удалось бы достичь столь масштабного возрождения Церкви на захваченной врагом территории (с. 643). В девятой главе описана эвакуация священников и мирян при отступлении Вермахта, приводятся сведения о судьбе служивших «под немцами» пастырей, как эмигрировавших после 1943 г., так и оставшихся в СССР, а также выявляются основные черты

советской конфессиональной политики на освобождаемых землях.

К сожалению, в работе имеются недостатки, и главный из них — отсутствие именного указателя. Поиск нужного имени в объёмном томе создаёт читателю немало трудностей. Встречаются и некоторые неточности, в частности, довольно распространённая ошибка — употребление выражения «Русская Православная Церковь Московского патриархата» (с. 6), тогда как «Русская Православная Церковь» и «Московский патриархат» — синонимы. Для противопоставления другим структурам, например, катакомбникам или РПЦЗ, лучше использовать иную терминологию.

Можно отметить и другие погрешности. Так, священномученик Дамиан (Воскресенский) назван Дамианом (Говоровым) (с. 152); протопресвитер Георгий Шавельский — Шавельским (с. 398), что, к сожалению, часто делается в литературе; убийца митрополита Георгия (Ярошевского) архимандрит Смарагд носил фамилию не Латышенко, а Латышенков (с. 159); великомученик Пантелеимон неоднократно упомянут как святитель (чин святости архиереев) (с. 469–470), и данная деталь, попавшая в книгу из прессы, весьма показательна для характеристики церковности журналистов тех лет. Исследователю следовало бы указать и на недостоверность появившегося в крымской газете сообщения о посещении в 1943 г. патриархом Сергием (Страгородским) Ближнего Востока (с. 479), поскольку на самом деле такого путешествия, разумеется, не было.

Но, безусловно, для столь большого и серьёзного труда подобные упущения, зачастую технические, вполне простительны. Автору удалось написать спокойное беспристрастное исследование, которое поможет лучше понять всю сложность служения православного духовенства в зоне ок-

купации. Вне всякого сомнения, монография И.В. Петрова вносит существенный вклад в изучение истории Церкви в XX в.

Примечание

¹ См., например: Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2002. С. 470.

Александр Кузьминых

Рец. на: Испанская грусть: Голубая дивизия и поход в Россию, 1941–1942 гг.: воспоминания В.И. Ковалевского / Под ред. О.И. Бэйды, Ш.М. Нуньеса Сейшаса. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. 208 с.

Alexander Kuzminykh

(Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia)

Rec. ad op.: Ispanskaya grust': Golubaya diviziya i pokhod v Rossiyu, 1941–1942 gg.: vospominaniya V.I. Kovalevskogo. Moscow; Saint Petersburg, 2021

DOI: 10.31857/S0869568722030232, EDN: FYJKFG

В последние годы тема участия испанских добровольцев во Второй мировой войне на стороне нацистской Германии привлекает повышенное внимание российских исследователей. В качестве примера можно назвать книги А.В. Елпатьевского и Б.Н. Ковалёва по истории 250-й дивизии Вермахта, воевавшей под Новгородом и участвовавшей в блокаде Ленинграда в 1941–1943 гг.¹ Всего через данное соединение прошли около 50 тыс. солдат и офицеров, из которых свыше 4 тыс. погибли.

Среди военнослужащих «Голубой дивизии»², состоявшей в основном из добровольцев-фалангистов и участников Гражданской войны в Испании, встречались и русские эмигранты. Одним из них был Владимир Иванович Ковалевский. О его биографии известно немного: родился в 1882 г. в Харькове, учился в Киевском военном училище, участвовал в Первой мировой войне, в Кубанском (Ледяном) походе, служил в Корниловском ударном полку, в 1920 г. покинул Крым вместе с армией генерала П.Н. Врангеля,

был сержантом во французском Иностранном легионе, окончил университет в Югославии.

В 1938 г. волею судеб Ковалевский оказался в составе группы русских добровольцев в Испании, где в то время шла кровопролитная гражданская война. Участие в этом вооружённом конфликте имело огромное символическое значение для оказавшихся в изгнании белогвардейцев. Покажется абсурдом, но победа националистов во главе с генералом Ф. Франко воспринималась ими как предвестник грядущей борьбы против коммунистической России. Как и его товарищи-скитальцы, наивно поверившие в «крестовый поход» против большевизма, в июне 1941 г. Ковалевский записался в качестве переводчика в испанскую дивизию. Однако война оказалась прямо противоположна планам «освобождения» России. Личный травматический опыт участия в этом преступном военном походе и лёг в основу авторского повествования.

Впервые мемуарный источник был обнаружен в архиве Гуверовского института, в фонде эмигрантского изда-

тельства «Глобус». Более полную версию удалось выявить в документальном фонде Центрального музея Вооружённых сил Российской Федерации в Москве, куда они были переданы в 1990-х гг. по инициативе русско-американского культурно-просветительского и благотворительного общества «Родина».

Первоначально воспоминания Ковалевского были изданы в Испании, где получили множество положительных откликов. Поклонники «Голубой дивизии», напротив, остались ими крайне недовольны. В 2021 г. книга увидела свет в России, пройдя перед этим тщательную доработку с учётом новых источников. Редакторы издания — О.И. Бэйда (Австралия) и Ш.М. Нуньес Сейшас (Испания) — провели кропотливую работу по анализу текста, составлению научно-справочного аппарата, поиску недостающих сведений в архивах и библиотеках Австралии, Андорры, Германии, Грузии, Испании, России, США и Украины. Объёмное введение (с. 3–74) не только воссоздаёт необходимый для понимания первоисточника контекст, но и является отдельным серьёзным исследованием судеб русских изгнанников в межвоенной Испании.

Рецензируемая книга привлекает внимание уже потому, что мемуары русских эмигрантов, воевавших против СССР в годы Второй мировой войны, являются исключительно редким историческим источником. Воспоминания Ковалевского уникальны ещё и тем, что позволяют взглянуть на войну глазами человека, оказавшегося в родной стране спустя долгие годы и пытавшегося понять изменения, которые произошли с Россией за 20 лет советской власти. Безусловно, отечественному читателю будет крайне нелегко принять выбор автора воспоминаний, однако и эта печальная страница также является частью многострадальной русской истории.

Воспоминания состоят из двух блоков. В первом показан путь испанской дивизии, во втором — её пребывание в России. Повествование начинается с описания настроений эмигрантской среды в канун нападения Германии на Советский Союз. Автор отмечает, что многие из соотечественников-эмигрантов рассчитывали на неминуемый военный и политический крах СССР. Война представлялась «предприятием лёгким и кратковременным», «вроде парадного марша германских бронированных армий». При этом любые сомнения в победе расценивались как «советофильство» (с. 78).

Далее Ковалевский описывает атмосферу в Сан-Себастьяне в июне 1941 г., где после многолюдных антисоветских манифестаций шла активная вербовка добровольцев и их торжественные проводы на войну под лозунгами «спасения христианства». Затем последовали транспортировка «Голубой дивизии» через Францию, военная подготовка в Германии и долгий пеший марш через Польшу и Литву к линии фронта под Новгородом. Первоначально Ковалевский использовался в качестве переводчика, затем служил в обозе при конюшне, выполнял различные поручения командования, недолго участвовал в позиционных боях.

Как опытный офицер, прошедший множество военных конфликтов, Ковалевский оставил ценные свидетельства военной повседневности на Восточном фронте. Он подробно описал тяжелейшее положение населения на оккупированной территории, действия германских и испанских войск, которые «трупами усеяли свой путь по России». Присяга Гитлеру сделала испанцев добровольными помощниками нацистской политики и исполнителями преступных приказов фюрера. Регулярной практикой были реквизиции продовольствия у местного населения, разорение и поджоги крестьянских

домов, домогательства к женщинам и принуждение их к сожительству.

С наименьшим драматизмом и горечью описаны фронтовые будни — холод, грязь, вши, постоянный недосып, голод, страх смерти, дезертирство. Конечно, автор кое-где преувеличивает, но здесь на помощь читателю приходит грамотно составленный научно-справочный аппарат. Судя по мемуарам, положение испанских оккупантов особенно осложняли повальная коррупция и воровство интендантов. У Ковалевского нашлось мало добрых слов для испанских «коллег», его мемуары разрушают романтический образ «конкистадоров» в немецких кителях, во многом созданный самими легионерами после войны. Испанский доброволец, с точки зрения автора, — пьяный, небритый, лицемерный, склонный к обману, воровству и мимолетным интрижкам. Вместе с тем мемуарист показывает двусмысленность положения русского населения, вынужденного сотрудничать с оккупантами, а порой и откровенно прислуживать им.

Трагедия Ковалевского заключалась в постепенном осознании того, что он пришёл на русскую землю не как освободитель, а как захватчик. Первоначально он идеализировал немецкую армию, приводя её в качестве примера дисциплинированности и боеспособности. Однако повседневность рассеяла эти иллюзии. Расстрелы военнопленных и мирных жителей, подозреваемых в связях с партизанами, мародёрство и грабежи — все это оказалось нелёгким испытанием для психики автора. Поэтому его воспоминания являются своеобразной попыткой выговориться и, быть может, объяснить свой ошибочный выбор участвовать в преступной войне.

Внутренний мир Ковалевского сложен и противоречив. В нём переплетаются приверженность традициям русского офицерства, надежды и чая-

ния эмигранта, военное товарищество и корпоративная этика. Всё это порождало непримиримый культурный и моральный конфликт. С одной стороны, он сочувствовал и старался помочь местному населению, страдавшему от тягот войны и произвола оккупантов, с другой — усердно служил тем, кто проводил захватническую и колонизаторскую политику. «В океане горя и разоренья» автор, по его собственным словам, был «скорее орудием зла, чем помощи» (с. 147).

Рецензируемая книга заметно отличается от мемуаров немецких фронтовиков, противопоставляющих себя «восточным варварам». В России Ковалевский видит островок родной культуры, который, несмотря на коммунистическую «прополку», сохранил свою самобытность. Автор тонко подмечал особенности жизни городского и сельского населения, его смирение перед обстоятельствами. Общаясь с соотечественниками, мемуарист обращал внимание на их высокие нравственные качества, патриотизм, трудолюбие, сохранение традиционного семейного уклада и религиозных верований. По его мнению, русский народ, испытавший неисчислимые страдания, «стоит ближе всех других народов к идеалу христианской жизни» (с. 101). Архетипичным образом русских представила автору старушка, пожаловавшаяся испанскому военному начальству на молодого испанского солдата, который жил в её избе и перебил из ружья всех кур. Когда же мародёр предстал перед строем для наказания, она умоляла командира его пощадить и впоследствии ухаживала за ним как за собственным сыном (с. 157–159).

Пожалуй, самым драматичным местом воспоминаний, их своеобразной кульминацией, является рассказ о захвате группы советских солдат, выбиравшихся из окружения. Ковалев-

ский повествует о допросе и последующем расстреле советского капитана, до конца верного воинскому долгу. Он признался: «Эта смерть в глухих лесах Новгородской области, смерть человека, чуждого мне по всему, человека, родившегося, может быть, после того, как я покинул Родину, другой культуры, живущего совсем другими интересами, — эта смерть потрясла меня до глубины души» (с. 166). Непосредственная вина в этой казни сильно поколебала его прежние убеждения и идеалы. О мировоззренческих переменах автора наглядно свидетельствуют следующие строки: «Мне казалось, что действительно страну защищает сам народ, а не советская власть, что народ сжился с этой коммунистической властью и не желает, и не ждёт ничего лучшего. А мы, пришедшие с Запада, только сеем смерть и разрушение вокруг себя» (с. 154).

В начале 1942 г. Ковалевский по болезни был эвакуирован в военный госпиталь, а затем направлен на лечение в Германию, где демобилизовался. Позднее он вернулся в Испанию, уединённо жил там долгие годы, и умер предположительно в начале 1980-х гг.

Свои записки Ковалевский мысленно адресовал своим соотечественникам, независимо от того, на чьей стороне они находятся. Он пытался объяснить собственную психологию и логику своих действий, любовь к Родине и представление о ней. Отраднo, что спустя 80 лет после начала Великой Отечественной войны эта своеобразная исповедь увидела свет. Вне всякого сомнения, данные мемуары будут интересны как специалистам, так и всем интересующимся историей Второй мировой войны и Русского зарубежья. Они не оставят равнодушным читателя, погружая его в атмосферу драматичных событий военной эпохи и заставляя задуматься о судьбах соотечественников в XX в.

Примечания

¹ *Елатьевский А.В.* Голубая дивизия. Военнопленные и интернированные испанцы в СССР. СПб., 2015; *Ковалёв Б.Н.* Испанская дивизия — союзник Третьего рейха. 1941–1945 гг. СПб., 2020.

² 250-я дивизия обрела своё название из-за синих рубашек — части униформы Испанской фаланги, ультраправой политической партии, основанной в 1933 г.

Юбилей Ирины Михайловны Пушкарёвой

EDN: FУКСВU

29 апреля 2022 г. стало ещё одной юбилейной вехой в биографии Ирины Михайловны Пушкарёвой, доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН. Она принадлежит к поколению, пережившему войну и оставившему глубокий след в истории нашей страны. Среди многочисленных коллег, друзей и знакомых Ирины Михайловны немало тех, кто внёс и продолжает вносить свою лепту в развитие науки и культуры. Принадлежа к этой славной плеяде, она являет собой яркий пример творческого долголетия, продолжая раздвигать горизонты научного познания, создавая новые содержательные исследования по широкому кругу проблем отечественной истории.

Стартовой площадкой для И.М. Пушкарёвой, окончившей школу с золотой медалью, стал Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Там под руководством профессора С.С. Дмитриева у пытливой студентки сформировался интерес к истории России XIX – начала XX в. А далее, начиная с 1950 г., в трудовой книжке Ирины Михайловны имеется единственная запись о месте работы: Институт истории АН СССР (ныне Институт российской истории РАН). Это – свидетельство не только верности и преданности профессии историка, но и цельности личности. Будучи сотрудницей сектора истории СССР периода капитализма, Пушкарёва выполняла обязанности секретаря Главной редакции «Очерков истории СССР». Именно тогда наметилось магистральное направление её трудов – изучение массового рабочего движения и революций в России. В качестве составителя она участвовала в подготовке многотомного юбилейного издания «Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы» (М., 1955–1957). С 1951 г. она публиковала свои статьи и рецензии в ведущих научных журналах.

В 1959 г. Ирина Михайловна защитила кандидатскую диссертацию «Железнодорожники России во Всероссийской октябрьской политической стачке 1905 г.», скорректировав тезис о руководящей роли рабочего класса в революции. Стремление во всё дойти до сути подтолкнуло Пушкарёву к дальнейшему «погружению» в данную проблематику с расширением её хронологических рамок и диапазона. В итоге появилась монография «Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях» (М., 1975), защищённая в 1976 г. в качестве докторской диссертации. Новаторским подходом отличались и вышедшие позднее фундаментальные монографии «Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России» (М., 1982) и «Рабочее движение в России в период реакции, 1907–1910 гг.» (М., 1989), которые до сих пор представляют интерес для специалистов.

Многочисленные факты свидетельствуют об активной гражданской позиции И.М. Пушкарёвой, её неутомимом трудолюбии и самодисциплине, исключительном чувстве ответственности. В характере Ирины Михайловны исследовательская честность сочетается с доброжелательностью и терпимостью к иным точкам зрения, готовностью прийти на помощь. Она не только прирождённый

«командный игрок», но и лидер. В Институте ценят её глубокий аналитический ум, редакторский дар и организаторские способности. Незаурядные личностные качества не раз становились причиной выдвижения Пушкарёвой на передовые позиции в научных коллективах.

С начала 1960-х гг. Ирина Михайловна занимала должность учёного секретаря сектора, образованного в Институте для подготовки первой серии издания «История СССР. С древнейших времён до наших дней» (т. 1–6. М., 1966–1968), охватывавшей период «с древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции». В 1965–1966 гг. она исполняла обязанности заведующей этим структурным подразделением. В июне 1966 г. её включили в состав Редакционной комиссии. Для VI тома ею была написана глава, посвящённая Февральской революции 1917 г. И в наши дни Ирина Михайловна участвует в создании обобщающего труда по российской истории.

В 1970–1980-х гг. И.М. Пушкарёва, будучи уже сотрудницей сектора истории СССР периода империализма, много сделала для публикации источников, являлась ответственным редактором и ответственным составителем всех десяти выпусков беспрецедентной по своему масштабу, информативности и значимости хроники «Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 гг.» (М., 1992–2007). Это издание, оставшееся пока незавершённым (в 16 томах), насчитывает более 350 п.л., не имеет аналогов ни в отечественной, ни в зарубежной историографии и заполняет немало лакун в истории российского пролетариата 1895–1904 гг. Разделяя с другими членами редколлегии и составителями «Хроники» титаническую организационно-методическую и исследовательскую работу, Ирина Михайловна внесла выдающийся личный вклад в реализацию этого проекта. Написанные ею предисловия (30 п.л.) имеют самостоятельную научную ценность. Пушкарёвой принадлежит ведущая роль в подготовке фундаментальной книги «Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX вв.» (М., 2011).

Не менее увлечённо Ирина Михайловна занималась популяризацией исторических знаний. Её статьи украшали массовые периодические издания и энциклопедии, а созданный ею цикл рассказов вошёл в «Книгу для чтения по истории СССР», предназначенную для учителей средней школы. Она многократно рецензировала литературные произведения. Так, особый общественный резонанс получил её отклик на книгу В.С. Пикуля «У последней черты», опубликованный 27 июля 1979 г. в газете «Литературная Россия» под названием «Когда утрачено чувство меры». В 1960–1980-х гг. авторитетное мнение Пушкарёвой как научного консультанта было значимо для создателей исторических кинокартин «Товарищ Арсений», «Сердце матери», «Пароль не нужен», «Ленин в Париже», «Иван Бабушкин» и др. Много времени и сил отдала Ирина Михайловна лекторской работе, являясь одним из руководителей московского регионального отделения Общества «Знание».

В 1990-х гг. И.М. Пушкарёва сблизилась с группой подвижников, возродивших Общество изучения русской усадьбы, и вошла в правление этой организации. Высокую оценку научного сообщества получила глава, написанная Ириной Михайловной для первопроходческого коллективного труда «Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.: исторические очерки» (М., 2001). Пушкарёва внесла вклад в исследование сельской дворянской усадьбы пореформенного периода (вплоть до 1917 г.), представив её в своих публикациях как динамично развивавшуюся экономическую и социокультурную единицу.

Ирина Михайловна – признанный мастер исторического портрета, оставивший яркие изображения как деятелей прошлого, так и наших современников. Особое место в этой галерее принадлежит коллегам Пушкарёвой, чьими трудами Институт российской истории РАН превратился в общепризнанный научный центр. Фрагменты её воспоминаний представлены, в частности, в сборниках «Историки – дети Великой войны» (М., 2018) и «Ты идёшь в храм науки...» (М., 2021).

И.М. Пушкарёвой принадлежат более 400 публикаций общим объёмом свыше тысячи печатных листов. О творческих достижениях учёного в настоящее время говорят «сухие» цифры отчётов: только в 2016–2021 гг. в российских и зарубежных изданиях вышло около 40 её работ. На её труды неизменно опираются и часто ссылаются и признанные историки, и начинающие исследователи. Благодаря глубокой эрудиции она востребована как эксперт, в том числе в редколлегиях научных изданий. Как исследователь отечественной истории, источниковед и историограф Пушкарёва щедро делится знаниями и опытом. Около десяти человек защитили под её «крылом» кандидатские диссертации. Те, кому она помогла постичь уроки профессионального мастерства, всегда помнят её энергичный призыв: «Веди тому!». Сама же Ирина Михайловна последовательно и безупречно руководствуется им уже многие десятилетия, самозабвенно служа Науке. От всего сердца желаем ей новых творческих успехов и семейного благополучия!

Сотрудники Института российской истории РАН

Наши авторы

Айрапетов Олег Рудольфович, кандидат исторических наук, доцент факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Болдовский Кирилл Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

Болокина Любовь Александровна, кандидат исторических наук, доцент Тверского государственного технического университета

Буддаков Владимир Прохорович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Гагкуев Руслан Григорьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Ганин Андрей Владиславович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Голдин Владислав Иванович, доктор исторических наук, профессор Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск)

Дунаева Анастасия Юрьевна, кандидат исторических наук, эксперт фонда «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество»

Евдокимов Роман Николаевич, кандидат исторических наук, доцент Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Финансового университета при Правительстве РФ, Московского государственного областного университета

Замулин Валерий Николаевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Юго-Западного государственного университета (Курск)

Калиновский Владимир Витальевич, кандидат исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Кострюков Андрей Александрович, доктор исторических наук, кандидат богословия, главный научный сотрудник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Кузьминых Александр Леонидович, доктор исторических наук, профессор Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний

Лаушкин Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Лобанов Владимир Борисович, кандидат исторических наук, доцент Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург)

Медведев Тимофей Дмитриевич, стажёр-исследователь Института советской и постсоветской истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», младший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

Минаков Андрей Сергеевич, доктор исторических наук, директор Дирекции изучения истории МПГУ, профессор Московского педагогического государственного университета

Попов Алексей Михайлович, соискатель исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Самыловская Екатерина Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского горного университета, старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Станков Кирилл Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Степанов Валерий Леонидович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН

Стрекалов Илья Николаевич, кандидат исторических наук

Тряхов Илья Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Хлевнюк Олег Витальевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института советской и постсоветской истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

СОДЕРЖАНИЕ

Институты и общности

- А.В. Лаушкин*
Устраивали ли «триумфы» русские князья домонгольского времени? 3
- Р.Н. Евдокимов*
Яицкие казаки в период утверждения власти Михаила Романова (1613–1634) 15

Лица и взгляды

- К.Н. Станков*
Георг Бенедикт Огилви: имперский фельдмаршал на службе Петра I
(1704–1706) 31

История власти

- В.Л. Степанов*
Финансисты и генералы: дискуссии о военных расходах в правящих кругах
Российской империи (1860-е – начало 1890-х гг.) 41

Историк и источник

- А.М. Попов*
Непрочитанный дневник А.А. Поливанова 66

Россия и мир

- Р.Г. Гагжуев*
Главный знаток России. Карьера генерала М. Жанена до отправки с миссией
в Россию в 1916 г. 81
- В.П. Булдаков*
Первая мировая война: геополитика и массы 95

Профессия и сообщество

- В.И. Голдин*
Гражданская война в России: проблемы современной историографии 109
- О.В. Хлевнюк*
Советский тыл в годы Великой Отечественной войны. Исследования
о характере и эволюции мобилизационной системы 122
- К.А. Болдовский*
Блокадный Ленинград: новые источники и исследования (2015–2021) 135
- Т.Д. Медведев*
Советские добровольческие формирования в Великой Отечественной войне:
историография вопроса. 146

Из истории Великой Отечественной войны

<i>В.Н. Замулин</i> Планы Красной армии в документах разведывательных структур Германии перед операцией «Цитадель»	154
<i>Л.А. Болокина</i> Эвакуация населения из прифронтовой полосы на территории Калининской области в 1942 г.	175
<i>И.С. Тряхов</i> Нарушения трудовой дисциплины в годы Великой Отечественной войны: причины, правоприменение и динамика (на материалах городов Владимирской области)	191

Обзоры и рецензии

<i>В.В. Калиновский, Е.А. Самыловская</i> – Во главе российского славянского движения	205
<i>А.Ю. Дунаева</i> – R.G. Robbins. Overtaken by the Night. One Russian's Journey through Peace, War, Revolution, & Terror	208
<i>И.Н. Стрекалов</i> – Рец. на: Стачечное движение в России в годы Первой мировой войны. Июль 1914 г. – февраль 1917 г. Хроника	213
<i>О.Р. Айрапетов</i> – Первая биография А.А. Поливанова	217
<i>А.С. Минаков</i> – Российская революция и армия: продолжение разговора	223
<i>А.В. Ганин</i> – Фундаментальный труд о становлении Добровольческой армии	227
<i>В.Б. Лобанов</i> – Последнее дело генерала М.В. Алексеева	230
<i>А.А. Кострюков</i> – И.В. Петров. Меж двух зол. Православное духовенство на временно оккупированной территории РСФСР в 1941–1944 гг.	234
<i>А.Л. Кузьминых</i> – Испанская грусть: Голубая дивизия и поход в Россию, 1941–1942 гг.: воспоминания В.И. Ковалевского	237

Юбилей

Юбилей И.М. Пушкарёвой	241
Наши авторы	244

CONTENTS

Institutions and communities

- A.V. Laushkin (Lomonosov Moscow State University, Russia; Saint Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia)*
Did the Russian princes of the pre-Mongol time arrange «triumphs»? 3
- R.N. Evdokimov (Russian Economic University named after G.V. Plekhanov, Moscow; Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow; Moscow State Regional University, Russia)*
Yaik Cossacks during the approval of the power of Mikhail Romanov (1613–1634) 15

Persons and views

- K.N. Stankov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
George Benedict Ogilvy: an Imperial Field-Marshal in Peter I's Service
(1704–1706) 31

History of power

- V.L. Stepanov (Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
The debates about military budget at the ruling circles of the Russian Empire
(1860s – early 1890s) 41

The historian and the source

- A.M. Popov (Lomonosov Moscow State University, Russia)*
Unread diary of A.A. Polivanov 66

Russia and the world

- R.G. Gagkuev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
The main connoisseur of Russia. Career of General M. Janin before mission to Russia
in 1916 81
- V.P. Buldakov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
First World War: geopolitics and the masses 95

Profession and the community

- V.I. Goldin (Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia)*
Modern historiography of the Russian Civil War 109
- O.V. Khlevniuk (HSE University, Moscow, Russia)*
The Soviet home front during the Great Patriotic War. Research on the nature
and evolution of the mobilization system. 122
- K.A. Boldovskiy (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences)*
The Siege of Leningrad: new sources and researches (2015–2021) 135
- T.D. Medvedev (HSE University, Moscow Russia; Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences)*
Soviet volunteer formations in the Great Patriotic War: historiography of the issue 146

From the history of the Great Patriotic War

<i>V.N. Zamulin (SouthWest State University, Kursk, Russia)</i> The plans of the Red Army in the documents of German intelligence agencies before Operation Citadel	154
<i>L.A. Bolokina (Tver State Technical University, Russia)</i> Evacuation from the front zone in the Kalinin region during 1942	175
<i>I.S. Tryahov (Vladimir State University, Russia)</i> Labor discipline violations during the Great Patriotic War: reasons, law application and dynamics (based on materials of the cities of the Vladimir region)	191

Reviews

<i>V.V. Kalinovskiy (Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia), E.A. Samylovskaya (Saint Petersburg Mining University, Russia)</i> At the head of the Russian Slavic movement	205
<i>A.Yu. Dunaeva (The Elizabeth-and-Sergius Enlightenment Society, Moscow, Russia)</i> Rec. ad op.: R.G. Robbins. Overtaken by the Night. One Russian's Journey through Peace, War, Revolution, & Terror	208
<i>I.N. Strekalov (Moscow, Russia)</i> Rec. ad op.: Stachechnoye dvizheniye v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny. Iyul' 1914 g. – fevral' 1917 g. Khronika	213
<i>O.R. Airapetov (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i> The first biography of A.A. Polivanov	217
<i>A.S. Minakov (Moscow Pedagogical State University, Russia)</i> The Russian Revolution and the Russian Army: Continuing the Conversation.	223
<i>A.V. Ganin (Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Fundamental work on the formation of the Volunteer Army	227
<i>V.B. Lobanov (North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg)</i> The last deed of General M.V. Alekseev	230
<i>A.A. Kostyukov (Saint Tikhon Orthodox University, Moscow, Russia)</i> Rec. ad op.: I.V. Petrov. Mezhdvukh zol. Pravoslavnoye dukhovenstvo na vremennno okkupirovannoy territorii RSFSR v 1941–1944 gg.	234
<i>A.L. Kuzminykh (Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia)</i> Rec. ad op.: Ispanskaya grust': Golubaya diviziya i pokhod v Rossiyu, 1941–1942 gg.: vospominaniya V.I. Kovalevskogo	237

Jubilee

I.M. Pushkareva's Jubilee	241
Contributors to this issue	244

РЕДАКЦИЯ

- Круглов В.Н., к.и.н.** — Отдел Новейшей истории
Богомолов И.К., к.и.н.
Мамонов А.В., к.и.н. — Отдел Новой истории
Лисейцев Д.В., д.и.н. — Отдел Древней и Средневековой истории
Мамонова Е.В. — Заведующая редакцией
Шамина И.Н., к.и.н. — Литературный редактор
Мац А.Г. — Младший редактор